Этнографическій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

РУССКІЯ БЫЛИНЫ

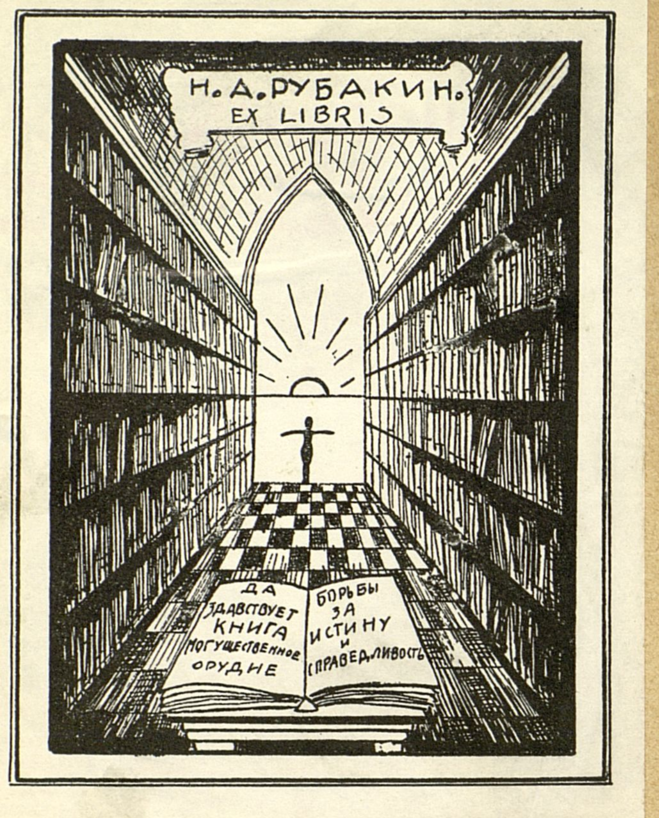
СТАРОЙ И НОВОЙ ЗАПИСИ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера.

МОСКВА.
Высочайше утвержденное Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, домъ Левенсонъ.
1894.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

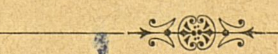
Этнографическій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

РУССКІЯ БЫЛИНЫ

СТАРОЙ И НОВОЙ ЗАПИСИ.

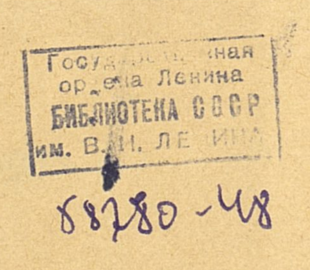
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера.

МОСКВА.
Высочайше утвержд. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Москва, Петровка, д. Левенсонъ.
1894.

2007066763

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
88780-48

ОТЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Предпринимая изданіе сборника былинъ, Этнографическій Отдѣлъ имѣлъ первоначально въ виду собрать въ одной книгѣ всѣ былины, явившіяся въ печати послѣ 2-го изданія сборника пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго и разсѣянныя по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ. Такимъ образомъ предпріятіе Отдѣла являлось бы продолженіемъ труда П. А. Безсонова, который во 2-е изданіе „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ“ включилъ всѣ былины, появившіяся въ печати до года выхода 4-го выпуска названнаго сборника [1]). Но благодаря поддержкѣ, оказанной нашему изданію нѣкоторыми лицами, оно могло значительно расширить свою первоначальную программу. Такъ, сынъ извѣстнаго сибирскаго этнографа Степана Ивановича Гуляева, Н. С. Гуляевъ, доставилъ въ Отдѣлъ чрезъ посредство В. И. Семевскаго рукописный сборникъ сибирскихъ былинъ, составленный его покойнымъ отцомъ, и этимъ обогатилъ наше изданіе лучшими №№-ми былинъ, еще не появившихся въ печати. Затѣмъ былины недавней записи были намъ доставлены Ѳ. М. Истоминымъ, Г. И. Куликовскимъ, С. И. Лапшинымъ, Е. В. Барсовымъ и С. П. Писаревымъ. Наконецъ, академикъ Н. С. Тихонравовъ предложилъ Отдѣлу свои услуги въ переизданіи былинъ изъ рукописей XVII и XVIII столѣтій. Доставка новыхъ еще неизданныхъ матеріаловъ и обѣщанное содѣйствіе нѣкоторыхъ лицъ, видоизмѣнивъ первоначальный планъ изданія, побудили редактора сборника раздѣлить его на 2 отдѣла съ особой пагинаціей. I—былины *старой* записи, редакцію коихъ взялъ на себя акад. Н. С. Тихонравовъ, и II—былины *новой* записи, именно: а) былины еще не напечатанныя доселѣ, и б) явившіяся въ печати въ различныхъ изданіяхъ въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ. Намѣтивъ такой планъ сборника, оба редактора приступили еще въ 1892 году къ собиранію ма-

---

[1]) *Четвертый* выпускъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, вышелъ въ Москвѣ въ 1879 году.

теріаловъ и подготовленію ихъ къ печати. Но habent sua fata libelli! Наше изданіе испытало превратности судьбы еще въ своей „типографской“ жизни. Когда уже отпечатано было болѣе трети книги и значительная часть оригинала въ рукописи сдана въ наборъ, случился въ маѣ 1892 года пожаръ, истребившій типографію товарищества А. А. Левенсона, и въ числѣ множества другихъ сгорѣвшихъ изданій оказалось и наше. Приходилось начинать съизнова и изготовлять новые списки былинъ для набора. Въ концѣ 1892 года началось печатанье книги вновь и продолжалось въ теченіе слѣдующаго года. Отдѣлъ II-й былъ уже оконченъ, но I-й, вслѣдствіе извѣстной педантической тщательности его редактора въ изданіи старинныхъ рукописныхъ текстовъ, печатался медленно и задерживалъ выпускъ книги. Затѣмъ надъ изданіемъ разразился второй ударъ—болѣзнь и смерть Н. С. Тихонравова († 27 ноября 1893 г.)—печальное событіе, снова затянувшее появленіе книги и создавшее затрудненія второму редактору. Послѣдняя былина I-го отдѣла, напечатанная при жизни академикомъ Тихонравовымъ—№ V (стр. 59—60), и, насколько намъ извѣстно, Николай Саввичъ считалъ ею законченнымъ свой отдѣлъ. Строго держась правила издавать тексты, хотя бы раньше напечатанные, только по сличеніи ихъ съ рукописями, онъ не желалъ включить въ свой отдѣлъ „Богатырское слово“, изданное Е. В. Барсовымъ, такъ какъ не имѣлъ возможности получить отъ владѣльца самую рукопись этой былины XVII вѣка для переизданія. Въ этомъ случаѣ я не счелъ возможнымъ нарушить желаніе, лично высказанное мнѣ покойнымъ академикомъ. Но въ отпечатанныхъ имъ листахъ не оказалось также былины о „Михаилѣ Даниловичѣ двѣнадцати лѣтъ“, содержащейся въ рукописи начала XVIII вѣка, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ. Не зная, чѣмъ объяснить этотъ пропускъ, я рѣшилъ включить эту былину въ отдѣлъ покойнаго редактора, сдѣлавъ тщательный списокъ съ рукописнаго оригинала. Къ сожалѣнію, Н. С. Тихонравовъ не успѣлъ снабдить изданные имъ тексты приложеніемъ, которое, по его мысли, должно было содержать свѣдѣнія о рукописяхъ, изъ которыхъ взяты имъ былины. Онъ имѣлъ въ виду для этой цѣли передѣлать и дополнить свою статью „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка (напечат. въ VIII кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“), включивъ въ нее свѣдѣнія о былинахъ старой записи, изданныхъ акад. Л. Н. Майковымъ въ 1891 году (въ „Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ“ II и III), и данныя, сообщенныя ему А. И. Станкевичемъ, о приготовленномъ послѣднимъ къ изданію отрывкѣ былины объ Алешѣ Поповичѣ. Несомнѣнно, такая статья о *всѣхъ* доселѣ извѣстныхъ былинахъ изъ рукописей XVII и XVIII вв. представила бы капитальный научный интересъ, какъ и все, выходившее изъ подъ опытнаго пера покойнаго академика. Вмѣсто такого изслѣдованія, мнѣ оставалось только представить отдѣльно

матеріалы, которые должны были въ него войти, что я и сдѣлалъ въ *четырехъ* приложеніяхъ къ I-му Отдѣлу.

Второй отдѣлъ, содержащій 70 былинъ, изъ коихъ почти *половина* является въ первый разъ въ печати, представляетъ особый интересъ для вопроса о географическомъ распространеніи былинъ. Кромѣ былинъ изъ Олонецкой губерніи, этой „Исландіи“ русскаго былеваго эпоса, еще неисчерпанной обширными сборниками Рыбникова и Гильфердинга, читатель найдетъ въ нашемъ изданіи значительное число былинъ, записанныхъ въ Сибири, нѣсколько №№-овъ изъ губерн. Архангельской и одиночныя былины изъ губб. Московской, Петербургской, Нижегородской, Самарской, Уфимской и изъ области Уральской и Терской. Въ приложеніи помѣщены нѣкоторыя былины, либо появившіяся въ печати въ то время, когда отд. I-й уже былъ законченъ, либо пропущенныя случайно. Два указателя къ текстамъ былинъ—предметный и именной—составлены въ интересахъ изслѣдователей нашего былеваго эпоса. Считаю тутъ-же необходимымъ замѣтить, что именной и предметный матеріалъ, содержащійся въ текстѣ былины № VI отд. I-го, не могъ быть внесенъ въ указатели, такъ какъ послѣдніе уже были отпечатаны, когда редакторъ рѣшилъ восполнить I-й отд. названной былиной (см. выше).

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ принести отъ имени Этнографическаго Отдѣла глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе нашему изданію сообщеніемъ матеріаловъ или указаній, а именно: Н. С. Гуляеву, Л. Н. Майкову, Ѳ. М. Истомину, Г. И. Куликовскому, П. В. Шейну, Е. В. Барсову, С. И. Лаппину, С. П. Писареву, А. И. Станкевичу и С. О. Долгову.

Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла

Профессоръ *Всев. Миллеръ.*

Москва
15 февраля 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый—былины старой записи.

I. *Илья Муромецъ:* 1. Повѣсть о сильнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 1—4). 2. Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 4—7). 3. Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 7—9). 4. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ (стр. 10—11). 5. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ и Идолищѣ (стр. 11—24).

II. *Михайло Потокъ:* 1. Повѣсть о князѣ Владимирѣ Кіевскомъ и о богатыряхъ Кіевскихъ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ, о царѣ Кащеѣ Золотой орды (стр. 25—31). 2. Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ Кіевскихъ и о похожденіи ихъ (стр. 32—39). 3. Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ (стр. 39—46).

III. *Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ* (стр. 47—53).

IV. *Ставеръ Гаденовичъ* (стр. 54—58).

V. *Отрывокъ изъ неизвѣстной былины* (стр. 59—60).

VI. *Гисторія о Кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ сынѣ Даниловичѣ двѣнадцати лѣтъ* (стр. 61—67).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Къ повѣсти о сильнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 68—69).

II. Къ былинамъ изъ рукописей Ѳ. И. Буслаева, И. Е. Забѣлина и Н. С. Тихонравова—статья Н. С. Тихонравова (стр. 69—85).

III. Къ повѣсти о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII в. (стр. 86—88).

IV. Къ отрывку изъ неизвѣстной былины (стр. 88—90).

Отдѣлъ второй—былины новой записи.

Стран.

*1. [1]) Илья Муромецъ: первая поѣздка его въ Кіевъ 1
2. То-же 7
*3. Встрѣча съ разбойниками 8
4. То-же 8
5. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 9
*6. Три поѣздки Ильи Муромца. 14
7. Илья Муромецъ (сводная былина) 17
8. Илья Муромецъ и Мамай 22
*9. Илья Муромецъ и царь Калинъ 30
10. Илья Муромецъ и Каинъ 34
*11. То-же 38
12. То-же 48
13. Илья у царя Василія Боголюблева 52
14. Илья Муромецъ и Кузьма Семерцяниновъ 56
15. Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ 60
16. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколѣ-караблѣ 63
17. То-же 65
18. Добрыня (Скименъ звѣрь, рожденіе) 65
19. То-же (начало) 66
20. Алеша (Добрыня) и Скимъ-звѣрь 67
*21. Добрыня Никитичъ и отецъ его Никита Романовичъ 68
22. Добрыня въ отъѣздѣ. 77
*23. Добрыня и Марина (съ напѣвомъ) 79
24. То-же 80
25. То-же (начало) 82
26. То-же 83
27. Добрыня Никитичъ (сводная былина) 86
*28. Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ 93
29. Алеша Поповичъ и Тугаринъ 97
*30. Алеша Поповичъ (начало) 101
31. Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ 102
32. Дунай Ивановичъ. 115
*33. Дунай Ивановичъ 121
34. То-же (начало) 127
*35. То-же 127
36. То-же 131
*37. Василій Казимерской. 134
*38. Василій Игнатьевичъ и Батыга 143
*39. Василій пьяница 146

---

[1]) *Звѣздочкой* отмѣчаются былины, издаваемыя въ первый разъ.

Стран.
40. То-же 148
*41. Михаилъ Казарятинъ. 149
*42. Иванъ Годеновичъ 153
*43. То-же 159
44. То-же 283
*45. Чурило Пленковичъ 163
*46. То-же 165
*47. То-же 166
48. То-же 168
49. Дюкъ Степановичъ 172
*50. То-же 176
51. То-же 179
52. То-же 183
53. То-же 188
*54. Суханьша Замантьевъ 188
*55. Иванъ Гостиный сынъ 190
*56. Ставеръ Годеновичъ 193
57 То-же 197
*58. То-же 204
*59. То-же 207
*60. Молодецъ и королевна 214
*61. Василій Буслаевичъ 221
*62. То-же 231
*63. То-же 234
*64. То-же 236
*65. Сурога-богатырь 237
*66. Соломанъ и Василій Окульевичъ 239
67. То-же 246
68. Сорокъ каликъ со каликою 255
*69. Наѣздъ литовцевъ. 261
70. Конецъ богатырей (отрывокъ) 265

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Свѣдѣнія о крестьянинѣ пѣвцѣ былинъ Л. Г. Тупицынѣ . . . 269

II. Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ:

Илья Муромецъ и разбойники: варіанты а), б) и в). 271
г) Илья Муромецъ и царище Кудріянище. 274
д) Илья Муромецъ на Соколѣ-кораблѣ 276
е) Устное преданіе старожиловъ села Карачарова объ Ильѣ Муромцѣ 277
ж) Илья Муромецъ 277

Стран.

III. *Къ былинамъ о Добрынѣ Никитичѣ*:

а) Устиманъ-звѣрь 278
б) Добрыня въ отъѣздѣ 279
в) Добрыня и Марина 279

IV. *Къ былинамъ объ Алешѣ Поповичѣ*:

а) Алеша и Тугаринъ 280
б) Алеша Поповичъ и Ярюкъ Ивановичъ 280
в) Былина объ Алешѣ Поповичѣ, пропѣтая казакомъ Дьяковымъ въ Бухтармѣ (въ изложеніи Г. Н. Потанина) 282

V. *Къ былинамъ объ Иванѣ Годеновичѣ* 283

VI. *Къ былинамъ о Василіи Буслаевичѣ* 289

Указатель предметовъ 293
Указатель именъ . . . . 298—304

Отдѣлъ первый

Былины старой записи.

I.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

1.

(По списку Императорской Публичной Библіотеки, Q, XVII, 194).

Повѣсть ѡ силнѣм могущем богатыре ѡ Илье Муромцѣ и ѡ Соловье ра^збойнике.

Во славном было градѣ Моровѣ [1]) слуша Ілья Муровѣцъ заутреню воскресную и в умѣ держалъ к силному ко кънязю Владимеру киевскому Всеславичу, а завѣтъ [2]) держалъ во всу востру саблю і на крепкой лукъ, чтобъ во всю дорогу титивы не кладывать, что о[т]нютъ во всю дорогу широкую вострыя сабли із ножней не вынимать и на крепкой лукъ титивы не кладывать. І какъ едучи будѣтъ по[д] Себѣжмъ градомъ, и услышал крикъ і стукъ і конское ржаніе, и наехалъ тутъ силны Ілья Муравѣцъ, ажно подъ Себѣжемъ градомъ стоятъ три царевича заморские, а силы с німъ было у всякова царевича по сту и по тысѣче, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя сибирскагѡ [3]) в полонъ взять. І тутъ Илья Мурорѣцъ (sic!) отвязываетъ свою востру саблю от седла черкаскаго і напущаетъ на ихъ силу вѣликую, какъ на галѣчье стадо, і побилъ всю рать силу вѣликую і трехъ цр҃вичевъ в полонъ взялъ и подарилъ сибирскому царю в подарки. Сибирской цр҃ь

---

[1]) Въ ркпс. надъ этимъ словомъ надписано еще разъ: „*градѣ Мурове*".—Ниже слова приписанныя надъ строкой, набраны въ текстѣ курсивомъ: пропущенное въ рук. заключено въ прямыя скобки. [2]) Въ рук.: „*засѣдь*". [3]) Вмѣсто: „себежскаго".

взговорит: „О еси ты доброй молодецъ! какъ тебя зовутъ по имѣни и по отечеству, і которагω ты города?“ Ѿтвѣтъ держдалъ Ілья Муровѣцъ: „Зовут мѣня, гсдар, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урождѣнецъ града Морова“. І сибирской цр҃ь взговоритъ: „Откуды твоя дорога ізлучилась?“ Ѿтвѣтъ держал Ілья Муровѣцъ: „Еду, г҃дарь, к столному граду Киеву, ко князю Владимѣру киевскому Всеславичу“. І сибирской цр҃ь 1) взговоритъ Илье Муровцу: „Служи ты у мѣня; всѣ отдамъ тебѣ полцарства“. Илья Муровѣцъ спрашиваетъ у негω прямой дороги ко граду Киеву. І сибирской цр҃ь, взговоритъ: „Прямая у на҃ дорога ка граду Киеву на леса на брын[с]кие, на грази топучие, на мостъ калиновъ, на реку Смородыню, — толко тутъ тебѣ дорога залѣгла ровно тридцать летъ: ни единой годъ по той дороге никаковъ человѣкъ конской не проеживалъ, ни человѣкъ не 2) прохаживалъ, ни птица не пролѣтывала, ни звѣрь не прорыскивал от Солов[ь]я разбойника“. І тутъ богатырское серце разгорелось, и поехал прямой дорогою. І какъ 3) Илья Муравѣцъ будет на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, — і спустилъ к нѣму Соловѣй развбойникъ, засвистал своимъ разбойничискимъ посвистомъ, ажно подЫльею конь впотыкнулся. І тутъ Илья Муравѣцъ взговоритъ: „Что ты, волчья сыть, рано подо мною внодтыкнулся? Нету вѣть силнѣе меня на всей святоруской земле!“ І вынімаетъ свой крепкой лукъ і калену стрелу накладываетъ... Соловья разбойника в правой глас. І Соловѣй разбойникъ упалъ з дѣвяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Ілья Муравѣцъ селъ у негω на бѣлы груди и хотѣлъ у негω вынять сердце ретивое. И змолился Соловѣй разбойникъ: „Ой еси ты 4) силны могучий богатырь Илья Муравѣцъ сынъ Івановичъ! оставь душу хотя на покаяние!“ Что взговоритъ Илья Муравѣцъ Солов[ь]ю разбойнику: „Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежит?“ И Соловѣй разбойникъ взговорит таково слово: „Моя г҃дарь, золота казна лежитъ 5) [въ] моих селах Кутузовых, а гонцу

1) Это слово надписано надъ строкою. 2) Въ рук.: „*и*“. 3) Въ рукописи: „такъ“. 4) Послѣ *ты* въ ркпси надъ строкой приписано *доб*—добрый? 5) Въ ркпси это слово зачеркнуто, но другимъ не замѣнено.

гонять ровнѡ по два месеца, а скоро наскоро во единъ месецъ“. Илья Муравѣцъ привязываетъ Соловья равбойника к [с]воему с[т]ремени булатному. И какъ едучи будутъ по[дъ] селами Кутузовыми[1], і увидѣли Соловья равбойника евѡ 12 сыновѣй, и зговорят таково слово: „Вонъ едетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана“. А болшой сынъ взговоритъ: „То дѣ едѣтъ Ілья Муравѣцъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана“. І метались в золоту казну, і надѣвали на себя ружье[2] бѡгатырское, і хотят они с нимъ поле дат. І Соловей равбойникъ взговорит: „О еси вы, мое детушки! не дразните вы добрагѡ молотца, зовите вы евѡ к себѣ хлѣба кушать і сажайте егѡ за столы дубовы, а за ествы сахарныи“. А Илья Муравѣцъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ ко граду Киеву ко князю Владимеру. І какъ едучи будетъ ко граду[3] Киеву, і скачетъ чрезъ ограду каменную, и едѣтъ кав на княженецкой дворъ, не обсылаючи і шапки не снимаючи, а Соловья при[вя]зываетъ к своему[4] доброму коню богатырскому, а самъ входит в полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимеру поклоняется, а после на все четыре стороны[5]. И князь Владимеръ спрашиваетъ: „О еси ты доброй молодецъ! какъ тебя зовутъ по имени і потечеству[6], і котораго ты города?“ Отвѣтъ держалъ Ілья Муравѣцъ: „Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а потечеству[6] Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурова“. Князь Владимеръ взговоритъ: „Давно ли ты, Илья Муравѣцъ, из града Мурова поехалъ?“ Отвѣтъ держалъ Ілья Муравѣцъ: „Поехалъ я, государь, із Мурова, отслушавъ заутреню воскресную“. И князь Владимеръ усмехаетца: „Что ты, Ілья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняютъ по два мсца, а скоро наскоро во единъ месецъ с Киева[7] в Муръ градъ“. Илья Муровѣцъ взговоритъ: „Да еще на мѣня, государь, двѣ причины великие і беды несносныи. Какъ поехал из Мурова, отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положил на всю востру саблю і на крепкой лукъ, что отнюдь во всу

---

[1]) Въ рук.: „Кутузовымыми“. [2]) Слѣдуетъ: „оружье“. [3]) Въ рукописи: „ко грады“. Не слѣдуетъ ли читать: „къ ограды“? (т. е. къ оградѣ). [4]) Въ рукописи: „свкоему“. [5]) Въ рукописи: „сторону“. [6]) Такъ въ рукописи. [7]) Въ ркпс.: „*скимъ*“.

дорогу вострой сабли из ножней не вынимать і на крепкой лукъ [ти]тивы не кладывать; а какъ едучи будѣ^{т} по[дъ] Себежемъ градомъ, ажно стоя^{т} три царевича замо^{р}ские, а силы с нимъ былѡ у всякова царевича по сту и по тысече; а хотя^{т} они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самагѡ царя сибирскагѡ в полонъ взять, і я ево выручилъ, і побилъ всю силу и^{х}, і тре^{х} царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ сибирскому цр҃ю в подарки. I другая, государь, на меня при^{т}чина была: какъ едучи на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, і наехалъ, і напустилъ на меня Соловѣй разбойникъ: закричалъ громкимъ гласомъ і сасвисталъ своимъ ра^{з}бойничискимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся: і билъ Соловья ра^{з}бойника в правой гла^{с} и привѣзъ его [с] собою в Киевъ градъ, и топерь о^{н} стоитъ у моего коня богаты^{р}скаго привязанъ у стремѣни привязана". I выглядываетъ князь Владимеръ в оконечку [1]) хруста^{л}ную і самъ взговоритъ: „О еси ты, Соловѣй ра^{з}бойникъ! засвищи ты своимъ ра^{з}бойничискимъ посвистомъ". I Соловей ра^{з}бойникъ отвѣтъ дѣ^{р}житъ: „Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего гд҃ина Ілью Муравца" [2]). Велелъ Соловью ра^{з}бойнику *Ілья Муромецъ* [3]): засвисталъ ра^{з}бойничемъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скаме[и]ки подломились. I князь Владимѣръ бысть вѣлми радошенъ і зговоритъ: „Тебѣ у меня, Ілья Муравѣцъ, будѣтъ золота казна не запечатана и добрыи кони не изеждены за твою службу вѣрную і богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою і правдою". Тежъ люди миновалиса, а слава ихъ до скончания века. Аминь. Конѣцъ и Богу слава! Аминь.

2.

(По рукописи И. Е. Забѣлина, № 71).

Гисториа ѡ Илье Муромце и о Соловье разбойнике.

Во славномъ граде Муроме слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную; похотъ держалъ ко граду Киеву, ко

---

[1]) Въ ркпс.: „*вокошечнаку*". [2]) Надъ буквою *в* въ словѣ *Муравца* надписано *м*. [3]) Слова: „Ілья Муромецъ", написаны позднѣе надъ строкою.

славному князю Владимеру Сеславъевичу, а заветъ положилъ, чтопъ отнють во всю широкою дорогу острой сабли из ноженъ не вынимать, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать.

И тако поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ о̂нъ под градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели о̂не Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя себежского в полонъ взять.

И тако поехалъ Илья Муромецъ в сугонь за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ, и возвратилса во гратъ Себежъ. И увидели ево граждане и возвести о̂ немъ царю себежскому.

И потомъ себежской царь приказалъ отворять врата градъския и принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: „Гой еси ты, доброй молодецъ! какъ твое имя и коего ты граду?“

Ѿвещаетъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня Ильею, по Ѿчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома“.

Потомъ рече себежской царь: „Откуда твоя дорога лучилась?“

Отвещаетъ Илья Муромецъ: „Еду я на мосты колиновы“.

А Илья Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Киеву.

И рече ему себежской царь: „Прямая у насъ дорога лежитъ на мосты колиновы, только та у насъ дорога залегла равно тритцать летъ от Соловья: никакой человекъ не прохаживалъ, и птица никакая не пролетала“.

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ на мосту колиновомъ, и тамъ увиделъ ево Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ. В то время под-Ыльею Муромцомъ доброй ево конь спотыкнулса, и вынулъ Илья Муромецъ свой крепкой лукъ, и наложилъ колену стрелу и попалъ Соловья в правой гласъ. В то время упалъ Соловей з девети дубовъ, что о̂всяной снопъ, а Илья Муромецъ слесъ с своего добраго коня и хочетъ ретиво серцо вынуть.

И возмолитца ему Соловей: „Гой еси ты, доброй молодецъ! о̑ставь душу мою хотя на покояние“.

И говоритъ ему Илья Муромецъ: „Где твоя лежитъ злата казна?“

Отвещаетъ Соловей: „Лежитъ моя злата казна в моихъ селах Кутузовых, а гонцы гоняютъ по два мц҃а, а скоро наскоро мц҃ъ“.

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ о̑нъ пот селомъ Кутузовымъ, и увидели Соловья ево двенатцеть сыновъ и надеваютъ на себя збрую богатырскую и хотятъ сЫльею Муромцомъ битися. И говоритъ Соловей: „Светы мои дети малые! зовите вы ево за столы дубовые, а подносите ему меду слаткого“.

Потомъ вшелъ Илья Муромецъ в ту полату каменную ко князю Владимеру, и молитца о̑нъ чуднымъ о̑бразомъ и князю Владимеру поклоняетца, а после на все четыре стороны.

И в то время у князя Владимера было пированье великое.

Потомъ князь Владимеръ принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: „Гой еси ты, доброй молодецъ! какъ твое имя и коего ты граду?“

Отвещаетъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня Ильею, по ѿчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома“.

Потомъ рече князь Владимеръ: „Когда ты, Илья Муромецъ, выехалъ из Мурома?“

Отвещаетъ Илья Муромецъ: „Поехалъ я из града Мурома, слушевши заутреню воскресъную. Какъ я будучи подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели о̑не Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя себежскаго в полонъ взять. Вторая притчина: какъ я будучи на мосту колиновомъ, и тамъ увиделъ Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ; в то время подо мною конь спотыкнулса, и я ево из лука попалъ в правой гласъ, и привесъ ево с собою, и теперь о̑нъ стоитъ у моего добраго коня“.

И выглянулъ Илья Муромецъ в оконце и велелъ Соловью засвистать.

И Соловей сталъ свистать; в то время у князя Владимера кресла подломились, и уполаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсе[м] повалились. И князь Владиме[р] сталъ веселъ и говоритъ ему: „Послужи ты мне, Илья Муромецъ, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую“.

И всему тому конецъ.

3.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

Повѣ̃ть ѿ Ільѣ Муромце и ѿ Соловье Разбо[и]нике.

Во славномъ градѣ Муроме слушалъ бг҃атырь Илья Муромецъ заутреню вѻкреснуую, а похоть [1]) держалъ къ столному граду Киеву, ко кн҃зю Владимеру киевскому Всѐлавьевичю, а заветъ держалъ болшой: кладетъ вострую саблю и на крѣпко[и] лукъ тетивы накладываетъ. И какъ едучи будетъ по[д] Себѣжиномъ градомъ, ажно стоятъ ту[т] три цр҃евичя заморския, а силы с ними у всякова цр҃евичя по сороку тысячь, и хотятъ Себежъ [2]) гра[д] за щито[м] взять и самого цр҃я в полонъ взять. А Илья побилъ силу великую, бу[т]то заичье стадѡ, а трехъ цр҃евичевъ в полонъ взя[л] і подарилъ цр҃я сибирскова [3]). И сибирски цр҃ь говоритъ: „Какъ тебя зовутъ по имени и по ѿчеству і которогѡ ты града?“ Ѻтветъ держитъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня, гдр҃ь, Илюшкою, а по ѿчесътву Ивановъ сн҃ъ, а уроженецъ градá Муромá.“ И сибирски цр҃ь зговоритъ таково слово: „Ой еси доброй [4]) молодецъ, Ілья Муромецъ! живи ты у меня, служи ты мнѣ вѣрою да правдою, да[м] я тебѣ половину цр҃ства своего.“ Илья Муромецъ говоритъ: „Много мнѣ твоего жалованья!“ И спрашиваетъ у нево прямой дороги к столному граду Киеву, ко кн҃зю Владимеру киевскому Всѐлавьевичю. И си-

---

[1]) Такъ въ рукописи; читай: „походъ“. [2]) Въ рукописи: „себе“; не написано надстрочное *ж*. [3]) Такъ въ рукописи, вмѣсто: „сибѣ[ж]скова“. Не разобрано надстрочное *ж*? Это чтеніе сохраняется и далѣе. [4]) Въ рукописи: *ой* и *ей* пишутся такъ: „о̎ е̎“.

бирски говоритъ цр҃ь: „Прямая дорога на^длежитъ на лесы бранския, на мостъ калиновой, на реку Смородину; толко та дорога залегла ѿ Соловья разбойника равно л҃ лѣтъ: единое чл҃вкъ не прохаживалъ, и звѣрь не прорыскива^л, и птица не пролетовала ѿ Соловья разъбойника.“ И тутъ бг҃тыръское сер^дце разгараетца: поехалъ прямою дорогою х Киеву граду. И какъ едучи будетъ на мосту калиново^м, на реке Смородине, ажно наступа^л к нему Соловей разбойникъ и з҃вистa^л свои^м разбойнически^м посвистомъ: подЫльею [1]) конь спотыкну^лся; Илья Муромецъ зговѡритъ таково слово: „Что ты, волче [2]), спотыкаешся? Не^т веть меня во всей руской земли сильнея.“ И вынимаетъ по Соловью разбойнику калену стрелу; и тутъ во Соловья разбойника попа^л, и Соловей з двена^тцати дубовъ свалился, аки ѡвсяной снопъ. Ілья Муромецъ сѣлъ у нево на бѣлы^х груде^х і хочетъ у нево вынуть сер^дце. И возмоли^тца тутъ Соловей разбойникъ: „с҃ѫй еси доброй молодецъ Илья Муромецъ! оставь дш҃у въ телѣ хоть на покаяние!“ Илья Муромецъ говоритъ таково слово: „Съкажи ты мнѣ, Соловей разбойникъ, где твоя золота казна лежитъ?“ И Соловей разбойникъ о^тветъ держитъ: „Моя, гд҃рь, золота казна лежитъ в моихъ селахъ Кутузѡвыхъ; а гонецъ гоняетъ равно по два мц҃а, а скорѡ наскоро во единъ мг҃ъ.“ Илья Муромецъ привязуетъ Соловья разбойника к своему стремю булатному и съкачетъ з горы на гору, а у реки перевозу не спрашивае^т. А какъ будетъ по^д єво село^м Кутузовы^м, увидѣли Соловья разбойрика .в҃і. сыновъ. Болшой говоритъ: „Во^т де нашъ батюшка едетъ, а мужика везетъ у своево стремя булатнова.“ Меншой сн҃ъ говоритъ таково словѡ: „Во^н де едетъ Илья Муромецъ, а батюшка везетъ у своево стремя булатнова.“ И ту^т мечютца .в҃і. сн҃овъ и надѣваю^т на себя ѡружие бг҃атырское, и хотятъ с нимъ поле дать. І Соловей разбойникъ говоритъ таково словѡ: „Светы вы мое малые дѣтушки! не дразните вы сево добъра молотца, зовите єво к себѣ хлѣба кушати.“ Илья Муромецъ поворачивае^т своимъ доб-

[1]) Такъ въ рукописи; чит.: „Подъ Ильею.“ [2]) Такъ въ рукописи вмѣсто: „волчие?“ Затѣмъ пропущено слово. Въ Забѣлинскомъ текстѣ: „волчие мясо“.

рымъ конемъ к столному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всѐлавьевичю. И какъ будет пот Киевом градомъ, скачет черезъ стену каменную и едет на княженетской [1]) дворъ, не ѡбсылаючи и шапки не снимаючи. Входитъ в полату столовую и молитца чюдным образѡм, а кн҃зю Владимеру ни҃ко челомъ і кнеине, а послѣ на четыре стороны. Князь Владимеръ говоритъ таково слово: „Какъ тебя зовутъ по имени и по ѿчеству и которого ты града?“ Ѿветъ держитъ Ілья Муромецъ: „Зовутъ меня Илюшкою, а по ѿчеству Ивановъ сн҃ъ, уроженецъ града Мурома.“ Кн҃зь говоритъ: „Давно ли ты поехалъ из Мурома града?“ Ѿтветъ держитъ Илья Муромецъ: „Отслушавши заутреню воскрѐную.“ А князь Владимеръ усмехнулся, чтѡ Илья вретъ, изговоритъ таково слово: „Не тесйския у меня гонцы — гоняютъ равно по два мц҃а, а скоро на҃коро во единъ мц҃ъ.“ Илья Муромецъ говоритъ таково слово: „Да еще, гдрь, были на меня двѣ причины [2]): поехал из Мурома града под Себежиномъ градомъ, ажно стоятъ тутъ три царевичя заморския, а силы с ними у всякова царевичя по сороку тысячь, и хотятъ они Себѣжъ [3]) град за щитомъ взять, и самого цр҃я в полонъ взят; і я ево выручилъ и побил всю ратную [4]). И какъ буду на лесы бранския, на мосту калиновомъ, на реке Смородине, ажно напущаетъ на меня Соловей разбойникъ: подо мною конь спотыкнулся, и я ево убилъ, и топеря стоитъ у моево коня у добраго.“ А князь говорит: „Засвищи ты, Соловей, своим посвистомъ.“ И Соловей говорит: „Не твой де я холопъ, не слушаюсь тебя, слушаюсь Ильи Муромца.“ Илья Муромецъ велѣлъ засвистать Соловью разбойнику, и Соловей засвистал своим посвистѡм: у богатырей тут крела [5]) подломились. И кн҃зь Владимеръ быть радошенъ і зговоритъ таково слово: „Тебѣ у у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, и погребы не замкънуты.“

---

[1]) Въ рукописи: „княженской.“ [2]) Такъ въ рукописи; вѣроятно, въ оригиналѣ было: „ двѣ притчи“. Слово *причина* сохранено и въ Забѣлинскомъ спискѣ этой былины. Ср. стр. 6. [3]) Въ рукописи: „себѣ“. [4]) Такъ въ рукоп.; читай: „силу ратную“. [5]) Тоже слово и въ Забѣлинской рукописи. Ср. стр. 7.

4.

(Изъ сборника Н. С. Тихоправова, № 222-й).

Сказаніе ѡ Іліе Муромце и ѿ Соловие разбойнике[1]).

Во славно^{м} граде[2]) Му^{р}ме слышать былъ бгаты^{р} Илия Муромецъ. Слыша^{л} заутреню вокреннуую. Поехалъ о^{н} ко граду Киеву, ко князю Владимеру. Ка^{к} буде^{т} Илия Муромецъ на то^{м} же поле, вышли к нему три царевича сибеския[3]), а силы с ними у всяково црвча .м҃. тысечь. Илия Муромецъ вынимае^{т} своі востры мечъ и поби^{л} ихъ силу великую, а тре^{х} царевиче^{в} в поло^{н} взя^{л} и подари^{л} томужъ црю сибескому. И сибескоі црь зговори^{т}[4]) таково слово: „Ѿй еси ты Илия Муроме^{ц}! ка^{к} тебя зову^{т} по імени и по ѿчеству и котораго городу?“ Ѿве^{т} держи^{т} Илия Муроме^{ц}: „Зовутъ меня, гдрь, Или(е)ю, а по ѿчеству Ивано^{в} снъ, а роженецъ града Мурома“. И сибѣскоі црь зговори^{т} таково слово: „Светъ государь, Илия Муромецъ! Ѿкуду твоя дорога случиласа“? Ѿве^{т} держи^{т} Илия Муромецъ: „Еду я, гсуда^{р}, к столному граду Киеву ко князю Владимеру киевскому Вселавевичу“[5]). И сибѣски црь зговори^{т} таково слово: „Светъ гсударь, Илия Муромецъ! не езди к столному граду Киеву, ко великому князю Владимеру киевскому Всеславъевичу, живи ты у меня, служи ты мне верою и правдою, і я тебѣ пожалую половину царства[6]), гсударства своего сибѣскаго“. Илия Муромецъ зговори^{т} таково слово: „Много ли мне государтва твоего жалования!“ І спрашивае^{т} ѡ^{н} прямоі дороги къ столному граду Киеву. И сибѣскоі црь зговори^{т} таково слово: „Есть у нас, госуда^{р}, прямая дорога к столному граду Киеву, на лесы брынския[7]), на грязи топучие, на мостъ на калиновоі, на речку Смороди^{н}ку; толко та дорога залегла 10 летъ: ни единоі челове^{к} не прохажива^{л} і не проеживалъ, ни зве^{р} не прорыскива^{л} ѿ Соловья разбойника Будимеровича“. И ту^{т} бга-

---

[1]) Въ рукописи постоянно: „разбонике, разбоника, разбоникъ, разбоническимъ“: пропущено надстрочное и. [2]) Въ рукописи: „гроде.“ [3]) Ошибка; слѣдуетъ: „заморския.“ [4]) Въ рукописи: „заговоритъ“, какъ и ниже. [5]) Такъ въ рукописи. [6]) Въ рукописи: „цаства.“ Въ оригиналѣ буква *р*, вѣроятно, стояла надъ строкою: переписчикъ не умѣлъ читать надстрочныхъ буквъ. [7]) Въ рукописи: „брыския“.

ты^{р}ское се^{р}це разгарало^{с}: поеха^{л} прямою дорогоі. Какъ будетъ на речке на Смородинке, на мосту на калиново^{м}, напусти^{л} к нему Соловеі разбойни^{к} [1]) Будимеро^{в}, з҃ависта^{л} своім҃ъ разбойничѐки^{м} п҃овисто^{м}: под Илеею конь потыкаеца, Илия Муромецъ зговори^{т} таково слово: „Во^{л}чия шерсть, што ты потыкаеца? (sic!) Веть нету силнея меня во всеі светорускоі земле“. И вымае^{т} изъ налучая своі крепкоі лукъ [2]), ис ка^{л}чана калену стрелу, и стреляе^{т} ко Соловию разбойнику [1]), и уби^{л} ево в правое ѿко. І ту^{т} Соловеі упалъ на сыру землю з девяти дубо^{в}, что ѿвсяноі снопъ. Илия Муромецъ селъ на бѣлы груди и хоще^{т} вынять ретиво се^{р}дце; молица ему Соловеі разбойни^{к} [1]) Будимеровичь.... Какъ зговори^{т} таково слово све^{т} г҃дарь, Илия Муромецъ, сынъ Ивановичъ: „Скажи ты мне, где твоя золота казна лежи^{т}?“.... „в моі^{х} соле^{х} Кузовыхъ (sic!)“....

5.

Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ и Идолищѣ.

(По рукописи И. Е. Забѣлина, № 82).

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

взялъ по^{д} правую руку, а воевода че^{р}ниговской [3]) по^{д} левую. Илья Муромецъ говори^{т} таковы речи: „Г҃дри к҃нзь киберской и воевода черниговской, не по^{д}лежитъ вамъ меня, нижаишева раба, брать по^{д} руки и весть в полаты бѣлокаменныя“. И взялъ ихъ обеи^{х} по^{д} руки и велъ и^{х} в полаты, и ꙑсажалъ за столы за дубовыя, за скатерти браные, за ествы сахарные. И какъ сталъ пи^{р} навесѣле, и стали князь киберской и воевода че^{р}ниго^{в}ской спрашивать: „Пожалуй, скажи, уда^{л} доброй молодецъ, какъ тебя зоутъ по имени и по ѡтечеству, и уроженецъ которые земли, и роду хр҃тианскова ль?“

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: „Я, г҃дри, роду хр҃тиа^{н}скогѡ, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова; отецъ мой—кр҃тьянинъ Иванъ Тимоѳѣевичь, а меня, г҃дрі,

---

[1]) Снова пропущена надстрочная буква (*и*). [2]) Въ рукописи: „улукъ“. [3]) Въ рукописи *ой* пишется съ надстрочнымъ *и-о*.

зоутъ Илюшкою, а по ѡтечеству Ивановъ снъ; а еду я, гдри, ко славному граду Киеву Бгу молитца, а кнзю Владимеру обявитца". И сталъ кнзь кибирской спрашивать: „Скажи, пожалуй, Илья Муромецъ, давно ль ты поехал из дому отца своегѡ, и давно ль билса сь етаю силаю босурманскою?" О[т]ветъ держи[т] Илья Муромецъ: „Я гдрь, поехалъ вчерась поѡбедавши и к вамъ приехал вчерашнягѡ числа, какъ вы сами видели". И какъ столъ ѡтошелъ, Илья Муромецъ выходитъ из за стола дубовагѡ и молитца Бгу по писанному и блгодаритъ кнзя киберского и воеводу черниговскогѡ за хлеб и за соль; и сталъ Бгу молитца, и с ними прощаетца и спрашиваетъ их: „Скажите, пожалуйте, кнзь киберской и воевода черниговской, какъ мне ближе ѣхать ко славному граду Киеву—которою дорогою?" И стали ему сказывать: „Гдрь нашъ Илья Муромецъ, снъ Ивановичъ! Мы тебѣ скажемъ прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебѣ, гдрь, премея ехать

на те леса на брянския,
на те мосты калиновы,
чрез тое реку Смородину [1]);

толко нетъ, гдрь, тамъ пропуску: ровно тритцать летъ залегла эта дорога от силнаго богатыря Соловья разбѡйника: не пропущаетъ он ни пешева, ни коннова, всех грабитъ и убиваетъ, и храбрѡсть показываетъ всемъ силнымъ, могучимъ богатырям; а воюетъ онъ без оружия, толко убиваетъ свои разбойническимъ свистомъ".

И слыша то, у Ильи Муромца богатырское срце разгорелоса: Богу молитца и съ князем прощаетца. И они ево стали просить: „Гдрь Ил я Муромецъ! пожалуй у насъ начуй; и отслушаешъ заутреню воскресную, и туды во славной град Киевъ поспѣешъ к обедни". Илья Муромецъ не могъ отставить прошения ихъ: у них начевал и отслушелъ заутреню воскресную. А все эта делалось в великую субѡту: и с ними, с княземъ киберским и воеводай черниговским, похристосывалса; и ѡни ему дали по яичку и на них под-

[1]) Въ рукописи эти строки написаны въ видѣ стиховъ. Такъ и далѣе нѣсколько разъ.

писали подпись: в которой день поспелъ из Мурωма в Черниговъ гра^{д}, и ско^{л}ко по^{д} Черниговы^{м} побилъ силы босурманския.

Илья Муромецъ, принявъ о^{т} кн҃зя [1]) киберскаго и воеводы че^{р}ниговскагω о^{т}пускъ, садился на своегω доброгω коня и спрашиваетъ у князя киберскогω: „Какъ, гд҃рь, мне узнать дорогу прямую на те леса на брянския?“ И они ему сказали: „Какъ выедешъ, гд҃рь, из нашева града в чистое поле—и увидишъ в правой сторωне попрыски богатырския“.

Илья Муромецъ поехалъ [2]).

И выехалъ в чистыя поля, и увиделъ попрыски богатырския и по ни^{х} поеха^{л}, и приехалъ:

на те лѣса́ на брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.

И Соловей разбойникъ

Послышелъ силнаго могучева богатыря и узналъ себѣ ко^{н}чину и бе^{з}частие великое; и не допуская Илью Муромца

за тритцать верстъ,

Засвисталъ свои^{м} свистомъ разбойнически^{м} [3]) таково крепко, что по^{д} Ильею Муромцомъ конь спотыкнулса. Илья Муромецъ билъ своево коня по крутымъ бедрамъ и самъ говоритъ таковы слова: „Что ты, волчья мяса, травной мешекъ? Али ты в темныхъ леса^{х} не гулива^{л} и соловьинагω свисту не слыхива^{л}?“ А са^{м} поеха^{л} путе^{м} свои^{м}. И Соловей разбойникъ, не допустя Илью Муромца

за пятнатцать верстъ,

Засвисталъ громче тово, и с того свисту по^{д} Ильею Муромцо^{м} конь пуще товω спотыкнулса, и о^{н} ωпять билъ коня по крутымъ бедра^{м} и говоритъ такия речи: „Что ты, волчья

---

1) За словомъ „*князя*“ было написано: „*Владимира*“, но потомъ это слово заключено въ скобки. 2) Курсивомъ напечатаны слова и фразы, написанныя въ рукописи киноварью. 3) Въ рукописи: „разбойческимъ“.

мяса, травеной мешокъ? Или ты в темных лесах не гуливала, соловьинагѡ свисту не слыхивала?“ А сам опять поехалъ дорогою

и приехалъ под Соловьйное гнездо:

Свито на двенатцати дубахъ самыхъ толстыхъ, которые ѡбоймовъ по пяти. И на техъ дубахъ на гнезде сидючи, Соловей разбѡйникъ увиделъ светорускова сил нова, могучева богатыря и засвистал во весь свой свистъ разбойничей: хотелъ, чтабъ такова силнова богатыря убить до смерти, а самому бы быть в великой чести і славе во всей вселенней; и такъ громко засвистал, что подЫльею Муромцомъ конь богатырской

спотыкнулса на карачки со всех четырехъ ногъ.

Илья Муромецъ снимаетъ с себя тугой лукъ и накладываетъ колену стрелу и пустилъ на то гнездо Соловьинѡе и попалъ в правой глаѕъ и в левое крыло і вышебъ левой глаз. И Соловей разбойникъ свалилса з гнезда, что ѡвсяной снопъ. Илья Муромецъ беретъ Соловья разбойника и привязалъ ево крепко к стременю булатному и сталъ скакать во всю пору конскую, и выскакалъ: те леса брянския, | те грязи топучия, | те мости калиновы, | и перескакал реку Смородину | и выскочил в чистыя поля [1].

Стоятъ три терема златоверховатыя.

Илья Муромецъ спрашиваетъ Соловья разбойника: „Скажи, Соловей разбойникъ, не тотъ ли славной Киевъ град?“

Ответъ держитъ Соловей разбойникъ: „Государь, удалой добрй молодецъ, сил ной могучей богатырь Илья Муромецъ! Это не славной Киевъ град, это мои Соловьиныя палаты, а живутъ в них три мои дочери“. И какъ поровнялса Илья Муромецъ противъ полатъ разбойничьихъ, и у тех полатъ были

ѡ̃кны настешъ
растворены, и в техъ ѡ̃кнахъ

сидели дочери Соловья разбойника, смотрели в чистыя поля

---

1) Перпендикулярная черта замѣняетъ двѣ точки рукописи, которыми писецъ отмѣтилъ концы отдѣльныхъ стиховъ. Выше и ниже эти стихи написаны раздѣльно (стр. 12, 13 и 20).

з добычею отца своего и думали сами между собою, что „едитъ нашъ батюшка з добычею“. И увидела меншая дочь и закричала сестрамъ своим: „Вонъ нашъ батюшка едитъ з добычею и везет к намъ мужика привязана у стремени булатнова!“ А болшая дочь посмотрела и заплакала горко и закричала громким голосом богатырским: „Эта́ не батюшка нашъ едитъ, эта едитъ мужик незнаемой и везетъ нашева батюшка привязана у стремени булатнова“. И закричала мужьямъ своим: „Мужья наши милыя! поезжайте къ мужику на встречю и отбейте у нево нашева батюшку, гдря Соловья разбойника, не кладите на нашъ род такова позору и безчестия“. И мужья их, силныя богатыри, металисъ на конюшенной двор, брали своих добрых коней и без седелъ выехали противъ светорускогѡ богатыря́ Ильи Муромца, и хотят отбить тестя своегѡ: кони под ними добрыя, и копья у них вострыя, и хотят Илью на копьи посадить.

И увиделъ их Соловей разбѡйникъ и говоритъ им: „Зятья мои милыя, удалыя добрыя молодцы! не позортесъ вы и не дразните такого силнагѡ светорускoгo богатыря: ежели разъдразните, всемъ вамъ принять от невѡ чашу смертную; лутче вамъ слесть с своих добрыхъ коней и просит доброва молотца для такова торжественного празника выпить по чаре зелена вина“. И ѡни ево, тестя своего, послушали:

Слезли с своихъ добрыхъ коней и пали в ноги
удалому доброму молотцу

и стали просить ево в дом свой: „Удал доброй молодецъ, силной могучей богатырь, млти у тебя просим в домъ отца нашева для такова торжественного празника выкушать по чаре зелена вина“.

Илья Муромецъ, видя их такую покорность, и не ведалъ их такой злобы, заварачиваетъ своим добрымъ конемъ, и поехал в дом Соловья разбойника.

И увидела болшая дочь, что едитъ Илья Муромецъ в домъ их, и вскочила

на верею

и подхватила подворѡтню железную на цепяхъ и хотела Илью Муромца чтоб пришибить тою подворотнею на ворота, а отца своегѡ ѡсвободить из неволи.

И какъ Илья Муромецъ в ворωты едитъ, и она тое похворотню пустила и не захватила, и ωпять тотъ часъ похватила, а она была силная богатырка. И усмотрелъ Илья Муромецъ, что ωна сидитъ на верѣе и похватываетъ подворотню; оборотясъ ударил ея шелепугωй подорожною такъ силно, что от тое вереи отлетела на двенатцать саженъ, а сам завротил свой доброй конь и поехал з двора; и говорит Соловью разбойнику: „Спасиба, Соловей разбойникъ, на твоей перепутной чаре: вина я у тебя не пивалъ, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезетя своих Соловьиныхъ пожитковъ в славной Киевъ град, и я к вамъ приеду, то всем вамъ, старому и малому, смерти не миноват, все умрете злою смертию от моего острого меча“. И поехалъ ко славному

граду Киеву.

И какъ приехалъ в Киевъ град, проезжает прямо на княженетской дворъ, и пустил своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказываетъ [1]) и къ яслем не привязываетъ; и тому все слуги кнеженетския дивуютца: „Что за мужикъ приехал на нашъ дворъ и никому коня не приказываетъ и не привязываетъ?“

Илья Муромецъ пошелъ в цр̃ковь соборную.

Молится онъ Бг̃у по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклонъ ѿдаетъ князю Владимеру и кнг̃ине Апрѯаине королевишне; и сталъ молитца по писанному.

И увиделъ *князь Владимеръ* такова приезжева чл̃вка и послалъ спросить: ѿкуда приехал и какъ ево имя. И стояли съ княземъ два министра—могучия богатыри Алеша Поповичь да Добрыня Никитичь. И кинулса Алеша Поповичь и стал спрашивать неωчестливω, и очень ωн пересмешливъ былъ: „Какъ тебя зоут, и чей ты, и что за мужикъ, и откуда ты приехалъ?“

Ответъ держит Илья Муромецъ: „Алеша Поповичъ, бабья бляд, пересмешища! пришли полутче себя и повежливея“.

[1]) Послѣ слова: „*приказываетъ*“ было написано: „*и х коновязи*“, но потомъ заключено въ прямыя скобки.

И Алеша Поповичь пошелъ прочь от негѡ со стыдом и пришелъ х князю Владимеру, ответу никакова не даетъ.

И кн҃зь Владимеръ спросил: „Алеша, ходил ли ты спрашивать приезжева человека, и што он тебѣ сказалъ? кто ѡнъ таковъ?“

Ответъ держитъ Алеша: „Приехал, гд҃рь, какой-та мужиченка, и я ево спрашивал, и он мне ответу не дал; толко, гд҃рь, меня през народом обезчестилъ.“

И какъ Владимеръ догадалса, что ѡнъ спрашивал нечестию, и послал другова министра, Добрыню Никитича, и велел спросить вежливѡ.

И Добрыня Никитичь пришел кЫлье Муромцу и сталъ спрашивать ѡчесливо: „Прислал до васъ кн҃зь Владимиръ, приказал васъ спросить: ѡткуда ваша м҃лть приехал и которова города уроженецъ, и какъ тебя звать по имени и по ѡтечеству?“

Ѿветъ держитъ Илья Муромецъ: „Гд҃арь Добрыня Никитичь! донеси великому кн҃зю Владимиру: зоутъ меня Илюшкою, а по ѡтечеству Ивановъ сн҃ъ, уроженецъ я города Мурома, села Карачарова; а приехалъ я нарочнѡ в славной Киевъ град Бг҃у молитца, а кн҃зю Владимеру ѡбъявитца.“

И Добрыня Никитичь пришелъ и объявил кн҃зю Владимиру: „Сказываетца Илья Муромецъ сн҃ъ Ивановичь, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова, а приехал нарочнѡ во славной Киевъ градъ Бг҃у молитца, а тебѣ, кн҃зю Владимиру, объявитца.“

И кн҃зь Владимеръ веры нейметъ, что эта силной богатырь Илья Муромецъ. И какъ ѡтошла бж҃ественная литоргия, пошли все изъ цр҃кви вонъ, Илья Муромецъ дождалса кн҃зя Владимира, и какъ он пошелъ изъ церкви и со княгинею Апраѕиной королевишной,—и подошел х кн҃зю и поклонилса и похристосывалса и подарил их теми яичками, которыми ево подарили княз киберской и воевода черниговской.

И князь Владимеръ, смотря на те яицы, и спросилъ у своей кн҃гни: „Что у тебя на яйцу написанѡ?“ И ѡна

ему о^{т}ветствовала: „Написана на яище мудреная вещь, чему статца не мо^{ж}но“.

И князь Владимеръ ѡт обедни всехъ ста^{л} звать князей и бояръ и силны^{х} могучихъ богатырей к себѣ в полаты белокаменныя, и сталъ князь по^{д}носить все^{м} по чаре зелена вина, и прише^{л} поднесъ Илье Муромцу.

И зговоритъ Илья Муромецъ: „Г͠дрь кн͠зь Владимеръ! слей мне чары две или три во едино место, а мне этой чарой нече^{м} и ро^{т} полоскать.“ И кн͠зь Владиме^{р} нали^{л} кубецъ в по^{л}ве^{д}ра и поднесъ Илье Муромцу.

Илья Муромецъ выпи^{л} и поклони^{л}са; и сталъ говорить: „Великїй князь! я таперь по м͠лти твоей сытъ и пьянъ, толко у меня товарыщь не сытъ и не пьянъ.“ И князь Владимеръ спроси^{л}: „А ктѡ твой товарыщь?“—„А мой товарыщь—доброй конь.“ И услыша^{л} эта Алеша Поповичь и выскочилъ ис пола^{т} белокаме^{н}ны^{х} и насыпалъ пшеницы доброму коню богаты^{р}скому и привезалъ и своего коня, и говори^{т} к себѣ: „Ежели богатырской конь не припусти^{т} нашихъ лошадей, то премой конь богаты^{р}ской.“ А Ильи Муромца конь втиралса помаленку и втерса и хватилъ коня Алеши Поповича и убилъ до с͠мрти. И Добрыня Никитичь насилу отъхватилъ своегѡ коня; и никому не сказали о то^{м}, что уби^{л} богатырской конь коня Алеши Поповича.

И князь Володимеръ еще не уверяе^{т}ца, что о^{н}—силной могучей богатырь; сажалъ все^{х} за столы за дубовыя, за скате^{р}ти за браные, за ествы сахарные, и все богатыри сели по сво^{и} места^{м}, а Илье Муромцу кн͠зь Владимеръ приказа^{л} выбрать ме^{с}то, где похочетъ, и все изведываетъ силы ево Муромцовой и не чаетъ ево, что о^{н} силной могучей богатырь: для тово велелъ ему выбирать место ме^{ж}ду силны^{х} богатырей. А Илья выбра^{л} 1) кресла что ни лу^{т}чи^{л} по^{с}ле князя Владимера и ста^{л} на нихъ садитца: и те богатыри не стали на свои места пускать, а онъ пожалъ с конца и до другова конца инова богатыря ме^{ж}ду креселъ мертвова и полома^{л} все решетки железныя.

---

1) Послѣ слова: „*выбралъ*“, въ рукописи написано слово: „*мѣсто*“, которое потомъ поставлено въ прямыя скобки.

И кн҃зю Владимеру все это в досаду не кажетца, все эта приемлетъ за великое щастие, что такой силной могучей богатырь в славномъ Киеве граде проявляетца.

И еще хочетца кн҃зю Владимеру Илью Муромца—изведать силу ево; выглену[л] в окошко и увиделъ до[б]рова коня богаты[р]ского: естъ пшеницу белоярую; и закричалъ конюха[м] свои[м]: „Налейте сыты ме[д]вяной и выпустите мои[х] княжи[х] лошадей, и какъ богатырской конь не припуститъ мои[х] лошадей?“ И конюхи налили сыты медвяной коню богатырскому и выпу[с]тили и княжи[х] лошадей, и богатырской конь втерса ме[ж]ду ими помаленку и хвати[л] коня княжева что ни лутчева и схватилъ с него шкуру долой. И закрича[л] кн҃зь Владимиръ конюха[м]: что[б] после[д]ни[х] коней ево не побилъ богатырской конь, велелъ тотъ часъ отогнать; а самъ селъ на своемъ мѣсте. И стали пити, ясти и веселитися; и ста[л] князь Владимеръ навеселе[ш] и ста[л] Илью Муромца спрашивать:

„Скажи, доброй молодецъ, какъ тебя звать по имени и по ѡтечеству, и которогѡ ты города уроженецъ?“

И всталъ Илья Муромецъ с места своегѡ и сталъ ответъ держать: „Меня, гд҃рь, зоутъ Илюшкою, а по ѡтечеству Ивановъ сн҃ъ, а уроженецъ я города Мурома, села Карачарова.“

„Давно ли ты, Илья Муромецъ, о[т]тудова из Мурома поехалъ?“

„ А я, гд҃рь, вчерась поехалъ поѡбедавши“.

И князь Владимеръ изумелса и ста[л] еще спрашивать: „Которою ты дорогою ехалъ из Мурома?“

О[т]ветъ держитъ Илья Муромецъ:

„Я ехалъ, гд҃рь, из Мурома на Черниг[ѡв] гра[д] и по[д] Черниговы[м] градо[м] побилъ войска босурманского—и сметы нетъ, і очисти[л] Черниговъ гра[д]; и князь keберской и воевода черниговской вчерашняго дня упели меня начевать, и о[т]слуша[л] я в Черниговѣ воскресную заутреню, и подарили меня ѡни по яичку, которыя я вашей светлости по[д]несъ. А ежели сему [1]) не изволите веры понять, то изволите

[1]) За словомъ „*сему*“ по ошибкѣ написано и потомъ заключено въ скобки слово: „*веры*“.

послать справитца чрез почту. А из Чернигова, гдрь, ехалъ я дорогою

на те леса на брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину".

И слыша то, кнзь Владимер встает из места своего с великим гневом на Илью Муромца и говорит таковы речи: „Не подлежитъ тебѣ, мужику, меня, такова великова князя, ωбманывать, я тебя за то велю злой смерти предать".

И рече Илья Муромецъ: „Великій княз Владимеръ! за что такой гневъ изволиш на меня держать, и чем я васъ оболгал и какими словами?"

И говоритъ Владимеръ князь:

„Первое ты меня ωболгалъ: сказываешъ, что вчерась из Мурома, чему статца невозможно; второе, сказываешъ: из Чернигова ехал на леса на брянския, | на грязи топучия, | на мосты калиновы, | чрез реку Смородину [1]); а тое дорогу заложил силной богатырь Соловей разбойникъ ровно тритцат летъ, не пропускаетъ ωнъ ни пешева, ни конногω, и не выбираютца у насъ из славного города Киева противъ евω ни единой силной могучей богатырь, а ты сказываешъ, что тою дорогою ехал".

И говоритъ Илья Муромецъ таковы речи: „Не изволь, великій гдрь, на меня гневу держать: все правду сказываю пред вашею светлостию; а ежели сему верить не изволите, то изволте посмотреть своегω хвалногω богатыря Соловья разбойника, которой стоитъ привязанъ коня моего у стремени булатнова".

И тутъ все богатыри кинулисъ смотрет, а князь Владимеръ приказал ево позвать к себѣ в полаты белокаменныя.

И выскочилъ и кинулса звать Алеша Попович на крылцω, и стал звать Соловья разбωйника неочестливω: „Соловей разбωйникъ! поди в палаты". А Соловей разбойникъ ответствуетъ: „Алеша Поповичь, бабья блядь, пересмешища!

[1]) См. выше стр. 14.

Ты на то надѣесса, что я таперь в неволе; вышелъ ты меня звать нечестию,—я тебя хвачю гнилым крылом, что ты у меня на двенадцать саженъ в землю уйдешъ. А ты вышли полутче себя и повежливея позвать меня“.

Алеша Поповичь пришелъ х князю Владимеру и сказал, что „не идетъ и не слушает тебя, великого кн҃ѕя“.

И кн҃ѕь Володимеръ послал Дωбрыню Никитича и велелъ позвать честию; и Добрыня Никитичь вышелъ и сталъ звать с честию; и Соловей разбойникъ говоритъ таковы речи: „Добрыня Никитичь! не слуга я вашему кн҃зю и повеления вашего не творю, а творю повеление Ільи Муромца“.

Услышалъ то кн҃зь Владимеръ такия слова и закричалъ в окошкω: „Соловей разбойникъ! поди ко мне в палаты“. И Соловей ответствуетъ: „Кн҃ѕь Владимиръ! не твой я слуга и не слушаю тебя: я слушаю повеления Ильи Муромца, ежели он прикажет“. И кн҃ѕь Владимиръ говоритъ: „Илья Муромецъ! прикажи к нам войти Соловью разбойнику“. Илья Муромецъ крикнул в окошко: „Соловей разбойникъ! поди в полаты“. И Соловей разбойникъ вошолъ. И князь Володимеръ говорит: „Соловей разбойникъ! засвищи своим свистом разбойническим, какъ ты свистал на лесах на брянских“.

И Соловей разбойникъ сказал. „Князь Владимеръ! не твой я слуга и не слушаю тебя и повелѣния твоего не творю, а творю я повелѣние Ильи Муромца“.

И князь Владимеръ говорит: „Илья Муромецъ! прикажи засвистать Соловью разбойнику“.

И говоритъ Илья Муромецъ: „Велики кн҃ѕь Владимеръ! ест ли у вашей светлости шубы соболиныя? Прикажи ихъ принести“. И какъ принесли шубы соболиныя, тω Илья Муромецъ взялъ кн҃ѕя Владимера и со княгиней Апраѯиной королевишной, обернулъ их в те шубы и подставилъ их к себѣ под мышки, и велелъ засвистат Соловью разбойнику: чтоб онъ засвистал в полсвиста своим свистомъ разбойническим. А Соловей разбойникъ думалъ, что „Илья Муромецъ пьянъ, и я ево ωглушу і убью до смерти и буду в Киеве граде властелином“, и засвисталъ во весь свистъ, что ні

есть могуты ево, и такъ крепко, что с теремов по самыя окны верхи сьвеѣло, а богатырей которых ѡглушилъ, которыхъ вонъ іс полат вынесло, и убилъ до смерти.

Илья Муромецъ выпустил князя Владимера со княгиней Апраѕиной испод мышек, а Соловья разбойника взялъ при нихъ за ноги и говоритъ такия слова: „Не люблю я, Соловей разбѡйникъ, таких себѣ неверныхъ слугъ — которой мне раб неверно служитъ“. И убилъ ево ѡб каменной мостъ до смерти и выкинулъ в окошко.

И кн҃зь Володимеръ усмотрелъ и сталъ верить, что Илья Муромецъ силной богатырь. И пошли в другия палаты бѣлокаменныя и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увиделъ кн҃ѕь в чистом поле силу великую: идетъ прямо к городу Киеву. И сталъ кн҃зь Владимер тужить: „Кому у насъ итти съ етай великой силай бится?“

Илья Муромецъ посмотрелъ в зрителную трупку и сталъ говорить: „Князь Владимеръ! не печалса; по печали, гд҃рь, Бг҃ъ даруетъ радѡсть: не сила эта идетъ, не великая ко граду Киеву: эта везут Соловьиныя воровския пожитки по приказу моему к тебѣ, кн҃зю Владимеру“.

И какъ приехали зятья Соловья разбойника с пожитками, и вьезжаютъ прямо на княжой дворъ и спрашиваютъ во дворе княжемъ: „Где нашъ батюшка живетъ Соловей разбойникъ?“ И сказали им слуги княженетския: „Вонъ вашъ батюшка под окном валяетца, и естъ ево червь неусыпающій“. Тогда зятья Соловья разбѡйника ѡбрезали гужи на лошадях и уехали из града Киева: думали, что і им тож будетъ.

Илья Муромецъ пьетъ, гуляетъ, прохлажается. И назвались з Добрыней Никитичемъ братьями и ѡседлали своих добрых коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили в чистом поле три мц҃а, не нашли себѣ сопротивника; толкѡ наехали в чистомъ полѣ—идетъ Колечища прохожей:

гуня на немъ в пять сотъ пуд,
шляпа в тритцать пуд,
костыль сорока саженъ.

Илья Муромецъ стал на него напущать, хощетъ с нимъ стычку дать, отведать силы своей богатырския.

И увиделъ колечища прохожей Илью Муромца и говоритъ таковы речи: „Ѡй еси ты, Илья Муромецъ! Помниш ли, мы с тобой в одной школе грамоте училисъ, с одново блюда едали и пивали, из одного стакана пивали, а платье нашивали с одногѡ плеча? А нне ты на меня, на такова колеку, напускаешъ і хочеш ты меня убить в чистомъ поле, аки какова неприятеля; а тово не знаешъ, что тебя посажу и промеж коленей ущемлю и за ето тебѣ хворостиной ж..у высеку, чтоб ты такъ впредь не делал. А того ты не ведаешъ, что во славном городе Киеве великая безгодушка учиниласъ: приехалъ неверной силной богатырь—

Идолища нечестівой:
Голова у нево с пивной котелъ,
В плечахъ касая саже́нь,
Промежъ бровми доброва мужа пядь,
Промежъ ушми колена стрела,—

и разсадилъ кнѕя со княгинею и целуетъ ея во уста саха́рныя, а естъ онъ по быку, а пьетъ по пивному котлу, и князь Володимеръ вельми об тебѣ соболезнуетъ, что ты ево вь едакой печали оставилъ“.

И говоритъ Илья Муромецъ: „Ой еси ты, колечища прохожей! что у тебя силы нетъ, или смелости?“

И рече прохожей: „Во мне силы много, да смелости нетъ“.

И говоритъ Илья Муромецъ: „Ой еси ты, колечища прохожей! дай мне свою гуню в пять сотъ пуд, шляпу в тритцать пуд, костыль сорока саженъ: поиду в славной Киевъ град. Вотъ тебѣ мой доброй конь богатырской, и вотъ тебѣ мое платье цвѣтное и тугой лукъ!“

И пошелъ Илья Муромецъ в Киевъ град и пришелъ прямо на княженетской дворъ, і идетъ к полатам бѣлокаменных, и закричалъ и возопилъ по богатырскому: „Ой еси ты, Володимеръ князь! сошли мне, колечище прохожему, милостыню!“

И увиделъ ево Володимеръ князъ и говорить таковы

речи: „Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменныя, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу да^{м}".

И вошелъ колечища прохожей в ту палату, где сидитъ князь Владимеръ и Идолища нечестивѡй со княгиней Апраѯиной королевишной и целуетъ ея во уста сахарныя.

А колечища стоитъ у печи и на негѡ поглядываетъ.

И Идолища проситъ есть,—и принесли ему, нечестивому, быка целова жи^{р}нова, и онъ ево и с костьми сьелъ.

Илья Муромецъ, стоючи у печки, говоритъ: „У моево батюшки была такая-та корова ѡбьжерлива: ѡбо^{ж}раласъ и и^{з}дохла". И на то Идолища ответу ничего не да^{л}.

И попросилъ Идолища пить,—и принесли ему котелъ пива двенатцать чл҃вкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ ево. Илья Муромецъ говори^{т}: „Была у моево батюшки кобыла обьже^{г}лива: обожраласъ да и^{з}дохла".

И Идолища нечестивой не уте^{р}пелъ и сталъ говорить: „Ѡй еси ты, колечища прохожей! што меня замаешъ? Мне нечево тебя в руки взять и незаче^{м} на^{д} тобою рукъ сквернить. Не то што ты, каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы и с темъ стычку далъ".

И богатырское ср^{д}це раѕгорелосъ, и зговорилъ таковы речи: „Кали бы былъ Илья Муромецъ, онъ бы давно тебѣ, сабаке, не спустилъ". И схвати^{л} с себя шляпу и ударилъ ево в голову такъ силно, что прошибъ стену пола^{т} белокаменны^{х} и, взявши туловища, на дворъ выкинулъ. И стали на той радости ясти, и пити, и веселитца.

И великiй князь Владимиръ
Илью Муромца великими
похвалами возвеличилъ
и причелъ в силныя могучия богатыри.
И сей исторiи
конецъ.

II.

МИХАЙЛО ПОТОКЪ.

1.

(По рукописи Императорской Публичной Библіотеки, О. XVII. 44).

Повѣсть ѡ кн҃зе Владимѣре киевско^{м} и о богатыряхъ киевъски^{х} и ѡ Михаилѣ Потокѣ Івановиче, о цр҃ѣ Кащею Залатой арды.

В славномъ граде Киевѣ у великава кн҃зя Владимѣра киевъскава Всеславъевича было пированье великое на многие кн҃зи и бояры и сильныя могучия богатыри. Ка^{к} будетъ у ни^{х} пи^{р} навѣселѣ, что зговори^{т} великї кн҃зь Владимеръ киевъскї: „Ѡй еси, кн҃зи и бояры и си^{л}ныя и могучия богатыри! Есть ли кто у меня служить три слу^{ж}бы великия: хто бы ехалъ в землю турскую, взя^{з} бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю задо^{н}скую, възя^{л} бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю алевицкую, възялъ бы дани і выходы за тритъца^{т} лѣтъ и за три годы?“

Востава^{л} и^{з} мѣста славнаї богатырь И^{л}я Муромѣцъ, а са^{м} зговоритъ такаво слово: „Свѣ^{т} гд҃рь, великїй кн҃зь Владиме^{р} киевъски и кн҃зи и бояры и силныя могучия богатыри! Что нихто о^{т}вѣту не дастъ? Бо^{л}шой за ме^{н}шова, а у ме^{н}ши^{х} о^{т}вѣту нѣтъ“. Самъ зговори^{т} слово похваляючи^{с}: „Свѣтъ гд҃рь, великїй кн҃зь Владимеръ киевъскїй! я поеду въ землю ту^{р}скую, возму дани і выходы“.

Что зъговоритъ Михаила Потокъ Івановичь: „Свѣтъ

гдрь, великій кнзь Владимеръ киевъский, я поеду в землю задонскую, возму дани і выходы“.

Что зговоритъ Алеша Поповичь: „Свет гдрь, великій кнзь Владимеръ киевъскій, я поеду в землю алевитцкую, возму дани і выходы за тритцать лѣтъ и за три годы“.

И тѣ рѣчи великому кънязю полюбилися: подносить имъ чары зелена вина, и запивають меды сладкими, и с великим кнземъ прощаютъца, и называютъца братиями названными, и садятъца на свои добры кони, и едутъ из града Киева. И меж сабою такаво слово молвили: „Братъцы милыя! хто у нас наперед приедетъ до Киева, а каво не будет опосле, и нам ехать таво сыскиват“. А сами поехали нарозно, всяк своимъ путемъ.

Михаила Потокъ Івановичь поехал возлѣ моря синева. Ажно по морю плаваетъ лебяд бѣлая. И Михаила вымаетъ из налучи свой крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хочетъ убит лебяд бѣлую. И она ему провѣщитца чловческим голосомъ: „Свѣтъ гдрь, Михаила Поток Іванович! не стреляй меня, лебяди бѣлыя: я по морю плаваю лебядью, а перед табою [1]) стану красную дѣвицаю“.

И Михаила не успел в налуч положит крепка лука і в колчанъ колены стрелы, ажно перед ним стала красную дѣвицаю. И Михаилу она полюбилася; и беретъ ея Михаила за руки бѣлыя и цалует во уста сахарныя и сажаетъ на свои доброй конь. І взял дани і выходы, и едет ко граду Киеву, а бѣлую лебяд с сабою же взялъ. И приехалъ до Киева; становитъца на свой богатырской двор и идетъ ко кнзю Владимеру, самъ зъговоритъ таково слово: „Свѣт гдрь, великій кнзь Владимер киевъскій! от меня тебѣ служба заслужена, привез дани і выходы наскорѣ“.

Что зговоритъ кнзь Владимеръ киевъскій: „Свѣтъ Михаило Потокъ Іванович! тебѣ у меня за службу залата казна не запечатана и кони на стойле не заперты“. И Михаила бьет чаломъ о сыру землю. И подносить ему чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими. И Михаила зговоритъ такаво слово [2]): „Свѣтъ великій кнзь Владимер

1) Слова: „*а передъ тобою*“, написаны въ рукописи дважды. 2) Въ рукоп. пропущено: „слово“.

киевъскій! ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лебяд бѣлая; и я вынял из налучи свои крепкои лукъ и ис колчана колену стрелу и хотѣлъ убити лебяд бѣлую, и она мнѣ провѣщитца чл҃вческим голосомъ: „Свѣтъ Михаила Потокъ Івановичъ! не стреляй меня, лебяди бѣлыя: я по морю плаваю лебядю, а перед табою стану краснаю д҃вицаю“. И я не успелъ в налуч положити крепка лука и в колчанъ колены стрелы, ажно передо мъною стала красналю д҃вицаю, и мнѣ она полюбиласъ, и я привез ея во Киевъ град“.

Что зговорит великій кн҃зь Владимер киевъскій: „Свѣтъ Михаила Потокъ Івановичъ! перепусти мнѣ тое д҃вицу красную“.

Что зговорит Михаила Потокъ Івановичь: „Я ее, г҃дрь, тое д҃вицу взялъ за саблею, я самъ с нею свѣнъчаюся“. И крестилъ ея, и венчался с нею, і венчалъ их вл҃дко черниговской и далъ ей имя: Бѣлая Лебяд Авдотя Лиховидовна. И почал с нею любезна жити.

И живетъ с нею [1]) два годы; а охотник былъ Михаила ездитъ во чисто поля тешитца по два м҃ца и по три, и по пяти. И поехал во чисто поля Михаила тещитца на два м҃ца. И без нево пришол купчина Залатои арды с тавары заморскими; и прослышала Михаилова жена про купчину, что пришол с тавары заморскими, и пошла Михаилова жена смотрить таваровъ заморскихъ. И увиделъ купчина красату лица ея и почал распрашиват Киевлен: „чья де то жена, и как завутъ ея по имяни?“ И Киявленя ему сказали: „То де жена богатыря святорускова Михаилы Потока Івановича“. И тутъ купъчина почал товары продават наскорѣ и поехал во свою землю. И какъ будетъ в Залатои арды, и почал расказывать царю Кащею: „Свѣтъ г҃дрь, цар Кощеи Залатои арды! сколко де я ни езживалъ по иным землям купчинаю уже тридцать лѣт, а такои прекрасная не видывал, какъ есть во граде Киевѣ у богатыря святорускова у Михаилы Потока Івановича жена Лебяд Бѣлая, Авдотя Лиховидавна — лицом зело красна“. И тутъ началъ цар Кощеи збирать воиска. И собралъ войска сорокъ тысячей и пошол под Киевъ

[1]) Въ рукописи фраза: *и живетъ с нею*, повторена.

град и Киевъ осадилъ накрепко и посылаетъ посладника… 1) …. „Потока Івановича. И цар Кощей от Киева прочь пойдетъ“. Ажно едетъ ис поля Михайла Поток Іванович, едетъ на свой богатырской двор; встречает ево Бѣлая Лебяд, Авдотья Лиховидавна, примаетъ ево за бѣлы руки и цалует ево во уста сахарныя; сама зъговоритъ такаво слово: „Свѣтъ гдрь Михайла Поток Іванович! Пришол под Киевъ град цар Кощей Залатой арды и Киевъ накрепко [осадилъ] 2) и просит меня ис Киева, и Киевленя придумали отдать меня“. Что зговоритъ Михайла Поток Івановичь: „Сабаки, мужики Киевленя! За что ссужаютъца чюжими женами? Изделялися бы своими женами и дочерми. А я за свою жену умѣю и самъ стоятъ и битъца с погаными во чисте полѣ“. И садитъца на той доброй конь и едет во чисто поля и побиваетъ силу Кащеву; а Кащей ровна самъ шостъ ушол во свою землю. А Михаила, побивъ силу, приехалъ в Киевъ град на свой богатырской двор и стал з жено[ю] пит и есть и тѣшитца.

И живет з жаною два годы бѣзъ сзду. И поехал во чисто поля тешитца ровна на три месяца. И бѣз нево прішол царь Кощей, а с нимъ силы шестьдесятъ тысячей, и Киевъ осадит накрепко и сылаетъ посланика к великому кнзю Владимеру: „Ой еси, великій кнзь Владимер киевъскій Всеславевичь! отдай мнѣ Михаилову жену, и я от Киева проч поиду; а будетъ ты не отдашъ мнѣ Михайлову жену Потока Івановича Бѣлую Лебяд, Авдотю Лиховидовну, а будет ты не отдашь мнѣ ея, и я Киевъ град взятьем возму, а людей твоих в Киевѣ всехх въ Киевѣ вырублю, а жонъ и детѣй в полон возму“.

Что зговоритъ великій кнзь Владимер киевъскій Всеславевичь: „Ой еси, Киевленя все, гражаня и мужики Киевъленя! думайте да не продумайтесь: отдават ли Михайлову жену Потока Івановича Бѣлую Лебяд, Авдотью Лиховидовну, или нѣтъ“?

Что зговорятъ гражаня и мужики Киевленя: „Свѣтъ гдрь, великій кнзь Владимеръ киевъский Всеславъевичь! доселева в Киевѣ Михаиловы жены не бывало, и цар Кощей под Ки-

1) Затѣмъ утрачены два листа. 2) Возстановляемъ пропущенное слово изъ находящагося ниже разсказа о приступѣ царя Кощея къ Кіеву.

евъ не прихаживал и Киева накрепко не осаживал; тебѣ, гдрю, такой кручины не бывало. Отдадим Михаилову жену Бѣлую Лебядь, и цар Кощей съ Киева проч поидетъ“. А таво не вѣдаютъ, что Михаила бьетца съ погаными во чистѣ полѣ уже третѣй ден и побил силу Кащееву, и всево Кащеи самъ четвертъ ушолъ во свою землю, в Залату арду.

А Михаила, побивъ силу, и едет х Киеву наскоре; скачетъ черезъ стѣну горадавую и становитца на свой богатырской двор. И никто ево не встречает и за руки не примаетъ и во уста не цалуетъ. Встрѣчаютъ ево люди дворовыя, сказываютъ вѣсти недобрия, что жена ево переставила. И тут Михаила закручинился, идет на свои богатырской двор-терем и приходит в отхожую горницу, где жила жена ево: ажно лежитъ мертва жена ево, покрыта камкою бѣлою. И Михаила почал цаловат мертвую жену свою, а самъ зговорит такаво слово: „Помню я и сам свое слово, что у меня с тобою молвлено и заправано: хто наперед умрет, а хто останетца, и таму живу в могилу итти“. И велел грабницу дѣлат каменную, чтобы двум члвкомъ сидма сидѣть и лежма лежат и стойма стоят; и завет на погребание кнзя Владимера и кнзи и бояры і владыку чернигавскова. И сашлися на погребание кнзь Владимер и кнзи, и бояры, и сильныя могучия богатыри і владыка чернигавъской. И почал Михайла во грабницу класти жену свою и самъ с нею жив лажитъся[1]. Что зговорят князи и бояры і все Киевленя: „Нигде-скать таво не слыхоно, не токмо видено, чтоб живы да лажилися с мертвыми; а ты, Михаила, жив лажишся в могилу для жены своей; наидем мы в Киевѣ захошъ княиню, или боярыню, или девку посацкую—такаваж тебѣ жена“. Что зговоритъ Михаила Поток Івановичь: „Знаи де всякъ сам себя! Закапывайте, не мѣшкайте!“ Что зговорит кнзь Владимеръ киевъской Всеславъевичь: „Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками жолтыми, а над могилою поставте старожу крепкую: какъ Михаилу скучитъца, станет кричат громко голосомъ, выпускайте ево на волной свѣт, не мѣшкайте“. Похороня ево, все пошли народно—по домом пошли.

---

1) Въ ркп.: „*лажишъся*“.

И Михаила Потокъ Іванови^{ч} сиди^{т} в могилѣ з женою мертвою де^{н} до вѣчара. И какъ буде^{т} ѡ полуночи, ажно пришла ко гра^{б}нице змѣя лютая и гра^{б}ницу камен^{н}ую проела и пустіла во гра^{б}ницу дву^{х} змее^{н}ковъ лютыхъ. И змеята учали Лебя^{д} Бѣлую ссать за груди. И Миха^{и}ла у^{х}ватилъ змѣенъковъ и поча^{л} рвать на^{д}вае. И провѣщи^{т}ца ему змѣя лютая: „Свѣтъ гд҃рь Михаила Потокъ [1]) Іванови^{ч}! не рви мои^{х} змее^{н}ковъ мале^{н}кихъ: я принесу тебѣ мертвой и живо^{и} воды“. И Михаила зговоритъ такаво слово: „Поди, змея лютая, принеси мнѣ живо^{и} воды“. И пошла змея лютая, принесла ему живо^{и} воды. И Михаила почалъ рвать змѣе^{н}ковъ на крохи и покрапъляетъ и^{х} живою водою, и ^{з}меята ожили. И Миха^{и}ла покъропляетъ ме^{р}твую жену свою, и жена ево буттъ-о^{т} сна пробудилася. И Миха^{и}ла засвиста^{л} громко голосомъ; и карау^{л}щики попадали, и тутъ послышали сосѣди ближния и почали могилу ра^{з}капыва^{т}. А^{ж}но иде^{т} из могилы Михаило і веде^{т} за руку и^{з} могилы жену свою. И тутъ сошлися к могилѣ люди многия, и все они дивуютъца, что была ме^{р}тва жена Михаилова, и Михаила оживи^{л} ея. И поча^{л} с нею любезна жи^{т} лу^{ч}че старова.

И живе^{т} з женою бе^{з} съе^{з}ду ровна три годы. А таварыщи ево еще до Киева не приехали. И поѣха^{л} Миха^{и}ла во чисто поля тѣщи^{т}ца ровна на пя^{т} месяцовъ. А бе^{з} нево пришо^{л} царь Кощей Залатой а^{р}ды, а с ни^{м} силы сто тысяче^{н}, Киевъ градъ осадилъ накрепко; посылаетъ посланъника к великому кн҃зю Владимеру киевъскому Всесла^{в}евичю: „Ой еси, кн҃зь Владимеръ киевъской! о^{т}дай мнѣ Михаилову жену, и я о^{т} Киева про^{ч} по^{и}ду; а буде^{т} ты не о^{т}дашъ ея, и я Киевъ гра^{д} весь выпленю, а людей всехъ в Киевѣ выру^{б}лю, а жо^{н} и детей в поло^{н} возму, а тебѣ, царю, живу очи вытравълю; а будетъ ты о^{т}дашъ мнѣ Миха^{и}лову жену Потока Івановича Лебя^{д} Бѣлую, А^{в}дотью Лиховидовну, и я о^{т} Киева про^{ч} поиду“. Что зговоритъ великій кн҃зь Владимеръ киевъско^{и} Всесла^{в}евичь: „Ой еси, кн҃зи и бояры… [1])

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

---

[1]) Въ рукописи описка: „токъ“. [2]) Дальнѣйшій текстъ сохранился только въ копіи Л. Н. Майкова.

....онъ меня двожди наехалъ в бѣле шатре во чистѣ полѣ соннова, се не предалъ мнѣ смѣрти съкорыя, какъ хошъ сама с нимъ“. І велелъ у нево побрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ во свою землю в Залатую арду, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ.

А Михаила спалъ ровна три дни и три ночи, и на утрея пробуждаетца: ажно нѣтъ у нево ружия богатырскова, ни палки железныя,—одинъ стоитъ ево доброй конь, и тотъ былъ далеча во чисте полѣ. И тутъ Михаила закручинился; садитца на свой доброй конь и поехалъ далеча во чисто поля и доезжаетъ царя Кощея невѣрнова. А царь Кощей на стану стоитъ, опочивъ держитъ с Бѣлою Лебядью. Что зговоритъ Михаило Потокъ Івановичъ: „За что де побивать войска бѣзвинное!“ И поехалъ прямо к бѣлу шатру. И увидела его Лебядь Бѣлая, въстречаетъ ево у бѣла шатра, сама зговоритъ такавы рѣчи: „Свѣтъ Михаило Потокъ Івановичь, богатырь земли святорускія! Не хочю я жить у невѣрнова царя Кощея Залатой арды, хочю жить у тебя, богатыря святорускова; возмі меня во Киевъ градъ по прежнему“. И подноситъ ему питья пьянова. И тутъ Михаило задумался: „А вотъ да баба, вотъ подлая! Хочетъ со мною жить по старому!“ И испиваетъ з дороги питья пьянова и лажитъца спать в бѣлѣ шатрѣ. И она начала будить своево любовника: „Востань, государь, царь Кощей Залатой арды! Пришолъ недругъ твой Михаило Потокъ Івановичь, предай ему смерти скорыя, а будетъ ты не предашъ ему злую смерть, и онъ тебѣ самаму предастъ злую смерть во чистѣ полѣ“. Что зговоритъ царь Кощей: „Прямая ты неразумная, изъ злыхъ женъ первая! За что мнѣ Михаилу предать смерти скорыя? Онъ меня двожди наехалъ во чистѣ полѣ в бѣлѣ шатрѣ соннова“...

2.

(По рукописи Н. С. Тихонравова. № 399).

Сказание ѿрехъ богатыряхъ: о Илье [1]) Муромце и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ, и о похожденіи ихъ.

Бысть во граде Киеве у великаго кн҃зя Владимера киевскаго Всѣславича пиръ велiи на князи и боляра, на си^{л}ны могучи богатыри. Будетъ у нихъ пиръ навесело, князь Владимиръ зговоритъ таково [2]) слово: „Ѿй еси князи, и бояря и си^{л}ные могучие богатыри! кому у меня три слу^{ж}бы служи^{т} великие? Кто бы ехалъ в землю ту^{р}скую, взя^{л} бы дани и выходу за три^{т}цать и за три года? Хто бы ехалъ в землю в задонскую, взялъ бы дани и выходу за три^{т}цать и за три года? Хто бы ехалъ в землю алеви^{т}цкую, взялъ бы дани и выходу за три^{т}цать и за три года?“ И тутъ все призадумались; нихто ему о^{т}вету не дастъ: бо^{л}шия хороня^{т}ца за меншия, а меншия за бо^{л}шия, а у меншихъ и давно о^{т}вету нетъ. Илия Муромецъ зговоритъ таково слово: „Свѣтъ г҃дрь князь Владимеръ киевской! азъ еду в землю ту^{р}скую, во^{з}му дани и выходу за три^{т}цать и за три годы“. Михаило Потокъ Ивановичь зговоритъ таково слово: „Я еду в землю задонскую, во^{з}му дани и выходы за три^{т}цать и за три годы“. Алеша Поповъ говоритъ таково слово: „Я еду в землю алеви^{т}цкую, во^{з}му дани и выходы за три^{т}цать и за три годы“. И те речи великому князю полюбили^{с}: по^{д}носитъ имъ чару зелена вина, і запиваютъ меды сла^{д}кими и с великимъ княземъ прощаютъся. И межъ себя называютъ бра^{т}цами на^{з}ваными, и садя^{т}ца на свои добры конь, и поехали и^{з} Киева· Какъ будетъ о^{т} Киева за пять верстъ, таково слово мо^{л}вили: „Бра^{т}цы милыя! хто и^{з} насъ передь приедетъ до Киева, а ково не будетъ, и по^{с}ле ехать тово сыскивать“. И, про^{с}тясь, поехали ро^{з}но—всякъ своимъ путемъ: Илья Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на

---

[1]) Въ рукописи: „Иле“. [2]) Въ рукописи: „каково“.

моты калиновые; Алеша поехалъ догоястивроворȣ [1]; Михаило поехалъ дорогою святорȣскою, по^{д}ле моря синево. Ажно по морю плаваетъ лѣбедь бѣлая, и Михаило вынимаетъ и^{з} налȣчия свой крепкои лукъ [2], ис ка^{л}чана вынимаетъ каленȣ стрелȣ, и хощетъ бить лебѣ^{д} бѣлȣю. И она емȣ провеща чл̃вческимъ голосомъ: „Михаило Пото^{к} Ивановичь! не стреляи меня, лѣбѣдь бѣлȣю: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а пре^{д} тобою станȣ д^{в}цеи кра^{с}нои“. И Михаило не успелъ в налȣчи положитъ крепка лȣка и в [3]) ка^{л}чанъ калены стрелы, ажно пре^{д} нимъ стала дѣвица, лицемъ ѕѣло крана. И Михаилȣ она полюбилася: беретъ за рȣки бѣлыя, и целȣетъ во уста сахарные, и сажаетъ на свои доброи конь; и взялъ дани и выходы за тритьцатъ и за три годы [4]. И князь Владимеръ емȣ о^{т}вѣ^{т} держитъ: „Тѣбѣ у меня, Михаило, золота ка^{з}на не запечатана, и кони на стоилѣ не заперты“. И по^{д}носитъ емȣ чарȣ зелена вина, и запиваютъ меды сла^{д}кими. И Михаило зговоритъ таково слово: „Светъ гдрь, кнзь Владимеръ киевской! ехалъ (я) во^{з}ле моря синево, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая, и я вынелъ, гдрь, из [5]) налȣчи свой крепкой лȣкъ и ка^{л}чанъ калены стрелы [6], и хотелъ убить лѣбѣдь бѣлȣю, и она емȣ провещила: „Михаило, де, Потокъ Ивановичь! не стреляи меня, лѣбѣдь бѣлȣю: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а пре^{д} тобою станȣ двцей краной“. І я, гдрь, не успелъ в налȣчи положити крепкои лукъ и в [7]) калчанъ калены стрелы, ажно предо мною стала двца, лицемъ ѕѣло крана, и мнѣ она полюбилася, и я привезъ на свой бога-

[1]) Въ рукописи одно слово; очевидно, писецъ не понималъ того, что копировалъ. Кажется, слѣдуетъ читать: „до*ро*гою стивровою“; слогъ *ро* въ оригиналѣ, очевидно, былъ надъ строкою. Въ текстѣ, ниже напечатанномъ: „дорогою Ставровой“. [2]) Въ рукописи слово: „лукъ“, пропущено. [3]) Въ рукописи пропущено „в“. [4]) Затѣмъ въ рукописи пропущено нѣсколько строкъ: переписывая съ готовой рукописи, писецъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ; или этихъ строкъ не было въ его оригиналѣ? Въ ниженапечатанномъ текстѣ пропущенное мѣсто читается такъ: „и поехалъ с нею во Киевъ градъ. Становитца на свой богатырской дворъ, идетъ ко князю Владимеру, бьетъ челомъ — покланяется, самъ зговоритъ таковы слова: „Свѣтъ государь, князь Владимеръ киевски! привесъ я дани и выходы *за тритцатъ лѣтъ и за три годы*“ (стр. 41). [5]) Въ рукописи: „и“: пропущено надстрочное „з“. [6]) Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли: „изъ калчана калены стрелы“? [7]) Въ рукописи: „с“.

тырской дворъ“. И кнзь Владимеръ взговоритъ таково слово: „Михаило Потокъ Ивановичь! препȣсти [1]) мнѣ тȣ дѣвкȣ кранȣю“. И Михаило отвѣтъ держит: „Я, де, гдрь, самъ с тою дѣвкою вѣнчался, крестился и далъ ей имя Белая Лебѣдь, Авдотя Лиховидовна“. И венчалъ ихъ влдка черниговской. И почалъ Михайло с нею любезно жить; и живетъ с нею равно три годы, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михаило во чисто поле тешитца на два мсца. А без нево приехалъ под Киевъ градъ кȣпчина Золотой орды с товары заморскими; увиделъ кȣпчина красотȣ лица ея и почалъ розпрашивать: „Чья ето жена и какъ ее зовȣтъ по имени?“ И Киевляня емȣ росказали: „Та, де, у нас жена богатырская, святорȣсково славново Михайла Потока Ивановича, а зовȣтъ ее Лебѣдь Бѣлая, Овдотя Лиховидовна“. И тȣтъ кȣпчина почалъ товары продавать наскоро, идетъ во свою землю. И какъ бȣдетъ в Золотой ордѣ у цря Кощея неверново, самъ зговоритъ таково слово: „Светъ гдрь, црь Кощей Золотой орды! Сколко я не езживалъ по инымъ землямъ кȣпчиною, а такой прекраной не видалъ, какъ есть во граде Киеве у богатыря свѣторȣсково славново Михайла Потока Ивановича жена, Бѣлая Лѣбѣдь, лицемъ ѕело крана“. И тȣтъ црь Кощей силы собрал ҂м. и пошелъ под Киевъ градъ и осадилъ ево накрепко. Посылаетъ посланики к великомȣ кнзю Владимерȣ: „Ой еси кнзь Владимерь киевской! отдай мнѣ женȣ Михаиловȣ. Не отдашъ мнѣ ея, и я Киевъ градъ взятемъ возмȣ, а людей и детей в полон возмȣ“. И кнзь Владимеръ зговоритъ таково слово: „Ой еси мои кнзья, и бояря, и Киевляня! дȣмаите да не продȣмаите: отдават ли женȣ Михаиловȣ, или нетъ? А топере у насъ в Киеве силных богатырей не лȣчилося, некомȣ выехати противо мȣжиковъ Кощеевыхъ; а Михаило приедетъ сердитъ добре, станетъ побивати мȣжиковъ в Киеве“. Кнзи, и боляры, и всѣ Киевляня емȣ зговорили таково слово: „Свѣтъ гдрь, кнзь Владимеръ киевской! доселева не бывало в Киеве жены Михаиловы, и црь Кощей под Киевъ не прихажи-

[1]) Ниже: „переступи“.

валъ, и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, гдрь, такои [1]) крȣчины не бывало: отдадимъ женȣ Михаиловȣ, и царь Кощеи от Киева прочь поидетъ, и Михаилу дадимъ выбирать во всемъ городе Киеве: гдѣ захочетъ, тȣтъ и возметъ, хоть княиню, или боярыню, или дѣвкȣ посацкȣю— таковаже емȣ жена“. Ажно провещится богатырское [2]) Михаила Потока Ивановича: едѣтъ ис чиста поля на свои богатырской дворъ. В'стречаетъ ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговоритъ таково слово: „Свѣтъ гдрь, Михаило Потокъ Ивановичь! безъ тебя подъ насъ, подъ Киевъ градъ, пришелъ црь Кощей Золотой орды, а силы с нимъ ҂хм. и Киевъ осадилъ накрепко, а прошаетъ меня ис Киева, и Киевляня придȣмали отдати меня црю Кощею неверномȣ“. И Михайло зговоритъ таково слово: „Мȣжики Киевляня! ссȣжадса бы всякъ своими женами и дочерми, а я за свою женȣ умею самъ постоять“. И садитца на свой доброй конь, и поехалъ ис Киева, и побилъ силȣ Кощеевȣ, и всего Кощеи самъ четвертъ ушелъ во свою землю. А Михаило побилъ силȣ; с своею [3]) женою і [4]) тешитца, и живетъ с нею равно три года; а товарищи ево в Киевъ не приехали. И поехалъ Михаило во чисто поле тешитъца равно на три мца, а безъ нево пришелъ подъ Киевъ градъ црь Кощей, а силы с нимъ ҂хз. і Киевъ осадилъ накрепко. И посылаетъ поланики к великомȣ кнзю Владимерȣ: „Ой еси кнзь Владимеръ киевской! отдай мнѣ женȣ Михайловȣ, и я прочь поидȣ от Киева; а бȣде ты не отдашъ мнѣ, и я Киевъ взятемъ возмȣ, а людѣй твоихъ всехъ вырȣблю, а женъ и детей в полонъ возмȣ и самомȣ тебѣ, великомȣ кнзю, не спȣщȣ“. И княз Владимеръ зговоритъ таково слово: „Ой еси кнзи, и бояря, и Киевляне! дȣмаите накрепко да не продȣмаите: отдавать ли женȣ Михаиловȣ, или нетъ? А топер у насъ в Киеве силныхъ богатырей не лȣчилося, некомȣ выехать противȣ силы Кощеевы; а Михайло приедетъ сердитъ добре, станетъ побивать мȣжиковъ в Киеве“. Кнзи, и бояря, и все Киевляня емȣ зговорятъ таково слово: „Свѣтъ гдрь, кнзь Владимеръ киевскои! доселева не бывало жены Ми-

1) Въ рук.: „ктако“. 2) Пропущено слово: „сердце“. 3) Въ рук.: „своею“. 4) Слово: „і“ приписано послѣ; оно должно стоять передъ словами: „с своею“.

хаиловы, и цр̃ь Кощеи под Киевъ не прихаживалъ, и тѣбѣ, гд̃рь, такой крȣчины не бывало: отдадимъ женȣ Михаиловȣ, и цр̃ь Кощей от Киева прочь поидетъ, а Михаилȣ дадимъ выбирать во всемъ граде Киеве: где захощетъ, тȣтъ и возметъ—хоть княиню, или боярыню, или девкȣ посацкȣю". А ужъ Михаило с Кощеемъ бьетъса три дн̃и, а жена ево перстaвилася. И побилъ силȣ, и Михайло едетъ на свой богатырской дворъ; и въстречаютъ ево люди дворовые, и сказываютъ, что Бѣлая Лѣбедь переставилася. И втепоры Михаило закрȣчинилса, что никто ево не въстречаетъ, и за рȣки не принимаетъ. И приходитъ Михаило во отхожȣю горницȣ, где лежитъ жена ево мертвая, покрыта камкою белою; и Михаило зговоритъ таково слово: „Прсти, де, Лѣбедь Белая! Помню, де, я и самъ свое слово, что у насъ с тобою молвлено: кто из насъ напередъ умретъ, — и хто останетса, и томȣ в могилȣ итъти". И велелъ могилȣ рыть и гробницȣ делать каменнȣю, чтоб можно двȣм чл̃вкомъ сидеть, і стоять, и лежать. И на погребение звалъ кн̃зя Владимера, и влдкȣ черниговскаго, и весь Киевъ градъ. Сошълисъ все на погребеніе. И почал Михайло в ограде клсть женȣ свою в могилȣ, и самъ с нею ложитца. І что зговорятъ таково слово всемъ городомъ Киевымъ: „Нигде таково не слыхано, чтобы где ложилиса живые с мертвыми; а ты, Михаило, живъ в могилȣ идешъ ради жены своей: или у насъ в Киеве людей не стало? Захочешъ, возмешъ княиню, или боярыню, или девкȣ посацкȣю—такова ж тѣбе жена". И Михаило ответъ держитъ: „Знаи, де, всякъ самъ себя". І самъ зговоритъ таково слово: „Закопываите да не мешкаите". І князь Владимеръ зговоритъ таково слово: „Укладываите дска̃ми дȣбовыми и засыпаите пе̃сками желтыми; а над могилою пс̃тавте сторожеи крепкихъ: какъ Михайлȣ скȣчитца и станетъ громкимъ голосомъ кричатъ, выпȣщаите ево на волной светъ, не мешкаите". И, похороня ево, все по домамъ пошли. И сидит Михаило с женою с мертвою до вечера. И какъ бȣдетъ о полȣночи, ажно пришла ѕмея лютая, и гробницȣ проела и прти двȣ змеенковъ детей своихъ, и змея пожалила Лѣбед Бѣлȣю за грȣди. И Михайло ухватил ихъ і почалъ рвать на двое. И про-

вещетъса ему змея лютая чл҃вч҃кимъ голосомъ: „Михаило Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенковъ мали^{н}кихъ, и я принесꙋ тебѣ живои воды“. И Михайло о^{т}вѣтъ де^{р}житъ: „Поди, змия, принеси мнѣ живой воды, тогда о^{т}пꙋщꙋ детей твоихъ“. I пошла змея, и принѣла живой воды. И Михайло почалъ змее^{н}ковъ рвать на двое, и окропляетъ живою водою, и змеята оживилася [1]. И окропляетъ Михайло ме^{р}твꙋю женꙋ свою, и жена ево ожила, бꙋ^{т}то о^{т} сна пробꙋдиласа. И тꙋтъ Михаило завопи^{л} и за^{с}виста^{л} громкимъ голосомъ, и почали ево ра^{с}капывати. Идетъ и^{з} могилы Михаило, ведетъ за рꙋкꙋ женꙋ свою, и тꙋтъ все подивилися, что жена ево была ме^{р}тва Михаилова, а Михаило оживилъ ея. И поча^{л} с нею любе^{з}но жи^{т}, и живетъ с нею равно три годы, а таварищи ево в̾ Киевъ не бывали. И поехалъ Михаило во чисто поле тешитися равно на пять мц҃евъ. А бе^{з} нево пришелъ по^{д} Киевъ градъ цр҃ь Кощей Золотои о^{р}ды, а силы съ нимъ ҂р҃, и Киевъ осадилъ накрепко. И по^{с}лалъ по^{с}ланики к великомꙋ кн҃зю Владимерꙋ: „Владимеръ киевской! о^{т}дай мнѣ женꙋ Михаиловꙋ, и я прочь поидꙋ от Киева; а бꙋде не о^{т}дашъ мне ея, и я Киевъ градъ взя^{т}емъ во^{з}мꙋ, а людей твоихъ в Киеве всехъ вырꙋблю, а женъ и детеи в полонъ во^{з}мꙋ, и самомꙋ тѣбе, великомꙋ кн҃зю не спꙋщꙋ“. И князь Владимеръ зговоритъ таково слово: „Ой еси кн҃зи, и бояря, і все Киевляня! дꙋмайте накрепко, да не продумаите: о^{т}дава^{т} ли женꙋ Михаиловꙋ?“ I оне придꙋмали все^{м} городомъ о^{т}дать Лѣбедь Бѣлꙋю цр҃ю Кощею неверномꙋ. I оне берꙋтъ Бѣлꙋю Лѣбедь за рꙋки і о^{т}даютъ цр҃ю Кощею неверномꙋ, и цр҃ь Кощей о^{т} Киева прочь пошелъ. Ажно едетъ ис поля Михаило Потокъ Ивановичь, ѐстречаютъ ево люди дворовые, а сказываютъ, что о^{т}дали Киевляня цр҃ю Кощею неве^{р}номꙋ Лѣбедь Бѣлꙋю, Авдо^{т}ю Лиховидовнꙋ. И тꙋтъ Михайло закрꙋчини^{л}ся: не слазя з добра коня, и е^{з}дитъ по Киеву, и кричитъ гром^{ъ}кимъ голосомъ: „Собаки вы мꙋжики бе^{з}верныя! за что о^{т}дали крещенꙋю женꙋ мою цр҃ю Кощею неверномꙋ? Управлюся с вами и п҃оле“. А мꙋжики ис Киева ро^{з}бежалиса. А цр҃ь

---

1) Такъ въ рукописи вм.: „оживилися“.

Кощей ушелъ от Киева ровно ходꙋ на тритцать дней, а Михаило догнал ево в три часы—ажно цр̄ь Кощей на станꙋ стоятъ з Белою Лѣбедю, апочивъ держитъ. I Михайло едетъ прямо ко белꙋ шатрꙋ. И тꙋтъ увидела ево Лѣбедь Белая: встречаетъ ево из бела шатра, а сама говоритъ таково слово: „Светъ Михаило Потокъ Ивановичь! рада я тѣбя увидела, не хочю житъ у цр̄я Кощея Золотой Орды, хочю жить в Киеве у богатыря светорꙋсково—возми меня к себѣ попрежнемꙋ". I подноситъ Михаилꙋ пития пиянова накоре. Михаило испиваетъ, з дороги ложится спать во беле шатре. И мечетца Лебедь Бѣлая наскоре, и бꙋдитъ цр̄я Кощея неверново: „Встань, гдр̄ь цр̄ь Кощей! Вотъ пришелъ недрꙋгъ твои Михаило Потокъ Ивановичь, предай емꙋ смерти скорыя, такъ онъ за тобою не ганяетца". И цр̄ь Кощей ответъ держитъ: „Мне Михаило не какои недрꙋгъ: меня наехал во чи̃те поле, в беле шатре, все не предал мене смерти скорыя; какъ хощешъ сама с нимъ". И Лебедь Белая велела обрать у него орꙋжие богатырское і почала отимат палицꙋ железнꙋю, и завязываетъ очи ясныя, и ударила ево вничь рꙋкою: „Лежи ты, Михаило, во чи̃те поле белымъ каменем". И Михаило окаменелъ; а сами поехали во орду свою. Ажно приехали в Киевъ Михаиловы товарищи, привезли дани и выходы, и почали ра̃прашивати про Михаила Потока Ивановича... [1]), какъ привесъ Лѣбедъ Бѣлꙋю, и какъ кре̃тился, и какъ цр̄ь Кощей приходил, и отдали цр̄ю Кощею, и какъ Михаило погоню погнал. И товарищи поехали Михайла сы̃кивати. И какъ бꙋдꙋтъ у тово камени, ажно стоит у камени калика прохожая. И богатыри зговорят таково слово: „Скажи ты намъ, калика, про царство Кощеево і про Михаила Потока Ивановича". И калика имъ ответъ держитъ: „Хто, де, подыметъ сей камень и броситъ чере̃ себя, то, де, я скажꙋ про Михаила Потока Ивановича". Илья Мꙋрамецъ поднялъ камень в грꙋди, а Олеша всево подня в поясъ, а калика поднялъ и бросил чере̃ себя и рашшибъ на четверо. А ис тово камени выскочилъ Михаило Потокъ Ивановичь: „Долго, де, братцы, я с̃плю во

[1]) Затѣмъ пропущено нѣсколько словъ. Въ ниженапечатанномъ текстѣ: «а Киевляня начали имъ россказывать»... (стр. 46).

чисте поле“.—„А спать было тебѣ, братецъ, да не проспатися, да розбꙋдил тѣбя Михаило, арха҃елъ и воевода небесныхъ силъ“. И почал имъ расказыватъ все противъ тово, какъ сказывали имъ Киевляня, и какъ ево Лѣбедь Бѣлая оборотила каменемъ. Илья Мꙋромецъ зговоритъ таково слово: „Поедемъ, де, мы, братцы, в цртво Кощеево и убьемъ Лѣбедь Бѣлꙋю, а црю Кощею живомꙋ очи вырежемъ“. И поехали во цртво Кощеево, и побили силы хр҃, а црю Кощею живомꙋ очи выняли, а Лебедь Бѣлꙋю привязали х конямъ неученымъ и пꙋстили во чисто поле, и тамъ смерть учинилася. А казнꙋ Кощеевꙋ всю взяли в Киевъ град і раздели ли промеж себя. А дочь цря Кощея неверново, девку Ранкꙋ Кощеевꙋ, взял Михаило Потокъ Ивановичъ с собою въ Киевъ град, и крстилъ ея, и за себя женою взял. И приехал во Киевъ градъ, и побилъ силы мꙋжиковъ пять тысящъ, и сами в Киеве померли. Бгꙋ нашемꙋ слава ныне и присно и вѡ веки вѣковъ. Аминь. Ихъ идетъ слава до века.

3.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 361).

Сказание ѡ силныхъ могꙋчихъ богатырех [1]) киевскихъ: ѡ Илье Муромце и ѡ Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче.

Во славномъ граде Киеве у князя Владимера киевскаго Всеславъевича был пиръ великъ на многия на князи, и на бояры, и на силныя могꙋчия богатыри. Какъ будет у них пиръ навеселе, князь Владимеръ зговорилъ таковы слова: „Ѡй еси вы [2]) мои князи, и бояры, и силныя могꙋчия богатырі и все Киевляне града Киева! есть ли у меня комꙋ слꙋжить три службы великие? Кто бы ехалъ в землю тꙋрскую, взял бы дани и выходы за трицать летъ и за три годы? Хто бы ехалъ в землю задонскую, взял бы дани и выходы за трицеть летъ и за три годы? Хто бы ехалъ

[1]) Въ рукописи: „богатыре“: пропущено надстрочное *х*. [2]) Въ рукописи: „Ѡнѣсивы“: механически скопированы непонятныя писцу слова.

в землю алевицкѹю, взял бы дани и выходы за трицеть летъ (и три годы) [1])?“ И тутъ все позадумали; никто великому князю ответѹ не дастъ: болшия за менших [2]), а от менших давно ѿтвету нету. Илия Мѹромецъ зговорил таковы слова: „Свѣтъ гсдрь, князь Владимеръ киевски! я поеду в землю турскѹю, возму дани и выходы за трицеть летъ и за три годы“. Михаило Потокъ зговорил таковы слова: „А я, де, гдрь, поеду в землю задонскую, возму дани и выходы за трицеть летъ і за три годы“. А Ѻлеша Поповичь зговорит таковы слова: „А я де, гдрь, поеду в землю алевитцкую, возмѹ дани и выходы за трицет летъ и за три годы“. І те речи великомѹ князю полюбилися: подноситъ имъ чары зелена вина, і запиваютъ меды сладкими и с великим княземъ прощаются. І межъ себя называются братеми назваными, и садятся на свое добры кони, и поехали ис Киева. І какъ бѹдѹтъ ѿт Киева за пять верстъ, меж себя таково словѡ молвили: „Братцы“, де, „милые! хто из насъ приедетъ до Киева а ково не бѹдетъ [3]) ѿпосле, і нам ехать тово сыскивать“. И, простя [4]), все поехали нарозно, всякъ своим пѹтемъ: Илия Мѹромецъ поехал на рекѹ Смородинѹ, на мосты калиновые; а та уже дорога залегала равно триттцеть летъ ѿт Соловья разбоиника Мировича. А Ѻлеша Поповичь поехал дорогою святогорскою [5]). А Михаило поехал дорогою сваврови возле моря синева. Ажно по морѹ плаваетъ лебѣтъ бѣлая, и Михаило вымаетъ изъ налучи своеи крепкои лѹкъ, ис колчана каленѹ стрелѹ и хощетъ убить лебѣтъ бѣлѹю. І ѿна емѹ прогласила члвчскимъ голосомъ: „Михаило“, де, „Потокъ Ивановичь! не стреляи, де, меня, лебѣди бѣлыя; я де по морѹ плаваю лебѣдью, а перет тобою станѹ дѣвицею красною“. І Михаило не успел въ налучь положить и [6]) крепкои лукъ, въ колчанъ — калены стрелы, ажно пред нимъ стала девица лицем ѕѣло красна. И Михаиле ѿна полюбилася: бѣрет ея за рѹки бѣлыя, и целѹет в уста сахарные, и сажаетъ ея на свои

[1]) Поставленное въ скобки пропущено въ рукописи; внесено изъ предыдущаго сказанія. [2]) Послѣ того въ рукописи пропущено: „хоронятся“. Ср. предыдущее сказаніе (стр. 32). [3]) Въ рукописи: „каково будетъ“. [4]) Эти два слова написаны два раза; буква с вторая написана и подъ титломъ, и съ конечнымъ ь. [5]) Въ рук.: „святорорскою.“ Слѣдуетъ: „святогорскою“? [6]) Слово лишнее.

доброі конь, и взя [1]) дани и выходы, и поехалъ с нею во Киев градъ. Стоновитца на свои богатыръскои дворъ, идетъ ко князю Владимеру, бьетъ челомъ, покланяется, самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ гдрь, князь Владимеръ киевски! привесъ я дани и выходы за тритцеть летъ и за три годы“. И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Тебѣ у меня, Михаило, залота казна не запечатана, и кони на стоиле не заперты“. И подноситъ емꙋ питя пьяные, и запиваетъ меды слаткими. И Михаило зговоритъ таковы слова: „Светъ гдрь, князь Владимеръ киевски! ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая; и я, гдрь, вынелъ изъ налꙋчи своеи крепкои лукъ, ис калчана калены стрелы, и хотел убить лебѣдь бѣлую, и ѡна мнѣ, гдрь, прогласила члвчскимъ гласом: „Михаило“, де, „Потокъ Ивановичь! не стреляи меня, лебѣди бѣлыя; я, де, по морю плаваю лебедью, а перет тобою станꙋ девицею красною“. Я, гдрь, не успелъ в налꙋчь положить крепкои лукъ и в колчанъ калены стрелы, ажно перет тобою стала двца лицемъ ѕѣло красна. И мне, гдрь, ѡна полюбилася, привесъ ея с собою во Киевъ град на свои богатырскои дворъ“. И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Светъ Михаило Потокъ Ивановичь! перестꙋпи ты мнѣ тꙋ двцꙋ краснꙋю“. И Михаило ѿветъ держитъ „Свет гдрь, князь Владимеръ киевски! Я тꙋ двцꙋ взял за себя, и я, гдрь, самъ с нею ѡбвенчался, крестилъ я [2]), и далъ ей имя—Лебѣдь Бѣлая, Авдотья Лиховидовна, и венчал владыко черниговски“. И почал Михаило с нею, Бѣлою Лебѣдью, жить. Живетъ с нею три годы, а товарищи еще в Киев не приехали. (И поѣхалъ) [3]) Михаило во читое поле тешится равно на два мца, а без нево приехал во Киев градъ кꙋпчина Залотои Ѡрды с товары заморскими. И проведала жена Михаилова, и пошла смотреть таваров заморских. И увиделъ кꙋпчина красотꙋ лица ея и почел спрашивать: „Чия, де, сия жена? и како зовꙋтъ ея по имени?“ И Киявлянцы емꙋ росказывать: „Сия, де, у насъ жена богатыря святорꙋскаго славнаго Михаила

[1]) Въ рукописи: „вся“. [2]) Описка; слѣдуетъ: „ея“. [3]) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи пропущены; внесены изъ предыдущаго текста.

Потока Ивановича; а завꙋт ея Бѣлая Лебѣть, Авдѡтья Лиховидовна". И тꙋтъ кꙋпчина почалъ продавать товары наскоро, и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Золотои Ѻрдѣ у царя Кощея неверного [1]), сам зговорит таковы слова: „Свет гдрь, царь Кощеи Златои ѡрды! сколко я не ѣживал по инымъ землям купчиною, а такои прекраснои не видывал уже трицеть летъ ни у единого, какъ есть во граде Киеве у князя Владимера Сеславевича, у богатыря святорꙋскаго славнаго Михаила Потока Ивановича,— Лебѣть Бѣлая; а лицем ѕѣло красна". И тꙋт црь Кощеи почалъ збирать воиска. И собравъ силы сорокъ тысящъ, и Киевъ ѻсадил накрепко. Посылаетъ посолника к великомꙋ кнзю Владимерꙋ: „Ѻи еси ты, князь Владимеръ киевски! ѿдаи мне женꙋ Михаиловꙋ, и я прочь ѿ Киева; а бꙋде ты не дашъ мне ея, и я Киев град взятьем возму, а людей твоих в Киеве всех вырꙋблю [2]), ажно и детеи в полонъ возмꙋ". И князь Владимеръ зговорит таковы слова: „Ѻи еси вы, князи, и бояры, и все Киевляне града Киева! думаите вы да не продумаитесъ: ѿдават ли женꙋ Михаилову, или нетъ? А топерь у насъ в Киеве силных богатыреи не лучилось: некомꙋ выехать против силы Кощѣевы, а Михаило приедет сердит добре, станет побиватъ мужиковъ киевскихъ". И князи, и бояры, и все Киевляня реша [3]): „Светъ гдрь, князь Владимеръ киевски! доселе в Киеве не было жены Михаиловы, црь Кощей под Киевъ не прихаживал и Киева накрепко не ѻсаживалъ, и тебѣ, гдрь, таковы кручины не бывало: ѿдадимъ женꙋ Михаиловꙋ, и царь Кощеи ѿ Киева прочь поидетъ, а Михаиле дадим выбрать во всем Киеве городе, гдѣ захощетъ, тамъ возметъ; хошь княиню, или боярыню, или девкꙋ посацкꙋю—таковажь емꙋ жена". Ажно будетъ ис чиста поля Михаило Потокъ на свои богатырскои дворъ; встречает ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговорит таковы слова: „Светъ гдрь, Михаило Потокъ Ивановичь! Бз тебя под нашъ Киев градъ пришелъ царь Кощеи Златои Ѻрды, а силы с нимъ сорокъ тысящъ, і Киевъ осадил накрепко

[1]) Въ рукописи: „неверны". [2]) Въ рукопи: „вырубля". [3]) Слово: „реша", приписано послѣ, сверху строки.

и проситъ меня ис Киева, и Киявляне придумали ѿдать меня царю Кощею неверному“. И Михаило зговорит таковы слова: „Собаки мꙋжики Киявляня! Ссужалися бы ѡни своими женами и дочерми, и я за свою женꙋ умею и самъ стоять“. И садитца на свои добраи конь, и поехал ис Киева, и побилъ всю рать-силꙋ великꙋю, и приехал на свои богатырской дворъ и почал з женою своею пить, и есть и тешитися. И живетъ з женою равно три годы; а таварищи ево еще в Киев не приехали. И поехал Михайло в чисто поле тешитца равно на три мсца, а бѣз невѡ приехал пот Киев царь Кощеи, а силы с нимъ шѣдесятъ тысящъ, и Киев ѡсадил накрепко, посылает посолника и проситъ ис Киева Лебѣди Бѣлыя. И князь Владимеръ зговорит таковы слова: „Ѻи еси вы князи, и бояры, и все Киевляня! дꙋмаите накрепкѡ да не продумаитеся: ѿдавать ли женꙋ Михаиловꙋ, или нетъ? А теперь у насъ в Киеве силных богатыреи не лꙋчилось — некомꙋ выехат противъ силы Кощеевы; а Михаило приедетъ сердитъ добре, станетъ побивать мꙋжиковъ киевских“. И князи, и бояры, и все Киевляне реша [1]): „Светъ гдрь, князь Владимер киевски! доселева в Киеве не было жены Михаиловы—(царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, государь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михаилову) [2]), и црь Кощеи от Киева прочь поидет; а Михаиле дадимъ выбрать во всемъ граде Киеве: гдѣ захощетъ, тамъ возметъ [3]): хошь княгиню, или боярыню, или девкꙋ посацкꙋю — таковажь [4]) емꙋ жена“. А тово не ведаютъ, что жена Михаилова переставилась. Ажно едетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на своі богатырской дворъ, встречаютъ ево люди дворовые і сказываютъ вести недобрые, что жена ево переставилась. І тꙋт Михаило закрꙋчинился, ідетъ во свои высокъ теремъ,—никто ево не встречаетъ, за рꙋки не принимаетъ и во уста не целꙋетъ. И приходитъ Михаило в отхожую горницу, где жена Лебѣть

---

[1]) Слово: „реша“, приписано впослѣдствіи сверхъ строки. [2]) Строки, заключенныя въ скобки, пропущены въ рукописи; внесены изъ текста той же редакціи (см. выше, стр. 35). [3]) Слово: „возьметъ“ въ рукописи пропущено; внесено изъ текста предыд. редакціи (стр. 35). [4]) Въ рукописи пропущено слово: „таковажь“.

Бѣлая. И Михаило зговоритъ таковы слова: „Прости, де, Лебѣть Бѣлая; помню я и самъ свое слова, что у на̑ с тобою мозвено: „хто из нас напредь умретъ, — и кто ѿстанетца, і томꙋ живому в могилꙋ итьти“. І зоветъ на погребѣние князья, и бояря, и владыкꙋ черниговсково, и весь Киевъ град, и сошлися все на погребѣние. И началъ Михаило во гробъ класт женꙋ свою и самъ с нею жив [1]) ложитца в могилꙋ. І князь Владимер зговоритъ: „Нигдѣ такъ тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ложилися с мертвыми, а ты, Михаило, жив в могилꙋ идешъ для жены своеи. Али у насъ тѣбѣ в Киеве невестъ нетꙋ? Захощꙋ княинꙋ, или бояроню, или девку посацкꙋю, — таковажъ тебѣ жена“. И Михаило ответъ држитъ: „Знаи, де, всякъ самъ себя; закопываите, не мешкаите“. И князь Владимеръ зговорит таковы слова: „Накладываите досками дубовыми, насыпаите песками желтыми, а над могилою поставте сторожꙋ крепкꙋю: какъ Михаиле скучетца, станет кричать громкимъ голосом, — скоро вытаскиваите его на волнои светъ, не мешкаите“. І, похороня ево, все по домамъ пошли. А Михаило сидитъ в могиле з женою мертвою день до вечера. І какъ будет ѿ полꙋночи, ажно пришла змея лютая і гробницꙋ каменꙋю проела і пустила в гробницꙋ двухъ змеинков, детеі своихъ, и змеи те почали Лѣбѣть Бѣлую ссати за грꙋди. И Михаило ухватилъ іхъ і почелъ рвати надвое. И провищитца емꙋ змия лютая чл҃вческим голосомъ: „Михаило, де, Потокъ Ивановичь! не рви моих змеенкавъ малинких, я принесꙋ тебѣ живои воды“. И Михаило ответ держит; „Поди ты, змія лютая, принеси мне живои воды, тогда отпущꙋ детеи твоих“. И пошла змея лютая и принѣ̑ла емꙋ живои воды. И Михаило почал змеенковъ риват на крохи и покропляетъ іхъ живою водою, — и змеи те ѡжили. І покропляет Михаило мертвꙋю женꙋ свою, и жена ево бꙋтто от сна пробꙋдилася. И Михаило засвисталъ громким голосом, и караулщики попадали; і послышали сесѣды ближния, і послали роскопывать. Идет из могилы Михаило і ведетъ за рꙋку женꙋ свою,

[1]) Послѣ этого слова приписано сверху строки: „с нею“.

и тутъ все подивилися, что была мертва жена Михаилова, а Михаило ѡживил еѣ. И почал с нею жити по старомꙋ, и живетъ с нѣю равно три годы, а товарищи евѡ еще в Киевъ не приехали. И поехал Михаило во чи̑то поле тешитца равнѡ на пять мц̑ѡвъ. А бѣз нево приехалъ под Киевъ град царь Кощеи, а силы с ним сто тысячь, и Киевъ ѡсадилъ накрепко, и проситъ ис Киева Лебѣди Бѣлыя, і Киявляне ему отдали женꙋ Михаиловꙋ. И Царь Кощеи, жену Михаиловꙋ взявши, самъ и прочь пошелъ. Ажно приехалъ во Киев Михаило Потокъ, встречают ево люди дворовыя, а сказывают вести недобрыя, что ѿдали Киявляне жену ево Лебѣть Бѣлꙋю царю Кощею неверному; и тꙋтъ Михаило закрꙋчинился. Не слазя 1) з добра коня, ездитъ по Киеву, кричит громким голосомъ: „Собаки мужики бѣзверныя Киявляне! за что ѿдали крещенꙋю женꙋ мою цр̑ю Кощею нѣвѣрному? Управлюса я с вами и ѡпосле самъ“. И поехал и̑ Киева и догнал цр̑я Кощея невернова: ажно ѡн на стану стоит з Бѣлаю Лебѣдью, опочивъ 2) держит. И Михаило едетъ прямо к бѣлому шатру; ажно увидела ево Лебѣть Бѣлая, мечится из бѣла шатра наскоре, сама зговорит таковы слова: „Светъ гд̑рь, Михаило Потокъ Ивановичь! Рада тебя увидела; не хочу жить 3) у неверново цр̑я Кощея Златы Ѻрды, хощꙋ жить в Киеве у тебя, богатыря святорꙋскаго, возми меня тѣбѣ 4) по прежнемꙋ“. И подноситъ емꙋ питья пьяные наскоре, испиватъ 5) Михаило и ложитца спать у них, у бѣла шатра. И ѡна будит 6): „Востань, гд̑рь цр̑ь Кощеи! Вот пришел недрꙋгъ Михаило Потокъ—предаи емꙋ смерти скорои, так за тобою не 7) гонитца“. И цр̑ь Кощей зговорит: „Мне Михаило не какоі недругъ: ѡн* меня наехал соннова, се не предал меня злои смерти. Какъ хощешъ сама с нимъ“. И ѡна велела у него подобрат ружья богатырские и палку железнꙋю, и Михаила ѡборотила каменем, а сама поехала с Кощеем в Золоту Ѻрдꙋ. Ажно

1) Въ рукописи „не лазя“. 2) Въ рукописи: „и почиваетъ“. 3) Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „жить“. 4) Такъ въ рукописи; въ предыд. редакціи: „к себѣ“. 5) Въ рукописи: „испивать“. 6) Въ предыдущей редакціи: „и будитъ царя Кощея неверново“. 7) Въ рукописи пропущено слово: „не“; въ предыд. редакціи: „такъ онъ за тобою не гонястца“.

приехали в Киев Михаиловы товорищи, и почали отдавать дани и выходы великомꙋ князю Владимеру. И почали спрашивать про Михаила, и Киевляня почали им рс҇казывать, какъ Михаило привез дани и выходы, и как привез Лебѣдь Бѣлую и, крестя, за себя женою взялъ, и какъ приходил цр҇ь Кощеи, и какъ Михаило был в могиле з женою мертвою, и какъ ѡживил ея, и какъ женꙋ Михаиловꙋ отдали цр҇ю Кощею невернomꙋ и как Михаило в погоню погнал. И Ѡлеша зговоритъ: „Поехали, Илья, брата с҇ыкивать“. И как бꙋдꙋт у тоевѡ камени, Ѡлеша поднелъ камень в пое҇, Илья камень вбросил 1) чересебя 2) и рошиб на четверо; а ис тово камени выскочил Михаило Потокъ Ивановичь и почал им рс҇казывать все против тово, какъ им росказывали Киевляне. И ѡни поехали в цр҇ство Кощѣево, убили Лебѣть Бѣлую, а цр҇ю Кощею живомꙋ ѡчи вынели, и казнꙋ Кощеву всю себѣ взяли і раздели по жеребямъ 3). И побили силы Кощевы сто тысячь и дочь ево Гану 4) Кощевнꙋ Михаило за себя взял. А приехали в Киевъ градъ, побили мꙋжиков изменников пять тысячь, а сами жили в Киеве до старс҇ти и померли. Слава их идетъ до веку. Аминь.

---

1) Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „и бросилъ“. 2) Очевидно, что такъ написаны были эти слова въ оригиналѣ, съ котораго переписывалось настоящее сказаніе. Извѣстно, что это звуковое явленіе восходитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ русской письменности. 3) Такъ въ рукописи; потомъ писецъ зачеркнулъ двѣ послѣднія буквы. 4) Первая буква этого слова написана неясно; въ предыдущей редакціи: „Ранку“.

III.

СКАЗАНІЕ О СЕМИ РУССКИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

Сказание ѿ седми рꙋскихъ бг҃атырѧхъ.

В столномъ былѡ градѣ Киеве у великагѡ князя Владимира былѡ пированье почестное на многия кн҃зи, и бояря и на силныя могучия бг҃атыри. І какъ пошелъ пиръ навѡселноⷨ [1]) и зговоритъ князь Владимеръ киевски своимъ рускиⷨ бг҃атыряⷨ: „Тѡ вамъ, бг҃атырямъ, вѣдомѡ ли, что оⷮпущаеⷮ на меня цр҃ь ис Цр҃яграда сорѡкъ два бг҃атыря, а велитъ ітъти ко мнѣ ї̈ⷥгонею в Киевъ граⷣ. И вамъ, бг҃атырямъ, накърѣпкѡ стоять, с [2]) столнаго града Киева оⷮезду никакова не учинить никуды себѣ із моея воⷮчины.“ І заслышали руския бг҃атыри таково слово, и пошли ѿнѣ із-ѕо стола, недѡкушамши; бьют челомь ѿнѣ великому княѕю Владимеру киевському семь бг҃атыреⷨ: первоⷨ бг҃атырь славны Илья Муромецъ, второⷨ богатырь дворянинъ Залѣшенинъ, трети бг҃атырь млаⷣ Алеша Попович, четверты бг҃атырь Глапитъ, пятоⷨ бг҃атырь Суханъ Домантьевичъ, [3]) шестоⷨ бг҃атырь дворянинъ Бѣлая Палица, сеⷣмоⷨ бг҃атырь Добрыня Микитичь, — что зговѡрятъ бгатыри таково слово: „Гд҃рь ты велики княѕь Влади-

---

[1]) Ниже это слово написано такъ же, но при этомъ прибавлено: „на новоселье“. [2]) Буква с въ рукописи, согласно старинному употребленію, не написана. [3]) Въ рукописи описка: „пятой богатырь *Глапитъ* Суханъ Домантьевичъ.“

меръ киевски! Не извадилис мы, гд҃рь, дома сидѣт, ізвадилис мы, гд҃рь, сами ездить по полю по чистому, побивать люди многия: отпусти нас, гд҃рь, в поле чистое, мы тебѣ принесемъ вѣсть правую і языки приведем многия.“ И зговоритъ велики къняѕь Владимеръ киевски: „Не пригоже вам меня покинуть в стѡлномъ граде Киеве, а я тѣхъ людей жду к себѣ с часу на часъ.“ И втѣпоры руския бг҃атыри закручинились, ударили челомъ князю і прочь пошли. Идутже бг҃атыри ко своимъ дѡбрымъ конемъ, і кладутъ на себя доспехи крѣпкия, садятца бг҃атыри на съвои добры кони, едутже богатыри в поле чистое прямыхъ вѣстей провѣдывать. І зговорят едучи промежь себя таково съловѡ: „Лутче намъ тѡй срамоты великия, какъ случитца намъ в чистомъ поле смерть недобрая, пойдемъ мы прямѡ к Цр҃юграду.“ І какъ будуть бг҃атыри от Цр҃яграда за ві верстъ, перееждаютъ бг҃атыри Смугру рѣку,—ажно едутъ в стречю ві чл҃вкъ, все каличи перехожия, а платье... І приехал к нимь младъ Алеша Поповичь, а сам говорить імъ таковѡ слово: „Братцы вы, каличи перехѡжия! давайте вы намъ сь себя платье калическое, а у насъ берите платье скорлятное—скорляту бѣлагѡ.“ І зговорятъ каличи таковѡ словѡ: „Ой еси ты млад Алеша Поповичь! не дадимъ тебѣ мы своегѡ платья калическаго.“ А у каликъ атѡманъ, а зовутъ ево Никитою, а родомъ Карачевецъ. И приеждяетъ к нимъ другой бг҃атыръ—Ілья Муромецъ, а самъ говоритъ таково слово: „За то нам бранитца не за што: емлите вы у на҃ платье свѣтлое, а намъ давайте платье каличесъкое.“ І зговорятъ каличи таково словѡ: „С тобою говѡрить, Ілья, нечевѡ, и спору нѣтъ.“ Даютже каличи перехожия свое платье сь себя калическое рускимъ бг҃атырямъ, а богатыри даютъ сь себя свое платье свѣтлое. Да спрашиваетъ ихъ Ілья Муромецъ перехожихъ каликъ: „Почто, Никита, ходилъ во Цр҃ьград?“ Никита ему сказалъ таково съловѡ: „Ходили мы провѣдывать прямыхъ вѣстей: есть ли отпускъ из Цр҃ягpада бг҃атырямъ кѡ граду Киеву? І тѣ вѣсти нам прямѡ неизмѣнныя: ѣздятъ бѡгатыри вѡ Цр҃ѣградѣ, а хвалятца при цр҃ѣ, что хотятъ ехать х Киеву и в Киеве учинить сѣча великая, а княѕя

Владимира і евѡ княгиню и сь ево б҃гатыри в полонъ взять.“ И з҃алышали руския б҃гатыри таковѡ словѡ, и зговоритъ силны богатырь Илья Муромецъ своимъ товарищемъ: „Слышите ли, братцы, таково словѡ: за совѣтъ слуги и гѡловы складываютъ?“ И ѡставляютъ тутъ б҃гатыри своихъ. . . . [1]) у Смуры [2]) рѣки і всѣ свои наряды б҃гатырския, емлют же по ѡдной по булатной палице і тѣ несутъ подъ полами. І пошли прямѡ ко Ц҃рюграду. Идучи, говорятъ таковѡ слово: „Кто у насъ, братцы, гѡворить гѡраѕдъ языкомъ татарскимъ?“ I зговоритъ дворянинъ Залѣшенинъ: „Всѣхъ у н҃а лутче гѡворить младъ Алеша Поповичь: каковъ ѡнъ трезъвъ, таковъ і пьянъ, і всѣхъ н҃а лутче бранитца.“ І какъ пришли богатыри во Ц҃рьградъ, і в тѣ поры ідетъ у ц҃ря столъ навоселной, а в сътолѣ подаютъ третью естъву. I учали калики прошать у ц҃ря на новоселье м҃лтыни, стоючи противъ ѡкна царъсково, и воскричать громко голѡсомъ. I услышалъ тутъ ц҃рь Кѡнстянтинъ самъ каликъ прошения из своея полаты ц҃рския, і взговоритъ ц҃рь Кѡнстянтинъ своему богатырю Тугарину Змиевичю: „Вели позвать каликъ в полату ко мнѣ, и услышу по речамъ ѡ киевскихъ вѣстяхъ: либѡ что они вѣдаютъ?“ I позвали в полату каликъ тѣхъ ко ц҃рю, і ц҃рь учалъ іхъ спрашивать: „Скажите намъ, каличи перехѡжия, іс котораго града ходите?“ I зговоритъ тутѡ стоючи Ілья Муромецъ: „Ходымъ мы, г҃дрь, іс Киева града отъ князя Владимера киевскагѡ“. А противъ ц҃ря сидитъ ево бѡгатырь Ідолище жидовскѡе. I зговоритъ богатырь Идолище великому ц҃рю Ко҃нтянтину: „Г҃дрь ты волной царь! спроси іхъ ѡ киевскихъ б҃гатыряхъ: сколко ихъ н҃нѣ у великагѡ князя Владимира киевскагѡ“? И зговоритъ туто сътоючи Ілья Муромецъ: „В Киеве, г҃дрь, л҃в богатыря, да удалы добрѣ; необычно есьть славенъ б҃гатырь Илья Муромецъ“. I рече ц҃рь Кѡнстянтинъ: „Каковъ ѡнъ рожею і рѡстомъ? Посмотри пѡ нашимъ б҃гатырямъ.“ I зъговоритъ стоючи Ілья Муромецъ: „Ростомъ толко с меня и рожею походилъ на меня.“ I зговоритъ туто сидечи Идолище великое посме-

---

[1]) Здѣсь въ рукописи пропускъ двухъ словъ: „добрыхъ коней“; въ спискѣ Барсова: „оставливаютъ свои *добрыя кони*“. [2]) Ниже (на стр. 51): „Смугры“.

хаючись: „Аще ли правда, что ѡнъ таковъ, Ілья Муромецъ, и ѿ ево пѡсажу на ладонь, а другою раздавлю". І зговоритъ Ідолъ богатырь црю Кѡнъстянтину: „Не мешка", государь царь Костянтинъ, службы богатырския, отпусти насъ скоро х Киеву граду: волного слова не будетъ солгѡнова. Мы какъ будемъ въ Киеве, и привеземъ мы къ тебѣ великаго князя Владимира киевскаго и с княгинею евѡ и сь ево багатыри, і в Киеве учиним сѣчю великую". И не стерпѣлъ такова слова [1]) слышать младъ Алеша Поповичь, и зговоритъ таково словѡ Ідолищу: „Какъ ты приедешъ х Киеву, такова тебѣ слѡва не говорити, і не узнаешъ от Киева дороги и не путемъ прочь поедешъ; і еще тебѣ живу не отежьдевать прочь от Киева". Идѡлище же на негѡ осержаетца. И зговоритъ дворянинъ Залѣшенинъ: „Твоего, гдрь, црскова меду упился калика і говорить ни ту ни сю." І зговорятъ Алеше товарищи потихонку: „Уіми свое серце бгатырское, потерпи малешенко; нелзя намъ с тобою такова слова молвити". И спрашиваетъ іхъ црь Кѡнстянтинъ: „Видали ли вы въ Киеве лошаден бгатырскихъ?" И зговоритъ дворянинъ Залѣшенинъ: „По вся дни видаемъ мы лошадѣн киевских богатырен". І зговоритъ бгатырь [2]) Идолище великое: «Гдрь ты волнон црь, вели показать наши лошади бѡгатырския.» І скоро ведутъ лошади богатырския: Ідолища богатыря лошадь ведуть к члвкъ на двухъ цепяхъ золѡтыхъ; ведут же лѡшадь бгатыря Тугарина Змиевича десять члвкъ; і калики лѡшаден видѣли. И зговоритъ дворянинъ Залѣшенинъ: „Сверху, гдрь, мы не умѣемъ смотрить: вели, гдрь, намъ на земли посмотреть. Идут же калики от цря ис полаты; ісь сенен ѡнѣ лошадѣн смотрели, и говорять промежь себя, ідучи: „Теперьѡ намь, товарищи, пора пришла—готовте вы свои булатныя палицы". И скорѡ кинулись калики, и отнели пѡ добру кѡню, і полетели тутъ головы бгатырския и татаръския; і сѣли на добры кѡни и поехали из [3]) града вонъ. Одинъ ѡсталъся тутъ младъ Алеша Поповичь, а самъ гѡворитъ црю таково словѡ: „Потому

---

[1]) Въ рукописи это слово повторено два раза. [2]) Въ рукописи: „бгагатырь". [3]) Въ рукописи описка „и".

есть поехали из града вѡнъ, чтѡ оставили мы своиx добрыхъ кѡнеи богатырскихъ у Смугры рѣки, а хотимъ мы с тобою і с твоими бг҃атыри перевѣдатца“. И ударя челомъ цр҃ю, і поехалъ прочь до своихъ товарищевъ и к своимъ дѡбрымъ конемъ. І учали богатыри руския нарежатца і кл҃ать на себя доспехи крѣпкия і емлютъ свою збрую ратную; ажно скачютъ богатыри оⁿ Цр҃яграда погонею великою. І зговоритъ младъ Алеша Поповичь своимъ товарищемъ: „Постоите, братцы, малешенко, даите мнѣ с ними перевѣдатца і поперетись.“ А Илья Муромецъ встречаетъ іхъ оⁿ своего стану в полуверсте і всѣ бг҃атыри за ним же. І скоро бг҃атыри сьехались і ударились копьями, вѡстрыми концами, іспробили на себѣ всѣ доспѣхи крѣпкия кѡпьями вѡстрыми, і пѡ присатки [копья] пѡломались. И згѡворитъ Ілья Муромецъ: „Уже ли збили бг҃атыреи з дѡбрыхъ конеи?“ І побили тутѡ всѣхъ бѡгатыреи сорокъ чл҃вкъ, а двухъ живыхъ взяли: Ідѡла Скорѡпита да Тугарина Змиевича, і поехали кѡ Цр҃юграду ко цр҃ю Кѡнстентину. И зговѡритъ Ілья Муромецъ: „Вѣдомо ли тебѣ, цр҃ю: мы твоихъ богатыреи побили, а двухъ живыхъ взяли? А тебя мы, цр҃я, ничемъ не двигнемъ ни чернымъ вѡлосомъ, потому что мы поехали іс Киева без гд҃рева вѣдѡма на похвалу твоихъ бг҃атырей. І мы тебѣ не оⁿдадимъ твоегѡ бѡгатыря Тугарина Змиевича, оⁿдадимъ тебѣ твѡего бг҃атыря Ідола Скоропита, а сь собою емълемъ в Киевъ градъ кѡ княѕю Владимеру на показъ Тугарина Змиевича, бг҃атыря удалѡва“. Не бѣлая лебедь вѡскликала, вѡсплачетца Тугаринова мать: бьет челомъ рускимъ богатырямъ і благовѣрнои цр҃ицѣ Елене: „Благовѣрная цр҃ица! упроси ты у рускихъ богатыреі“. И зговоритъ благовѣрная царица Елена: „Ѿі еси ты Ілья Муромецъ с товарищи! оⁿпустите вы Тугарина Змиевича; утрите вы слеѕы кровавыя, не нанесите на себя клятвы вѣчныя.“ И зговорятъ руския богатыри таково слово: „Гд҃рня благѡвѣрная цр҃ица Елена! не двигнемъ мы Тугарина ни черным волосомъ для твоего, гд҃рня, пърошения; а Тугаринъ будетъ в Киеве градѣ у княѕя Владимира киевскаго і потомъ будетъ вѡ Цр҃ѣградѣ у тебя, гд҃рня! А теперво намъ ѡставить вѡ Цр҃ѣградѣ нелѕя, потому что намъ

гдрю великому князю Владимеру ударить челомъ нечимъ.“ І руския богатыри ударили челомъ црю Костянтину і поехали прочь х Киеву граду. І ведутъ бгатыри Тугарина Змиевича, і едутъ богатыри по полю по чистому. И какъ будутъ бгатыри близъ града Киева, выбираютъ себѣ бѡгатыря Залѣшенина и посылаютъ ево ко граду Киеву ко князю Владимеру киевскому со здоровьемъ. І приехалъ дворянинъ Залѣшенинъ в Киевъ градъ ко къпязю Владимеру киевскому і говоритъ таково слово: „Многолѣтъное здравие гдрю великому князю Владимеру киевскому! Вели, гдрь, намъ, холопямъ твоимъ, свои ѡчи видѣти! Были мы, гдрь, без твоего гдрева вѣдома вѡ Црѣградѣ для твоих гдревыхъ недруговъ, і убили вѡ Црѣградѣ сорокъ богатырей, а двухъ живыхъ взяли: Ідола Скоропита да Тугарина Змиевича; ѡдново отдали царю Кѡнстянтину, а другова сь собою взяли—Тугарина Змиевича, удалова бѡгатыря. А к тебѣ, гдрь, приехалъ дворянинъ Залѣшенинъ к великому князю Владимеру править от своихъ товарищевъ здоровье.» І гдрь іхъ пожаловал: велѣлъ імъ приехати к себѣ. И приехали богатыри в Киевъ градъ к великому князю Владимеру і привели языка—дѡброва и удалова бгатыря Тугарина Змиевича. І гдрь ихъ пожаловалъ за ту службу вѣрную: давалъ імъ шубы сѡбѡлиныя и цепи зѡлотыя великия, да им же говоритъ таково слово: „І впредъ я буду васъ жаловать за вашу службу вѣрную.“ Спрашиваетъ велики князь Владимеръ киевски Тугарина Змиевичя ѡ вѣстяхъ: „Что у васъ вѣсти вѡ Црѣградѣ?“ И зговоритъ Тугаринъ Змиевичь таковѡ словѡ: „Что ты, гдрь, меня спрашиваешъ ѡ вестяхъ? Всѣ вѣсти у тебя, гдрь. Нѣтъ, гдрь, тебя грознея во всѣхъ царъствахъ, а богатырей твоихъ нѣтъ удалѣя во всѣхъ земъляхъ.“ Бьет челомъ Ілья Муромецъ с товарищи: „Смилуйся, гдрь, велики князь Владимеръ киевъски! отпусти, гдрь, Тугарина Змиевича: дали есть словѡ благовѣрной црицѣ Елене, что намъ у тебя, гдря, упросити Тугарина Змиевича.“ И зговоритъ князь Владимеръ киевъски своимъ богатырямъ; „Были вы вѡ Црѣградѣ, і всѣхъ богатырей в полѣ побивали.“ Отпущают же Тугарина Зъмиевича з добрымъ конемъ и з своею збруеую ратною, і провѡжаютъ

евѡ дѡ Цряграда до рубежа, і отпустили ево вѡ Црьградъ. И зговѡрятъ ему бгатыри такѡво слово: „Скажи ты, Тугаринъ Змиевичь, гдрне благовѣрноі царице Елене: еще есмы в правдѣ устояли и црское все іcполнили: гдрю служба служена і честь пѡлучена.“ И поехали богатыри назадъ въ Киевъ градъ ко къязю Владимеру киевскому і стали славънѡ жить во градѣ Киеве, и ихъ храбросьти слава не минуетца

IV

СТАВЕРЪ ГАДЕНОВИЧЪ.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

.....[боя]ринъ Ставеръ Гаденовичь: „Ѡн есте вы, князи, и бѡяре, и силныя могучия бѡгатыри! есть у меня молода жена Василиса Микулишна. По еѣ счастию есть у меня [1]) зѡлота каѕна: николи казна не держитца, всегда казна исполняется [2]). И есть у меня триста молотцовъ—все молотцы перебѡрчетыя: молодецъ молотца лутче, николижь молотцы не старѣютца. Да есть у меня триста жеребцовъ, а все жеребцы латынския: николи жеребъцы не изъездятца“ [3]). И згѡворятъ княѕи, и бояре, и силныя могучия бѡгатыри, і мужики торговыя: „Ѡн еси ты бояринъ Сътаверъ Гаденовичь! почему у тебя зѡлота каѕна не держитца?“ I зговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденѡвичь тако́во слово: „Потому у меня зѡлота казна не держитца, что я исъ тѡн каѕны в ростъ деньги в рость [4]) даю, і тѣмъ я рѡстомь годъ живу, потому моя золота каѕна не деръжитца“.—„Почему у тебя молотцы не старѣются?“ I възговоритъ бѡяринъ Ставеръ Гаденовичь таковѡ слово: „Потому у меня молотцы не старѣются: пъютъ, едятъ, а сами потѣшаютца і никакон кручины не вѣдаютъ; чебѡты носять по турецкому: шиломь пяты, носки в[о]стрыя, ѡднорятъки носятъ по посолскому—

---

[1]) Въ рукописи слова: „есть у меня“ повторены: „есть у меня, есть у меня“. [2]) Послѣ этого повторено: „есть у меня ѕолота казна“. [3]) Затѣмъ текстъ начинается съ новой строки. [4]) Слова: „въ ростъ“ написаны въ рукописи два раза.

скорлять сукно, колпаки посятъ, плащи ѕолотыя: потому молотцы не старѣютца“.—„Почему у тебя жеребцы не изъеѕдатца?“ I взговѡритъ тутъ бѡяринъ Ставеръ Гаденовичь таковѡ словѡ: „Потому у меня жеребцы не изъеѕдятца: севѡдни я поехалъ на томъ жеребце, а завтре поеду на другомъ жеребце, всегда у меня жеребцы перемѣнныя: пѡтому ѡни не изъеѕдятца“. И лихи были в Киеве ѡгѡворъщики: ѡговорили онѣ князю Владимеру киевскому боярина Ставра Гаденовичя небылными словесами і ложными: „Гдрь ты нашъ, князь Владимеръ киевъскѡй! пьешъ, ешъ і потѣшаешъся, а тѡво себѣ не вѣдаешъ: есть у тебя на пиру бояринь Ставеръ Гаденовичь столнова града Чернигова, а за ѡчи гѡвѡрить таковѡ словѡ: „Я, де, в Киевѣ градѣ болши великагѡ княѕя Владимира і богатея“. I тутъ княѕь Владимиръ на негѡ ракручинился, велѣлъ евѡ скоро пред собою пѡставити. И съкорѡ поставили бѡярина Ставра Гаденовичя перед кънязя Владимира киевскагѡ. Чтѡ взговорить князь Владимеръ киевской: „Ѡй еси ты бѡяринъ Ставеръ Гаденовичь! негѡраѕдѡ ты за ѡчи похваляешся и гѡворишъ таково слово, что де я в Киеве богатѣе князя Владимира“. И взговоритъ бѡяринъ Ставеръ Гаденовичь: „Азъ, гдрь, никакова слова про тебя не гѡваривалъ“. Бгъ над Ставромъ прѡгнѣвался, гдрь велики князь Владимеръ раскручинился, велѣлъ ево пѡсадить в глубѡкъ погребь сорѡка саженъ і закрыть дѡскою желѣѕнѡю і засыпать песками желтыми. I повели бѡярина Ставъра Гаденовича в глубокъ погрепъ сорѡка саженъ. И чтѡ взговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь: „Ѡй еси ты мой слуга повареннои! садисъ ты съкорѡ на жеребца латынскова, поедь к столному граду Чернигову к мое[й] молѡдой женѣ к Василисѣ Микулишнѣ, отправь еі от меня челобитье великое: „Бѡгъ над Ставромъ прогнѣвался, гдрь велики князь Владимиръ раскручинился, велѣлъ евѡ посадить в глубѡкъ погребъ сорока саженъ и засыпать песками желтыми, і закрыть доскою желѣзною“. I скѡрѡ дѣтинкѡ садился на жеребца на латынскова и пѡехалъ к столному граду Чернигову. И какъ будетъ в Черниговѣ градѣ, възьеждяетъ на црскѡй двѡръ, с коня не слажучи; бѣжитъ во свѣтлую гѡрницу, не ѡбсылаючи, молитца

чюдным ѡбразѡмъ, бьет челѡмъ Василисѣ Микулишне, а самъ гѡворитъ такѡво словѡ: „Гд҃рня Василиса Микулишна! привесъ я къ тебѣ вѣсти нерадѡстъныя: Бг҃ъ над Ставрѡмъ прогнѣвался, гд҃рь велики князь Владимеръ ракручинился, велѣлъ ево посадить в глубѡкъ погрепъ сорока саженъ и закърыть дѡскѡю желѣзнѡю, і засыпать песками желътыми". И туть Василиса Микулишна была догадьлива, скѡро ѡна догадала: пошла ѡна в хорѡмы ѡпришенныя, скидовала сь себя волосы женския, завивала кудри молодецъкия, надѣвала на себя пълатье посолское, скоро садилася на жеребца латынскова, імала сь собою триста молотцовъ: молѡдецъ молотца лутче, все молѡтцы переборчетыя: бутто едетъ младъ посолъ младъ [1]) Василеи Івановичь ис тое земли из галацъкия от короля полскова [2]) править посолствѡ великое. I пѡехалъ младъ посолъ Василеи Івановичь къ столному граду Киеву къ великому князю Владимеру киевскому тою дорѡгою пъродолную на лесы на бранъския, на грязи на черныя, на реку на Смородину, на Соловья на разбойника. И какъ будеть грозенъ посолъ младъ Василеи Івановичь блискѡ столнова града Киева, в тѣхъ лугахъ гд҃ревыхъ, і туть велѣлъ бѣлы шатры бѣлобелчетыя розставити; а посолскои шатеръ не мешаетца с тѣми: маковка у шатра зѡлотая, золѡта [3] аравитъское. I малѡи часъ поизоидучи, от столнова града Киева, от князя Владимира киевъскагѡ, мимо шатра пѡсолскова гѡнитъ скорои гонецъ в Черниговъ градъ. I что згѡворитъ грозенъ посолъ младъ Василеи Івановичь: „Ои есть вы мои слуги і двѡряня молотцы! переимите вы скорова гонца, поставте евѡ передо мнѡю". I скорѡ туть кинулись і поимали гѡнца, і привели пред грознагѡ посла млада Василья Івановичя. Что взговорить грозенъ посолъ младъ Василеи Івановичь: „Ѡи еси ты скорѡи гонецъ! куды ты гѡнишъ наскорѡ?" I взгѡворитъ ему скорои гонецъ: Гд҃рь ты, грозенъ посолъ младъ Василеи Івановичь! Ѧ еду ѿ столнаго града Киева от князя Владимера киевскагѡ, а еду в столнои градъ Черниговъ переписать золоту

[1]) Такъ въ рукописи; не слѣдуетъ ли: „грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичъ", какъ ниже? [2]) Въ рукописи описка: „посолскова". [3]) Такъ въ рукописи.

казну боярина Ставра Гаденовича“. І чтѡ взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василеи Івановичь: „Ѿй еси ты грозенъ посолъ, скорои гонецъ! поедь ты скорѡ назадъ к столному граду Киеву, к великому князю Владимеру киевскому, да скажи ему про меня: „Гд҃рь мои князь Въладимеръ киевски! к твоему здоровью идет, гд҃рь, младъ посолъ Василеи Івановичь изъ ѕемли галацкия ѡт короля полскова править посолствѡ великое“. И скорѡ скорои гонецъ назадъ поехалъ в Киевъ град і сказалъ князю Владимиру все по ряду по словеси грознагѡ посла млада Василья Івановича. А самъ посолъ не мешъкая за гонцомъ в Киевъ градъ приежьдяючи ставилься на посолскои дворъ. Какъ будет третеи день, звалъ княѕь Владимеръ киевскѡи грознаго посла млада Василья Иванѡвича на почестнѡи пиръ. И какъ будетъ по порамъ, пошолъ грознои посолъ на почестнѡи пиръ. І какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василе Івановичь среди двѡра гд҃рева, і тутъ евѡ встречаютъ кнѧѕи і бѡяре, и взяли евѡ под руки бѣлыя, повели в полаты каменныя, посадили на мѣстѡ посолское. І какъ пошелъ почестнѡи пиръ, і почели пить и ясти і потѣшатися, і увидѣла Апраѕѣя королевишъна грѡзна посла млада Василья Івановича, а сама говоритъ таково слово: „Гд҃рь ты, княѕь Владимеръ киевскѡи! не быть тѡ грозну послу младу Василью Івановичю—быть Василисѣ Микулишънѣ, Ставровои женѣ Гаденовичя“. І что взговоритъ княѕь Владимеръ киевскѡи: „Ой еси ты княгиня Апраѕѣя кѡролевишна! мѡшнѡ то намъ розвѣдати, лише бы не ѡпозоритца“. І какъ у кнѧѕя Владимера столъ ѡтшелъ, и послѣ стола пошла потѣха молѡдецкая, и чтѡ взговѡритъ княѕь Владимеръ киевскои: „Ѿй еси ты грозенъ пѡсолъ, младъ Василеи Івановичь! есьт ли теперwѡ с тобою умѣющия бѡрцы, с моими бы борцы поборолися, а насъ бы с тобѡю потѣшили?“ И чтѡ взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василеи Івановичь: „Гд҃рь ты, княѕь Владимеръ киевъски! теперwѡ со мною бѡрцовъ нѣту: не вѣдалъ я потехи молодецкия, твоего слѡва гд҃рева, і я за тѣмъ бѡрцовъ не бралъ. Развѣ, гд҃рь, мнѣ самому побѡротися, а тебя, гд҃рь, потѣшити?“ И пошелъ грозенъ посолъ на ц҃ревъ двѡръ і учелъ по двору похаживать, ручки і нѡшки

поправливать. И в ту пору князь Владимеръ іс хоромъ смотрилъ, із окошка стеколчетова. И выходятъ пять бѡрцовъ умѣющихъ, і учели бѡротися: первому бѡрцу гѡлову сломилъ, другому бѡрцу руку выломилъ, третьему бѡръцу ногу выломилъ, четвертагѡ борца за тынъ кинулъ, а пято" борецъ в таскахъ забѣжалъ. І тутъ младъ посолъ Василе"[1] Івановичь бьетъ челомъ князю Владимеру киевскому своею пѡтѣхою молодецкѡю, а самъ гѡвѡритъ таковѡ слово: „Гдрь ты, князь Владимеръ киевско"! я тебя тѣшилъ своею потѣхою молодецъкою,—вели, гдрь, меня потѣшить: да" мнѣ ігреца, ко" бы гѡраздъ в гусли іграть и провѡдилъ бы меня на посолско" двѡръ". І князь Владимеръ стоючи задумался, чтѡ нѣтъ в Киеве игреца гѡраздѡва. І вспало на умъ князю Владимеру про бѡярина про Ставра Гаденовича, і велѣлъ ево вынуть із глубѡка погреба і велѣлъ ему дать звѡнчатыя гусли, і пошелъ Ставеръ Гаденовичь за грознымъ посломъ на посолско" дворъ. І какъ будетъ на посолскомъ дъвѡрѣ, и зговоритъ младъ посолъ Василе" Івановичь: „Пѡмниш ли ты, Ставеръ Гаденовичь, про меня, іли ты меня знаеш ли, іли нѣтъ?" І взговоритъ бѡяринъ Съталеръ Гаденовичь таковѡ слово: „Азъ про тебя і не слыхивалъ, не токмѡ чтѡ мнѣ тебя знать". І что в'говоритъ грозенъ посолъ младъ Василе" Івановичь: „А помниш ли ты, бѡяринъ Съталеръ Гаденовичь, коли мы с тѡбою ребячью ігрушку игрывали: у тебя была сваечка серебреная, а у меня былѡ колечкѡ золѡтое, і ты в мое колечкѡ часто попадыва'?" І тутъ бѡяринъ Ставеръ Гаденовичь догодался: імалися ѡнѣ за руки бѣлыя, цѣловалися во уста сахарныя. І велико" князь Владимеръ киевскѡ" опять іхъ пѡжалывалъ столнымъ градомъ Черниговымъ, и о'пустилъ іхъ с великою чесьтию, и учалъ ево жаловаты лутче старова. І ѡнѣ поехали в Черниговъ градъ і учали жить і бы' по старому лутче прежнего. И учели пити, і ясти, і веселитися по прежнему. И начелъ іхъ князь Владимеръ жаловать лутъче старѡва. Конецъ.

---

[1] Слово „Василей" въ рукописи повторено два раза.

V.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕИЗВѢСТНОЙ БЫЛИНЫ.

(По фотографическому снимку, сообщенному А. И. Станкевичемъ).

..... и над сил ными [мо]гꙋчими боготыри, ли не шꙋти нат Тꙋгариномъ Змиевичемъ: Тꙋгарин Змеевич, усердия добрая, не любит шꙋтки тоя чежелыя". Что взговорит млад Алеша Попович: „Гдрь ты, ласков кнѧз Владимеръ киевской али ты, гдрь, с кнѧинею нелюбви живешъ, что промеж вами болван сидит нетѣсоно [1])?" Что взговорит чашни ѳрѧзин Матвѣй Петрович: „Ой [2]) еси ты млад Алеша Попович, не шꙋти ты шꙋткою невоскою [3]) нат Тꙋгариномъ Змеевичем: Тугарин Змеевич усердия добрава, не любит шꙋтки тежелыя". Что взговорит чашнику млад Алеша Попович: „Ой [4]) еси ты ѳрѧзин Матвѣй [5]) Петрович! не печалꙋсѧ [6]) ты об Олеше Поповиче, печалуся [7]) о Тугарине Змеевиче; а за меня печалꙋетца [7]) спас и пречистая бца. И приходит днь к вечерꙋ, а уже идет пир на вечере, подадут ествꙋ девятꙋю лебят бѣлою. И как будеть [8]) пир на веселе, учели кнзи и боѧре напиватися і сил ныя могꙋчия богатыри похвалятися, что взговорит [9]) ласковъ княз Владимеръ киевск[ой]: „... есть ли мой чашни [10]) ѳрѧзин Матвѣй Пе(т)ровиче! налеі чарꙋ в полпята [11]) ведра медꙋ сладково за Тꙋгаринина [12]) Змеевича здравие". И подносит велики ласковъ кнзь Вла-

---

[1]) Въ рук.: „нетѣсоно". [2]) Въ рук.: „О". [3]) Въ рук.: „невоскою". [4]) Въ рук.: „О". [5]) Въ рукоп.: „Матвѣ". [6]) Въ рук.: „не печалꙋсѧ". [7]) Въ рук.: „печалуся". [8]) Въ рук. это слово сначала было пропущено; при вставкѣ пришлось раздѣлить на три строки— одна надъ другою. [9]) Въ рук.: „вговорит;" пропущено надстрочное з. [10]) Конецъ слова „киевской" и начало слѣдующаго слова вырваны. Переписчикъ, очевидно, невѣрно прочелъ свой оригиналъ; слѣдуетъ: „Ой еси ты мой чашникъ". [11]) Въ рук.: полпятя„. [12]) Такъ въ рукописи.

димеръ киеско медꙋ слаткова Тꙋгарину Змеевичю чару в пол-пята ведра и он еѣ вꙑпивает одиным дхом досꙋха. Послѣ того подносили туж чару меду слатково младу Алеше Поповичю, и Олеша Попович, прикушевъ, подает Торопу, слугѣ своему порбкꙋ; а сам говорит токова слово: „Ои 1) еси ты Тороп, слꙋга паробок! прими чару медꙋ слаткова в полпята ведра: сам пей 2) и подлѣ себя подчивай 3) князей 3), і бояр и свою братю сильных могꙋчих богатырей. Не бꙋт ты обжирчив в Тꙋгарина Змиевича: у насъ была у батюшка моего у Ѳедора, попа соборного, корова обжерчива—шотчи на поварню да барды опила“....

---

13) Въ рук.: „О“. 14) Въ рук.: „пе“. 15) Въ рук.: „подчива“. 16) Въ рукописи: „кнзе“.

VI.

ГИСТОРІЯ О КІЕВСКОМЪ БОГАТЫРЕ МИХАИЛЕ СЫНЕ ДАНИЛОВИЧЕ ДВЕНАТЦАТИ ЛЕТЪ.

(По рукописи начала XVIII в. Московск. Публичн. Музея №774)

Бысть в великомъ в красномъ столномъ граде Киеве, у великаго князя Владимера Всеславьевича, было пирование почестное на руския силныя богатыри. Пьетъ, естъ велики князь, тешится, а над собою кручины не ведаетъ. То в то время идетъ молодецъ ис поля чистого, из шелому из баканова на дву аргамаческихъ коняхъ, и вьезжаетъ на государевъ дворъ, и коня ставитъ без привези, бежитъ во светлую горницу, пред княземъ колпака не сымаетъ, и сталъ говорить ему: „Государь велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевской, пьешъ ты и ешъ и тешисся, а над собою, государь, кручины не ведаешъ: идетъ из большия орды царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ, а с нимъ идутъ богатыри три брата братовича, а с ними силы со всякимъ богатыремъ по три тысечи; да с нимижь идутъ семь князей ширскихъ, а с ними силы идутъ со всякимъ княземъ по семи тысячь; да с ними же идутъ сорокъ царевичей, а со всякимъ царевичемъ силы по сороку тысечь, а всеи силы с царемъ Бахметомъ сыномъ Тавруевичемъ сметы нѣтъ. И хощетъ твои столнои градъ Киевъ за щитомъ взять, князеи и бояръ всехъ под мечь подклонить, а тебя, великаго князя, поневолить.“ Тогда велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевской закручинился; наливаетъ онъ в турей рогъ меду слаткова и подноситъ своимъ тритцати богатырямъ и гововоритъ имъ: „которои из васъ выпьетъ туреи рогъ меду слаткова, тот бы вынелъ из подъ знамени человека перваго, которои ведаетъ думу царскую“. И в то время болшеи богатырь хоронитца за меншихъ, а меншаи богатырь хоронитца за болшихъ, и ни которой за то дело не внимается.

Потомъ из техъ богатыреи выступаетъ младъ Михаило сынъ Даниловичь: „Государь князь велики Владимеръ Всеславьевичь киевской! Я, государь, выпью туреи рогъ меду слаткова и выиму ис под знамени человека перваго, которой ведаетъ думу царскую“. И в то время взговоритъ велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевскои: „Младъ Михаило сынъ Даниловичь, малымъ ты малешинекъ и молодымъ ты молодешинекъ, всево тебѣ от роду двенатцать летъ; а умомъ ты, Михаило сынъ Даниловичь, глупешеникъ, в чистомъ поле не бывалъ, криваго ты человека не видывалъ, на крепкомъ деле не стаивалъ, робячьимъ умомъ говоришъ“. Ответъ держитъ младъ Михаило сынъ Даниловичь: „Государь, князь Владимеръ Всеславьевичь киевскои! Вели, государь, поимать гоголя и вели держать три года, да пусти, государь, того гоголя на воду, и умѣет-ли тотъ гоголь по воде плавати: так-та наше богатырское сердце неуимчиво [1])“. Тогда великому князю Владимеру Всеславьевичю киевскому то слово полюбилось. И говоритъ ему: „Младъ Михаила сынъ Даниловичь! буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде Киеве.—Ответъ держитъ младъ Михаило сынъ Даниловичь: „Много твоего государскаго жалованья“. И оседлалъ младъ Михаила сынъ Даниловичь добра коня наступчитова с черкаскимъ седломъ и подтянулъ двенатцатью подпружинами шелку шемоханскаго и надевалъ на себя крепкой доспехъ богатырскои и положилъ на главу свою златъ венецъ. И садился младъ Михаило сынъ Даниловичь на своего добраго коня наступчитова и поехалъ ис Киева града не воротами, и скакалъ чрезъ ограду каменную, и поехалъ къ почестному монастырю, ко отцу своему Даниле Ивановичю просить от него прощения и благословения. Тогда приехалъ младъ Михаило сынъ Даниловичь ко отцу своему Данилу Ивановичю и сталъ у него просить благославения: „Благослови ты меня, батюшка, ехати в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя Бахмета сына Тавруевича и вынеть ис под знамени человека перваго, которои ведаетъ думу царскую“. Потомъ сталъ говорить отецъ его Данило Ивановичь: „Чадо мое

---

[1]) Въ рукоп. *неумчиво*.

милое, младъ Михаило сынъ Даниловичь [1]), азъ я в Киеве жилъ девяносто летъ, выезжаючи ис Киева побивалъ девяносто побоищевъ и ис под знамени человека перваго не вынимывалъ, и х Киеву к великому князю Владимеру Всеславьевичю не проваживалъ и на муку такова человека не давывалъ и греха па себѣ не принимывалъ. Буде ты, чадо мое милое, едешъ неволею, и ты добиваися до знамени черного; а буде ты, чадо мое, едешъ волею, и ты добиваися до знамени последнего, и ни на кого не надеися: Богъ тебѣ, чадо мое, на помощь подастъ". Тогда младъ Михаило сынъ Даниловичь взялъ у отца своего благословение и прѡщение и поехалъ в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя Бахмета сына Тавруевича. Тогда поглядитъ в сторону—сила рать великая, в другую сторону посмотритъ,— и тово болѣе, а на третью сторону погледитъ,— аки вода силная колыбается. Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичь устрашился и рече себѣ: „буде поехать мне молотцу не побивъ побоища к столному граду Киеву и великому князю Владимеру, то принять мне от него кручину великую, а от своеи братьи позоръ мне будетъ великои; а какъ побью побоище и с того побоища поеду к столному граду Киеву к великому князю Владимеру Всеславьевичю киевскому, то будетъ мне честь и хвала от великаго князя Владимера Всеславьевича киевского и от своеи братьи великая". Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичь помолился честнымъ образомъ и сталъ призывать Господа Бога на помощь, и сталъ напущать онъ на полки татарские, что ясенъ соколъ на стада на галечья. Тогда выезжаютъ противъ Михаила сына Даниловича силныя богатыри три брата братовича, а с ними силы выходитъ по три тысячи. Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичь убилъ трехъ братовъ братовичевъ, такожъ и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаетъ противъ ево семь князеи ширскихъ, а силы с ними по семи тысячь; и младъ Михаила сынъ Даниловичь убилъ семь князеи ширскихъ, такожъ и силу ихъ всю побилъ. А потомъ выехали противъ Михаила сына Даниловича сорокъ царевичевъ, а силы с

[1]) Въ рукоп. *Ивановичь.*

ними со всякимъ царевичемъ по сороку тысечь; тогда младъ Михаила сынъ Даниловичь убилъ сорокъ царевичевъ, такожъ и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаютъ противъ Михаила сына Даниловича мурзы улановя и говорятъ ему таково слово: „Государь ты дороднои доброи молодецъ, какъ тебя по имени зовутъ и по отечеству? И дай ты намъ сроку на три дни“.—Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичь ответъ держитъ: „Зовутъ меня по имени Михаилою, а по отечеству Даниловичемъ, а езжу я ис краснаго столнаго города Киева от великаго князя Владимера Всеславьевича киевскаго“. То Михаила сынъ Даниловичь далъ имъ сроку на три дни, а самъ поехалъ к белому своему шатру полотняному и сталъ в томъ шатре опочивать и опочивалъ три дни и три нощи бес просыпу. А мурзы улановя в ту пору около полковъ своихъ копали [1]) рвы глубокия, во [2]) рвахъ тыкали тарчи вострыя, крыли полстми ордынскими, делали мосты опрометныя [3]). Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичь от сна просыпается и вооружается и садится на свой доброи конь и напустилъ на полки татарския,—первои полкъ побилъ; тогда напустилъ на второи полкъ и тотъ полкъ побилъ; тогда напустилъ и на третеи полкъ и тотъ же полкъ побилъ. И в те поры младъ Михаило сынъ Даниловичь ввалился въ яму глубокую, а конь его выдрался и поскакалъ в чистое поле; а Михаилу сына Даниловича вынули изь ямы и связали ево, оковали ему ноги по колени, а руки по лохти, и повели ево в полки татарские ко царю Бахмету сыну Тавруевичю. Что взговоритъ царь Бахметъ сынъ Тавруевичь Михаиле сыну Даниловичю: „Какъ тебя, молотца, по имени зовутъ, и которой ты деревни или вотчины“? Ответъ держалъ младъ Михаила сынъ Даниловичь: „Государь царь Бахметъ сынъ Тавруевичь, по имени меня зовутъ Михаилою, а по отечеству сынъ Даниловичь; а езжу я истолного града с Киева от великаго князя Владимера Всеславьевича киевскаго“. Тогда сталъ ему говорить царь Бахметъ сынъ Тавруевичь Михаиле сыну Даниловичю:

[1]) Въ рукоп. *капали.*

[2]) Въ рукоп. *ва.*

[3]) Въ рукоп. *апрометныя.*

„Служи ты мне верою и правдою, какъ ты служилъ великому князю Владимеру Всеславьевичу киевскому; я тебе у себя в золотой орде долю дамъ да треть своего царства“. Ответъ держитъ младъ Михаила сынъ Даниловичь царю Бахмету сыну Тавруевичу: „Радъ тебѣ служить верою и правдою, своею саблею вострою над твоею шеею толстою“. Тогда возговоритъ царь Бахметъ сынъ Тавруевичь: „Мурзы улановя, возмите Михаилу сына Даниловича за белые руки и поведите ево за белые шатры полотняные и снимите с него буиную ево голову“.—Потомъ сталъ имъ говорить младъ Михаила сынъ Даниловичь: „Кто хощетъ жить подолше, тотъ бижи подале, а хто хощетъ жить поменше, тотъ подвинся поближе“. — Тогда возговорятъ ему мурзы улановя: „Брате Михаиле, теперь ты у насъ въ рукахъ, а грозишь [1]) намъ.“—Потомъ не ясенъ соколъ вострепенулся, а младъ Михаила сынъ Даниловичъ сложилъ с себя железа с рукъ и с ногъ и побилъ около себя людеи многое множество; и тогда люди его многия обхватили, и онъ ис подъ телеги ордынскои ось выломилъ и учалъ побивать на все четыре стороны и дограбился до добра сотка каменного и тутъ полки клонилъ. И уже Михаило сынъ Даниловичь уже по колени в крови бродитъ. Тогда выходилъ из бѣла шатра царь Бахметъ сынъ Тавруевичь и бьетъ челомъ о сыру землю: „Государь мои, младъ Михаило сынъ Даниловичь, отпусти ты меня в мою орду хотя сама третя, и аз бы в своеи орде племя развелъ“. Тогда сталъ говорить младъ Михаила сынъ Даниловичь царю Бахмету сыну Тавруевичю: „Отпущу я тебя в твою орду за то сама третья, что азъ былъ у тебя в поимани,—въ большеи орде долю давалъ да треть своего царства; и ты поди в свою орду“. Тогда царь Бахметъ сынъ Тавруевичь поклонился ему и поехалъ в свою орду, а младъ Михаила сынъ Даниловичь убирался и вооружался и садился на свои доброи конь и поехалъ к столному граду Киеву, к великому князю Владимеру Всеславьевичю. Тогда лихъ былъ на Михаилу сына Даниловича оговорщикъ в Киеве, оговорилъ великому

[1]) Въ рукоп. *грозижъ*.

князю Владимеру Всеславьевичю киевскому: „Государь велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевской! Младъ Михаило сынъ Даниловичь ездилъ по деревнямъ да по вотчинамъ пилъ да елъ да бражничелъ, а не у твоего дела царскаго былъ“. Тогда великіи князь Владимеръ Всеславьевичъ киевскои на Михайлу сына [1]) Даниловича разкручинился и велелъ его посадить в темницу заключенную, въ яму глубокую сорока саженъ, где сиделъ Ставерха сынъ Годиновичъ. Посадили Михаилу сына Даниловича вь яму глубокую; и велелъ ему на неделю места хлеба по снопу по овсяному давать: то ему Михаиле сыну Даниловичу за выслугу. И накрыли цкою железною и зарыли землею накрепко, опустили решетки железные и приставили крепость великую. Потомъ велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевской призываетъ слугу своего вернаго, по имени зовутъ Илью Муромца, проведать о побоище Михайла сына Даниловича: „коли онъ побилъ силу рать великую, то я ево ис тюрмы вонъ выпущу“. Тогда Илья Муромецъ скоро метался и садился на свой доброи конь и поехалъ в чистое поле на шеломъ и на бакановъ. И ездилъ Илья Муромецъ двенатцать дней и не могъ онъ объехать трупу татарскаго; и потомъ изьехалъ трупъ татарскои—где пригоръ, тутъ по щеку коню крови, а где привражие, тутъ [2]) по колени коню крови, а где прибрегъ тутъ по чрево коню крови. Потомъ Илья Муромецъ возвратился к столному граду Киеву к великому князю Владимеру Всеславьевичю киевскому; и какъ будетъ Илья Муромецъ среди двора государева и ставитъ своего коня бес привези, а самъ бѣжитъ скоро в бѣлокаменные полаты и молитца честнымъ образомъ и бьетъ челомъ великому князю Владимеру Всеславьевичю киевскому о сыру землю. Что взговоритъ Илья Муромецъ: „гои еси велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевской, живу я у тебя тритцать три года, а побоища такого не побивывалъ, что грозно побилъ побоище младъ Михаило сынъ Даниловичь. А трупу татарскаго—где пригоръ, тутъ по щеку коню крови, а где привражие, тутъ по колени коню крови,

[1]) Въ рукоп. *сыну*.

[2]) Слово *тутъ* въ рукоп. повторено.

а где прибрегъ, тутъ по чрево коню крови“. Тогда велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевскои в тот часъ велелъ изъ ямы вынуть Михаилу сына Даниловича. И в то время вынули его изъ ямы глубокия и привели ево пред великого князя Владимера Всеславьевича киевского. Что взговоритъ велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевскои Михаиле сыну Даниловичю: „Буди ты от меня пожалованъ; злата казна про тебя не запечатана, драгоценное платье про тебя не изношено, добрыя кони стоятъ не об(ъ)езжаны“.—Тогда сталъ говорить младъ Михаила сынъ Даниловичь: „Государь мой великій князь Владимеръ Всеславьевичь киевскои! Много твоего государскаго жалованья; пожалуи, государь, отпусти ты меня к батюшке моему Даниле Ивановичю в монастырь постритца; а у тебя, государя моего, в великомъ столномъ граде Киеве лихи оговорщики: не велятъ тебѣ, великому князю Владимеру Всеславьевичю киевскому, служить верою и правдою и вочью неизменою“. Потомъ велики князь Владимеръ Всеславьевичь киевской отпустилъ млада Михаилу сына Даниловича двенатцати летъ к отцу его Даниле Ивановичю в монастырь для постриженія в монашески чинъ. Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичь великому князю Владимеру Всеславьевичю киевскому поклонился и чюднымъ образомъ помолился и поехалъ к отцу своему Даниле Ивановичю в монастырь. И приехавши в тотъ монастырь, постригся в монашески чинъ, и сталъ в томъ монастыре жить в великои славе и чести до смерти своеи. Темъ сия исторія конецъ восприяла.

Гисторія о кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ сынѣ Даниловичѣ занимаетъ небольшую тетрадку въ 10 листковъ (въ 4-ку) письма начала XVIII в., пожертвованную Румянцовскому Музею покойнымъ преосвященнымъ Амфилохіемъ въ 1867 году. На обложкѣ въ рамкѣ заглавіе, которое затѣмъ повторено на верху 1-го листка. Въ первый разъ „Гисторія“ была напечатана по невполнѣ исправной копіи акад. А. Н. Веселовскимъ (Южно-русскія былины I стр. 20—27).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Къ Повѣсти о силнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ (стр. 1—4).

Предлагаемая «Повѣсть» была впервые издана въ 1891 году академикомъ Л. Н. Майковымъ, въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ» II, стр. 29—32. Сборникъ, содержавшій «Повѣсть», поступилъ въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1890 году. Писанъ во второй половинѣ XVIII в. Приводимъ слѣдующее описаніе состава этого сборника, сдѣланное Л. Н. Майковымъ:

«Составъ этой рукописи, писанной въ 4-ку на 12-ти листахъ, слѣдующій: 1) Лл. 1—3 об. Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ; 2) Лл. 4—7. Выписка изъ путешествія Трифона Коробейникова въ Святую землю: о Святомъ Градѣ, о темницѣ Іоанна Предтечи, о преніи патріарха съ жидовиномъ, о трехъ церквахъ; 3) Лл. 7—10 об. Слово о видѣніи царя Мамера (во второй, позднѣйшей редакціи); 4) Л. 10 об. 14-я притча Езопа; 5) Лл. 11—12. Повѣсть о царѣ Михаилѣ; на оборотѣ послѣдняго 12-го листа нѣсколько разъ выставленъ 1783 годъ и помѣщена слѣдующая запись: «Сия книга Краснахолмскаго уезда Устюжскаго заказу села дымцова діаконъ Ісидоръ Семеновъ 1783 годꙋ генваря дня 22-го запис... в жулнехъ спавить» (?), и далѣе: «пера ѿведать каковы чернила 1783». Такъ какъ эти слова и даты приписаны не тѣмъ почеркомъ, какимъ написана самая тетрадка, то составленіе сей послѣдней должно пріурочить ранѣе 1783 г. Хотя всѣ статьи сборника писаны одною рукой, однако значительно различаются между собою по правописанію: въ двухъ послѣднихъ статьяхъ вовсе не употреблены титла, во второй и третьей они употребляются, и притомъ правильно,—въ первой же статьѣ господствуетъ безграмотность: во многихъ словахъ совсѣмъ пропущены буквы, которыя слѣдовало взять наверхъ, а означеніе титлъ и соотвѣтствующихъ имъ сокращеній неправильно, какъ, напримѣръ: гда҃ или гдарь (государь), взговоⷬ (взговоритъ) и т. п. Это доказываетъ, что составитель сборника вписывалъ въ него подобранныя имъ статьи буквально съ тѣхъ оригиналовъ, какіе были у него подъ руками, а слѣдовательно и для «Повѣсти» объ Ильѣ имѣлъ подлинникъ болѣе старый; подлинникъ этотъ несомнѣнно былъ съ титлами и вынесенными наверхъ буквами—быть можетъ, XVII вѣка, но писецъ плохо разбиралъ его, а потому копировалъ иногда безсмысленно, какъ, напримѣръ: *подылъся* вмѣсто: под Ыльею, *скимъ* вмѣсто: с

Киева, *вокоше чнаку* вмѣсто: в окончину. Въ текстѣ «Повѣсти», который, какъ и всѣ прочія статьи Библіотечнаго сборника, писанъ блѣдными чернилами, какой-то позднѣйшій, но тоже старинный читатель сдѣлалъ нѣсколько подправокъ чернилами болѣе темными» (стр. 2—3).

II.

Къ былинамъ изъ рукописей Ѳ. И. Буслаева, И. Е. Забѣлина и Н. С. Тихонравова.

Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка.

статья Н. С. Тихонравова [1]).

Самыя раннія записи русскихъ народныхъ пѣсенъ относятся,—насколько до сихъ поръ извѣстно,—къ первой четверти XVII вѣка. Въ 1619 году записано было въ Москвѣ для баккалавра Ричарда Джемса, прибывшаго сюда съ англійскимъ посольствомъ [2]), шесть пѣсенъ: пять изъ нихъ имѣютъ предметомъ историческія событія, одна «весновую службу» [3]). Тексты этихъ пѣсенъ записаны *со словъ* [4]) *по заказу* любознательнаго баккалавра, который желалъ познакомиться съ русскимъ народнымъ языкомъ. Въ этомъ небольшомъ сборникѣ, повидимому, двѣ пѣсни (первая и шестая) написаны были *въ сплошную строку*, остальныя—съ раздѣленіемъ на стихи [5]). Въ томъ же столѣтіи народная былина появляется и въ сборникѣ, назначенномъ *для литературнаго чтенія.* Такъ, въ рукописи XVII в., принадлежащей Е. В. Барсову, помѣщено «Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградцкихъ богатырей, учинили себѣ честь» [6]). Это «*Сказаніе*» помѣщено въ сбор-

---

[1]) Покойный Н. С. Тихонравовъ выражалъ намъ желаніе перепечатать *съ нѣкоторыми измѣненіями* въ приложеніи къ нашему сборнику былинъ свою статью „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка“, помѣщенную имъ въ 1891 году въ VIII кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“. Исполняя желаніе покойнаго, воспроизводимъ здѣсь *безъ измѣненій* это изслѣдованіе, содержащее рядъ интересныхъ свѣдѣній о записяхъ былинъ, дошедшихъ до насъ отъ XVII и XVIII столѣтій.

[2]) Посольство, въ свитѣ котораго находился Ричардъ Джемсъ, пробыло въ Москвѣ съ 19-го января по 20-е августа 1619 года; въ этотъ періодъ времени и записаны пѣсни для Джемса въ особую книжку.

[3]) Эти пѣсни напечатаны сначала въ „Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Втораго отдѣленія Академіи Наукъ“ (т. I, стр. 5—10), потомъ перепечатаны въ „Памятникахъ великорусскаго нарѣчія“ (стр. 1—8).

[4]) Пѣсня о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву *въ іюнѣ 1619 года* записана къ книжку Ричарда Джемса вскорѣ *послѣ самаго событія.* Она напечатана въ „Памятникахъ“ *безъ раздѣленія на стихи.*

[5]) Къ этому заключенію приводитъ печатное изданіе записанныхъ для Ричарда Джемса пѣсенъ, въ которомъ первая и шестая пѣсня напечатаны безъ раздѣленія на стихи; къ сожалѣнію, издатели не сообщили никакихъ палеографическихъ свѣдѣній о самой рукописи Ричарда Джемса.

[6]) *Сказаніе* напечатано въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (томъ XXVIII, № 3), подъ заглавіемъ: „Богатырское слово“.

никѣ г. Барсова между широко распространеннымъ въ допетровскомъ (а впослѣдствіи въ *народномъ) чтеніи* «Хожденіемъ Трифона Коробейникова въ Святую Землю» и «Словомъ о Дмитреѣ купцѣ (Басаргѣ) и о мудрыхъ словесехъ сына его Борзомысла» [1]). Въ глазахъ составителя сборника или писца былина о кіевскихъ богатыряхъ была уже не *пѣснью*, а *сказаніемъ*, т. е. повѣстью въ родѣ «Слова о Дмитріи Басаргѣ» и подобныхъ ему «словъ» и «сказаній» *письменной* литературы, обращавшихся въ допетровской Россіи. Текстъ «Сказанія о кіевскихъ богатыряхъ» въ сборникѣ Барсова написанъ *въ сплошную строку*; стихъ большею частію разрушенъ; въ одномъ мѣстѣ случайно, по ошибкѣ, пропущено нѣсколько строкъ [2]), но намѣренныхъ поправокъ и измѣненій со стороны писца, приноровленія текста къ литературному изложенію письменныхъ повѣстей XVII вѣка—не замѣтно. Несмотря на пострадавшую отъ времени внѣшнюю форму, «Сказаніе», внесенное въ рукопись Барсова, донесло къ намъ въ большей чистотѣ старое содержаніе былины, чѣмъ пѣсни, записанныя *изъ устъ народа* въ позднѣйшее время [3]).

Намъ неизвѣстно пока другихъ рукописей XVII вѣка, въ которыхъ находились бы записи народныхъ пѣсенъ [4]). *[Эти слова были написаны раньше*

---

[1]) Сборникъ отдѣл. рус. языка и словесности, т. XXVIII, стр. 1—3.

[2]) Ср. А. Н. Веселовскаго, *Южно-русскія былины* въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ", XXXVI, 357.

[3]) А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что „Сказаніе о семи богатыряхъ" сохранило *болѣе древнюю форму пѣсни*, чѣмъ та, какая представляется позднѣе записанными ея пересказами" (Ibid. 368). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы противопоставляемъ его мнѣнію О. Ѳ. Миллера (который зналъ „Сказаніе" по другому, позднѣйшему списку), будто „въ этой повѣсти XVII столѣтія, при нѣкоторыхъ довольно вѣрныхъ чертахъ эпическихъ, не только замѣтно *коренное извращеніе* въ подробностяхъ (напримѣръ,—холопство богатырей), но и, такъ сказать, *вверхъ ногами поставлено* самое основное содержаніе былинъ про Идолище въ Цареградѣ". Редакцію былины въ сборникѣ Барсова Миллеръ называетъ „книжною *передѣлкою* XVII столѣтія" (Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 760). Вообще О. Миллеръ очень мало придаетъ значенія записямъ былинъ въ рук. XVIII в., отдавая предпочтеніе текстамъ, записаннымъ позднѣе и напечатаннымъ въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ" и въ сборникахъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга. (Ср. стр. VII, 32).

[4]) Къ XVII вѣку относитъ П. А. Безсоновъ запись пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ, найденную имъ въ бумагахъ Калайдовича и напечатанную въ седьмомъ выпускѣ „Пѣсенъ" Кирѣевскаго (стр. 62—66). „Она написана (говоритъ Безсоновъ) на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: „въ 196 году въ 7-и тысяче", то есть 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше *1688 года* и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности близка, періоду Самозванцевъ". Нельзя допустить, чтобы запись: „въ 196 году въ 7-и тысяче" указывала на время пересмотра, т. е. исправленій и дополненій *ранѣе записанной пѣсни*: 196-й годъ *седьмой* тысячи означаетъ 6196=688-й годъ, а не 1688-й годъ. Такого грубаго промаха не могла допустить „послѣдняя рука, дополнявшая и исправлявшая текстъ пѣсни". Этотъ годъ внесенъ послѣднею рукою, *какъ одинъ изъ варіантовъ* пѣсни. Такая формула для обозначенія времени встрѣчается не

изданія Л. Н. Майковымъ Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII в. В. М.] Можно, однако, думать, что уже въ XVII в. эти пѣсни записывались нерѣдко: на это указываютъ «Сказанія о богатыряхъ», встрѣчающіяся въ рукописяхъ слѣдующаго столѣтія и носящія на себѣ явные слѣды *копированія* съ болѣе древнихъ *рукописныхъ* текстовъ.

Въ XVII вѣкѣ начали *собирать* и записывать и «пословицы всенароднѣйшія» [1]). Былина, подъ перомъ писца, полагавшаго ихъ на бумагу, получала названіе «сказанія» и такимъ образомъ поставляема была наравнѣ съ оригинальными и переводными историческими и поэтическими «сказаніями», «словами» и «повѣстями». Пословицы, или «мірскія притчи», отождествлялись съ мудрыми изреченіями языческихъ и христіанскихъ писателей,—въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ «Пчелъ»,—и даже съ «словцами божественныхъ писаній». Старинныя пословицы, притчи и поговорки, вписанныя въ одинъ сборникъ XVII вѣка, озаглавлены: «Словца избраны отъ Мудрости Исуса, сына Сирахова, и отъ Премудрости царя Соломона» [2]).

Рукописная литература XVIII вѣка, продолжая старое литературное преданіе, сохраняетъ живой интересъ къ памятникамъ народной словесности и древне-русской литературы.

Къ первой четверти XVIII вѣка относится драгоцѣнный сборникъ произведеній древне-русской литературы и народной словесности, принадлежащій Ѳ. И. Буслаеву [3]). Сборникъ состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей; въ каждой помѣщено по одному произведенію [4]). Эти тетрадки соединены были въ одинъ переплетъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже утрачены были отдѣльные листки (большею частію начальные или конечные). Такъ, въ первой тетрадкѣ недостаетъ 26 начальныхъ листовъ. Кромѣ того, утрачены л. 85—88, л. 122-й, л. 259-й (въ срединѣ «Сказанія о Акирѣ премудромъ»), л. 325-й (начало былины о Ставрѣ), л. 371-й (конецъ пѣсни: «Чаша моря соловецкаго»). Тетрадки отданы были въ переплетъ *послѣ того*, какъ перемѣчены были по листамъ (по старинному—буквами, а не цифрами) рукою писавшаго и, кажется, перваго

только въ историческихъ пѣсняхъ, но и въ духовныхъ стихахъ. Ср. начало пѣсни о Скопинѣ: „Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году, Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи“ (Древнія россійскія стихотворенія, стр. 275). Въ стихѣ про Егорія: „Въ седьмомъ году въ осьмой тысячѣ, Наѣзжалъ царище Кудрянище“. (Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 95).

[1]) „Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія *по алфавиту*“ внесены въ скорописный сборникъ конца XVII вѣка, принадлежащій Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 950. Текстъ пословицъ по этому списку изданъ въ извѣстной монографіи Ѳ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки“ (въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“, Калачова, тома II половина 2-я, стр. 1—168).

[2]) Строевъ, рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому, стр. 487.

[3]) Костомаровъ невѣрно относилъ этотъ сборникъ къ XVII вѣку.

[4]) На оборотѣ 368 листа читается: „Конецъ тетрати сеі“, на листѣ 375-мъ „Конецъ сей тетрати свершися, Аминь“.

владѣльца оныхъ. При переплетѣ порядокъ тетрадей былъ спутанъ, и потому листы 283—401 приплетены въ самомъ концѣ рукописи, послѣ листовъ, помѣченныхъ: 370 и т. д. Вообще послѣ л. 349-го порядокъ страницъ спутанъ переплетчикомъ. На нѣкоторыхъ страницахъ сохранились записи владѣльцевъ, къ коимъ рукопись, съ теченіемъ времени, переходила. На оборотѣ л. 113-го записано тѣмъ же почеркомъ, какимъ написанъ весь сборникъ: «Сиѧ тетрать Никиты Андрѣева с͠на (сына) Кора...». Это—запись составителя и перваго владѣльца сборника. Позднѣйшія записи читаются на об. л. 159, на л. 194, на об. л. 386, на об. л. 390. Приводимъ двѣ послѣднія, указывающія на сословіе читателей прошлаго вѣка, интересовавшихся статьями сборника. На оборотѣ 386 листа записано: «Сия книга дому г^сдна [1]) лейбъ гварди прапорщика але-ѯея ильича желябужскаго служитѣля ево ивана тимофиева с͠на быкова [2]). На обор. 390 листа позднѣйшая запись: «Сия книга г^сдрьственнои во^тчино^н ко^ллегiі капеиста петра иванова с͠на степанова». Въ объемистомъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева совмѣщены важнѣйшія произведенія литературы XVII вѣка, вошедшія въ «народныя книги», въ область народнаго чтенія XVIII вѣка. Изъ памятниковъ *древне-русской* литературы отмѣтимъ: 1) Слово о иконѣ пресвятыя Богородицы, како приде из верскаго (Иверскаго) царства во святую гору по воздуху»; 2) «Чудо пречистыя владычицы нашея Богородицы о женѣ бѣсноватѣи Соломоні» [3]); 3) «Сказание о ризѣ господа нашего Іисуса Христа», 4) «Сказаніе о святѣмъ Іоанне Богословѣ, како научи человѣка писати іконы» [4]); 5) «Ис книги Пролога—м͠сца генваря въ .д. день, Слово, еже не осудити никогоже, дондеже господь избавитъ и о долготерпѣніі божиі»; 6) Притъча о нѣкоемъ дворецкомъ і селянинѣ» [5]); 7) «Повѣсть о Дмитрие купцѣ і о премудромъ слове сына ево» (Басарга); 8) «Сказание о Акире премудромъ і о премудрости ево», 9) «Како баба диявола обманула» [6]); 10) «Повѣсть града Вавилона» [7]) 10) Слово святаго мученика Егория о змиі і о девицѣ [8]); 11) «Слово о бражнике, како вниде въ рай». Не перечисляя другихъ статей сборника отмѣтимъ апокрифы: *Іерусалимскій свитокъ*, *Сказаніе о потопѣ и о Ноевомъ ковчегѣ*, *О царѣ Соломонѣ*. Рядомъ съ этими произведеніями помѣщены три былины и нѣсколько популярныхъ въ лубочной литературѣ текстовъ. Къ числу послѣднихъ

---

[1]) Маленькими буквами обозначаемъ надстрочныя, находящіяся въ рукописи подъ титлами или прямо надъ строкой.

[2]) На об. л. 159 запись, изъ которой видно, что сборникъ перешелъ потомъ въ собственность сына И. Т. Быкова—Алексѣя.

[3]) Ср. Костомарова, Памятники старинной русской литературы, т. I, 161—164.

[4]) Ср. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, стр. LVII—LX.

[5]) Ср. А. Н. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 195—196.

[6]) Изъ польскихъ фацецій.

[7]) Сказаніе это оканчивается смертью царя Навуходоносора.

[8]) Ср. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 51.

относятся: 1) «Слово о піянствѣ» [1]; 2) Списокъ судънаго дѣла, какъ тягася лещъ сь ершемъ о ростовскомъ озере и о рекахъ»; 3) «Повѣсть сказуемаго ерша ершова сына щетинникова і ябедника»; 4) Повѣсть о курѣ і о прекрасной лисицѣ [2]; 5) «Роспись о приданомъ» [3]; 6) «Повесть о Ереме с Ѳомою» [4]; 7) «Колязинская челобитная» (безъ начала и конца) [5]; 8) «Сутъ Шемякинъ, выписано іс книгі із жартъ полскихъ» [6]. Сравнивая тексты этихъ семи произведеній, вписанные въ сборникъ Ѳ. И. Буслаева, съ текстомъ ихъ лубочныхъ изданій, видимъ, что первые представляютъ древнѣйшую, болѣе пространную редакцію, вторые—сокращенную передѣлку позднѣйшаго книжника, смягчавшаго наивную грубость первоначальныхъ текстовъ и измѣнявшаго самую форму изложенія. Ровинскій указалъ, что «текстъ картинки» *Ерема Ѳома и Парамошка* «заимствованъ *съ большими сокращеніями* изъ *повѣсти*, находящейся въ въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка Императорской Публичной Библіотеки» [7]. Текстъ *повѣсти о Еремѣ и Ѳомѣ,* въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева, по объему и изложенію гораздо ближе къ изданному Ровинскимъ тексту рукописи Публичной Библіотеки [8], нежели къ лубочному. «Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лещъ съ ершомъ о ростовскомъ озерѣ» и «Повѣсть сказуемаго ерша ершова», при обработкѣ для лубочнаго изданія, до такой степени были *сокращены*, что какъ бы слились въ одно цѣлое и помѣстились на одной лубочной картинкѣ [9].

Въ описываемомъ сборникѣ Буслаева помѣщены слѣдующія три былины: 1) «Сказание о седми русскихъ богатыряхъ» (л. 311—323 об.); 2) Сказаніе о Ставрѣ, безъ начала (л. 326—337 [10]) и 3) «Повѣсть о Ільѣ Муромце и о Соловье Разбойнике» (л. 291—296). Каждая былина записана въ особой тетрадкѣ; «Повѣсть объ Илье Муромцѣ», по ошибкѣ переплетчика, спутавшаго порядокъ перемѣченныхъ тетрадокъ, помѣщена *сзади* сказаній «о седми богатыряхъ» и о Ставрѣ. При перепискѣ въ отдѣльныя тетрадки сборника былины не подвергались поправкамъ или передѣлкамъ переписчика. Былина о Ставрѣ

---

[1] Напечатано по этому списку Буслаевымъ въ „Очеркахъ русской народной словесности", I, 570. Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, I, 319—320.

[2] Ровинскій, I, 272.

[3] Тамъ же, I, 367—371.

[4] Тамъ же, I, 436.

[5] Тамъ же, I, 405.

[6] Тамъ же I, 189.

[7] Ровинскій, Русскія народныя картинки, IV, 295.

[8] Тамъ же, 295—299.

[9] Тамъ же, I, 402. Отмѣтимъ мимоходомъ, что при такихъ сокращеніяхъ нерѣдко стирается мѣстный колоритъ и опускаются собственныя имена. Напр. въ сборникѣ Буслаева „Списокъ суднаго дѣла" начинается такъ: „Господамъ моимъ *новогороцкимъ* судьямъ: осетру да бѣлугѣ, да бѣлой рыбице бьетъ челомъ *кормовой* сынишко боярской лещишко съ товарищи...“ Въ позднѣйшихъ рукописныхъ текстахъ „Списка суднаго дѣла" и въ лубочныхъ изданіяхъ нѣтъ „новгородскихъ судей". Ср. Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 508.

[10] Въ рукописи 324-й листокъ пустой; на утраченномъ 325-омъ находилось начало былины о Ставрѣ; недостаетъ двухъ страницъ, т. е. около 32 строкъ средняго шрифта; сборникъ малаго формата, въ 16-ю долю листа.

списана, повидимому, съ готоваго оригинала, а не записана со словъ [1]). Въ ней лучше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ, сохранился эпическій стиль. Напр., три раза, безъ всякихъ измѣненій, потворяются слѣдующіе стихи:

«Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался;
Государь велики князь Владимиръ раскручинился:
Велѣлъ его посадить въ глубокъ погребъ,
(Въ глубокъ погребъ) [2]) сорока саженъ,
И засыпать песками желтыми,
И закрыть доскою желѣзною».

Хотя стихъ кое-гдѣ разрушенъ, но сказаніе представляется въ болѣе древнемъ, простомъ видѣ, чѣмъ въ былинахъ, записанныхъ позднѣе: въ нихъ оно осложнено скоморошескими варіаціями.

Значеніе текста былины «О седми русскихъ богатыряхъ» [3]), представляющей варіантъ къ «Богатырскому слову» рукописи Барсова, указано А. Н. Веселовскимъ [4]). Запись третьей былины сборника Ѳ. И. Буслаева: «Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ» указываетъ на болѣе старый *рукописный* оригиналъ; нѣкоторыхъ словъ писецъ, очевидно, не умѣлъ въ немъ понять. Такъ, онъ не разобралъ надстрочной буквы *ж* и написалъ: «себе», «себѣ»—вмѣсто: «Себежъ» (городъ); неразобранное имя писецъ старался осмыслить по своему разумѣнію, и вмѣсто: «Себежскова» или «Сибежскова», писалъ: «Сибирскова».

Изъ описаннаго сборника Ѳ. И. Буслаева заимствованы напечатанные выше тексты трехъ былинъ: О Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ (№ 3, стр. 7—9), сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ (стр. 47—53) и о Ставрѣ Гаденовичѣ (стр. 54—58).

Въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго, № 663 (нынѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ) помѣщена «*Повѣсть* о славномъ могучемъ богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике». Этотъ сборникъ состоитъ изъ двухъ рукописей, писанныхъ различными почерками и въ разное время и впослѣдствіи соединенныхъ въ одинъ переплетъ. Болѣе древняя рукопись занимаетъ вторую часть сборника и начинается съ 59-го листа нынѣшней нумераціи сборника; съ боку этого листа приписано: «$\frac{17}{30}$ году». Эта помѣта опредѣ-

[1]) Такъ, Василиса ѣдетъ „ис тое земли из Галацъкия отъ короля *посолскова*“, вм. польскова. Въ былинахъ о Ставрѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ Рыбникова (I, 247) и Гильфердинга (стр. 767,768 и др.), Василиса пріѣзжаетъ „изъ земли Ляховецкія“. Слово „Галацъкия“ рукописи, вѣроятно, описка, вмѣсто: „Галицкія“, а можетъ быть вм.: „Галанскія“; ср. у Рыбникова: „Называлася (Василиса) посломъ со славной земли Гленскія“ (I, 243).

[2]) Заключеннаго въ скобки нѣтъ въ рукописи; стихъ въ ней кое-гдѣ разрушенъ,—новое указаніе на то, что былина списана съ рукописи, а не записана со словъ.

[3]) Эта былина издана *очень неисправно* въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, I, 311—318.

[4]) Сборникъ Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 357—369.

ляетъ время написанія той части сборника, въ которую вписана «*Повѣсть*» объ Ильѣ Муромцѣ. Къ сожалѣнію, отъ этой повѣсти сохранились только начало и конецъ. Приводимъ буквально сохранившіяся строки. Начало: «Въ славномъ граде Муроме слушалъ Ілья Муромецъ воскресную заутреню; походъ держалъ к славному граду Киеву ко князю Владимеру киевскому всеславевичю, а завѣтъ держалъ на свою востру саблю і на свои...» Конецъ: «...службу, да послужи ты мне вѣрою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Тежъ люди миновалися, а слава ихъ до скончания вѣка. Аминь». Уцѣлѣвшія строки «Повѣсти» позволяютъ думать, что текстъ ея записанъ былъ довольно вѣрно сравнительно съ народнымъ пересказомъ и не подвергся поправкамъ книжника. Своимъ составомъ послѣдняя часть сборника Ундольскаго напоминаетъ составъ Барсовскаго сборника, въ которомъ помѣщено «Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ». На листахъ 59—61 об. новой нумераціи (по старой 117—119) помѣщена «*Повесть* о царѣ Агѣе, како пострада гордости ради за евангельское слово»; на л. 62—64 об. (по стар. нумераціи л. 120—122 об.) статья, озаглавленная: «О велицемъ граде Иерусалиме сказание, идеже гробъ господень предстоитъ и о пространстве соборныя церкви Святая Святыхъ»; на листахъ 65—74 (по ст. нумер. 123—132)—«*Повесть* о крестномъ сыне, како Христосъ крестилъ младенца» [1]); наконецъ, на л. 75—81 об. (л. 133—139) написана «*Повесть* о Дмитриі купце (Басаргѣ) и о сынѣ его седми лѣтъ мудрыхъ отвѣтовъ» (sic!). Разсказъ о Дмитріи Басаргѣ, озаглавленный въ другихъ рукописяхъ «словомъ» или «сказаніемъ» [2]), названъ здѣсь «Повѣстью»; такое наименованіе получила и былина объ Ильѣ Муромцѣ, и даже легенда о крестномъ сынѣ. Уцѣлѣвшій въ сборникѣ Ундольскаго отрывокъ «Повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ относится къ той версіи былинъ о первой поѣздкѣ Ильи, которая находится въ описанномъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева и другихъ рукописяхъ XVIII в. Въ тетрадкѣ второй половины XVIII вѣка, [3]) принадлежащей И. Е. Забѣлину (№ 71), она уже носитъ не старое русское названіе: «слова», «сказанія», «повѣсти», а окрещена иностраннымъ словомъ: «*Гисторія*», т. е. тѣмъ терминомъ, которымъ обыкновенно означались во второй половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти [4]). По этому списку И. Е. Забѣлина «Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ - Разбойникѣ» напечатана Аѳанасьевымъ въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ“ (изд. 3-е, вып.

---

[1]) Эта легенда напечатана по довольно позднему списку въ „Народныхъ русскихъ легендахъ“ Аѳанасьева, стр. 99—104.

[2]) Ср. „Памятники старинной русской литературы“, изд. Костомаровымъ, II, 347, 352; Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 99.

[3]) Владѣлецъ рукописи относитъ ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 295. Здѣсь время написанія рукописи не опредѣлено съ точностью; сказано только, что она относится къ XVIII вѣку.

[4]) Ср. Пыпина, „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, стр. 284—289, и его же: „Для любителей книжной старины“, стр. III, V, 4, 5 и др.

I, стр. 77—80, затѣмъ переиздана акад. Л. Н. Майковымъ въ 1891 году въ его «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русск. литературѣ» (II, стр. 32—34) и снова издается въ нашемъ сборникѣ (см. выше стр. 4—7). Въ срединѣ рукописи пропускъ. Текстъ начинается такъ: «Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву ко славному князю Владимеру Сеславьевичу, а *завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдъ во всю широкую дорогу острой сабли изъ ножъ не вынимать, а на крѣпкой лукъ тетивы не накладывать*» [1]). Такое начало *ближе всего подходитъ* къ вышеприведенному отрывку, сохранившемуся въ сборникѣ Ундольскаго № 663; въ «повѣсти» Буслаевскаго сборника начальныя строки представляютъ старый текстъ въ *испорченномъ* видѣ; въ другомъ текстѣ XVIII вѣка о «завѣтѣ» Ильи Муромца совсѣмъ не упоминается. Въ описываемой тетрадкѣ И. Е. Забѣлина «Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ» оканчивается слѣдующими словами: «И князь Владимеръ сталъ веселъ и говоритъ ему: *послужи ты мнѣ, Илья Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую*» [2]). Послѣднія выраженія *буквально* повторяются въ отрывкѣ Ундольскаго; въ текстѣ сборника Буслаева ихъ нѣтъ; но вмѣсто нихъ стоитъ эпическая формула: «тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, і погребы не замкнуты». Позволительно заключить, что одна и та же версія былины вносилась въ рукописи XVIII вѣка съ записей или пересказовъ, несогласныхъ между собою во всѣхъ подробностяхъ содержанія и различныхъ по изложенію, по степени сохранности эпическаго стиля.

Въ другой рукописи И. Е. Забѣлина, № 82, относимой владѣльцемъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, находятся: 1) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, и 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (см. 1-е въ нашемъ изданіи стр. 11—24) [3]). Въ первомъ сказаніи утрачены начальные листы; въ настоящемъ своемъ видѣ рукопись начинается такъ: «взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговскій подъ лѣвую». Въ этомъ сказаніи о первой поѣздкѣ Ильи Муромца, богатырь освобождаетъ отъ враговъ не Себежъ, а Черниговъ. Второе «сказаніе» (о трехъ богатыряхъ), повидимому, сходно съ напечатаннымъ выше по двумъ спискамъ (№ 2 и 3, стр. 32—46) «сказаніемъ о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о похожденіи ихъ».

Записываніе народныхъ пословицъ и составленіе изъ нихъ особыхъ сборниковъ продолжалось въ XVIII вѣкѣ. Въ *рукописяхъ* этого столѣтія пословицы сохраняютъ *свой исконный видъ*; только при печатаніи подвергаются онѣ болѣе или менѣе значительнымъ искаженіямъ. Къ 1749 году относится рукопись, озаглав-

---

[1]) „Народныя русскія сказки“ Аѳанасьева, вып. I, стр. 77—78.

[2]) Аѳанасьевъ, „Народныя русскія сказки,“ I, 80.

[3]) Д. А. Ровинскій относитъ этотъ „*замѣчательный* списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ“ къ „началу прошедшаго столѣтія“ и предлагаетъ сравненіе этого списка съ текстомъ (конечно подновленнымъ), который напечатанъ Сахаровымъ въ его „Русскихъ народныхъ сказкахъ“ (Спб. 1841), стр. 66. См. Русскія народныя картинки, IV, 2—3.

ленная: «Россійскія пословицы, собранныя по алфабету въ Москвѣ 1749». Изъ позднѣйшей приписки видно, что этотъ сборникъ *писанъ рукою Александра Даниловича Янькова*. По словамъ Ѳ. И. Буслаева, рукопись эта «содержитъ въ себѣ многія весьма древнія пословицы, не уступающія стариною» тѣмъ, которыя внесены въ сборникъ XVII в. Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ [1]. Можетъ быть, Яньковъ не самъ составилъ этотъ сборникъ пословицъ, а списалъ его съ болѣе древняго оригинала: многія пословицы въ этой рукописи «въ большей чистотѣ сохранили русскую рѣчь», чѣмъ напечатанныя впослѣдствіи въ извѣстномъ изданіи Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи» [2]. Какъ бы то ни было, достойно вниманія то обстоятельство, что перепискою «русскихъ пословицъ» занимался *въ Москвѣ*, въ 1749 г., человѣкъ по тогдашнему времени образованный, знавшій французскій языкъ. Въ нашемъ собраніи рукописей находится рукопись (№ 325), принадлежавшая библіотекѣ того же Янькова и значившаяся въ ней подъ № 86. Рукопись заключаетъ въ себѣ «Авантуры Аристонюсовы»,—нравоучительную повѣсть, переведенную съ французскаго. На оборотѣ заглавнаго листа тѣми же чернилами и почеркомъ, какими написана вся рукопись, приписано: «A: de Yancoff». На заглавномъ листѣ *позднѣйшая приписка*: «Авантуры Аристоносовы (sic!). *Писаны рукою Александра Даниловича Янькова*» [3]. Образованный русскій москвичъ, половины прошлаго вѣка, сохранялъ, очевидно, живой интересъ къ рукописной литературѣ, хранившей старыя традиціи, и собственною рукою переписывалъ и народныя русскія пословицы, и переведенную съ французскаго исторію [4].

Бытъ помѣщиковъ XVIII вѣка, особенно провинціальныхъ, поддерживалъ въ этомъ привилегированномъ сословіи сочувствіе народной старинѣ и поэзіи. Митрофанушка «Недоросля» «еще сызмала былъ къ исторіямъ охотникъ» и «заставлялъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью»; «въ иной исторіи залеталъ за тридесять земель, за тридесято царство». Скотининъ «безъ того глазъ не сводилъ, чтобъ выборный не разсказывалъ ему исторій». Самъ авторъ «Недоросля» слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ пріѣзжавшій изъ дмитріевской деревни Фонвизиныхъ мужикъ Ѳедоръ Суратовъ. Татищевъ († 1750 г.) слушалъ былины о пирахъ Владиміра и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ (о дворѣ Путятинѣ) помѣстилъ въ одномъ изъ примѣчаній къ Іоакимовской лѣтописи [5]. Обширный сборникъ народныхъ пѣсенъ, составленный въ XVIII вѣкѣ, связанъ съ именемъ одного изъ Демидовыхъ,—того, который любилъ щеголять патріархальными пріемами стараго русскаго быта. 22-го сентября 1768 года Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ писалъ «россійскому исторіографу»

---

[1]) Ср. монографію Ѳ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки", въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній" Калачева, II, 2, стр. 67.

[2]) Тамъ же.

[3]) Ср. также Пыпина, „Дополненіе къ библіографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка" въ „Сборникѣ Общества любит. рос. словесности" на 1891 г., стр. 542—543.

[4]) Въ 1782 г. эта повѣсть была напечатана въ Петербургѣ, но въ другомъ переводѣ—*съ англійскаго*. („Роспись" Смирдина, № 9268).

[5]) Татищевъ, „Россійская исторія", часть I, кн. 1, стр. 50.

Г. Ф. Миллеру: «Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ *сибирскихъ людей*, которые прошедшую *исторію* поютъ на голосу, которую при семъ къ Вашему Высокородію посылаю». Печатая это письмо (по подлиннику, сохранившемуся въ портфеляхъ Миллера), профессоръ Шевыревъ справедливо замѣтилъ: «Письмо указываетъ на то, какъ весь сборникъ, у насъ обыкновенно приписываемый Киршѣ Данилову, былъ записанъ въ Сибири съ устъ сибирскихъ людей для Прокофія Акинфіевича Демидова» [1]). Приведенное письмо опредѣляетъ приблизительно время и мѣсто записи народныхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ «Древнихъ россійскихъ стихотвореній» [2]). Самая былина, посланная Демидовымъ Миллеру при этомъ письмѣ и напечатанная впослѣдствіи въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ» (стр. 326—336) подъ заглавіемъ: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское», написана была *безъ раздѣленія на стихи*, въ сплошную строку [3]). По словамъ К. Ѳ. Калайдовича, «оригиналъ «Древнихъ Русскихъ стихотвореній» писанъ *новымъ почеркомъ*, безъ орѳографіи и *безъ раздѣленія стиховъ*» [4]). Время составленія сборника Калайдовичъ опредѣляетъ лишь приблизительно, говоря: «За открытіе и сохраненіе сихъ старыхъ памятниковъ русской словесности мы обязаны покойному г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Прокофію Акинфіевичу Демидову, *для коего они предъ симъ лѣтъ за 70 были списаны*» [5]). Высказывая предположеніе, что пѣсни для Демидова были *списаны* съ готоваго оригинала (а *не* записаны *со словъ*), Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, «что собиратель «Древнихъ стихотвореній» долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка» [6]). Это предположеніе издатель основываетъ на пѣснѣ: «Свѣтелъ, радошенъ царь Алексѣй Михайловичъ» и еще болѣе на «повѣсти *о Атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ*, въ которой сей начальникъ Донскаго войска съ казаками, изъявляя прискорбіе о возбраненіи имъ плаванія на Дону, подаетъ въ Москвѣ государю Петру I просьбу на сіе притѣсненіе» [7]). Сборникъ древнихъ россійскихъ стихо-

[1]) „Москвитянинъ“ 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 9.

[2]) Письмомъ Демидова опровергается предположеніе Сахарова, что „настоящій собиратель („Древнихъ россійскихъ стихотвореній“) былъ П. А. Демидовъ, жившій *въ Тулѣ* въ половинѣ XVIII столѣтія“ и собиравшій, какъ и другіе тульскіе бояре того времени, „пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки“. Отъ этихъ *тульскихъ* пѣсельниковъ, по мнѣнію Сахарова, и записаны пѣсни, вошедшія въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“. Ср. „Сказанія русскаго народа“, изд. 3-е, I, 30.

[3]) „Москвитянинъ“ 1854 г., № 1 и 2, стр. 10.

[4]) „Древнія россійскія стихотворенія“, изд. 2-е, стр. XXXIV, стр. III.

[5]) Тамъ же, стр. I.

[6]) Тамъ же, стр. VIII—IX.

[7]) Основываясь на указанныхъ Калайдовичемъ пѣсняхъ, П. А. Безсоновъ отодвигаетъ даже Киршу Данилова къ концу XVII вѣка. Вотъ его слова: „Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ, жилъ, конечно, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра I, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п.“ (Приложеніе къ седьмому выпуску

творенiй, несомнѣнно, составленъ былъ по заказу Демидова въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и пѣсни, вошедшiя въ его составъ, были *записаны съ голосу сибирскихъ людей*, а не переписаны съ готоваго рукописнаго оригинала. Демидовъ положительно свидѣтельствуетъ о томъ въ письмѣ къ Миллеру.

Въ 1769 году Кургановъ вноситъ четыре народныя пѣсни въ учебное руководство по русскому языку, изданное имъ подъ заглавiемъ: «Россiйская универсальная грамматика, или всеобщее письмословiе, предлагающее легчайшiй способъ основательнаго ученiя русскому языку съ седмью присовокупленiями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей». Двѣ историческiя пѣсни напечатаны здѣсь *въ сплошную строку;* но начала отдѣльныхъ стиховъ отмѣчаются во второй пѣснѣ прописною буквою: повидимому Кургановъ напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ какой-нибудь рукописи [1]). Въ «Универсальной грамматикѣ» народныя русскiя пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ *Разныхъ стиходѣйствъ* — среди произведенiй Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ «кантъ» и «кiевокалѣкскихъ» стиховъ. Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) «Краткiя замысловатыя повѣсти» (въ родѣ польскихъ фацецiй), 2) «Древнiя апоѳегмы» (перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 году), и наконецъ, 3) «Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ». Послѣднiя, какъ и пѣсни, напечатаны безъ подправокъ и передѣлокъ, которымъ онѣ нерѣдко подвергались впослѣдствiи со стороны писателей, принадлежавшихъ къ ложно-классической школѣ, или признававшихъ литературный авторитетъ Сумарокова (напр., въ изданiяхъ Богдановича и Михайлы Попова). «Универсальная грамматика» впослѣдствiи была значительно расширена въ объемѣ и, подъ именемъ «Письмовника», заняла почетное мѣсто въ нашей «мѣщанской» литературѣ; этимъ книга Курганова обязана, конечно, и тому, что приняла въ свой составъ «апоѳегмы» и забавныя повѣсти, пользовавшiяся большимъ распространенiемъ въ литературѣ XVII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ и пословицамъ, въ нее внесеннымъ. Нѣкоторыя отдѣльныя

„Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ", стр. 78). Осторожнѣе относится къ вопросу о личности Кирши Данилова и о времени составленiя имъ сборника пѣсенъ Вольнеръ, говоря „Im 18 Jahrhundert veranstaltete ein gewisser Kirsa Danilov, der in den Demidev'schen Eisenbergwerken im Gouvernement *Perm* beschäftigt gewesen zu sein scheint, eine Sammlung von 61 Bylinen (W o l l n e r, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen", p. 2). Вольнеръ слѣдуетъ здѣсь О. Ѳ. Миллеру (Илья Муромецъ, стр. V).

[1]) Первая пѣсня („Изъ славнаго города изъ Пскова подымался Царевъ большой бояринъ", стр. 306) перепечатана была въ пѣсенникахъ Чулкова, Новикова и въ пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, вып. 8-й, стр. 132—135.

Вторая пѣсня напечатана въ такомъ видѣ: „Вы молоды ребята послушайте; Что мы стары старики будемъ сказывати: 2. Про грозна Царя Iвана про Васильевича. Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ: Подъ Казанку подъ рѣчку подкопы подводилъ: За Сулай за рѣчку бочки съ порохомъ каталъ: А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ: Ой! Татараве по городу похаживаютъ: И всяко грубiянство оказываютъ: Онѣ грозному Царю насмѣхаются: А не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ: Ахъ! какъ тутъ нашъ Государь Царь разгнѣвался: Что подрывъ такъ долго медлился: Приказалъ онъ за то Пушкарей строго казнить: Подкопщиковъ и зажигальщиковъ: Но (ино?) всѣ тутъ Пушкари при-

статьи «Универсальной грамматики» перешли на лубочныя картинки, подобно многимъ рукописнымъ текстамъ XVII и XVIII вѣка [1]).

Въ 1770-мъ г. напечатаны были Чулковымъ двѣ первыя части «Собранія разныхъ пѣсенъ»; изданіе этого сборника закончилось въ 1774 году выходомъ четвертой части. Рядомъ съ пѣснями разныхъ русскихъ стихотворцевъ Чулковъ помѣстилъ въ этомъ «Собраніи» много пѣсенъ народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; пѣсенъ историческихъ и былинъ въ его сборникѣ не много.

Обрядовыя и бытовыя народныя пѣсни, напечатанныя въ «Собраніи» Чулкова, повидимому, извлечены собирателемъ изъ старыхъ рукописей, гдѣ онѣ находились вмѣстѣ съ пѣснями неизвѣстныхъ авторовъ. Въ «Предувѣдомленіи» Чулковъ говоритъ: «Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсенъ, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотные писцы наши, кои пишутъ, а что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ неискуство находилъ я почти во всякой пѣснѣ, такъ что индѣ ни стиха, ни риѳмы, ниже мысли узнать мнѣ было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мнѣ не умѣли; для того принужденъ былъ употреблять догадку... Сихъ пѣсенъ собрано у меня нѣсколько (продолжаетъ Чулковъ), а сіе нѣсколько составило бы ужасной величины книгу, естьли бы я напечаталъ ихъ всѣ вмѣстѣ: того ради разсудилось мнѣ выдавать ихъ по частямъ. Каждая часть состоять будетъ изъ *пѣсенъ разнаго сложенія*, какъ и сія первая, въ томъ же числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, и словомъ *всякаго званія*».

Въ прошломъ вѣкѣ, дѣйствительно, обращались въ средѣ читающаго класса рукописи, въ которыхъ собраны были пѣсни «разнаго званія». Одинъ изъ такихъ сборниковъ найденъ былъ Пекарскимъ въ библіотекѣ г-жи А. П. Микулиной въ селѣ Кожинѣ Московской губерніи. А. Н. Пыпинъ описываетъ этотъ сборникъ такъ: «Рукопись (на 40 лист., въ небольшую четвертку) писана стариннымъ почеркомъ половины XVIII-го столѣтія и названа *кантами*, хотя въ ней собственно такъ называемыхъ стихотвореній очень не много. Всего въ рукописи записаны пятьдесятъ четыре пьесы. Половина ихъ состоитъ изъ романсовъ, пѣсенъ и идиллій, принадлежащихъ срединѣ прошлаго вѣка; затѣмъ помѣщено нѣсколько духовныхъ стихотвореній; наконецъ, остальныя пьесы состоятъ или изъ чисто-народныхъ или полународныхъ пѣсенъ, между которыми встрѣчаются интересныя въ томъ или другомъ отношеніи» [2]). Замѣтимъ, что въ такихъ сборникахъ чисто-народныя пѣсни составляютъ незначительное число

задумалися: А одинъ Пушкарь поотважился: Прикажи Государь Царь слово выговорить: Не успѣлъ Пушкарь слово вымолвить: Тогда лишь догорѣли зажигальны свѣчи: И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ. Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку: Всѣ Татараве тутъ, братцы, устрашилися: Онѣ бѣлому Царю покорилися.“ Пѣсни того же содержанія („Бояринъ Шереметевъ“ и „Взятіе Казанскаго царства“) есть и въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ“ (стр. 284, 314), но *въ другихъ версіяхъ*, чѣмъ у Курганова.

[1]) Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, IV, 190, 241, 254, 353.

[2]) Ср. А. Н. Пыпина, Народные стихи и пѣсни, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., январь, стр. 300—301.

сравнительно съ романсами, пѣснями театральными и подобными имъ стихотвореніями. Таковъ составъ сборниковъ XVIII вѣка, въ которыхъ помѣщались народныя пѣсни лирическія, бытовыя.

Съ 1780 года тотъ же Чулковъ началъ издавать «Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ» и т. д. Въ составъ этого изданія вошли сказки, которыя Чулковъ сочинялъ, руководствуясь принадлежавшимъ ему сборникомъ русскихъ народныхъ былинъ. «Къ крайнему моему сожалѣнію (говоритъ онъ) въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича»... «Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь» [1]). Сотрудникъ Чулкова по изданію «Русскихъ сказокъ», извѣстный писатель Михайла Поповъ [2]), составляя для печати сборникъ: «Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ» [3]), вноситъ въ него нѣсколько народныхъ лирическихъ пѣсенъ и, такъ же, какъ и Чулковъ, жалуется на «безграмотныхъ писцовъ», отъ которыхъ многія пѣсни «претерпѣли гнусное себѣ превращеніе» [4]). У него было подъ руками довольно много записей народныхъ лирическихъ (бытовыхъ) пѣсенъ,—т. е. сборниковъ такого же состава, какими пользовался и Чулковъ, когда онъ приготовлялъ къ печати свое «Собраніе разныхъ пѣсенъ». Въ предисловіи къ своему сборнику М. Поповъ говоритъ: «Со старинными [5]) пѣсьнями поступалъ я такимъ же образомъ (т. е. какъ и съ новѣйшими): по учиненіи онымъ изъ *преогромныя стаи* очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо равногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оные въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсьни, которыя оставилъ я совсѣмъ безъ поправки, по тому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо, какъ уже выше сказано, древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсенъ» [6]). Поповъ, вѣроятно, пользовался и сборниками пѣсенъ «вся-

---

[1]) Русскія сказки, 1780 г., ч. I, стр. 138—139. Въ 1807 году Левшинъ издалъ первыя четыре части „Русскихъ сказокъ" Чулкова *вторымъ тисненіемъ*, т. е. перепечаталъ буквально съ перваго изданія; поэтому примѣчаніе Чулкова о сгорѣвшемъ сборникѣ старинныхъ богатырскихъ пѣсенъ приписано было Левшину Калайдовичемъ („Древнія россійскія стихотворенія", стр. XXI—XXII). Этимъ объясняется недоумѣніе А. Н. Веселовскаго, „какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской". („Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ", т. XXXVI, стр. 375).

[2]) Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей", II, 243.

[3]) Этотъ сборникъ, въ трехъ частяхъ, напечатанъ былъ по смерти М. Попова, въ Петербургѣ, въ 1792 году.

[4]) Россійская Эрата, I, стр. XXXI.

[5]) Такъ называлъ Поповъ народныя пѣсни.

[6]) „Россійская Эрата", ч. I, стр. XXXVI—XXXVII.

каго званія», принадлежавшими Чулкову; онъ былъ участникомъ и въ Чулковскомъ «Собраніи разныхъ пѣсенъ» [1])...

Такимъ образомъ, въ прошломъ столѣтіи, кромѣ спеціальныхъ сборниковъ, составленныхъ исключительно изъ народныхъ пѣсенъ («Древнія россійскія стихотворенія» и сгорѣвшій сборникъ богатырскихъ пѣсенъ Чулкова), народныя пѣсни попадаются 1) лирическія — въ сборникахъ романсовъ и пѣсенъ Сумарокова, Ломоносова и второстепенныхъ писателей XVIII вѣка, 2) былины и историческія пѣсни—въ сборникахъ старинныхъ «сказаній», «повѣстей, «словъ». Сборники перваго рода обращались преимущественно среди привилегированнаго класса: ихъ надобно искать въ старинныхъ помѣщичьихъ библіотекахъ; сборники второго рода—среди грамотныхъ людей средняго и низшаго класса: купцовъ, мѣщанъ, посадскихъ, дворовыхъ людей, крестьянъ.

Къ категоріи послѣднихъ сборниковъ относятся тѣ рукописи нашей библіотеки, по которымъ напечатаны выше слѣдующія былины: 1) «Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» (№ 4, стр. 10—11); 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о похожденіи ихъ» (№ 2, стр. 32—39), и 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ 3, стр. 39—46).

«Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» заимствовано изъ рукописнаго сборника моей библіотеки, № 222. Рукопись въ четвертку, на 227 листахъ, перемѣченныхъ тою же рукою, которою написанъ весь сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, на оборотѣ 63-го листа, сдѣлана приписка, опредѣляющая время составленія сборника: «Anno Domini 1734 году». Въ составъ этой рукописи входятъ: 1) «Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ», безъ начала, за утратою первыхъ двухъ листовъ (л. 3—28 об.); 2) «Исторія, выписана ис книгъ зело полезна француЗкаго (sic!) королевства о гравскомъ сынѣ Кеинге» и т. д. [2]) (л. 29—44 об.); 3) «Сутъ Шемякинъ, выписано ис книгъ жартовъ» (л. 45—47 об.); 4 «Сказаніе о храмце и о слепце» (л. 47 об.—48 об.); 5) «Повесть Цесаревича Діоклітиана отцу своему и (sic!) некоемъ рыцаре и о сыне его Алеѯандре, велми чудна» (л. 49—63 об.); 6) «Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый Богъ являетъ человеколюбие свое надъ народомъ христианскимъ» — о Саввѣ Грудцынѣ (л. 67—87), и 7) «История о храбромъ гишпанскомъ рыцаре Веницыанѣ и прекрасной королевне Ренцывенѣ» (л. 94—227). Составитель сборника оставилъ пустыми листы 64 — 66 (послѣдній листъ утраченъ) и л. 87 об. — 93 об. На этихъ-то пустыхъ страницахъ другимъ почеркомъ малограмотнаго писца вписаны: 1) «Молитва великому святителю Николаю чудотворцу» (л. 64—64 об.); 2) «Молитва пресвятой Богородицѣ» (л. 87 об.—88); 3) «Молитва покаянная Господу Іисусу» (л. 88—89); 4) «Мѣсяцъ мартъ въ 12 день. Сей листъ выписанъ изъ древнихъ святыхъ отецъ харитеныхъ (sic!) о двунадесятъ времянныхъ имянуетца пятница»

---

1) Евгеній, „Словарь свѣтскихъ“ писателей II, 243.

2) Ср. Пыпина, „Для любителей книжной старины“, стр. 34—35.

(л. 89 об.); 4) «Посланіе отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа с небесе» [1]) (л. 90—90 об.); 5) «Молитвы чрезъ седмицу всякому христианину» (л. 91—91 об.). Непосредственно за «молитвою въ понедѣльникъ» тою же рукою вписано и «Сказание о Іліе Муромце и о Соловие Разбонике» (л. 91 об.—92 об., л. 93 об.). Эти новыя записи не позднѣе 1740 года: на л. 64, въ «молитвѣ Николаю Чудотворцу», читается: «Молися Всемилостивому Владыцѣ спасти во здравіе... благочестивѣйшую и самодержавнѣйшую великую государыню нашу, императрицу Анну Іоанновну». Переписчикъ, несомнѣнно, имѣлъ оригиналомъ рукописный текстъ былины, старый, съ надстрочными буквами и титлами. Не умѣя разобрать надстрочныхъ скорописныхъ буквъ, писецъ былины пропускалъ ихъ, какъ видно изъ выше напечатанныхъ примѣчаній: 6-го и 7-го на стр. 10-й и 1-го на стр. 11-й, подъ текстомъ «Сказанія».

Текстъ «Сказанія о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ» (стр. 32—39) извлеченъ изъ рукописной тетради моей библіотеки за № 399, состоящей въ настоящее время изъ двадцати двухъ четвертокъ; первая и послѣдняя четвертка утрачены. Листы перемѣчены писцомъ — не цифрами, а по старинному—буквами. Помѣтка идетъ сверху по всѣмъ листамъ рукописи; послѣ помѣты 19 (ѳі) слѣдуетъ, по оплошности писца, помѣта 21 (кл), вмѣсто 20. Съ лѣваго боку седьмаго (по старой помѣткѣ) листа приписано сверху: «Семенъ». То же имя приписано съ правой стороны и на оборотѣ 18-го листа. Это—имя переписчика и вмѣстѣ владѣльца рукописи. Въ концѣ другой тетради того же почерка, сохранившей главу изъ «Житія Девгенія», читается: «Сия тетрать *Семена* Малкова; а дописана сия тетрать Мца хевраля, 28 дня 1744 года, а писалъ самъ своею рукою всю доконца». Тетрадь, изъ которой взято другое сказаніе о тѣхъ же богатыряхъ (см. выше стр. 39—46), начинается слѣдующими строками главы «О въсхищеніи Стратиговнѣ и о свадьбѣ Девгенія»: «и приниче ко окну, а сама не показася Девгениж.. и вспять возвратися; и Девгени взирающе па дворъ, и тогда девая видевше и подивися». Эта глава оканчивается «аминемъ» на листѣ девятомъ старой нумераціи. Непосредственно за нею вписано: «Сказание, како победи Девгеній Васчлія царя», оканчивающееся на 12-мъ листѣ. За этою главою «Девгеніева дѣянія» слѣдуетъ напечатанное выше «Сказание о трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце, и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ и о похожденіи ихъ» (л. 12—19 об.). На оборотѣ 19-го листа начинается статья озаглавленная такъ: «Мѣсяца марта въ кз день память святыя мученицы Матроны Ѳесалонітскія»; статья оканчивается на оборотѣ слѣдующаго листа, ошибочно помѣченнаго кл. За сказаніемъ о св. Матронѣ, выписаннымъ изъ Пролога, слѣдуетъ «Слово о умномъ и о премудромъ бражникѣ» (л. 21 об. — до конца тетради). Конца этой статьи недостаетъ. Послѣдняя тетрадь Семена Малкова списана,

---

[1]) Это такъ наз. „Эпистолія о недѣлѣ", иначе „Іерусалимскій свитокъ", упомянутый выше въ сб. Ѳ. И. Буслаева. Издавался много разъ; срв. также „*Этногр. Обозрѣніе*", IV, 95—100; *Н. А. Иваницкаго*, Матеріалы по этногр. Волог. г.,—въ „Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи", в. II. Москва 1890 г., стр. 146—147.

вѣроятно, также около того же 1744 года, къ которому относится и первая. Наконецъ, третья тетрадь съ именемъ Семена Малкова, переписанная не его рукою, даетъ указаніе и на мѣстность, гдѣ эти тетради переписывались или обращались. Въ концѣ третьей тетради, содержащей въ себѣ «Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матере его Улиты», послѣ словъ: «Семенъ Малковъ» приписано: «Посацкой человѣкъ *Ярославецъ* Андрей Ѳедотовъ». Полагаемъ, что «Сказаніе о трехъ богатыряхъ» списано съ рукописнаго оригинала, а не записано со словъ: поэтому писецъ механически скопировалъ одно непонятное ему мѣсто, опустивъ надстрочныя буквы, и пропустилъ нѣсколько строкъ или не нашелъ ихъ въ рукописномъ оригиналѣ (см. прим. 1-е на стр. 33-й).

Второе (№ 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ», представляющее варіантъ къ первому, напечатано по рукописи моей библіотеки, № 361. Этотъ объемистый сборникъ, въ четвертку, на 240 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, писанныхъ въ разное время разными почерками и лишь впослѣдствіи переплетенныхъ вмѣстѣ и объединенныхъ общимъ оглавленіемъ, которое насчитываетъ въ сборникѣ 23 главы (статьи). Оглавленіе писано тою же рукою, какою списана самая объемистая тетрадь сборника, содержащая въ себѣ «Страсти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа» (л. 1—100). Въ текстѣ этой *первой главы* сборника, на оставленныхъ пустыми мѣстахъ, вклеены 16 картинокъ, вырѣзанныхъ изъ лубочной книжки: «Страданіе Господа нашего Іисуса Христа» (Ровинскій III, 331). По времени написанія тетрадь «Страстей» самая поздняя изъ всѣхъ, вошедшихъ въ описываемый сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, какимъ написано «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ», списаны слѣдующія статьи сборника: 1) «Мучение святыхъ мученикъ Кирика и матери его Улиты» (л. 121—130); 2) «Слово святаго отца нашего Агапія» (л. 131—137); 3) «Убиение святаго благовернаго князя Андрея Георевича Боголюбовскаго» (137—140); 4) «Сказание о богатомъ купце» (л. 141—145 об.). Нач.: «Во граде Вавилоне бысть купецъ, богатъ зело, именемъ Бендеръ»; 5) «Житие святаго отца нашего Григория, папы римскаго (л. 145 об.—150). Такъ названа статья въ оглавленіи; въ текстѣ стоитъ другое заглавіе: «Сказание о царскомъ платье». Это—совершенно особая редакція такъ называемой легенды о кровосмѣсителѣ (Памятники старинной русской литературы, Костомарова, II, 415—424). Нач.: «Бысть в Цареграде царь Платонъ; живяше много лѣтъ и умре» и т. д.; 6) «Слово иже во святыхъ отецъ нашихъ: Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоусгаго, велми душеполезно, ко всѣмъ православнымъ христианомъ, како матерно бранитися (л. 150 об.—152); 7) «Повѣсть о крестномъ сынѣ», безъ начала (л. 152 об.—155), указанная выше въ сборникѣ Ундольскаго; 8) «Слово о святѣмъ Иоаннѣ Богословѣ, како изучи человѣка писати иконы» (л. 159—161), указанное выше въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева; 9) «Слово о черноризцѣ Мартири, како Христа носилъ» (л. 161 об.—162); 10) «Слово святаго Иоана Златоустаго о страсѣ божиі и о еже како во святѣй божиі церкви стояти со страхомъ и благочиніемъ и лице свое крестити крестообразно» (л. 162 об.—163). Нач.: «Мнози

убо невегласи, махающе по лицу своему рукою» и т. д.; 11) «Списание о иконе пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии огеитрии (sic!) троеручицы (л. 163—166 об.). Нач.: «Принесена сия святая iкона пресвятыя Богородицы из аѳонския горы архимандритомъ Ѳеоѳаномъ лета 7172 году октоврия въ 16 день» и т. д.; 12) «Поучение иже во святыхъ отца нашего Василия кисарицкого (въ оглавленіи: Кисаринского) ко всемъ православнымъ христианомъ о хмелномъ питиі; како ему гласъ бысть отъ образа пресвятыя Богородицы» (л. 166 об.—171 об.); 13) «Сказание учителя церковнаго Иеронима святаго о Июде предателя (sic!) Господа нашего Иисуса Христа» (л. 172—176); 14) «Сказание о силныхъ могучихъ богатырехъ киевскихъ о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче» (л. 176 об.—183 об.).

Перечисленныя четырнадцать статей писаны *однимъ и тѣмъ же* почеркомъ, болѣе древнимъ, чѣмъ тетрадь, содержащая «Страсти». Нѣкоторыя изъ написанныхъ этимъ старымъ почеркомъ страницъ имѣютъ внизу особую помѣту, сдѣланную тѣмъ же почеркомъ; помѣчены страницы не цифрами, а *буквами*. Такъ, начиная съ 131 листа сборника, идетъ помѣта страницъ отъ а҃ до ке҃. Судя по почерку, эти старыя тетради написаны не позднѣе 1740 года. Списывавшій былины имѣлъ передъ собою рукописный оригиналъ: на это, кажется, указываетъ написаніе словъ: «чересебя», отмѣченное въ 2-мъ примѣчаніи къ страницѣ 46-й.

Подробный перечень произведеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, которые содержатъ въ себѣ тексты отдѣльныхъ былинъ, представляетъ вѣскія доказательства научной важности рукописей XVIII вѣка: въ нихъ находятся нерѣдко хорошіе списки такихъ драгоцѣнныхъ литературныхъ памятниковъ, которые не найдены пока въ болѣе старыхъ спискахъ. Таковы отрывки изъ «Девгеніева Дѣянія». Характеризуя своимъ составомъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и низшаго класса общества, рукописные сборники XVIII вѣка нерѣдко хранятъ въ себѣ такія версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ (Сказаніе о борьбѣ кіевскихъ богатырей съ цареградскими). Первые собиратели русскихъ рукописей мало обращали вниманія на подобные сборники,—поздніе, съ простонароднымъ содержаніемъ,—направляя свои поиски на собираніе памятниковъ литературы церковной, исторической,—оффиціальной, такъ сказать, литературы древней Россіи. Собиратели произведеній устной народной словесности (пѣсенъ, сказокъ и т. п.) и различныхъ этнографическихъ свѣдѣній могутъ оказать великую услугу изученію древне-русской литературы—собираніемъ рукописныхъ сборниковъ и тетрадокъ, обращающихся въ настоящее время среди грамотнаго простонародья.

III.

Къ «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» по рукописи XVII в.

(стр. 25—32).

Академикъ Л. Н. Майковъ, въ первый разъ издавшій эту повѣсть въ 1891 г. въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ», сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ рукописнаго сборника, въ которомъ она находится:

«Въ 1889 году Русское Географическое Общество передало въ Императорскую Публичную Библіотеку нѣсколько старинныхъ русскихъ рукописей, привезенныхъ Ѳ. М. Истоминымъ изъ его поѣздки въ Олонецкую и Архангельскую губерніи въ 1886 году. Въ составъ этой коллекціи входитъ тотъ сборникъ, изъ котораго мы извлекли для изданія неизвѣстный дотолѣ памятникъ русской письменности—Бесѣду о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Къ той же коллекціи принадлежитъ еще другой сборникъ, содержащій въ себѣ «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ», здѣсь издаваемую.

Сборникъ этотъ, по каталогу Библіотеки—O. XVII. 44, писанъ въ 8-ку на 150 листахъ въ XVII вѣкѣ. Взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ мало интереса; это поистинѣ сборная рукопись, состоящая изъ трехъ частей, которыя писаны разными почерками и, можетъ быть, неодновременно; изъ семи статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, шесть суть произведенія, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашей старинной письменности, и только седьмая и послѣдняя статья— «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ» —заслуживаетъ особаго вниманія [1]).

«Повѣсть» эта занимаетъ послѣдніе листы сборника съ 138-го по 150-й об. Она написана—судя по водяному знаку—на голландской бумагѣ, употреблявшейся въ Россіи въ послѣдней четверти XVII столѣтія; почеркъ ея скорописный, но очень отличный отъ скорописи предшествующихъ статей сборника; такимъ образомъ, къ нимъ она имѣетъ только то отношеніе, что соединена съ ними въ одномъ переплетѣ. «Повѣсть» въ этой рукописи сохранилась не вполнѣ; утрачены нѣсколько листовъ въ концѣ и два въ серединѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Рукопись была получена Ѳ. М. Истоминымъ въ очень растрепанномъ видѣ, такъ что послѣднія ея листы отдѣлялись отъ переплета; это было причиной, что уже въ Петербургѣ, еще до передачи сборника въ Библіотеку, утерялся самый послѣдній листъ его, заключавшій въ себѣ продолженіе, но все-таки не конецъ «Повѣсти». По счастію, мы имѣли случай списать «Повѣсть» еще до этой утраты, и потому издаваемый текстъ идетъ нѣсколько далѣе, чѣмъ сколько можно читать теперь въ рукописи, поступившей въ Библіотеку.

---

[1]) Первыя шесть статей сборника суть слѣдующія: 1) одна изъ краткихъ космографій; 2) отрывокъ изъ путешествія Трифона Коробейникова; 3) апокрифическое житіе св. мученика Никиты; 4) притча о царевѣ дворецкомъ—изъ Римскихъ дѣяній; 5) сказаніе о воинѣ и смерти; 6) сказаніе объ Акирѣ.

Несмотря на свою отрывочность, текстъ «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» въ Библіотечномъ сборникѣ представляетъ значительный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Вопервыхъ, этотъ текстъ замѣчателенъ, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былевого творчества: написанный несомнѣнно въ послѣдней четверти XVII вѣка, онъ моложе только текста «Сказанія о кѣевскихъ богатыряхъ», сохранившагося въ рукописи Е. В. Барсова, которая, по опредѣленію владѣльца, относится къ началу того же столѣтія [1]).

Вовторыхъ, библіотечный текстъ отличается тѣмъ, что сохранилъ памятникъ народной словесности безъ книжныхъ подправокъ. Конечно, и здѣсь, при положеніи былины на бумагу, стихи писаны въ сплошную строку, и ихъ размѣръ не выдержанъ въ точности, но, во всякомъ случаѣ, представляется гораздо менѣе разрушеннымъ, чѣмъ въ подобныхъ же текстахъ XVIII столѣтія. Эти послѣдніе являются лишь копіями съ болѣе старыхъ оригиналовъ, притомъ пострадавшими отъ постепеннаго переписыванія. Напротивъ того, относительно издаваемой «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ она была только скопирована съ болѣе ранней записи, и скорѣе готовы допустить, что она записана либо по памяти, либо съ «пословесной» передачи былины. Въ издаваемомъ текстѣ еще уцѣлѣли въ изобиліи такія слова—союзы, мѣстоименія: *что*, *какъ*, *самъ*, которыя въ устныхъ пересказахъ встрѣчаются въ значеніи частицъ, прибавляемыхъ не для смысла рѣчи, а для болѣе стройнаго теченія стиха; такія слова обыкновенно уже отсутствуютъ или же попадаются гораздо рѣже въ рукописныхъ текстахъ XVIII вѣка, между прочимъ, и въ тѣхъ двухъ спискахъ «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ», которые изданы Н. С. Тихонравовымъ [см. въ нашемъ изданіи на стр. 32—46].

Въ третьихъ, библіотечный текстъ любопытенъ тѣмъ, что въ своемъ написаніи онъ сохранилъ яркія отличія того говора, какой употреблялъ его писецъ. Безпрерывные примѣры аканья, случаи перехода *е* въ *а* (дѣвиц*а*ю, ч*а*ломъ, з ж*а*ною, до веч*а*ра) или въ *я* (гражан*я*, во чисто пол*я*), *к* въ *х* (*х*го, ни*х*то), смѣшеніе мѣстнаго падежа съ родительнымъ (в залатой ордъ), форма родительнаго падежа на *ова*, *ева* (меньш*ова*, син*ева*), сокращенная форма 2-го лица *хошъ*, *захошъ*, все это указываетъ, что писецъ былъ родомъ изъ области, гдѣ господствуетъ южно-великорусское нарѣчіе, москвичъ или, можетъ быть, рязанецъ. А такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, то-есть, самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить, что въ концѣ XVII вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была извѣстна въ мѣстностяхъ, ближайжихъ къ Москвѣ. Въ текущемъ столѣтіи устные пересказы ея могли быть записаны только въ Олонецкой губерніи.

По содержанію библіотечный текстъ «Повѣсти» представляетъ ближайшее сходство съ ея текстами прошлаго вѣка, сохранившимися въ рукописяхъ Н. С. Тихонравова. Можно даже сказать, что эти три списка воспроизводятъ одну версію, съ весьма небольшими отличіями. Напротивъ того, устные пересказы,

[1]) Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ, стр. 7.

записанные въ Олонецкой губерніи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, отклоняются отъ старыхъ рукописныхъ текстовъ, какъ частными подробностями содержанія, такъ и именами; между прочимъ имя похитителя Михайловой жены, данное ему въ рукописныхъ текстахъ, Кощей—усвоено въ Онежскихъ былинахъ другому лицу, противнику Ивана Годиновича, у котораго этотъ Кощей также отнимаетъ жену".

[Замѣтимъ въ заключеніе, что по просьбѣ покойнаго Н. С. Тихонравова Л. Н. Майковъ взялъ на себя трудъ еще разъ свѣрить съ рукописью высланные ему въ Петербургъ корректурные листы «Повѣсти» въ нашемъ изданіи. В. М.].

IV.

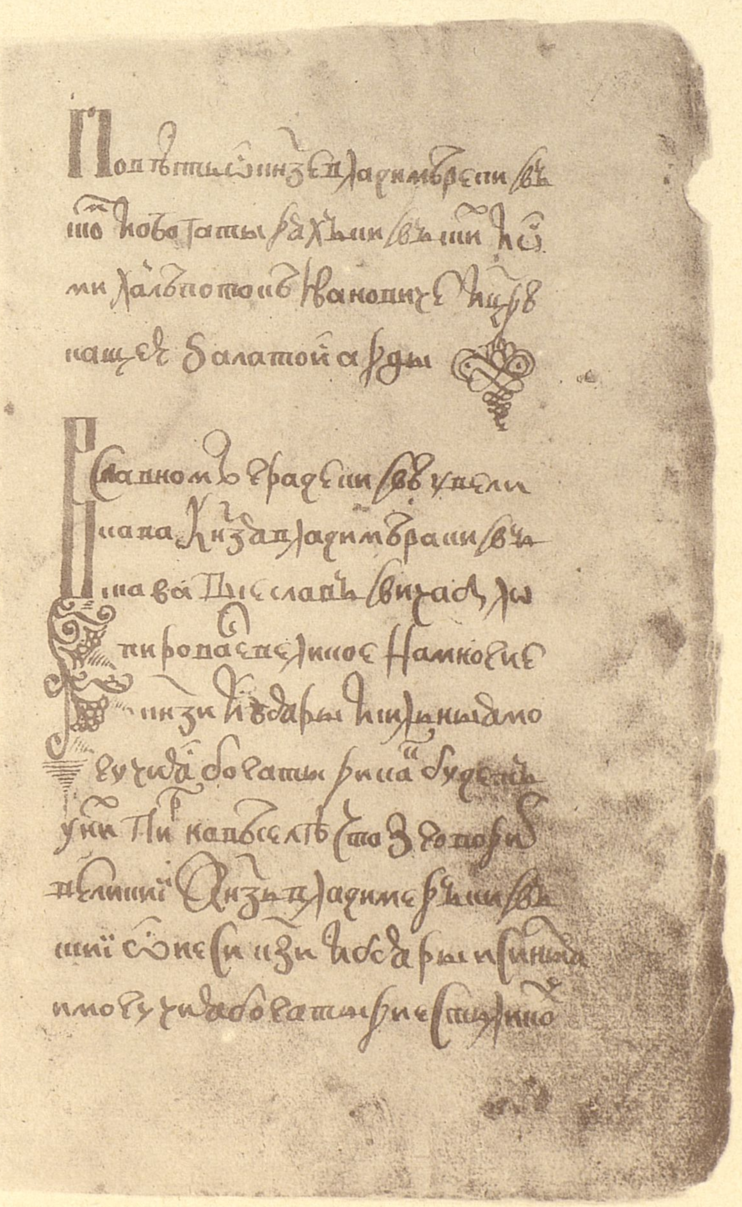
Къ „Отрывку изъ неизвѣстной былины".

(Стр. 59).

А. И. Станкевичъ, доставившій для нашего изданія фотографическій снимокъ съ рукописи этой былины, сообщаетъ о самой рукописи слѣдующія свѣдѣнія:

«Осенью 1890 года я получилъ отъ г. члена Московской судебной палаты Θ. И. Маслова небольшой листокъ бумаги величиной, приблизительно, въ обыкновенную 4-ку ($4^5/_8 \times 3^5/_8$ вершк.) и исписанный съ обѣихъ сторонъ крупнымъ довольно почеркомъ второй половины XVII ст. Листокъ этотъ, повидимому, составлялъ нѣкогда часть цѣлой тетради или сборника—по краямъ замѣтны слѣды прикрѣпленія его къ корешку—и заключаетъ въ себѣ, какъ оказалось по его прочтеніи, отрывокъ изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ, а именно то мѣсто, гдѣ разсказывается о пирѣ у князя Владимира въ Кіевѣ и ссорѣ Алеши съ Тугариномъ Змѣевичемъ, причемъ разсказъ этотъ въ значительной степени разнится отъ всѣхъ донынѣ намъ извѣстныхъ редакцій названной былины. Листокъ былъ найденъ г. Масловымъ въ коллекціи принадлежащихъ ему старинныхъ бумагъ, носящихъ, по большей части, характеръ вотчинный и юридическій, и составляющей часть обширнаго нѣкогда семейнаго архива гг. Масловыхъ... Изъ сличенія нашего листка съ другими, датированными документами изъ собранія г. Маслова, вполнѣ явствуетъ, что они всѣ писаны одной рукою и въ одно время, т. е. во второй половинѣ XVII вѣка. Водяныхъ знаковъ на бумагѣ, кои могли бы оказать существенную помощь при опредѣленіи времени записи, къ сожалѣнію, въ отрывкѣ не имѣется. Свойства же бумаги отрывка и прочихъ свитковъ—совершенно одинаковы, такъ что находка эта весьма цѣнна, какъ одна изъ немногочисленныхъ дошедшихъ до насъ первыхъ записей народной былины».

По мнѣнію г. Станкевича, былина была записана прямо со словъ какого-нибудь пѣвца и притомъ чрезвычайно точно: въ текстѣ отрывка не замѣтно какихъ-либо измѣненій или поправокъ, сдѣланныхъ писцомъ; не видно, чтобы писецъ желалъ приблизить языкъ былины къ книжному языку сказаній и повѣстей XVII вѣка—языкъ остался народнымъ, безъискусственнымъ. Хотя текстъ былины записанъ сплошь, безъ раздѣленія на стихи, но при чтеніи нельзя не замѣтить слѣдовъ размѣренной стихотворной рѣчи. Однако А. И. Станкевичъ прибавляетъ, что покойный Н. С. Тихонравовъ, по разсмотрѣніи рукописи былины, пришелъ къ тому заключенію, что текстъ ея представляетъ не запись со словъ пѣвца, но *списокъ съ болѣе древней записи*. Это мнѣніе свое Н. С. Тихонравовъ подтверждаетъ подстрочными замѣчаніями, которыми онъ снабдилъ текстъ былины (см. особенно примѣч. 10-е).

Фототип. Высоч. утв. Т-ва А. А. Левенсонъ.

Фототипическій снимокъ съ заглавнаго листа былины о Михаилѣ Потокѣ въ рукописи XVII-го вѣка. *(См. Отд. I стр. 25).*

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

БЫЛИНЫ НОВОЙ ЗАПИСИ.

*1. Илья Муромецъ.

Первая поѣздка его въ Кіевъ [1]).

Выводилъ Илья Муромецъ добра коня
Изъ завозеньки изъ новыя,
Накладывалъ онъ потнички бумажные,
На потнички сѣделышко черкасское,
Клалъ обѣтъ на палицу боевую
И на саблю на острую,
На копье мурзалецкое,
Чтобы не увязывать до города до Кіева,
До солнышка до Сеславьева.
И ставалъ въ стременышко гольяшное
И садился въ сѣделышко черкасское.
Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталъ,
Не бѣлый кречетъ перепархивалъ,
Туто ѣхалъ удалой добрый молодецъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ.
Онъ и ѣдетъ ко городу ко Кидошу.
Надъ Кидошомъ градомъ по грѣхамъ учинилося:
Подступала сила поганая.
Билъ, топталъ онъ силу поганую,
Билъ, топталъ трои суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.
И во томъ во городѣ во Кидошѣ
Выходили попы, отцы дьяконы,
Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:

---

[1]) Прежде всего Тупицынъ *разсказалъ* извѣстное преданіе о томъ, какъ Илья Муромецъ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и потомъ получилъ силу богатырскую, какъ отецъ его купилъ ему жеребца у попа за 300 рублей и какъ въ первый разъ отправился Илья Муромецъ *поленичать*.

„То-ли городъ нашъ Богъ защитилъ,
То-ли ангелъ святой,
И выбилъ, вытопталъ силу поганую?“
И ѣдетъ старый казакъ ко городу Кидошу,
И ѣдетъ мимо той церкви соборныя,
И говорятъ попы, отцы дьяконы:
„Ой ты, гой еси, удалой добрый молодецъ!
Садись за столъ хлѣбъ-соль кушати,
Ты скажи намъ свою отчину“.
Проговорилъ удалой добрый молодецъ:
„Я по поѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шишмаретинъ,
По потѣхѣ Борисъ-Королевичъ младъ,
Не изволю я хлѣбъ-соль кушати,
А скажите мнѣ дорожку прямоѣзжую
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Ко солнышку ко Сеславьеву“.
И проговорятъ попы, отцы дьяконы:
„Ой ты, гой еси, удалой добрый молодецъ!
Больша де дорожка прямоѣзжая
Прямо шла во стольный Кіевъ градъ,
Дакъ залегъ Соловей разбойникъ,
Не пропущаетъ ни коннаго, ни пѣшаго“.
Проговорилъ удалой добрый молодецъ:
„Мнѣ туда и дорога-путь“.
И подъѣзжаетъ онъ къ батюшку Днѣпру рѣкѣ,
Не случилось ни мостовъ, ни переѣздичковъ.
И зачалъ удалой добрый молодецъ дубье рвать,
Зачалъ онъ черезъ Днѣпръ рѣку мостъ мостить,
Переѣзжать черезъ Днѣпръ рѣку на ту сторону.
И заслышалъ Соловей, воръ-разбойникъ,
И заслышалъ за пятнадцать верстъ,
И летитъ на встрѣчу добру молодцу,
И садился онъ на сырой дубъ кряковистой,
И приклонялся сырой дубъ ко сырой землѣ.
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Зашипѣлъ Соловей по змѣиному,
Заревѣлъ Соловей по звѣриному.
Подъ Ильею конь палъ нà-корачъ.
И выдергивалъ онъ шелыгу подорожную,
Стягалъ коня по тучнымъ бедрамъ,
Самъ, молодецъ, приговаривалъ:
„Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Не слыхалъ ты свисту богатырскаго,

Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
Не слыхалъ ты реву звѣринаго?“
Тутъ конь подъ Ильей разсерживается:
Онъ скакалъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
И бралъ старой свой тугой лукъ,
И бралъ изъ колчана калену стрѣлу,
И клалъ онъ на тетивку шелковую,
Стрѣлялъ Соловья, вора-разбойника,
Попадалъ ему въ правый глазъ,
И падатъ Соловей на сыру землю,
И приковалъ его ко стремену,
Ведетъ его по чисту полю,
И ведетъ его ко высоку терему.
У Соловья, вора-разбойника,
Дочь была сдогадлива,
Отворяла она воротички широкія,
На ворота клала сабельку острую,
Хотѣла срѣзать старому буйну голову:
„Ой ты, гой еси, удалой добрый молодецъ!
Заѣзжай ко мнѣ ты на широкій дворъ“.
А старый казакъ былъ сдогадливой,
Беретъ онъ ее на кинжалище острое,
Бросаетъ ее на сыру землю.
И ѣдетъ добрый молодецъ чистымъ полемъ
И видитъ онъ въ полѣ девять молодцовъ,
Девять молодцовъ въ кулачки бьются,
И сами говорятъ таковы слова:
„Вонъ батюшка ѣдетъ, мужика ведетъ“.
На отворотъ того други говорятъ:
„Нѣтъ, мужикъ-отъ ведетъ нашего батюшка“.
И ѣдетъ старый мимо молодцовъ;
Они хочутъ похитить добра молодца.
Проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Закляни ты своихъ малыхъ дѣтей,
Не заклянешь,—самого смерти предамъ“.
Проговоритъ Соловей, воръ-разбойникъ:
„Не троньте вы удала-добра молодца,
У меня силушки не съ вашу есть,
Да старый казакъ въ горсти зажалъ.
Насыпайте вы телѣжки златокованны,
Насыпайте золота, серебра,
Везите во стольный Кіевъ градъ,
И везите на царевъ кабакъ,

Пойте вы добра молодца и чествуйте,
Чтобы онъ меня пустилъ въ живности“.
Ѣдетъ Илья Муромецъ чистымъ полемъ
И видитъ опять девять сыновъ
Соловья, вора-разбойника,
Въ кулачки бьются.
Опять напираютъ на Илью Муромца.
Соловей имъ тутъ опять отказалъ:
„Вы не троньте стара казака,
Стара казака, Илью Муромца,
Вы не троньте, лучше кланяйтесь“.
Ѣдетъ онъ опять чистымъ полемъ,
И завидѣлъ опять девять сыновъ въ кулачки бьются,
И тѣ опять напираютъ на стара казака.
Проговорилъ Соловей, воръ-разбойникъ:
„Не троньте вы молодца прямоѣзжаго,
У меня силы не съ ваше, да старый въ горсти зажалъ“
И немного у него сыновъ—только двадцат семь.
И ѣдетъ старой ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимиру;
И ѣдетъ на улицу на широкую,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому окошечку стекольчату.
Со добра коня старый соскакивалъ,
Ни къ чему коня онъ не привязывалъ,
Ни кому коня онъ не приказывалъ.
Идетъ къ воротичкамъ рѣшетчатымъ,
И спросилъ онъ у воротъ приворотниковъ,
И спросилъ онъ у дверей придверниковъ.
Отворялъ онъ двери по малешеньку,
И ступалъ онъ въ палату по тихошеньку,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланятся на всѣ стороны:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь
И со душечкой со княгинею!“
Князьямъ боярамъ—на особицу.
Говоритъ ласковой Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удалой добрый молодецъ!
Ты скажи намъ, добрый молодецъ, свою отчину“.
„Ой ты, гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Изъ того я города изъ Мурома,
Старой казакъ Илья Муромецъ.
Ѣхалъ я мимо Днѣпра рѣки,

Очистилъ вамъ дорожку прямоѣзжую“.
Злые бояре подмолчивые,
Говорятъ таковы слова:
„Мужикъ ты, мужикъ деревенщина,
Хвастаешь не былькой своей,
Чужимъ именемъ называешься:
Гдѣ тебѣ похитить Соловья, вора-разбойника!“
Тутъ старому за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Говоритъ онъ таковы слова:
„Гой еси, ты, ласковый Владимиръ-князь!
Скрой ты оконенку стеклянную,
Посмотри на улицу на широку,
Стоитъ-ли мой добрый конь“.
Послушалъ его ласковый Владимиръ князь,
Скрылъ оконенку стеклянную,
Посмотрѣлъ на улицу на широку,
И увидѣлъ, что стоитъ добрый конь
Съ Соловьемъ, воромъ-разбойникомъ.
Тутъ старому за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Надѣвалъ онъ черну шляпу, вонъ пошолъ.
Тутъ ласковый Владимиръ князь
Наливаетъ чару зелена вина
И бѣжитъ скоро на красно крыльцо:
„Ой ты, гой еси, удалой добрый молодецъ!
Хоть выпей ты чару зелена вина“.
И проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Ахъ ты, гой еси, батюшка Владимиръ князь!
На приходѣ ты гостя не употчивалъ,
На походѣ ты гостя не учествуешь“.
И зашолъ старый на царевъ кабакъ,
Пилъ гулялъ трои суточки.
Проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
„Охъ ты, гой еси, мой вѣрный клюшничекъ!
Ты поди, позови Илью Муромца
Ко ласкову князю Владимиру,
Позови ты его на почестный пиръ,
Позови ты его честнешенько,
И кланяйся ему низешенько“.
Тутъ клюшничекъ не ослушался,
Зоветъ стара казака Илью Муромца:
„Пожалуйте, старый казакъ Илья Муромецъ.
И пожалуйте, тебя князь зоветъ,

Князь зоветъ да на почестный пиръ“.
Тутъ старый не ослушался;
Надѣваетъ черну шляпу, вонъ идетъ,
Идетъ онъ на улицу на широку,
Ко тому ко терему высокому,
Отворятъ онъ двери по малешеньку,
Запиратъ онъ двери по тихошеньку,
Крестъ кладетъ старый по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ стороны:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь!
Со душечкою со княгинею
Князья, бояры, на особицу“.
Проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удалой добрый молодецъ,
Ты старый казакъ, Илья Муромецъ!
Ты садись-ко на лавочку булавую,
За одинъ столъ хлѣбъ-соль кушати“.
Наливаетъ князь чару зелена вина,
Не малу чару въ полтора ведра,
Подаетъ удалу добру молодцу.
Принимаетъ молодецъ единой рукой,
Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ.
Проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
„Гой еси ты, старой казакъ,
Ты старой казакъ, Илья Муромецъ,
Приведи ты Соловья, вора-разбойника,
Во мой во высокъ теремъ,
Въ мою палату бѣлокаменну,
Заставь посвистать по соловьему,
Заставь пошипѣть по змѣиному,
Заставь поревѣть по звѣриному“.
Тутъ старый казакъ всталъ на ноги,
Идетъ на улицу на широкую,
Ко своему коню доброму,
Отвязыватъ Соловья, вора-разбойника,
Отъ того стременышка гольяшнаго,
Ведетъ въ палату бѣлокаменну,
Заставляетъ свистать въ полсвиста,
Пошипѣть по малешеньку,
Поревѣть по тихошеньку.
Беретъ старый казакъ князя подъ пазуху,
Молоду княгиню подъ другу руку.
Зачалъ Соловей свистать по соловьему;

Тутъ бояры оглушилися,
Падаютъ они на кирпищатъ полъ.
Сталъ унимать Соловья Илья Муромецъ.
Тутъ Соловей приразсердился,
Хотѣлъ оглушить Илью Муромца,
Всѣ окошечки повылетѣли,
Новая палата вскрылася.
Тутъ старому за бѣду стало,
Схваталъ онъ саблю острую
И ссѣкъ Соловью буйну голову.

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ, Томской губ., отъ крестьянина Леонтія Тупицына. Свѣдѣнія о Тупицынѣ см. въ Приложеніи.

2. То-же.

Какъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Не сильная погода поднималася,
Не зелена дубрава разшумѣлася,
Не бумажные листочки разстилаются,
Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью,
Онъ не проситъ ни золота, ни серебра:
„Не надо мнѣ одежды драгоцѣнныя,
Не прошу у васъ закону, молодой жены,—
Вы пожалуйте мнѣ велико благословеньице,
Мнѣ во Кіевъ ко заутрени,
Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
Да еще послушать звону колокольнаго“.
— Охъ ты гой еси, чадо милое!
— Молодешенекъ Ильюша похваляется,
— Какъ во дальнюю дорогу собирается;
— Эта дороженька не малая:
— Скоры гонцы гоняютъ черезъ двѣнадцать дней,
— Воловымъ шагомъ—два мѣсяца.—
Поспѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
Не держали Ильюшу ни горы, ни долы,
Ни быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
Поспѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

Записана И. Ив. Акутинымъ въ Самарѣ и напечатана П. В. Шейномъ въ „Чтеніяхъ въ И. Обществѣ исторіи и древн. россійскихъ“. 1877 г. кн. 3.

*3. Встрѣча съ разбойниками [1]).

Засѣдѣлась у старого-ли сѣдая борода,
Что сѣдая борода—его буйна голова.
На коня старой садится, отправляется,
Своей силой богатырской выхваляется:
„Не привелъ-же мнѣ Господь Богъ въ Цареградѣ быть;
Я бы всѣхъ турокъ, турчаночекъ повырубилъ,
А молоденькихъ, хорошенькихъ, въ полонъ бы взялъ.
Не успѣлъ же нашъ старой рѣчь окончить,
Нападали на старого злы разбойнички,
Что не много и не мало—сорокъ пять человѣкъ,
Что хотятъ они старого все ограбити.
„Ужъ вы, братцы-ли мои, вы товарищи,
Ужъ вамъ взять съ меня, снять ровно нечего:
Что одна на мнѣ сермяжка, и то сѣрая,
А цѣна моей сермяжкѣ пятьдесятъ рублей;
А въ колчанѣ за плечами до семисотъ стрѣлъ;
Вотъ какъ каждая стрѣла стоитъ пять рублей,
А коню-животу ему цѣны нѣтъ“.
Какъ натягивалъ *Добрыня* (sic) свой тугой-атъ лукъ,
Выпущаетъ стрѣлу прямо въ сырый дубъ.
Вотъ какъ сырый-то дубъ разлетается;
Всѣ разбойнички перьпугалися,
За кусты они, въ кусты всѣ попрятались.
Какъ одинъ-то изъ нихъ на колѣни палъ:
„Ты прости насъ, прости, *Добрынюшка*,—
Много ѣздили и хаживали,
А такого, какъ тебя, не нахаживали“.

Записана въ Москвѣ С. И. Лапшинымъ отъ московскаго мѣщанина Сергѣя Вонифатьева.

4. То-же.

Ѣхалъ я, старый, братцы, по чисту полю,
По тому полю по Куликову;
Наѣзжалъ я, старый, братцы, на диковину,
На диковину—на бѣлъ-горючъ камень;
На немъ написаны надписи и все разныя.
По первой дороженькѣ мнѣ старому ѣхать—быть женатому,
А по другой мнѣ ѣхать—быть богатому,

[1]) Въ этой былинѣ встрѣча съ разбойниками приписывается Добрынѣ.

А по третьей ѣхать—быть убитому.
Богатства мнѣ, старому, не надобно,
Жениться мнѣ, старому-то, не хочется:
Дай же поѣду я, старый, братцы,
Туда, гдѣ быть бы мнѣ убитому.
Поѣхалъ старый по дороженькѣ,
Наѣхалъ старый на охотниковъ,
На русскихъ удалыхъ разбойниковъ.
Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:
„Примите меня, братцы, въ товарищи
Или въ кашеварники,
Или хоть буду я на васъ чулки сушить“...
Увидѣлъ онъ, старый, ихъ злой помыселъ,
Что хотятъ они у стараго коня отнять.
Возговорилъ старый таковы слова:
„Убить вамъ, братцы, меня не за что
И снять съ меня вамъ, братцы, нечего:
Одна на мнѣ сермяга—и та сѣрая,
Одна пола во пятьсотъ рублей,
А другая во всю тысячу,
А всей сермягѣ и цѣны нѣту“.
Вынулъ же онъ изъ налучна тугой свой лукъ,
Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру землю.
Тутъ же ему покорились тѣ охотники.

Напечатана въ соч. І. И. Желѣзнова — „Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ“. Т. III, стр. 126, 2 изд. 1888 г.

5. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ.

Перва поѣздка Ильи Муромца
Изъ славнаго изъ города изъ Мурома.
Клалъ-то онъ заповѣдь великую,—
Клалъ на палицу тяжелую:
До славнаго до города Кіева
Не отковывать отъ стремени булатнаго;
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На сабельку на вострую:
Не отковывать отъ стремени булатнаго
До славнаго города до Кіева.
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На копье бурсоменское:
Не отковывать отъ стремени булатнаго

До славнаго города до Кіева.
Собирался Илья Муромецъ
Изъ города Мурома,
Зазвонили честну раннюю заутреню,—
Читали третью каѳизму воскресенскую.
Еще ѣдетъ осударь по чисту полю,
Завидѣлъ подъ градомъ подъ Чиженцемъ:
Обступила кругомъ сила невѣрная.
Еще ѣдетъ осударь Илья Муромецъ
Ко той силѣ да невѣрной,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Прости меня, Господь, въ таковыхъ грѣхахъ,
„Что клалъ я заповѣдь великую
„На ту-же сабельку на вострую“.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ
Въ ту-же силу да невѣрную,
Сѣкетъ онъ стараго и малаго,
Не покидаетъ ни еднаго на сѣмена.
Присѣкъ-то всю силу невѣрную.
Выходятъ мужики изъ Чиженца,
Отпираютъ ворота стѣны городовыя,
Выносятъ чашу красна золота,
Сами говорятъ таковы рѣчи:
„Уже-ли намъ послалъ Господь Ангела,
„Неужъ-то послалъ Архангела,
„Или русскаго могучаго богатыря?“
Говорятъ мужики города Чиженца:
„Земли русской сильный богатырь!
„Поди къ намъ, хоть царемъ служи,
„Хоть королемъ слыви,
„Бери злата сколько тебѣ надобно“.
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Мнѣ не надо ваша золота казна,—
„Скажите про дорожку прямоѣзжую,
„Куда ѣздятъ во красенъ Кіевъ градъ?“
Говорятъ мужики города Чиженца:
„Прямоѣзжая дорожка нечиста крѣпко,
„Есть три заставушки великія:
„Первая застава—грязи черныя,
„Втора заставушка—дремучи лѣса,
„Третья заставушка есть рѣчинька,—
„Рѣчинька Смородинка.
„У той рѣчиньки Смородинки
„Нѣтъ перескоку лошадинаго,—

„Есть-то у рѣчиньки каленый [1]) мостъ;
„У того же мосту у каленаго
„Сидитъ Соловей на семи дубахъ,
„Ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ,
„Ни ясному соколу проѣзду [2]) нѣтъ.
„Окольной дорожкой ѣхать три года“.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ
По той дорожкѣ прямоѣзжія.
Пріѣхалъ къ первой заставушкѣ—грязи черныя;
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой мостъ мостить,
Проѣхалъ заставу—грязи черныя.
Пріѣхалъ къ заставѣ—дремучимъ лѣсамъ;
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубы рветъ.
Пріѣхалъ къ третьей заставушкѣ—
Ко той рѣчкѣ Смородинкѣ,
Ко тому мосту каленому:
Сидитъ Соловей на семи дубахъ.
Заревѣлъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ по соловьиному;
Подъ богатыремъ конь спотыкается,
Спотыкается конь, ужахается.
Ужъ какъ бьетъ осударь добра коня,
Бьетъ по тучнымъ бедрамъ:
„Не слыхалъ-ли ты крику богатырскаго,
„Не слыхалъ-ли ты свисту соловьинаго?“
Кладетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣльнулъ стрѣлочкой каленою,
Пала стрѣлочка Соловью во правый глазъ;
Палъ Соловей со семи дубовъ,
Палъ Соловей на сыру землю.
Беретъ осударь Илья Муромецъ,
Беретъ-то его на добра коня,
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ.
Случилось ѣхать мимо Соловьина гнѣздышка;
Увидѣли Соловьины дѣточки,
Большая дочь говоритъ:
„Вотъ батюшко ѣдетъ, мужика везетъ“.
Средняя дочь говорила таковы рѣчи:
„Батюшко ѣдетъ, мужика везетъ

---

[1]) Калиновый.
[2]) Пролету?

„На съѣденье малымъ дѣточкамъ“.
Меньша дочь говорила таковы рѣчи:
„Мужикъ-то ѣдетъ, везетъ батюшка,
„Приковалъ онъ ко стремени булатному“.
Больша дочь хватила подворотенку,
А середня хватила коромысельце,
Меньша хватила помелышко.
Говоритъ Соловеюшко Рахмановичъ:
„Не гнѣвите-тко сердца богатырскаго,
„Насыпайте телѣги красна золота,
„Возите ко городу ко Кіеву,
„Выкупайте родимаго батюшка“.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ.
Разъѣхался осударь Илья Муромецъ
Ко тому ко князю ко Владимиру
На широкій дворъ.
Онъ мечетъ коня среди двора,
Оставляетъ Соловеюшка у стремени,
У стремени булатнаго.
Пошелъ Илья Муромецъ
Во гридню княженецкую.
Крестъ-отъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ по ученому,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Бьетъ челомъ князю Владимиру
И всѣмъ русскимъ могучимъ богатырямъ,
И всѣмъ боярамъ по обычаю.
Понесли перву яству лебедь бѣлую,
Садили осударя во больши мѣста,
Наливали чару зелена вина,—
Не малу чару полтора ведра;
Принимаетъ осударь единой рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ.
Хмелина въ головѣ появилася;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Я ѣхалъ дорожкою прямоѣзжею,
„Очистилъ дорожку прямоѣзжую,
„Я привезъ Соловьюшка Рахманова“.
Говорятъ-то ему князи-бояри:
„Наѣхалъ мужикъ засельщина,
„Засельщина, деревеньщина;
„Пустымъ-то мужикъ похваляется“.

Говоритъ-то осударь Илья Муромецъ:
„Пойдемте на широкій дворъ“.
Пошли всѣ бояра на широкій дворъ;
Сидитъ Соловей у стремени булатнаго.
Говоритъ-то Владимиръ стольно-кіевскій:
„Засвисти, Соловей, по соловьиному“.
Говоритъ Соловеюшко Рахмановичъ:
„Не твое я пью, кушаю, не тебя и слушаю“.
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Ужъ ты гой еси, Соловеюшко Рахмановичъ!
„Засвисти, Соловеюшко, по соловьиному,
„Зареви, Соловей, по звѣриному!“
Засвистѣлъ Соловей по соловьиному,
Заревѣлъ Соловей по звѣриному.
Съ боку на бокъ палата сколыбалася;
Ужахается Владимиръ стольно-кіевскій,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Не могу я слышать свисту соловьинаго“.
Подъ праву руку подхватывалъ
Добрынюшка Никитичъ,
Подъ лѣву Олешенька Поповичъ.
Всѣ-то князи-бояра испопадали,
Отъ того свисту соловьинаго,
Отъ того реву звѣринаго.
Говоритъ-то Владимиръ стольно-кіевскій:
„Ты гой еси, осударь, Илья Муромецъ!
„Закличь Соловеюшка Рахманова“.
Закликалъ осударь Илья Муромецъ.
Натянули его дѣточки роженые,
Натянули злата серебра,
Выкупать батюшка родимаго.
Беретъ осударь Илья Муромецъ злата серебра,
Первую ношу кладетъ во Божью церковь,
Другую сиротамъ православнымъ,
Третью во красенъ Кіевъ градъ.
Выпущаетъ Соловеюшка Рахманова,
Беретъ съ него роту великую:
„Не сидѣть-то тебѣ на семи дубахъ“.
Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ ко своему широку двору.
Остался осударь Илья Муромецъ
Жить во городѣ во Кіевѣ.

Записана священникомъ Розановымъ въ Архангельской губ., на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“.

собранныхъ П. С. Ефименкомъ, часть 2-я. Народная словесность. М. 1878. (См. Извѣстія Императорскаго О-ва Любит. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XXX, вып. 2, стр. 19).

*6. Три поѣздки Ильи Муромца.

Какъ во городѣ, во славномъ во Кіевѣ,
Собирался весь почетной пиръ,
Собиралисе всѣ князья-бояры,
Сильныи могучіи богатыри,
И поляници[1]) удалыи,
И князя тѣмъ пиръ кончился,—
Сильни могучи богатыри по своимъ мѣстамъ.
Поѣзжае Илья Муромецъ
Въ тѣ-ли степи Саратовы,
Въ тѣ-ли луга зеленые.
Наѣзжае онъ на три розстанки широкіи,
Проселочки разбитныи.
Лежитъ тута камешекъ сѣрые,
На камешки подпись подписана,
На камешки сѣромъ подпечатано:
Кому ѣхати въ правую дороженьку—убиту быть,
А въ середню ѣхати—женату быть,
Въ третью ѣхати—богату быть.
Стоитъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
Старымъ умомъ да думае:
„Бывалъ я въ путяхъ-дороженькахъ широкіихъ,
Не видалъ такого чуда чуднаго, да дива дивнаго;
Въ перву дороженьку ѣхати—убиту быть,—
На бою мнѣ смерть не написана;
А въ середню ѣхать женату быть,—
На что мнѣ старому женитися?
Мнѣ-ка стара взять, дакъ на печи кормить,
Молода взять—чужа корысть;
Въ третью ѣхати—богату быть,—
На што мнѣ старому богачесво?
У меня своей казны не счетано и счету нѣтъ.
Поѣду въ перву, гдѣ убиту быть."
Ѣхалъ онъ полями чистыма,
Ѣхалъ лугами зеленыма,
Наѣзжае на сорокъ тысячъ разбойниковъ,

---

[1]) Т. е. въ полѣ ѣздили, какъ объяснилъ пѣвецъ, при чемъ онъ утверждалъ, что полевали лишь мужчины.

Сорокъ латныхъ, кольчужныхъ подорожниковъ.
Становили стараго въ кружаночку,
Стали его выспрашивать:
„Ай же ты, дѣдушко старые,
Не знаешь-ли какой-либо роскази,
Или какой-либо бывальшины?“
—Ай же, ребятушка, пошто мнѣ про людей сказывать?
Надоть про самого себя расказывать:
У меня на добромъ кони сѣделушко въ пятьсотъ рублей.—
„Отчего же, дѣдушка, сѣделко было дорого?“
Оттого, ребятушка, сѣделко было дорого:
Есть три строчки въ немъ прострочено;
Одна строчка была серебромъ,
А вторая была съ червонымъ золотомъ,
Третья была скатняго жемчугу;
У меня на добромъ кони оброцецька была во тысяцю.—
„Отчего же, дѣдушка, обротка была дорога?“
— Оттого оброточка дорога,
Что вливаны камешки драгоцѣнныи:
Придется ѣхать старому середь ночи,
И видна отъ камешковъ драгоцѣнныхъ путь за три поприща [1]).
Я спущу коня да во ковыль-траву,
Во ковыль-траву шолковую,
Видно коня за семь поприщъ;
У меня шуба соболина была во тысячу.—
„Отчего же, дѣдушка, шуба дорога?“
— А оттого шуба была дорога,
Что славныхъ сибирскихъ была соболей;
На главы скуфья да во пятьсотъ рублей.—
„Отчего же она была дорога?“
— Оттого была дорога:
Спасала отъ меча на бояхъ великаго.—
Говорятъ тутъ латники,
Они разбойники кольчужники, воры подорожники:
„Ай же, ты, старой калика,
Говоришь ты съ нами не съ упадкой“.
Начали они его подергивать,
Начали они его поторкивать.
Разгорѣлось его сердцо богатырское,
Снимае скуфью со буйной главы,
Началъ онъ скуфьею помахивать
И прибилъ всѣхъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,

---

[1]) Верста, по объясненію пѣвца.

Всѣхъ воровъ-подорожниковъ.
Выѣзжае назадъ по той дорожки широкоей,
По тому проселочку разбитому,
Къ тому-ли камешку ко сѣрому,
Старую подпись похиривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
„Процищена путь-дорожка широкая
Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ“.
И поѣду въ ту дорожку-путь широкую, гдѣ женату быть.
Ѣхалъ полями чистыма,
Ѣхалъ лугами зеленыма,
Наѣзжае на шатры бѣлополотняны,
На тѣ-ли палаты убранныя;
Тамъ гуляе царица со нянькaми,
Зазывае гостей, сильныхъ богатырей;
Она держала кроватки подложныи,—
Говорила она таково слово:
„Старый казакъ, Илья Муромецъ,
Ложись-ко ко стѣнки дубовые,
Ко той ли ко печки муравленой“.
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Я не привыкъ спать у стѣнки дубовые
У печки муравленой,
У стараго да моць [1] не держится,
Онъ привыкъ ходить ноцью моцитися“.
Онъ беретъ царицу на бѣлы руки
И бросае ко стѣнки дубовые,
И провалилась она да въ погреба сорока саженъ.
(И уловила сорокъ царей да царевичей,
Сорокъ королей да королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей).
И осерцялъ старый казакъ Илья Муромецъ
И началъ замочки подергивать,
И началъ онъ щиты разламывать,
И выпускаетъ старой царей царевичей,
Сорокъ королей королевичей,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей.
Доберался Илья Муромецъ до самой волшебници,
Разорвалъ саму ее на двѣ половиноцьки.
Выѣзжае онъ по той дорожки широкоей,
По тому ли проселочку разбитому,
Къ тому ли камешку ко сѣрому,

[1] Моча.

Старую подпись похиривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
„Процищена путь-дороженька широкая
Старымъ казакомъ Ильей Муромцомъ“.
Въ третью дорожку ѣхати—богату быть.
Ѣхалъ лугами зелеными,
Наѣзжълъ на камешекъ сѣрые,
Который камень сорокъ сажень;
Подъ камешкомъ много злата, много серебра,—
Кто этотъ камешекъ съ мѣста содвинетъ.
И припалъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Своей старой силой потряхивалъ,
Камешекъ съ мѣста содвигивалъ
И набралъ онъ злата, сколько надобно.
Отъѣзжае назадъ по той дорожки широкоей,
По тому ли проселочку по разбитому,
Къ тому ли камешку ко сѣрому,
Старую подпись похиривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
„Оцищена путь-дорожка широкая
Старымъ казакомъ Ильей Муромцомъ“.
Тѣмъ Ильи да судъ прикончился.

Записана Г. И. Куликовскимъ въ іюлѣ 1886 года въ деревнѣ Трихнова горка, на Кенозерѣ въ Пудожскомъ уѣздѣ Олонецкой губ., отъ крестьянина Якова Семенова Еремеева.

7. Илья Муромецъ.

(Сводная былина).

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И поѣхалъ въ путь-дороженьку широку
И на томъ ли конѣ да богатырскоемъ,
И надѣлъ-взялъ шубку соболиную.
Старой казакъ Илья Муромецъ,
И взялъ-то онъ плеточку шелковую
Понуживать коня да богатырскаго;
И взялъ-то палицу булатнюю,
И вѣсомъ-то она до сорока пудовъ,
И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широкую;
И пришло да тутъ три розстани,
И написано на розстани:

Во праву руку ѣхать—женатому быть;
Во лѣву руку ѣхать—богатому быть;
Прямо ѣхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
„Не надобно старому женатому быть,
И мнѣ не надо, старому богатому быть,—
Я поѣду гдѣ убитому быть“.
И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
На четыреста разбойниковъ;
И всѣ то разбойнички спать улеглись,
Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговариваетъ:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
Отдай-ко ты шубку соболиную:
Если честно отдашь,—мы честно возьмемъ,
Если честно не отдашь,—такъ мы нечестно возьмемъ.
Отдай-ко ты плеточку да богатырскую;
Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ,
Если нѣтъ, такъ и нечестно возьмемъ.
Старой казакъ Илья Муромецъ!
Отдай-ко ты палицу булатную;
Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ,
Если честно не отдашь,—такъ мы нечестно возьмемъ“.
— И куды же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка соболиная обогрѣватися,
Плеточка богатырская—коня понуживать,
Палица булатняя—поигрывать.—
И стали всѣ четыреста разбойничковъ.
Убилъ-то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И привязалъ-то одного разбойничка къ оторокамъ конинымъ,
И поѣхалъ въ путь-дороженьку широкую отъ силы убитоей,
Въ шубкѣ соболиной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатырскоемъ,
И плеточкой коня богатырскаго понуживатъ,
И палицей булатной поигрыватъ.
Малыи рѣки онъ перешахиватъ—(конь богатырскій)—
Нешироки озера да перескакиватъ,
И озера-болота перемахиватъ,
Лѣсы дремучи подъ себя пущатъ.
И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покушати,
И пріѣхалъ онъ къ Одолищу поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покои богатырскіи

И говорилъ да онъ таково слово:
„И надо бы мнѣ, стару казаку, пообѣдати“.
Проговорилъ Одолище поганое таково слово:
„Называешься ты богатыремъ,
Росту ты есть да не великаго“.
Спрашиваетъ Одолище поганое:
„Много ли хлѣба кушаешь“?
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолище поганое, три фунта,
Похлебки хлебаю я кружку,
Пива пью я пол-яндовы“.
Проговоритъ татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатырь?
Хлѣба ѣшь ты по малу,
Похлебки хлебаешь ты по малу,
И пива пьешь ты по малу“!
Проговоритъ Одолище поганое:
„Вотъ я за богатырь:
Голова у меня, какъ пивный котелъ;
Глаза у меня, какъ пивны чаши;
И межъ глазами у меня—да цѣлая пядень;
И я кушаю богатырь, Одолище-поганый,
Хлѣба я кушаю—по печи
И мяса я ѣмъ—по цѣлому стягу
И пива я пью—по три яндовы“.
Старой казакъ отвѣтъ держалъ:
„У моего родителя у батюшки
Была на дворѣ корова эдака,—
Сама она была да обжорлива;
Ѣла да пила,—да ю розорвало.
Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широко поле,
Отвѣдаемъ-ко силы богатырскоей“.
Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна,
Растрепалъ Одолища поганаго.
И поѣзжае старой казакъ съ этого обѣдища,
И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;
Прiѣхалъ къ царству незнакомому,
Явился къ королю на бѣлый дворъ.
Донесли королю, что прiѣхалъ старой казакъ
Илья Муромецъ на королевскiй дворъ.
Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,
Проговорилъ ему да таково слово:

„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
И слышно о тебѣ да о богатырѣ по всѣмъ ордамъ“.
Проговорилъ король да таково слово:
„Живи-тко ты, старой казакъ, у меня во двори“.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;
Одинъ-отъ разбойничекъ къ оторокамъ кониныимъ“.
„Жилъ бы ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
Былъ бы граду моему да защитчикъ.
Нѣтъ у меня такого славнаго богатыря“.
И поѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Отъ этого короля да со бѣлаго двора,
И въ умѣ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Надо съѣхать къ городу;
Въ описяхъ есть да написано:
Ко городу надо съѣхать ко Кіеву.
Розыскиваю я, богатырь, по всей земли
И мѣста да я разсматриваю;
И сидѣлъ-то я, богатырь, старой казакъ,
Сидѣлъ-то я безъ ногъ тридцать лѣтъ;
Далъ мнѣ Господь хожденіе ногамъ
И силу богатырскую неизвѣстную.
И ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Хлѣбъ-то онъ имѣлъ да во колчанѣ
И всѣ доспѣхи при себѣ у богатыря.
Подвигается ко дорогѣ онъ, ко широкой,—
И написано на дорогѣ, на широкой:
Во правую путь ѣхать—ко городу ко Кіеву,
Во лѣвую путь ѣхать—ко Соловью Рахманову.
И этотъ разбойникъ Соловей извѣстенъ былъ по всей землѣ;
Жилище онъ имѣлъ себѣ на двѣнадцати дубахъ;
Мимо себя не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни птицы летущей;
Свисталъ онъ по змѣиному,
Кричалъ онъ по звѣриному.
Остановился старой казакъ Илья Муромецъ;
Охота очистить путь эта ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ ко полю, ко чистому,
Увидалъ онъ богатыря, ѣзжучись по полю, по великому,
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
И коня-то богатырскаго богатырь понуживаетъ,
Палицей булатной поигрываетъ,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ
Коня сталъ понуживать

И палицей булатноей поигрывать,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
И выѣхали эти богатыри на широко поле,
И увидѣлъ Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богатыря,
Свиснулъ онъ да по змѣиному,
Крыкнулъ онъ да по звѣриному;
И конь то богатырскій у богатыря на колѣнки палъ,
И палъ да на сыру землю.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ай же ты конь да богатырской!
Не бойся ты свисту змѣинаго,
Не бойся ты крыку звѣринаго,
Служи ты вѣрой-правдой мнѣ“!
Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто,—
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ—
И вышибъ Соловья Рахманаго
Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ-то старой казакъ
Илья Муромецъ Соловья Рахманаго
Ко этымъ къ оторокамъ конинымъ;
И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,
Палицей булатней поигрываетъ;
Пріѣзжаетъ къ дому Соловья Рахманаго.
Было-то у него да три дочери;
Большая дочь говоритъ:
„Нашъ-то батюшка ѣдетъ,
Русскаго могучаго богатыря везетъ
Въ оторокахъ кониныхъ“.
И средняя дочь тоже говоритъ:
„Привязанъ русскій могучій богатырь
Къ оторокамъ конинымъ“.
А меньшая дочь говоритъ:
„Ай вы, сестры мои да родимыи!
Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ
Да нашего батюшку везетъ
У тыхъ ли у торокахъ кониныхъ“.
Пріѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко этому дому ко Соловья Рахманаго;
Ворота да отворены на пяту, на бѣлый дворъ;
Махнулъ онъ тутъ коня да богатырскаго
Плеточкой шелковоей,
Собрался на бѣлой дворъ старый казакъ Илья Муромецъ;
Выходятъ дочери на крыльцо да на парадное,
Проговорятъ богатырю да таково слово:

„Умертвилъ ты нашего родителя“.
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Знаешь ли ты, большая дочь Соловья Рахманаго,
Есть ли храбрѣе меня, воина Илья Муромца, а красивѣе тебя“?
Проговоритъ дочь великая Соловья Рахманаго:
„Я твоей храбрости не вѣдаю,
Стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича,
А своей красоты да дѣвичьей не могу я знать!“
У меньшой у сестры спрашиваетъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Есть ли красивѣе тебя и храбрѣе меня“?
Проговоритъ меньшая дочь Соловья Рахманова:
„Во подсолнечномъ градѣ у короля
Есть дочь единая; брови у ней—черна соболя,
Очи у ней—ясна сокола,
По косицамъ у ней звѣзды частыя“.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,
Ко городу ко Кіеву,
Увидать-то мнѣ надо Солнышко — князя Владиміра стольно-Кіевскаго“.
И пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко городу ко Кіеву,
Къ тому ли князю да ко Владиміру
И ко Солнышку князю стольно-Кіевскому.
И входитъ въ покои княжецкіи,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре стороны поклоняется,
И Солнышку князю Владиміру
Дѣлаетъ поклонъ особенной.
Увидали всѣ русскіи могучіи богатыри
Стара казака Илью Муромца, сына Ивановича:
„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій братъ!
Держимъ мы надежду на тебя да великую,—
Будь же ты городу Кіеву да защитчикъ“!

Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова въ д. Боярщинѣ Кижской волости Олонец. губ. Напечатана въ „Памятникахъ народ. творчества, Олонец. губ. Е. В. Барсова. С.-Петер. 1873 стр. 22—29.

8. Илья Муромецъ и Мамай.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ за тѣхъ же горъ, изъ за высокихъ,

Изъ за тѣхъ же лѣсовъ темныхъ,
Изъ за той же сторонушки восточныя,
Не темная туча поднималася:
Съ силой Мамай соряжается
На тотъ же на крашенъ Кіевъ градъ,
И хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять.
И бралъ онъ себѣ силы много множество:
Сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей,
И за всякимъ визиремъ по сту тысячей;
Да бралъ своего зятя любимаго,
Своего Василія прекраснаго,
И бралъ за имъ силы войска триста тысячей,
А за самимъ за собой войска счету не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля отъ войска потрясалася;
Въ конномъ топищѣ краснаго солнца не видать было,
А свѣтлый мѣсяцъ отъ пару коннаго померкнулъ весь,—
Замѣтно было въ городѣ во Кіевѣ.
Дошла до Мамая славушка немалая,
Будто въ томъ же городѣ во Кіевѣ,
Будто не стало Илья Муромца,
Будто всѣ сильные богатыри
Во чисто поле разъѣхались.
И подходила сила Мамаева
Ко тому же ко чисту полю,
Ко тому ли раздольицу широкому.
Не дошедши они до города до Кіева въ двухстахъ верстахъ
Развернули шатры бѣлополотняные,
Разостлали они войскомъ въ лагерѣ,
И поставили они кругомъ войска стражу строгую,
И говоритъ тутъ Мамай таково слово:
„Ужъ ты гой еси любимый зять, Василій Прекрасный!
Ты садись-ко, Василій, на ременчатъ стулъ,
И пиши-тко, дитятко, ты ярлыки скорописные,
Не на бумагѣ пиши, не перомъ, не чернилами,
А пиши-тко ся ты на красномъ бархатѣ,
Ты печатай-ко заголовья краснымъ золотомъ,
А по самой середкѣ чистымъ серебромъ.
А ужъ мы высадимъ, подпишемъ скатнымъ жемчугомъ,
А на углахъ-то посадимъ по камню самоцвѣтному,
Чтобы тѣмъ камнямъ цѣны не было;
А пиши ты на бархатѣ неласково,
Со угрозами пиши со великими,

Пиши, не давай сроку ни на время, ни на малое“.
И писалъ тутъ ярлыки любимый зять,
И говоритъ тутъ любимый зять таково слово:
„Ужъ ты гой еси, батюшка Мамай, строгій царь!
Мы кого пошлемъ посла во Кіевъ градъ“?
Говорилъ Мамай таково слово:
„Ужъ ты гой еси, любимый зять!
Тебѣ-ка ѣхать во крашенъ Кіевъ градъ,
А самому остаться въ бѣлополотняномъ шатрѣ
Со своимъ войскомъ съ любимымъ“.
Садился тутъ Василій на добра коня,
Поѣхалъ Василій во Кіевъ градъ,
Не дорогой ѣхалъ, не воротами,
Черезъ стѣны скакалъ городовыя
Мимо башенки тѣ наугольныя;
Подъѣзжаетъ ко двору ко княжескому
И соскакивалъ съ добра коня удалой,
Заходилъ же онъ на красно крыльцо,
Заходилъ же онъ во свѣтлу гридню.
И подходилъ онъ къ столамъ дубовымъ,
И клалъ ярлыки тѣ скорописчатые.
И подходилъ тутъ Владимиръ стольно-кіевскій
И бралъ ярлыки скорописчатые.
Какъ въ ту пору, да во то время,
Не ясенъ соколъ да подымается,
А пріѣхалъ старый во Кіевъ градъ,
Забѣгаетъ старый на красно крыльцо,
Заходитъ старый во свѣтлу гридню.
А Владимиръ стольно-кіевскій
Горючми слезами уливается;
Не подымаются у него бѣлы руки,
Не глядятъ у его очи ясныя,
Говорилъ же онъ тутъ таково слово:
„Ты бери-тко-ся, старый, ярлыки скорописчатые,
Ты читай-ко ихъ скоро на скоро,
И что въ ярлыкахъ тѣхъ написано
И что на бархатѣ напечатано“.
И началъ старый читать скоро на скоро,
Самъ читалъ, а головушкой поматывалъ,
Даже горючи слезы покатилися,
И вслухъ читалъ, всѣ слышали
А что же въ ярлыкахъ написано,
И сроку въ ярлыкахъ не дано:
„Не спущу изъ Кіева ни стараго, ни малаго,

А самаго Владимира буду тянуть очи косицами,
А языкъ-то теменемъ,—съ живаго кожу драть буду,
А княгинюшку Апраксію возьму за Василія Прекраснаго“.
Тогда говорилъ старъ казакъ таково слово:
„Ужъ ты гой еси посланникъ, строгій царь!
Ужъ ты дай-ко-ся мнѣ сроку на три года“.
—А не дамъ я вамъ сроку на три года.—
„А дай-ко ты намъ хошь на два года“.
—А не дамъ я вамъ сроку на два года.—
„Дайте сроку хошь на полгода,
А безсрочныхъ и на землѣ нѣту“.
Даваетъ Василій сроку на полгода,
И угощать стали Василія Прекраснаго
Зеленымъ виномъ, пивомъ пьянымъ,
[Пивомъ пьянымъ] медомъ сладкіимъ,
И начали дарить золотой казной:
Подарили одинъ кубчикъ чиста золота,
А другой-отъ подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хорошіихъ,
Дарили еще соболями сибирскіими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатомъ дарили краснымъ.
Принималъ Василій подарки великіе
И везъ къ Мамаю въ бѣлополотняный шатеръ.
Во ту пору, во то времечко
Пошелъ старый по Кіеву граду,
Нашелъ дружинушку хорошую [1]),
Того ли Потанюшку Хроменькаго;
Писалъ ярлыки скорописчатые
Ко своимъ ко братьицамъ ко названнымъ:
Во первыхъ-то къ Самсону Колувану,
Во вторыхъ-то къ Дунаю Ивановичу,
Во третьихъ-то къ Василію Касимерову,
Во четвертыхъ-то къ Михайлушкѣ Игнатьеву съ племянникомъ.
Во пятыхъ-то къ Потоку Ивановичу,
Во шестыхъ-то ко Добрынюшкѣ Никитичу,
Во семыхъ-то къ Алешѣ Поповичу,
Въ восьмыхъ-то къ двумъ братьямъ Иванамъ,
Да еще къ двумъ братьямъ, двумъ Суздальцамъ.
Поѣхалъ Потанюшка во чисто поле,
Собралъ всѣхъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,

[1]) Хоробрую?

Русскихъ могучихъ всѣхъ богатырей.
Не ясны соколы солеталися,
Не славны добры молодцы соѣзжалися,
Ко тому ли Владимиру собиралися,
И почали думу думати совѣтъ совѣтывать,
И началъ старый у ихъ спрашивати:
„Ужъ вы удалы добры молодцы!
Постоимъ-ко ся мы за вѣру христіанскую,
И за тѣ же за храмы за божіе,
И за тѣ же честные монастыри
И своею мы кровью горячею,
И поѣдемъ мы въ далече чисто поле
На рать силу великую,
Поѣдемъ мы всѣ покаемся.
А и ты, Владимиръ стольно-кіевскій!
Ты пошли-ко намъ да во чисто поле
Сорокъ возовъ хлѣба бѣлаго,
Да сорокъ сороковъ зелена вина
Да сорокъ возовъ хлѣба чернаго.
Ужъ какъ мы живы пріѣдемъ изъ рать-силы великія,
Тогда вздумаемъ позабавиться,
И тогда не дошедши моимъ ребятамъ низко кланяйся;
А не пріѣдемъ изъ того побоища Мамаева,—
Похорони наши тѣла мертвыя
И помяни русскихъ богатырей,
И пройдетъ славушка про насъ немалая".
Садились добры молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали добры молодцы во чисто поле,
И разставили они шатры бѣлополотняные,
Гуляли они трои суточки,
А на четвертые сутки протрезвилися
И начали они думу думати, совѣтъ совѣтывати,
И сталъ старый у ихъ спрашивати:
„Ужъ вы гой еси, сильные русскіе богатыри!
Кому же изъ васъ съѣздить въ рать-силу великую,
Ко тому же Мамаю богатому,
Посмотрѣть войско изрядное,—
Со которой стороны начинать намъ будетъ?".
—На волю мы даемъ тебѣ, кого пошлешь въ рать-силу великую.—
И на то старому слово понравилось:
„Еще Самсона послать,—силой силенъ, да не поворотливый:
Потеряетъ онъ у Мамая буйну голову;
А если Дуная послать, Дунай онъ задорливый,
Позадорится заѣхать во рать-силу великую;

Есть во рати три переката глубокiихъ,
А наставлены въ перекатахъ копья вострые:
Во-первыхъ, онъ потеряетъ добра коня,
А во-вторыхъ, потеряетъ буйну голову;
Не прiѣхать ко мнѣ Дунаю съ вѣсточкой.
Если Добрыню мнѣ послать, Добрыня все не высмотритъ,
И не узнать Добрынѣ силы Мамаевой;
Если Василiя послать, не сосчитаетъ онъ силу
И не пересмотритъ ее со краю на край,
Потеряетъ Василiй буйну голову долой;
Больше мнѣ послать и некого;
Будетъ мнѣ-ко старому самому идти.
Вы гуляйте-ко суточки теперь первые
И гуляйте вы други сутки,
На третьи сутки соряжайтеся
И къ ратному дѣлу поѣзжайте.
Какъ зазвенитъ палица боевая,
И зачивкаетъ моя сабля острая,
И затрублю я во турiй рогъ,
И во середку въ силу не ѣздите,
А рубите силу со краю на край
И не оставляйте силы ни стараго, ни малаго,
И никого не оставляйте Мамаю на сѣмя“.
И всѣ стали удалы добры молодцы на рѣзвы ноги
И поклонилися всѣ низко старому,
И поѣхалъ старъ во рать силу великую
И пробивался старый до бѣла шатра до Мамаева,
Соскакивалъ тутъ старый со добра коня
И заходилъ старый во шатеръ бѣлополотняный;
Идетъ старый казакъ, низко не кланяется.
Увидалъ тутъ Мамай въ шатрѣ человѣка страннаго,
Говорилъ же Мамай таково слово:
„Ужъ ты гой еси, Личарда слуга вѣрная!
И зачѣмъ ты ходишь и что тебѣ надобно,
И откуль ты идешь и откуль путь держишь,
Изъ Кiева идешь, али изъ Чернигова?“
—Иду же я изъ города изъ Кiева.—
„А и что же нонѣ во Кiевѣ то дѣется,
Незнаешь ли ты то, добрый молодецъ,
И не слыхалъ ли ты да про стараго?
Разскажи-ка ты мнѣ, какой онъ ростомъ,
И сколь широкъ онъ плечьми?“
Отвѣчаетъ тутъ калѣка переходная:
—Ужъ ты гой еси Мамай, богатый царь!

Довольно видѣлъ я Илью Муромца.
Ты гляди на ево все равно, какъ на меня же;
Ростомъ онъ умѣренный, въ плечахъ не широкъ былъ,
Лицо у ево постное, пиво пьетъ онъ по стаканчику,
А вино то пьетъ онъ всего по рюмочкѣ,
А закусываетъ да по калачику.
У стараго то бородушка сивая,
Сивая бородушка да красивая.—
А и тутъ Мамай да прирасхонулся:
„Напрасно же шла славушка великая про стараго,
Отъ востоку шла и до запада,
До той орды до великой,
До меня ли Мамая грознаго,
Лучше меньше гонить бы силы войска.
Еще есть-ко при мнѣ Рославней Рославнеевичъ,
Приготовь-ка для него говядины быка заразъ,
А зелена вина пивной котелъ,
А промежъ глазъ у него колена стрѣла,
А промежъ плечами двѣ сажени печатныхъ“.
Отвѣтъ держитъ тутъ старый казакъ:
„Ты безумный богатый царь!
Какъ у насъ то во городѣ во Кіевѣ,
Собирался у князя Владимира почестенъ пиръ,
А была у Владимира собака обжорлива,
По подстолью собака водилася,
Косьемъ та собака подавилася;
Тутъ собакѣ и смерть пришла.
Не уѣхать тебѣ, Мамай, отъ города отъ Кіева,
Срубитъ у тебя старъ казакъ буйну голову“.—
Тутъ Мамаю за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
И хватилъ то Мамай чинжалище, вострый ножъ
И шибъ въ стараго вострымъ ножомъ.
А на то старый увертливъ былъ, ухватку зналъ,
И ухватилъ старый вострый ножъ въ бѣлы руки,
И обратилъ старый острый ножъ,
И закололъ старый Мамая и срубилъ ему буйну голову;
И разбилъ палачей много множество,
И добрался до своего добра коня.
Скоро старый на коня вскочилъ,
И затрубилъ старый во турій рогъ,
И сомутилися у стараго очи ясныя,
И разгорѣлось у стараго ретиво сердце;
Не увидѣлъ старый свѣту бѣлаго,

Не узналъ старый ночи темныя,
И расходились у его плечи могучія,
И размахнулись руки бѣлыя,
И засвистѣла у его палица боевая,
И зачивкала его сабелька острая.
И наѣхали удалы добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормленые,
Тѣ же сильные могучіе богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни старого, ни малого,
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единого на сѣмена.
И протекала тутъ кровь горячая,
И паръ шелъ отъ трупья по облака.
Оставалися только во лагеряхъ у стараго,
Два брата,—два Суздальца,
Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей кому быть.
Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца,
Поѣхали во ту-рать силу великую.
А и пріѣхалъ тутъ старъ казакъ со другомъ,
А встрѣтить-то у лагерей и некому.
И ѣхали отъ рать-силы великія
Тѣ два брата, два Суздальца,
И сами они похваляются:
„Кабы была теперь сила небесная,
И всѣ бы мы побили ею по полю“.
Вдругъ отъ ихъ слова сдѣлалось чудо великое.
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.
И пріѣхали они ко старому,
И ко тѣмъ дружинушкамъ хоробрымъ,
И начали они разсказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы впятеро;
И сами имъ во всемъ повинилися.
Тутъ поѣхала дружинушка хоробрая
Во ту рать-силу великую,
И начали бить съ кфаю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставатъ силы больше прежняго.
Узналъ старый предъ собою вину
И покаялся старый Спасу Пречистому:
„Ты прости насъ въ первой винѣ,
За тѣ же слова глупыя,

За тѣхъ же братовъ Суздальцей“.
И повалилась тутъ сила кроволитная,
И начали копать мать сыру-землю,
И хоронить тѣло да во сыру-землю,
И протекла рѣка кровью горячею.
Садились тутъ удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали удалы ко городу ко Кіеву,
Заѣхали они въ крашенъ Кіевъ градъ,
Во тѣ же во честны монастыри,
Во тѣ же пещеры во кіевски.
Тамъ всѣ они представилися.
Тутъ старому славу поютъ.

Записана А. М. Никольскимъ въ г. Мезени Арханг. губ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русск. населенія Архангг. губ., собранныхъ П. С. Ефименкомъ. См. труды этногр. отдѣла И. О-ва Люб. Естествозн., Антропологіи и Этнографіи, кн. Ѵ, вып. 2-й, стр. 32—35.

* 9. Илья Муромецъ и царь Калинъ.

Поднимался собака злой Ка̀линъ царь,
И съ нимъ было силушки сорокъ царей со царевичемъ,
И сорокъ королей съ королевичемъ,
У каждаго царя силы по три тысячи,
И съ самимъ царемъ силы несказано.
И подступалъ онъ подъ стольный Кіевъ градъ,
И ѣхалъ черезъ батюшку Днѣпръ рѣку,
Становился на луга на зеленые,
Разоставливалъ бѣлы шатры полотняны,
И сталъ въ шатрахъ опочивъ держать.
Не спится собакѣ, вдвое грезится.
Выходилъ собака изъ бѣла шатра,
Говорилъ собака таковы слова:
„Гой еси, мои слуги вѣрные, сорокъ царей,
Несите мнѣ ременчатъ стулъ,
Станемъ-те мы думушку думати:
Кого мы пошлемъ въ стольный Кіевъ градъ?
А есть у насъ татаринъ трехъ саженъ,
Въ толщину татаринъ шести аршинъ,
У него голова, какъ сѣна копна,
У него глаза, какъ пивны ковши,
Промежу глазами калена стрѣла,
Промежу ушами тугъ зеленый лукъ.
И тутъ татаринъ не ослушался,
Бѣжитъ татаринъ въ стольный Кіевъ градъ,

Къ ласкову князю Володимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву,
Бѣжитъ на улицу на широку,
И входитъ въ палату бѣлокаменну,
Богу собака не молится,
И ласкову князю не кланятся,
И самъ говоритъ таковы слова:
„Сгой еси ты, ласковый Владимиръ князь!
Сдавай ты намъ стольный Кіевъ градъ
Безъ бою, безъ драки и безъ рубежа,
Безъ того кроволитья напраснова;
Дѣвокъ, бабъ мы плѣнницами выловимъ,
Самово князя въ полонъ возьмемъ“.
Тутъ-то Владимиръ князь испужается,
Его рѣзвыя ноги подсѣкаются,
И бѣлыя руки опустилися,
И буйна голова зачѣмъ съ плечъ не катится.
Есть у батюшки у Днѣпра рѣки,
Ужъ какъ ѣздилъ тамъ удалой добрый молодецъ,
Подъ нимъ добрый конь, какъ бы лютый звѣрь,
И самъ на конѣ какъ соколъ сидитъ,
По имени старый казакъ Илья Муромецъ;
И самъ онъ говоритъ таковы слова:
„Что ты, батюшка нашъ, Днѣпръ рѣка,
Не по старому течешь ты, не по прежнему,
Посередь тебя струичка кровавая?“
Будто провѣщаетъ батюшка Днѣпръ рѣка
Старому казаку Ильѣ Муромцу:
„Ѣхалъ по мнѣ злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь, сынъ Смородьевичъ,
Подступалъ онъ подъ стольный Кіевъ градъ,
Становился онъ на луга на зеленые,
И проситъ онъ у князя поединщика.“
И тутъ старому за бѣду стало,
Поворачивалъ онъ своего добра коня,
Поворотилъ свое бѣло лицо,
И бѣжитъ онъ въ стольный Кіевъ градъ,
И ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
И бѣжитъ онъ на улицу на широку,
И соскакивалъ старой со добра коня,
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
Не спрашивалъ у дверей придверниковъ,
Отворялъ онъ двери по малешеньку,

Запиралъ онъ двери по тихошеньку,
Входилъ онъ во свѣтлую во свѣтлицу,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь.
И со душечкой со княгинею!“
Князь не можетъ ему отвѣту дать.
„Что у те, князь, за болванъ стоитъ,
Болванъ стоитъ да неотесаный?“
Взялъ, поднялъ свою черну шляпу
И ударилъ татарина поганова,
И прошибъ онъ стѣну бѣлокаменну,
И улетѣлъ татаринъ за три версты,
За три версты пятисотныя.
И тутъ то князь возрадуется,
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Немалую чару въ полтора ведра,
Даетъ чару Ильѣ Муромцу.
Принимаетъ старый единой рукой,
Выпиваетъ старый единымъ духомъ,
Отошедши, старый поклоняется.
И говоритъ ласковый Володимиръ князь,
Говоритъ таковы слова:
„Сгой еси ты, старый казакъ,
Старый казакъ, Илья Муромецъ!
Послужи ты мнѣ вѣрой правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною.
Согони ты собаку, зла Калина царя,
Съ моего поля зеленова“.
Говоритъ князю Илья Муромецъ:
„Послужу я тебѣ вѣрой правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною.
Только дай ты мнѣ благословеньицо“.
И садился старый на добра коня,
И ѣдетъ онъ въ церковь соборную,
И ставилъ онъ свѣчу воска ярова
Передъ Матерью Пресвятой Богородицей,
И самъ ставалъ на колѣночки,
И поднималъ свои руцѣ ко верху:
„Мати Божія, Пречистая Богородица!
Пособи ты мнѣ согнати зла Калина царя,
За твой я домъ стою—церковь соборную,
И за Тебя, Мать Пресвятая Богородица!“
И всталъ и пошолъ изъ церкви соборныя,

И садился онъ на добра коня,
И ѣдетъ ко своей матери родимыя;
И мать его выходитъ на красно крыльцо
И встрѣчаетъ она сына на радостяхъ.
„Здравствуешь, моя матушка родимая!
Здорово ты живешь, здоровешенько?“
—Я, милый сынъ, здорова и здоровешенька.—
„Такъ у насъ, у ласкова князя Володимера,
Не такъ здорово, не такъ радошно:
Подступалъ собака злой Калинъ царь,
И проситъ онъ поединщика.
Дакъ благословляй ты, матушка родимая,
Мнѣ съѣздить согнать царя Калина,
Согнать со чиста поля“.
Ну и зачалъ онъ по силѣ поѣзживать,
И зачалъ татаръ поколачивать,
И куда ѣдетъ,—дѣлатъ улицу,
И куда повернетъ,—переулочки.
И злые татары здогадливые,
Копали они шанцы глубокіе,
И становили въ нихъ сабли вострыя.
Первый шанецъ конь перескочилъ,
Второй шанецъ Богъ перенесъ,
Въ третій шанецъ конь вскочилъ,
Сабли въ шанцѣ раздвоилися,
Тутъ татары задавили Илью Муромца,
И связали ему руки бѣлыя,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
И ведутъ его къ царю Калину,
И бьетъ его Калинъ царь по бѣлу лицу.
И бѣгаетъ его маленькій Калиненочекъ,
Калиненочекъ маленькій цареночекъ:
„Недовлѣть тебѣ молодца бить по бѣлу лицу.
И тебѣ лучше бы молодца уговаривать“.
Тутъ то молодцу за бѣду стало,
Поднимать онъ кверху руки бѣлыя:
„Спасъ ли ты, Боже милостивый!
За твой я домъ стою, Пресвятая Богородица!“
Не попало старому казаку Ильѣ Муромцу,
Не попало палицы боевыя,
Не попало ему сабли вострыя,
Не попало копья мурзалецкаго;
Встряхнулся, ничего не стало на немъ,
Попалъ ему татаринъ трехъ саженъ,

И сохваталъ онъ татарина за рѣзвы ноги,
И сталъ по силѣ похаживать,
И зачалъ татаръ поколачивать,
Поколачивать силу татариномъ,
И куда идетъ—дѣлатъ улицу,
Во сторону вернетъ—переулочки;
И согналъ собаку со чиста поля.

Записана С. И. Гуляевымъ отъ крестьянина Леонтія Тупицына въ Барнаулѣ.

10. Илья Муромецъ и Каинъ [1].

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Заводился у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей.
Вси князья̀, вси бо̀яра со двора да соѣзжали.
Середи-то ноченьки да темной,
Пріѣхалъ-то татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владимиру,
Ко Владимиру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкіи,
Ёрлычекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ-ли столъ да на дубовый,
На ту-ль доску да на позлаченую;
Самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Солнышко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!
Прибери-тко вси дворы да княженецкіи,
Очисти-тко палаты богатырскіи,
Обмети-тко ты улицы стрѣлецкіи—
Въѣхать Каину-собакѣ поганому
Во стольный градъ во Кіевъ.
Пріѣхалъ Каинъ-собака поганой
Ко той рѣки ко Смородины,
Ко этому каменю ко Латырю,
Ко тому-ли дубу-то ко шѝроку,
И привезъ сорокъ королей, королевичей,
Привезъ сорокъ царей, сорокъ царевичей.
У королей, у королевичей силы е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ“.

---

[1]) Соотвѣтствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказателя, но съ значительными перемѣнами, находится въ сборникахъ Рыбникова, I, 118—119 и Гильфердинга № 121.

Приказалъ солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій
Зазвонить-то во било колокольное,
Штобы собрались вси русскіи могучіи богатыри
Ко Солнышку князю ко Владимиру
На широкій дворъ и въ палаты княженецкіи.
Ужаснулось сердечко у Солнышко у князя у Владимира,
Говоритъ да онъ могучимъ богатырямъ:
„Былъ-то татаринъ поганый середи ночи темныя
Во палатахъ княженецкіихъ;
Ерлычекъ на столъ да онъ выкидывалъ,
На тотъ ли столъ да на дубовый,
На ту ли доску да золоченую,
И самъ на словахъ да выговаривалъ:
Ты Солнышко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!
Ты очисти-тко дворы да княженецкіи
И палаты богатырскіи
И омети улицы стрѣлецкіи.
И пріѣхалъ Каинъ-собака поганой,
Ко той рѣки да ко Смородиной,
Ко тому-ль ко каменю ко Латырю,
И ко тому ли дубу да ко широку;
И привелъ онъ сорокъ королей и королевичей,
И сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей и королевичей силы е по цѣлой по тысящи,
У царей и у царевичей по сту тысящъ".
И вси сидятъ русскіе могучіе богатыри,
Утуплены очи ясны во калиновъ мостъ;
Только нѣтъ единаго стара казака Ильи Муромца
У Солнышка князя Владимира.
Послать русскаго могучаго богатыря
Къ стару казаку Илью Муромцу,
Илью Муромцу, сыну Иванычу.
Пришелъ русскій могучій богатырь
Къ стару Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, свѣту Ивановичу,
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ онъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется;
Стару казаку Илью Муромцу
Дѣлатъ онъ поклонъ да особинный.
„Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Пріѣхалъ-то татаринъ поганый въ палаты княженецкіи,
И самъ ерлыкъ-то на столъ да выкладывалъ,
На тотъ-ли столъ да на дубовый,

На ту доску да золоченую;
Самъ на словахъ да выговариватъ:
Прибери-тко ты вси дворы да княженецкіи,
Очисти палаты богатырскіи,
Омети улицы стрѣлецкіи,
И въѣхать Каину-собаки поганой
Во стольный градъ во Кіевъ.
Пріѣхалъ татаринъ собака паганый
Ко той рѣки ко Смородиной,
Ко тому-ль то камени ко Латырю,
Ко тому-ль то дубу да ко ши̂року,
И привелъ сорокъ королей и королевичей,
И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей, у королевичей силы по цѣлой е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ".
Проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
„Дай-ко ты, Солнышко Владимиръ князь,
Дай намъ времени по̂отдохнуть,
Не на много, не на мало на двѣнадцать дней".
Поѣхали во палаты богатырскіи
Русскіи могучіи бога̂тыри;
Насыпали пшены бѣлояровой
Конямъ да богатырскіимъ;
Они стоятъ—пшено ѣдятъ.
И проходитъ тому времени двѣнадцать дней,
Приходитъ младъ Ерма̂къ Тимоѳеевъ сынъ
Ко Солнышку князю ко Владимиру,
Дѣлаетъ поклонъ да о калиновъ мостъ,
Самъ Владимиру слово выговариватъ:
„Ты Солнышко, Владимиръ князь стольно-Кіевскій;
„Спусти-тко меня ко тѣмъ-ли татарамъ поганымъ".
Прого̂ворилъ Солнышко Владимиръ князь, стольно-Кіевскій:
„Есть ты молодъ, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
Отъ роду тебѣ всего семнадцать лѣтъ;
Гдѣ же у тебя да родный батюшка?"
Воспроговоритъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ:
„Ушелъ-то мой родной батюшка
Ко Ерману ко Сергію.
Дай ты, Солнышко, мнѣ, Владимиръ князь,
Прощеньицо и благословеньицо:
Поѣду ко татарамъ ко поганымъ;
Дашь прощеньицо—поѣду,
И не дашь благословеньицо—поѣду,

Стоять за стольный градъ да Кіевъ,
За свое родное отечество,
„За свою-ль за ту вѣру христіанскую“.
Пріѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко этымъ ко русскіимъ богатырямъ
Во палатки богатырскіи.
Вси кони стоятъ и вси пшено ѣдятъ,
Вси пшено ѣдятъ да бѣлоярово,
И спятъ русскіи могучіи богатыри.
Проговоритъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ:
„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
И не честь спать русскіимъ могучіимъ богатырямъ,
Надо ѣхать ко тымъ татарамъ ко поганымъ“
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты, младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!
Есть ты юноша младый,
Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;
И выстань-ко ты во широкъ дубъ,
И посмотри-тко на татаръ да на поганыхъ:
Много-ль нагнано татаръ поганыхъ?“
Опустился младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Со этого со дуба со широка;
Проговоритъ стару казаку Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:
„Только нагнано татаръ поганыхъ—
Сѣрому волку въ день не оскакать,
И черному ворону въ день не облетать.
И не честь русскіимъ могучіимъ богатырямъ,—
Надо ѣхать ко татарамъ ко поганымъ“.
И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
На этое на поле на чистое,
Ко этымъ татарамъ ко поганымъ.
Выcталъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Отъ этого отъ сна да богатырскаго;
И выcталъ онъ да во широкъ дубъ,
И посмотрѣлъ да ко той рѣки да ко Смородиной,
И ко тому-ль ко каменю ко Латырю,
Ко тому-ль дубу да ко широку;
Посмотрѣлъ то во трубу подзорную
На поле на чистое.
И только нагнано татаръ поганыхъ—

И сѣрому волку въ день не оскакать,
И черному ворону въ день не облетать;
И младъ Ермакъ, Тимоѳеевъ сынъ,
И ѣздитъ на томъ-ли конѣ богатырскоемъ
По этому то полю по чистому,
И плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
И палицей булатной поигрываетъ.
И во поли чистомъ младъ Ермакъ, Тимоѳеевъ сынъ,
Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубитъ татаръ да поганыихъ.
У стараго казака Илья Муромца
Разгорѣлось сердце богатырское:
„Воротитесь, русскіи могучіи богатыри!
Воротитесь во стольный градъ во Кіевъ!
Поѣду одинъ во поле во чистое“.
Садился на коня богатырскаго
Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
Палицей булатной поигрываетъ;
Пріѣхалъ ко татарамъ ко поганымъ на поле на чистое,
Стали рубить татаръ поганыихъ,
Со этымъ со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
И прирубили татаръ да поганыихъ
На этомъ на полѣ на чистоемъ.
Возвратились они ко городу ко Кіеву,
Ко Солнышку князю ко Владиміру;
Зашли къ нему въ палаты княженецкіи;
Крестъ они кладываютъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому
И на двѣ, на три, на четыре стороны покланяются,
И Солнышку князю Владиміру да въ особину.
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
Прирубили мы всѣхъ татаръ поганыихъ,
Со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
По родительскому прощеньицу,
По Божьему благословеньицу“.

Зап. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Щеголенкова Кижской волости, Олонец. губ. Напечатана въ Памятникахъ народ. творчества Олонец. губ. Е. В. Барсова стр. 34—39.

*11. То-же.

Ко стольному городу ко Кіеву,
При ласковомъ князѣ Владимірѣ,
Наѣзжалъ черной собака воръ Калинъ царь

Съ сорока царями со царевичами,
Съ сорока королями королевичами.
У всѣхъ было силы набрано,
У всѣхъ было силы заправлено,
У всѣхъ силы было по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина
Силы было и смѣты нѣтъ.
И тотъ черная собака, воръ Калинъ-царь,
Онъ ходитъ по силы поганыи,
Онъ самъ говоритъ таково слово:
„Ай же вы мои татарины,
Ай же вы мои поганыи!
А кто знаетъ говорить по русскому
А толмачать по татарскому?
А кто бы снесъ письмо князю Владимиру,
Чтобы отдалъ Владимиръ Кіевъ градъ
Безъ бою, безъ драки великія,
Безъ самого большого кроволитія“?
И тутъ сыскался татаринъ поганыи,
Самъ говоритъ таково слово:
„Ай же ты, царское величество!
Я знаю говорить по русскому,
Толмачать по татарскому,
И отнесу письмо князю Владимиру,
Что у тебя будетъ въ письмѣ написано“.
И принималъ письмо татаринъ поганыи
Отъ собаки царя Калина
И садился татаринъ на добра коня
И поѣхалъ ко городу Кіеву
Ко ласковому князю Владимиру.
Пріѣзжаетъ онъ ко двору княженецкому,
Становилъ коня среди двора,
Идетъ онъ татаринъ въ полаты бѣлокаменныя,
Не креститтся татаринъ, не молится
И князю Владимиру не поклоняется,
И бросалъ письмо на дубовой столъ,
А самъ говоритъ таково слово:
„Разсматривай-ко сіе письмо
Отъ нашего да царя Калина“.
И принимаетъ Владимиръ князь
Стольно-Кіевской сіе письмо
И письмо разсматривалъ.
А написано у собаки царя Калина,
Чтобы отдалъ Владимиръ князь

Кіевъ градъ безъ бою драки великія,
Безъ самого большого кроволитія.
И назадъ то Владиміръ князь отписывалъ
Собакѣ царю Калину:
„Ай же ты, Калинъ-царь!
Дай же ты сроку намъ на три года,
И на три года сроку и на три мѣсяца,
И на три мѣсяца сроку и на три дня
На три дня и на три часа;
Накурить бы намъ зелена вина,
И наварить бы намъ пива пьяного
И поставить бы бочки по Кіеву,
Чтобы было чимъ стрѣтить тебя царя Калина“.
Отдаваетъ письмо князь татарину
И отпущаетъ татарина поганого.
И садился князь за дубовой столъ,
А самъ слезно князь расплакался:
„Раздразнилъ то я сильныхъ могучихъ богатырей,
Какъ всѣ богатыри у меня поразъѣхались.
Какъ бы былъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Тотъ бы постарался ради дому пресвятой Богородицы,
Ради Кіевскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
И ради церквей соборныихъ,
И ради матери святорусской земли.
Посадилъ я Илью Муромца
Въ погреба глубокіи,
Заморилъ я смертью голодною“.
Изъ тѣхъ ли покоевъ изъ свѣтлыихъ
Выходитъ дочь его красна дѣвица,
И поклоняется отцу она да всобину:
„Ужъ ты, отче Владиміръ князь, стольно-кіевскій!
Мы пойдемъ въ погреба во глубокіи
И попросимъ стара казака Илью Муромца
Ради церквей да соборныихъ,
Ради Кіевскихъ да угодниковъ
И ради матушки да Святорусь-земли“.
Тутъ проговоритъ Владиміръ князь своей дочери:
„Ахъ ты, дочь моя, одинакая!
Ты малешенька да глупешенька,
Ничего ты дочь моя да не вѣдаешь:
Какъ посаженъ Илья Муромецъ уже три года
И заморенъ смертью голодною“.
А тая ли дочь да княженецкая,
Она знала про стара казака Илью Муромца.

Когда посадили Илью въ погреба глубокіи,
Тогда она была лѣтъ въ четырнадцать,
И подобрала ключи она отъ погреба,
И сама она ходила, кормила
Стара казака Илью Муромца,
И однако говоритъ отцу таково слово:
„Ужъ ты, отче Владимиръ, князь стольно-кіевскій,
Я видала во Божьемъ писаніи,--
Ильѣ Муромцу на бою смерть не писана,
И голодная смерть ему не писана“.
И брали ключи оны отъ погреба
И отмыкали замки крѣпкіе
И заходятъ въ погреба глубокіи.
И сидитъ старой казакъ Илья Муромецъ
За столомъ за дубовымъ,
А на столѣ горитъ свѣча сальняя,
И читаетъ онъ книгу Евангеліе.
И подходитъ Владимиръ князь стольно-кіевскій
И проговорилъ старцу казаку Ильѣ Муромцу:
„Ты старой казакъ, Илья Муромецъ!
Постарайся ради дому пресвятой Богородицы,
И ради кіевскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
И ради церквей да соборныихъ,
И ради матери Святорусь-земли“.
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ты Владимиръ князь стольно-кіевской!
Что во Кіевѣ содіялось“?
Тутъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевской:
„Что наѣхалъ чорная собака воръ Калинъ-царь
Съ сорока царями царевичами,
Съ сорока королями королевичами,
И у всѣхъ силы набрано,
И у всѣхъ силы заправлено,
И у всѣхъ силы по сороку тысячей,
А у самого собаки царя Калина
Силы и смѣты нѣтъ“.
И тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Что отъ собаки царя Калина было писано“?
—А то было писано,
Чтобы отдалъ Владимиръ князь Кіевъ градъ
Безъ бою безъ драки великія
И безъ самого большого кроволитія.—
И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:

„Ты Владимиръ князь стольно-кіевскій,
И ты что назадъ да отписывалъ?“
—Я то назадъ отписывалъ,
Что ты дай намъ сроку на три году,
На три году на три мѣсяца,
На три мѣсяца и на три дня,
На три дня и на три часа,
Чтобы накурить намъ зелена вина
И наварить намъ пива пьяного
И разставить бочки по Кіеву,
Чтобы было стрѣтить тебя, царя Калина.—
И проговорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Ты Владимиръ князь стольно-кіевской!
Я самъ поѣду упрашивать царя Калина“.
И садился Илья да на добра коня,
И поѣхалъ Илья ко собакѣ царю Калину.
И проѣхалъ Илья близъ собаки царя Калина,
И бьетъ челомъ да поклоняется
Ко собакѣ царю Калину:
„Миръ да здравіе же да Калинъ-царь!“
Обвернулся чорна собака воръ Калинъ-царь:
„Да здравствуешь, старой казакъ Илья Муромецъ,
А у насъ сказали тебя и живого нѣтъ,
Ажно живъ старикъ еще поѣзживаетъ“.
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ай же ты Калинъ-царь!
А я пріѣхалъ васъ упрашивать:
Дай же намъ сроку на три году,—
На три году, на три мѣсяца,
На три мѣсяца и на три дня,
На три дня и на три часа,
Чтобы накурить намъ зелена вина,
Наварить намъ пива пьяного
И разставить бочки по Кіеву,
Чтобы было стрѣтить тебя, царя Калина“.
Тутъ проговорилъ чорна собака Калинъ-царь:
„Ты старой казакъ Илья Муромецъ!
Я вѣрю тебѣ и по старости:
Накурите вы зелена вина,
Наварите вы пива пьяного,
Проставьте вы бочки по Кіеву
И стрѣтьте меня, царя Калина“.
И тутъ поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Прочъ отъ царя Калина,

И не могъ онъ силы и смѣты дать,
И стоячись то старой да пораздумался:
„Я не смѣю напущаться на рать силу великую
И пойду искать отца крестного,
Того Самсона Самойлова,
И всѣхъ двѣнадцать богатырей,
Друзьёвъ братьицовъ крестовыихъ“.
Старой казакъ Илья Муромецъ
Повысталъ на гору на высокую
И смотритъ на всѣ четыре стороны,—
Ничего онъ узрѣть не могъ.
Со первой горы онъ опущается
И на вторую высокую гору подымается
И смотритъ на всѣ четыре стороны,—
И ничего казакъ узрѣть не могъ.
Со второй горы опущается
И на третью высокую гору подымается
И смотритъ на всѣ на четыре стороны,—
И усмотрѣлъ вдали шатеръ бѣлополотняной,
И поѣхалъ на этотъ шатеръ бѣлополотняной.
Пріѣзжалъ къ шатру бѣлополотняну,
А тамъ стоятъ то кони богатырскіе,
Кони знакомые кіевскіе
Отца крестного Самсона Самойлова
И тѣхъ двѣнадцати богатырей.
И привязалъ Илья своего добра коня,
Заходитъ въ шатеръ бѣлополотняной.
И сидятъ всѣ двѣнадцать богатырей
Хлѣбъ соль кушаютъ,
Отецъ крестной Самсонъ Самойловичъ
Онъ во тринадцатыхъ.
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣбъ-соль, отецъ крестной,
Самсонъ сынъ Самойловичъ,
И всѣхъ двѣнадцать богатырей,
Братья крестовые, друзья названые!“
И выставаетъ отецъ крестной
Самсонъ сынъ Самойловичъ:
„Зравствуешь, любезной мой крестничокъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!
Мы чаяли тебя и живого нѣтъ,
Что посаженъ былъ въ погреба глубокіи.
Какъ оттуда Господь васъ вынесъ?
Садись съ нами хлѣба соли кушати

И бѣлыя лебедушки рушати“,
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Не хлѣба-соли я пріѣхалъ кушати,—
Я пріѣхалъ васъ звать на̀ помочь:
Поѣдьте вы ко мнѣ на̀ помочь
Пособить прогнать собаку царя Калина
Прочъ отъ города отъ Кіева.
Наѣхалъ собака воръ Калинъ царь
Съ сорока царями со царевичами,
Съ сорока королями королевичами,
У всѣхъ силы понабрано,
У всѣхъ силы заправлено,
У всѣхъ силы по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина
Силы то и смѣты нѣтъ.
Тутъ проговорилъ Самсонъ Сынъ Самойловичъ:
„Я не ѣду и тебя не благословлю:
У меня положенъ завѣтъ крѣпкій
Не стоять больше за Кіевъ градъ
И за князя Владимира,
А на княгину Апраксу и не сматривать.
Онъ слушаетъ князей бояръ,
А насъ то ничѣмъ не жалуетъ“.
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Отецъ крестной, Самсонъ сынъ Самойловичъ!
Получилъ я отъ родителей
Прощеньице съ благословеньицемъ,
Что вѣчно стоять за Кіевъ градъ
Не ради князя Владимира,
А ради дому Пресвятой Богородицы,
Ради кіевскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
Ради матери Святорусь-земли.
Положи ты половину завѣта на меня,
Поѣдемъ ко мнѣ на помочь,
Пособи прогнать собаку царя Калина
Прочъ отъ города отъ Кіева“.
Тутъ проговоритъ Самсонъ сынъ Самойловичъ:
„Хоть берешь половину завѣта на себя,
А я не ѣду къ тебѣ на помочь:
Великой у меня завѣтъ есть крѣпкой,
Чтобъ не стоять больше за Кіевъ градъ“.
Тутъ проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Положи ты весь завѣтъ на меня,
А поѣдемъ ко мнѣ на̀ помочь,

А пособи ты прогнать собаку царя Калина
Прочъ отъ города отъ Кіева".
И сталъ онъ упрашивать и сталъ уговаривать
Всѣхъ двѣнадцать богатырей.
И садилися четырнадцать богатырей
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
И проѣхали близъ силы поганыя,
Близъ города Кіева.
Раскинули шатеръ бѣлополотняной,
Садилися, хлѣба-соли покушали
И бѣлыя лебедушки рушали,
И легли оны спать и опочивъ держать.
А Ильѣ Муромцу не спится а мало собится,
И садился Илья на добра коня
И поѣхалъ онъ по силѣ поганоей
И зачалъ по силѣ онъ поѣзживать,
Сталъ силу поганую поколачивать.
И у того ли собаки царя Калина,
У татарина у поганого,
Накопано три подкопа глубокіе.
Конь провѣщился человѣческимъ голосомъ:
„Есть у собаки, царя Калина,
Три подкопа то великіе:
Я въ подкопъ скочу, повыскочу,
Я тебя Илью повынесу,
Я въ другой скочу, повыскочу,
Я тебя Илью повынесу,
Я въ третій скочу, повыскочу,
А тебя Илью врядли повынесу".
Илья бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ:
„Ай ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
По лѣсу ты или не лѣсывалъ,
По воинамъ ли ты не воюивалъ,
Не ужель съ этой ямы ты не выскочишь,
Меня Илью да не вынесешь?"
Его добрый конь въ подкопъ скочилъ,
Самъ повыскочилъ, Илью повыносилъ,
И въ другой скочилъ, повыскочилъ,
Илью онъ повыносилъ;
И въ третій скочилъ, самъ повыскочилъ,
И не могъ Илью повынести.
Упадалъ Илья въ подкопы глубокіе,
И обостали татарины поганые,
Связали Ильѣ ручки бѣлыя,

Сковали Ильѣ да ножки рѣзвыя,
Привели къ собакѣ царю Калину.
Тутъ проговорилъ собака воръ Калинъ-царь:
„Ай же ты старой казакъ, Илья Муромецъ!
Я повѣрилъ тебѣ вѣдь по старости.
На что ты теперечу извѣрился?
Послужи ты мнѣ нынче, царю Калину,
Я дамъ тебѣ мѣсто подли меня,
Или дамъ мѣсто супротивъ себя,
А третье мѣсто куды самъ захошь;
Положу я тебѣ пензію великую“.
Тутъ проговорилъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
„Ай ты, черная собака, воръ Калинъ-царь!
Какъ бы одна была у меня ручка правая,
Отрубилъ бы тебѣ буйну голову,
Покатилась бы голова твоя, какъ пугвица“.
Тутъ вскрычалъ черная собака, воръ Калинъ-царь:
„Ай же вы, татарины,
Ай же вы мои поганыи!
Ведите Илью во чисто поле,
Отрубите Ильѣ буйну голову“.
Тутъ хватили татарины поганыи,
Повели Илью во чисто поле,
Хочутъ отрубить буйну голову.
И ведутъ Илью мимо церковь соборную,
И возмолится старый казакъ Илья Муромецъ
Святымъ кіевскимъ угодникамъ:
„Вы кіевскіе чудотворцы угодники!
Не выдайте татаринамъ поганымъ:
Я вѣкъ буду стоять за домъ пресвятой Богородицы“.
И тогда послалъ Господь силу ангельскую,
Оборвали повода желѣзныи.
Тутъ сталъ Илья на своей волѣ,
И тутъ хватилъ Илья татарина поганого
И началъ татариномъ помахивать.
Куда вернется, то улица,
Перевернется, переулочокъ.
Онъ гнется татаринъ, а не ломится,
А крѣпокъ на жильяхъ, а не сорвется.
Тутъ отошли всѣ татарины поганые.
И бѣжитъ Ильинъ доброй конь
Со всей сбруей богатырскою.
И садился Илья на добра коня,—
Беретъ онъ саблю вострую и тугой лукъ

И натягиваетъ тетивочку шелковую
И накладываетъ стрѣлу онъ каленую,
Ко стрѣлы Илья приговариваетъ;
„Ты не падай, стрѣла, ни на̀ воду ни на̀ землю,
Ты прямо во шатеръ бѣлополотняной,
Гдѣ спятъ русскіи богатыри,
И проломи крышу шатровую,
И проломи у Самсона латы кольчужныя,
И раздроби у него бѣлую грудь,
Разруши сердцо ретивое,
И убей Самсона Самойлова,
Что спитъ онъ да прохлаждается,
А невзгоды онъ надо мною не вѣдаетъ“.
Летѣла стрѣла каленая,
Не пала ни на̀ воду, ни на̀ землю,
Прямо въ шатеръ бѣлополотняной,
Проломила крышу шатровую,
И проломила латы кольчужныя,
И ударила Самсону въ мѣдный крестъ.
Тутъ Самсонъ Самойловичъ просыпается
И проговорилъ таково слово:
„Еслибъ не крестъ, такъ живу не бывать!
Ай же вы, двѣнадцать богатырей, вставайте-тка;
Видно Ильѣ въ чистомъ полѣ мало собится“.
И выставали двѣнадцать богатырей,
И садились на добрыхъ коней.
И поѣхали супротивъ силы поганыя,
И прибили, прирубили всю силу поганую.
И уѣхалъ чорная собака, воръ Калинъ-царь,
Со тою со клятвой великою.
На царской костыль опирается,
А самъ то онъ проклинается:
„Ай не дай Богъ больше бывать подъ Кіевомъ,
Ни мнѣ то бывать, ни дѣтямъ моимъ,
Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ,
Ни внучатамъ моимъ, ни правнучатамъ,
Что во городѣ во Кіевѣ
Есть сильные могучіе богатыри“.
Какъ тутъ Владимиръ, князь стольно-кіевской,
Приказалъ постлать сукна красныя
До самого побоища смертнаго,
И встрѣчаетъ богатырей
Со златомъ, серебромъ, скатнымъ жемчугомъ,
И даритъ ихъ златомъ, серебромъ

И скатнымъ жемчугомъ,
И зазываетъ ихъ въ почестной пиръ.
И тутъ богатыри отсердилися,
И столовали, пировали ровнэ суточки.
И Владимиръ князь стольно-кіевской
Дарилъ ихъ куницами, лисицами
И черными соболями.
Тутъ вѣкъ про Илью старину скажутъ
Синему морю на тишину,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана крестьяниномъ Кижской волости Олонец. губ. Иваномъ Касьяновымъ (см. о немъ Онежскія былины Гильфердинга ст. 795) и доставлена имъ И. Русс. Географ. Обществу, которое позволило намъ воспользоваться записью Касьянова.

12. То-же.

Не пыль въ полѣ пылится,
Не туманъ съ моря подымается,
Не грозна туча накатается,
Не изъ той тучи маланья сверкатъ,—
Подымалась силушка зла-невѣрная
Калина царя, Тугарина.
Семьдесятъ было царевичей,
У Калины царя по три тьмы,
По три тьмы, по три тысячи.
Стоитъ собака неподалеку,
Отъ Кіева за семь верстъ,
Разбивалъ лагерь ровно за сто верстъ,
Самъ ставалъ середи силы,
Середи силы, середь лагерю.
Онъ разбилъ шатеръ бѣлъ полотняный,
Онъ сбиралъ царей, всѣхъ царевичей,
Всѣхъ своихъ королевичей.
Онъ думаетъ думу крѣпкую,
Думу крѣпкую заединую.
Садился скоро на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыкъ скорописчатый,
Не перомъ писалъ, не чернилами,
А на бархатѣ краснымъ золотомъ.
Выбиралъ собака посла грознаго:
„Ты поди, посолъ, въ стольный Кіевъ-градъ,
Ты не спрашивай приворотничковъ,
У его дверей придверничковъ,

Ты скачи во градъ бездокладышно,
Станови коня середи дворца,
Входи въ полаты не моляся,
И Владимиру князю не кланяйся,
А ты кидай ерлыкъ на дубовый столъ,
Проси силы сорокъ тысячей,
А не то проси стольный Кіевъ-градъ,
А не то проси дочь любимую“.
Тутъ собака не ослушался,
Скакалъ собака въ стольный Кіевъ-градъ,
Не спрашивалъ приворотничковъ,
У его дверей придверничковъ,
Скакалъ во Кіевъ бездокладышно,
Становилъ коня середи дворца,
Входилъ въ полаты не моляся,
А Владимиру князю не кланялся,
Кидалъ ерлыкъ на дубовый столъ,
Просилъ силы сорокъ тысячей,
А не то просилъ стольный Кіевъ-градъ
А не то просилъ дочь любимую.
Тутъ-де Владимиръ закручинился,
Весьма-де Владимиръ опечалился,
Повѣсилъ буйную головушку,
Опустилъ очи въ мать сыру землю:
„Нѣтъ-то теперича помощничковъ,
И за Кіевъ-градъ нѣтъ пристателей,
Нѣтъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Ни Ильюшеньки, ни Алешеньки,
Нѣтъ Добрынюшки, нѣтъ Никитича“.
Не успѣлъ Владимиръ думу сдумати,
Не ясенъ соколъ перелетывалъ,
Не бѣлый кречетъ перепорхивалъ,
Пріѣзжалъ добрый молодецъ
Старой казакъ Илья Муромецъ,
Пріѣзжалъ онъ скоро на широкъ дворецъ,
Соскакивалъ съ добра коня,
Привязалъ коня къ дубовому столбу,
Ко тому-ли колечку злаченому,
И входитъ въ полаты потихошеньку,
Отпираетъ двери помалешеньку,
Чтитъ да креститъ лицо бѣлое,
Чуднымъ образамъ Богу молится,
А Владимиру князю низко кланятся:
„Ой, еси ты, батюшка, Владимиръ князь,

А свѣтлое солнце, нашъ кіевскій,
Что-же ты весьма закручинился,
Что-же ты весьма запечалился
И повѣсилъ съ плечъ головушку“?
Ото сна-ли Владиміръ пробуждается:
„А, старой казакъ, Илья Муромецъ,
Правая моя вѣрна рученька!
Не знаешь невзгодушки надъ Кіевомъ:
Нападаетъ собака тутъ Калинъ-царь,
Онъ проситъ силы сорокъ тысячей,
А не то отдать стольный Кіевъ-градъ,
А не то отдать дочь любимую“.
—„А это что у те за гость сидитъ,
А это что у те за болванъ сидитъ,
А этотъ болванъ неотесаный,
Неотесаный, да и неоскобленый“?—
Нечего было собакѣ дѣлати,
Выходилъ собака на красно крыльцо,
Скакалъ собака на добра коня,
Убѣжалъ собака къ Калину-царю.
И возговорилъ Илья Муромецъ:
—„Ахъ ты батюшка нашъ, Владиміръ-князь,
Ты бери свои золоты ключи,
Отпирай свои золоты ларцы,
Нагребай мисы чиста серебра,
Нагребай мисы краснаго золота,
Нагребай мисы скатнаго жемчуга,
Я поѣду къ Калину царю со подарками,
Просить сроку намъ на три дня“.—
А не даетъ собака на три часа.
Тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За злую досаду показалося;
Забѣжалъ онъ въ силу невѣрную,
Гдѣ махнетъ, тутъ и площади.
Закричалъ собака Калинъ-царь:
„Всѣ мои царевичи,
Всѣ мои королевичи,
Копайте колодцы глубокіе,
Хватайте добра молодца,
Старо̀го казака Илью Муромца!“
Первый колодецъ его Богъ пронесъ,
Второй колодецъ его конь пронесъ,
А въ третьемъ колодцѣ спотыкается.
Нападала сила невѣрная,

Связали рученьки бѣлыя,
Сковали ноженьки рѣзвыя,
Привели къ собакѣ Калину-царю.
Возговорилъ собака Калинъ-царь:
„Отведите на поле широкое,
Отрубите отъ плечъ буйну головушку!“
Сидитъ при Калинѣ любимый сынъ,
Говоритъ ему таковы слова:
—„Государь ты мой, батюшка!
Не губи молодца понапраслину,
Не руби ему буйной головушки,
А проси изъ чести, изъ милости:
Какъ служилъ царю бѣлому,
Царю бѣлому, князю Владимиру,
Такъ бы и намъ послужилъ“.—
Сталъ его просить Калинъ-царь:
„Послужи намъ вѣрой, правдою,
Какъ служилъ князю Владимиру“.
—„А кабы была при мнѣ сабля острая,
Послужилъ бы я на твоей толстой шеѣ!“—
Тутъ царю за бѣду стало,
За злую досаду показалося,
Соскакивалъ на ноги рѣзвыя,
Билъ Илью по бѣлу лицу,
Избивалъ лицо его до крови.
Тутъ Ильюшенька возговорилъ:
—„Ахъ, мать Божья, Богородица,
Что ты на меня прогнѣвалась!“
Разводилъ онъ рученьки бѣлыя,
Разорвалъ чумбуры шелковые,
Разорвалъ желѣзы нѣмецкія,
Поймалъ татарина трехъ сажень,
Ходилъ съ нимъ три суточки,
И вышелъ Илья на Алтай гору,
Натягивалъ свой тугой лукъ,
Стрѣлялъ стрѣлки каленыя,
Ко стрѣлкамъ онъ приговаривалъ:
„Полетайте, стрѣлы, высокошенько,
Высокошенько и далекошенько,
Не падайте ни на воду, ни на землю,
А падите Алешѣ во бѣлый шатеръ,
Попадите Алешѣ на бѣлую грудь“.
Взялъ Алешенька стрѣлочку,
И такъ Алешенька возговорилъ:

„Кто то надъ нами шутку шутитъ,
Шутку шутитъ или насмѣхается!“
Сталъ Алешенька повертывать,
Сквозь слезы поговаривать,
Добрынѣ Никитичу письмо писать:
„Нашъ-отъ братъ во поиманьи,
Старой казакъ Илья Муромецъ“.
Не успѣлъ онъ выспаться, они сбѣжалися,
Били они силу невѣрную,
Только оставили одного мальчика,
Любимаго сына Калина-царя.
И пріѣхали къ князю Владимиру со славою,
Была гульба, борьба и кулачный бой,
Владимиръ князь ихъ потчивалъ,
Три дня гуляли, веселилися.

Записана въ Бухтармѣ, на Иртышѣ, отъ казака Дьякова и напечатана Г. Н. Потанинымъ въ его статьѣ „Югозападная часть Томской губерніи“ въ Этнографическомъ Сборникѣ И. Р. Геогр. Общества, вып. VI, стр. 97—102.

13. Илья у царя Василія Боголюблева.

Какъ съѣхались сильніи могучіи богатыри въ чистомъ полѣ,
Оны съѣхались да поздоровкались,
Со первой со стороны батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ,
А съ другой со стороны сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ;
Оны съѣхались да поздоровались.
„Здравствуй, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!
Ты откуль идешь да откуль путь держишь?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
„Я оттоль иду да отъ Царя-града,
Отъ Царя-града иду да отъ Іерусолима“.
Говоритъ ему батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Во Цари-гради есть вѣра та-ль по старому?
Въ Іерусолимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
„Во Цари-гради есть вѣра не по старому,
Въ Іерусолимѣ есть вѣра не по прежнему,
Тамъ обсилило проклятое Идолище,
Сидитъ между царемъ, между царицею,
Межъ Сурывливымъ Васильемъ Боголюблевымъ“.
Говоритъ ему старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Чтожъ ты на проклятое не напущалъ?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:

„Не то я на проклятаго не напускалъ,
Не смѣлъ то я думушкой подумати,
Не смѣлъ то я мыслями помыслити;
Какъ головище у проклятаго съ пивной котелъ,
А глазища у проклятаго съ пивны чаши,
А носище у проклятаго бывъ калена стрѣла,
А тулȍвье у проклятаго будто куча сѣнна, несмѣтная“.
Говоритъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Ай-же ты, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!
Ты садись-ко на матушку сыру землю,
Разувай-ко лапотки изъ семи шелковъ,
Ты снимай-ко подсумки изъ литȁ [1]) бурхата,
Вынимай-ко шляпу земли грецкіи,
Скидывай ты гуню сороцинскую,
Одѣвай-ко мое платье дорожнее“.
Онъ отвѣчатъ ему, стару казаку да Ильѣ Муромцу:
„Какъ добромъ тѣ не дать, такъ ты силȍмъ возьмешь,
Силȍмъ возьмешь, да мнѣ-ка горбъ надмешь“.
Садился на матушку сыру землю,
Снималъ онъ шляпу земли грецкія,
Скидывалъ онъ гуню сороцинскую,
Одѣвалъ онъ платьеце Ильюшино дорожнее.
Скорымъ-нȁскоро Ильюша одѣвается,
Покрутёшенько Ильюша снаряжается,
Обувалъ Ильюшинка лапȍтики семи шелковъ,
Въ которыхъ лапотикахъ вплачено
По камешку по яхонту,
По яхонту по самоцвѣтному,
Не дляȁ-ради красы-басы убожества [2]),
А ради укрѣпы богатырской, молодеческой,
Чтобы днемъ идти краснымъ солнышкомъ,
А ночью идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Справлялся Ильюша во дороженьку,
Покрутенько да снаряжается;
Изымалъ Ильюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ безъ единаго;
Пошелъ Юльюша, пробирается,
Только мать земелька подгибается.
Скоро скажется, по успѣху дѣло діется.
Это будетъ Илья да у Царя-града,
У Царя-града у Іеросолима,

---

[1]) Рыта?
[2]) Пригожества.

У той стѣны у городовоей.
Закричалъ Юльюшенька въ полголоса,
Во Цари-гради новы домы̀ пошаталися,
А старые то домы разсыпалися,
А бережія кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродилися;
На Божьихъ церквахъ чудны̀ кресты покривились,
Проклятое чудовище у палаты грановитые
Ужа̀снулся да чуть обмалтался [1]),
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай-же ты, царь Василій Суровлевичъ да Боголюблевичъ!
Выходи-тко на крылецко на царское,
Закричи ты, царь, да зычнымъ голосомъ;
Како у тя во Цари-гради уродище уродуетъ,
Ты зови его къ себѣ въ палату грановитую,
Чтобы шелъ онъ въ палату грановитую,
Во ту гридню во столовую,
Чтобы поклонъ-то клалъ по ученому,
Крестъ клалъ онъ по писаному,
Кланялся на всѣ четыре стȯроны,
Царю со царицей понизешеньку,
А твоимъ гостямъ любимымъ въ особину“.
Тутъ выходилъ царь на крилечко на пиреное,
Закричалъ тутъ царь да зычнымъ голосомъ:
„Ахъ же ты, калика перехожая!
Ты поди ко мнѣ во покои во царскіи,
Крестъ кладай по писаному,
Поклонъ веди да по ученому,
Клонись на всѣ четыре стȯроны,
Царю съ царицей понизешеньку,
Моимъ гостямъ любимымъ въ особину“.
Того-то шишъ-калика взрадовалася,
Скакалъ калика черезъ стѣну городȯвую,
Черезъ тотъ-то тынъ черезъ булатный,
Шелъ калика скорымъ-на̀скоро
На ты сини на царскіи,
Во ту палату грановитую,
Во ту во гридню во столовую.
Ужъ онъ крестъ клалъ да по писаному,
Поклоны велъ да по ученому,
Клонится на всѣ на четыре на стȯроны,
А царю съ царицею въ особину,

[1]) Т. е. едва опомнился, опамятовался, очнулся.

А проклятому чудовищу челомъ не бьетъ.
Это тутъ проклятому не слюбилося,
Онъ вѣдь сталъ калику выспрашивать,
Сталъ каликушку вывѣдывать:
„Ай-же ты, калика-шишъ перехожая!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего отца да коей матушки?“
—Я со матушки да со Святой Руси,
Со Святой Руси да съ богатой орды.—
„Видалъ ли ты шишъ-калика перехожая,
Видалъ ли ты да Илью Муромца?
Какъ у васъ на матушки на Святой Руси
Есть Илья у васъ Муромецъ,
Онъ у васъ, говорятъ, силенъ есть“.
Отвѣчатъ шишъ-калика не съ упадкою:
„Голосомъ и волосомъ и возрастомъ,
Будто братецъ мой;
Ужъ я платьица ношу его обдержечки,
А сапожки ношу его обтопточки,
А шляпу ношу его да рваную“.
Говоритъ ему проклятое Идолище:
„По много-ли онъ хлѣба къ выти кушаетъ?“
—А колачъ да булочка ему на два дня.—
Говоритъ тутъ сильное проклятое Идолище:
„Ай же, есть онъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ:
Ѣмъ семь печей калачей
Да сорокъ мякушечекъ;
По бочкѣ выпиваю я пива пьянаго,
А по лебедю я сразу закусываю“.
Говоритъ тутъ шишъ-калика перехожая,
Отвѣчаетъ онъ калика не съ упадкою:
„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,
Какъ у нашего у батюшка коровище обжорное:
По много къ выти ѣла, ѣла—треснула“.
Ему эты рѣчи не слюбилися,
Схватилъ онъ, проклятой, булатный ножъ,
Какъ бросилъ онъ, проклятой, въ Илью Муромца.
Какъ тутъ-то Юльюши смерть не писана,
Увернулся-то Илья за правую за липинку [1]),
Пролетѣлъ булатный ножъ на сѝни да на царскіи,
Какъ прибилъ онъ поганыихъ татаровей.
Какъ схватилъ Илья одного за правую за ноженьку,

[1]) Косякъ дверной.

А другого схватилъ за правую за рученьку,
Какъ началъ тутъ Юльюшенька помахивать,
Куды махнетъ, туды улица,
Отмахнетъ куды,—переулочекъ.
Прибилъ тутъ проклятыихъ татаровей,
Не оставилъ онъ проклятыхъ на сѣмена;
Завзималъ онъ дубинку подорожную,
Пришелъ-то онъ во гридню во столовую,
Ударилъ онъ Идолище да межу уши.
Покатилась головище, какъ пивной котелъ,
Полетѣли глазища быдто селезни,
И поплыли по Волхову.
Понесло его тушу сѣнную, несмѣтную.
Тутъ ему проклятому славы поконъ.

Записана А. Николаевскимъ въ приходѣ Кулгала, Филимоновской волости, Каргопольскаго уѣзда, отъ крестьянина Щербакова и напечатана въ „Памятникахъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи“ Е. Барсова, стр. 29—34.

14. Илья Муромецъ и Кузьма Семерцяниновъ.

Добрынюшкѣ въ шатерушкѣ не заспалось.
Выходитъ Добрынюшка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны.
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
Что не туча идетъ передъ дождичкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,—
Идетъ удалый добрый молодецъ,
Подъ имъ былъ конь, какъ лютой звирь,
Самъ на конѣ сидитъ *какъ упалъ въ* добрѣ [1]),
Очи его какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.
И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
Самъ говоритъ таково слово:
„Есть ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединщичекъ и супротивщичекъ?“
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердецную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдлалъ, уздалъ своего добра коня,

---

[1]) Стихъ испорченъ А. Н. Веселовскій предлагаетъ читать: *Самъ на конѣ сидитъ купавъ добрѣ*. См. Журн. Мин. Народн. Просв. Часть CCXLII стр. 194.

Поскорѣе того на коня скакалъ;
Настигъ его у рѣки Смородины.
Загаркалъ то енъ по звѣриному,
Засвисталъ то енъ по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шарашится,
А самъ на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ то енъ по звѣриному,
И засвисталъ то енъ по соловьиному:
Тутъ подъ Добрыней конь на колѣнка палъ,
Тутъ Добрыня и поворотъ держалъ,
Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходитъ Илья Муромецъ на улицу
И самъ говоритъ таково слово:
—Далечо-ли ты издилъ, Добрыня, куды путь держалъ?—
„Ужъ ты, ахъ же ты дядюшка,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановицъ!
Мнѣ ноцесь въ шатерушку не заспалось,
Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны,
Поглянулъ въ подвостоцную сторону;
И не туча идетъ передъ дождицкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
И идетъ удалый добрый молодецъ.
Подъ нимъ былъ конь какъ лютой звирь,
И самъ сидитъ на конѣ *какъ упалъ въ* добрѣ [1]),
И очи его какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго.
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются,
Изо рта у него полымя машетъ.
И идетъ мимо евтіи бѣлы шатры,
И самъ говоритъ таково слово:
—Есть-ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединщицекъ и супротивщичекъ?—
„Тутъ (мнѣ) Добрынюшкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердецную,
За тую рану кровавую.
Я и скоро сѣдлалъ, уздалъ коня,
Поскорѣе того на коня скакалъ,
И настигъ я его у рѣки у Смородины,
И загаркалъ то я по звѣриному,
И засвисталъ то я по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шарашится,

---

[1]) См. выше стихъ 9-й.

И самъ енъ на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ то енъ по звѣриному,
И засвисталъ то енъ по соловьиному:
Подо мной конь на колѣнка палъ,
Я на конѣ цють живъ сидѣлъ".
Илью Муромцу тутъ за преку пришло,
За тую досаду сердецную,
За тую рану кровавую.
И скоро сѣдлалъ, уздалъ добра коня,
И о двѣнадцати подпружинкахъ подпруживалъ,
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,
А четвернадцатой клалъ наф(хв)остницекъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Беретъ онъ копьицо булатное,
Вострой ножъ беретъ съ чинжалищемъ,
И только видѣли молодца на конѣ сядючи,
И не видѣли его поѣдучи.
Конь озера и рѣки перескакивалъ,
Темные лѣса между ногъ пустилъ,
И настигъ его на полѣ Бойкановѣ.
И прiѣзжаетъ Илья Муромецъ ближе того;
И закаркалъ-то енъ по звѣриному,
И засвисталъ-то енъ по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шарашитьсе,
И самъ на конѣ не оглянетьсе.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ-то енъ по звѣриному,
Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ.
И бьетъ Илья Муромецъ своего добра коня по тучнымъ бедрамъ:
—Ужъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Видно чаешь надо мной невзгодушку.—
Конь и вскочилъ и близко подъѣзжаетъ къ богатырю;
И ударилъ его палицей желѣзною по главѣ:
У его старики (?) колпаки не стряхнулисе,
И желты кудри на главѣ не сполстилисе.
И самъ говоритъ таково слово:
„Яже на святой Руси комарики,
Больне комарики кусаютсе".
И завели ени битьсе палицми желѣзными,—
У ихъ палицы приломалисе;
И завели ени въ копьицы булатнiи,—
У ихъ копья приломалисе;
И завели ени битьсе въ рукопашный бой,

И перебилъ Илью Муромца и на верхъ его.
Илью Муромцу смерть была не писана:
Свернулсе и наверхъ его.
И выдергиваетъ Илья Муромецъ ножъ съ чинжалищемъ,
И сдымаетъ ножъ выше головы:
—Скажись, молодецъ, не утай меня,
Не утай меня и не съѣшь себя,—
Которой земли и которой орды,
Котораго (?) [1] и которой матери?—
„Ужъ ты, старая собака, воръ сѣдатой волкъ!
Кабы былъ на твоихъ грудяхъ черныихъ,
Поролъ бы твои груди черныи,
Ричистой языкъ бралъ бы съ теменемъ,
Отсѣкъ бы твою буйную голову.
Кабы на тебѣ сидѣлъ,—бросалъ бы о сыру землю [2].
Не могъ я отъ тебя отперитисе,
Отперитисе и отказатися:
Есть я *Кузьма Семерцяниновъ* богатырь".
Онъ и скоро скакалъ со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
И цѣловалъ въ уста сахарныя,
И назвалъ любезнымъ племянникомъ.
Тутъ енѣ съ племянникомъ погостилисе,
Тутъ енѣ и распростилисе;
Одинъ въ сторону поѣхалъ,
А другой въ другую.
Илья Муромецъ и разоставилъ шатеръ бѣло-полотняненъ,
И заснулъ енъ богатырскимъ сномъ.
И разгорѣлось у племянника сердце богатырское,
Пріѣзжаетъ енъ ко бѣлу шатру,
И тюкнулъ Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя.
Илью Муромцу смерть была не писана:
На груди у его угодился крестъ.
Онъ скоро скакалъ съ богатырскаго сна,
И бралъ племянника за руцки за бѣлыя,
И бросалъ племянника о сыру землю;
Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня.
—Повози, добра лошадь, куды знаешь его!—

Записалъ учитель Сойдинскаго училища Константинъ Макліоновъ отъ крестьянина дер. Сойды (Вытегорскаго уѣзда Олонец. губ.) Дементія Тимоѳеева. Напечатана въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" 1885 г. № 1. стр. 25—55.

---

[1] Отца?

[2] Эти шесть стиховъ пѣвецъ пропѣлъ трижды.

15. Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ.

Жилъ, былъ торговый гость Никитушка Романовичъ,
Живучись-то Никитушка приставилси.
Оставалась у Никиты любимà семья,—
Любимà семья, молодà жена;
Еще оставалось чадо милое,—
Еще милое чадышко, любимое,
На имя Добрынюшка Никитичъ.
Сталъ-то Добрынюшка на вóзрастѣ,
Какъ ясной соколъ на возлетѣ.
Изучилъ Добрынюшка боротися,
Изучился онъ съ крутой, съ носка спущать.
Прошла про него слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ украинамъ;
Дошла эта слава до славнаго города до Мурома,—
До стара казакà до Ильи до Муромца.
Собирался осударь нашь Илья Муромецъ
На ту на славу на великую;
Поѣхалъ Илья ко славному городу ко Рязани.
Ѣдетъ осударь Илья Муромецъ
Ко славному городу ко Рязани,
Самъ своимъ умомъ размышляетъ:
„Досель Рязань-городъ слободòй слыла,
Носиче Рязань слыветъ городомъ“.
Заѣхалъ Илья Муромецъ
Во славный городъ во Рязань.
Ѣдетъ осударь по Рязани,
Спрашиваетъ у малыхъ ребяточекъ:
„Скажите про Добрынинъ про широкій дворъ“.
Доводили тутъ малы ребяточки
До Добрынина широка двора.
Сидитъ осударь на добромъ конѣ,
Кричитъ-то осударь зычнымъ голосомъ.
Сыра-то земля потрясалася,
Съ боку на бокъ палата сколыбалася.
Отпирала Добрынюшкина матушка
Окошечка немножечко,
Говорила съ осударемъ потихошеньку:
„Ужъ ты здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ!“
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Ужъ ты какъ меня знаешь, именемъ зовешь?“
Говоритъ вдова благочестивая:

„Я была у васъ въ Муромѣ,
Я видала тебя изъ молодечества.
Еще знать молодца по поступкѣ,
Еще знать сòкола по полету.
Добро жаловать ко мнѣ хлѣба-соли ѣсть“.
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„У тея гдѣ чадо милое?“
Говоритъ вдова благочестивая:
„Уѣхалъ у меня чадо милое
На тѣ-ли на тихи вешни заводи
Стрѣлять гусей и сѣрыхъ уточекъ,
И пернастыхъ малыхъ утятокъ“.
Немного богатырь нагòворилъ,
Поѣхалъ изъ города, выѣхалъ на шéломя окатисто.
Смотритъ осударь Илья Муромецъ,—
Смотритъ по чисту полю—
Завидѣлъ во чистомъ полѣ
Богàтырь потѣшается:
Высоко онъ мечетъ палицу по поднебесью,
На бѣлиньки ручки подхватываетъ.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ,
Пріѣхалъ ко Добрынюшкѣ Никитичу.
Кричитъ-то, зычитъ крычнымъ голосомъ [1]):
„Тебѣ полно, богàтырь, потѣшатися,
Намъ пора съ тобой потягатися!“
Снимаетъ Добрынюшка со правá плеча ясна сокола,
Посылаетъ ко матери ко родимыя:
„Скажитко, ясный соколъ: „наѣхалъ на меня богáтырь“.
Разъѣхались богàтыри по чисту полю,
Съѣхались богàтыри въ одно мѣсто,
Ударились палицами тяжелыми:
Они другъ друга не ранили.
Разъѣхались братаны во второй накòнъ,
Ударились сабельками вострыми:
Сабли у нихъ пощербалися,—
Другъ друга богàтыри не ранили.
Разъѣхались братаны во третéй наконъ,
Копьями они ударились:
Другъ друга богàтыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ременье за подбрудное,
По колѣнъ-то въ сыру землю втопталися.

---

1) Кричитъ-то, кричитъ зычнымъ голосомъ?

По Добрынюшкину было по счастьицу
У осударя права ножка подвернулася,
Лѣва ручка оскользнулася.
Мастеръ былъ Добрынюшка боротися,
Сшибъ осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сѣлъ осударю на бѣлы груди,
Вымаетъ изъ цынгалища булатенъ ножъ [1]),
Самъ сидитъ-то Добрыня прираздумался,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ты коего города, коей земли?
Какъ тя, молодца, имене́мъ зовутъ?“
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Кабы былъ я у тя на бѣлыхъ грудяхъ,
Не спросилъ я у тя ни про родину,
Спололъ бы у тебя бѣлы груди“.
Спрашиваетъ Добрыня во второй наконъ,
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Кабы сидѣлъ я у тя на бѣлыхъ грудяхъ,
Спололъ бы я у тебя бѣлы груди,
Посмотрѣлъ бы у тебя ретива̀ сердца“.
Говоритъ Добрыня во третей наконъ:
„Ты коего̀ города, коей земли?
Тебя какъ, мо̀лодца, именемъ зовутъ?“
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Я изъ славнаго города изъ Мурома,
Старый казакъ, Илья Муромецъ“.
Соскачетъ Добрыня со бѣлыхъ грудей,
Беретъ его за ручку за правую,
Подымаетъ осударя на рѣзвы ноги,
Падатъ осударю во рѣзвы ноги:
„Прости меня въ таковой винѣ!“
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Тебя Богъ проститъ, Добрынюшка Никитичъ“.
Ужъ тутъ братаны побратались,
Побратались, покрестовались:
„Ты будь, Добрынюшка, малый братъ,
А я, осударь, старшій братъ“.
Поѣхали они ко родимой матушкѣ Добрыниной.
Въѣхали въ городъ во Рязань
Ко тому ко Добрынюшкѣ на широкой дворъ.
Встрѣчаетъ ихъ вдова благочестивая,

---

[1]) Цынгалище булатенъ-ножъ.

Встрѣчаетъ со чести, со радости.
Тутъ Добрыня сталъ пиръ пировать.

Записана священникомъ Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря въ с. Зимней Золотицѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“, собранныхъ П. С. Ефименкомъ, часть 2-я. М. 1878. (См. Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, т. XXX Вып. 2, стр. 10 и 11).

16. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколѣ-кораблѣ.

По морю, морю синему,
По синему, по Хвалунскому,
Ходилъ-гулялъ Соколъ-корабль
Немного немало, двѣнадцать лѣтъ.
На якоряхъ Соколъ-корабль не стаивалъ,
Ко крутымъ берегамъ не приваливалъ,
Желтыхъ песковъ не хватывалъ.
Хорошо Соколъ-корабль изукрашенъ былъ:
Носъ, корма—по звѣриному,
А бока зведены по змѣиному.
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто бровей было повѣшено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей было повѣшено
Двѣ куницы мамурскія;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три церкви соборныя;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три монастыря, три почесные;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Три торговища нѣмецкія;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не вѣдали.
Хозяинъ-отъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановъ,
Его вѣрный слуга—Добрынюшка,

Добрынюшка, Никитинъ сынъ,
Пятьсотъ гребцовъ, удалыхъ молодцовъ.
Какъ издалече-далече, изъ чиста поля
Зазрилъ, засмотрѣлъ Турецкой панъ,
Турецкой панъ, большой Салтанъ,
Большой Салтанъ Салтановичъ.
Онъ самъ говоритъ таково слово:
„Ахъ, вы, гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки!
Что у васъ на синемъ морѣ дѣется,
Что чернѣется, что бѣлѣется?
Чернѣется Соколъ-корабль,
Бѣлѣются тонки парусы.
Вы бѣжите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
Нагребайте поскорѣе на Соколъ-корабль,
Илью Муромца въ полонъ бери;
Добрынюшку подъ мечъ клони!“
Таки слова заслышалъ Илья Муромецъ,
Тако слово Добрынѣ выговаривалъ:
„Ты, Добрынюшка Никитинъ сынъ,
Скоро-борзо походи во Соколъ корабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лукъ,
Мой тугой лукъ въ двѣнадцать пудъ,
Калену стрѣлу въ косу сажень!“
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Свой тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Ко стрѣлочкѣ приговариваетъ:
„Полети, моя каленая стрѣла,
Выше лѣсу, выше лѣсу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрѣла,
Не на воду, не на землю,
А пади, моя каленая стрѣла,
Въ турецкой градъ, въ зеленъ садъ,
Въ зеленой садъ, во бѣлъ шатеръ,
Во бѣлъ шатеръ, за золотъ столъ,
За золотъ столъ, на ременчатъ стулъ,
Самому Салтану въ бѣлу грудь,
Распори ему турецкую грудь,
Ращиби ему ретиво сердце!“
Ахъ, тутъ Салтанъ покаялся:
„Не подай, Боже, водиться съ Ильей Муромцемъ,
Не дѣтямъ нашимъ, не внучатамъ,

Не внучатамъ, не правнучатамъ,
Не правнучатамъ, не пращурятамъ!“

Мѣсто записи неизвѣстно. Былина помѣщена въ числѣ двухъ другихъ въ рукописномъ сборникѣ, доставленномъ въ Императорскую Публичную библіотеку изъ Вологодской губерніи. Напечатана Л. Н. Майковымъ въ „Живой Старинѣ“, Вып. I 1890 г.

17. То-же.

Доселево про Кіянь-море не слыхано,
А нонѣче на Кіянь-море собираются
Суцкой, Пруцкой, Новоторженской.
Собирали они тридцать кораблей безъ единаго,
Про себя они украшали „Соколъ“ корабль:
Деревца ставятъ кипарисовы,
На немъ снасточки бичевочки шелковыя.
Они на корму сажаютъ Илью Муромца,
А на носъ посажаютъ Добрыню Никитьевича.
Ильюшенька Добрынюшкѣ рѣчь возговорилъ:
„Ты отваливай отъ бережка отъ крутаго,
Ты отваливай отъ песочка отъ сыпучаго“.
Вдругъ несчастьице надъ корабликомъ приключилося,
Что садился на деревцо сизой орелъ,
Потоплялъ онъ кораблички во синё море.
Какъ на то ли нашъ Ильюхонька разсержаился,
Онъ тугой лукъ своей рученькой натягивалъ,
Калену стрѣлу на тетивочку онъ накладывалъ,
Онъ убилъ орла въ бѣлую грудь, въ ретиво сердце,
Онъ упалъ, нашъ сизой орелъ, во синё море.

Записана на Уралѣ и помѣщена I. И. Желѣзновымъ въ соч. „Уральцы“ — Очерки быта Уральскихъ казаковъ. Т. III изд. 2-е 1888, стр. 123.

18. Добрыня.

(Скименъ-звѣрь, рожденье).

Какъ издалеча, далеча, изъ чиста поля,
Изо того было раздольца изъ широкова,
Что не грозная бы туча накаталася,
Что не буйные бы вѣтры подымалися,—
Выбѣгало бы тамъ стадечко змѣиное;
Не змѣиное бы стадечко—звѣриное.
Напередъ то выбѣгаетъ лютой Скименъ-звѣрь.
Какъ на Скименѣ-то шерстечка буланая;

Не буланая-то шерстечка—булатная;
Не булатна на немъ шерстечка—серебряна;
Не серебряная шерстечка—золотая,
Что на каждой на шерстинкѣ по жемчужинкѣ.
Напередъ-то его шерстечка спрокинулась,
У того у Скимна рыло, какъ востро копье,
У того у Скимна уши—калены стрѣлы,
А глаза у звѣря Скимна, какъ ясны звѣзды.
Прибѣгаетъ лютой Скименъ ко Днѣпру рѣкѣ;
Становился онъ, собака, на задни лапы,
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака, по змѣиному,
Засвисталъ онъ, воръ-собака, по соловьему,
Заревѣлъ онъ, воръ-собака, по звѣриному.
Отъ того было отъ шипу отъ змѣинова
Зелена трава въ чистомъ полѣ повянула.
Отъ того было отъ свисту отъ соловьева
Темны лѣсы ко сырой землѣ клонилися,
Отъ того было отъ рева отъ звѣринова
Быстрой Днѣпръ-рѣка сколыбалася,
Съ крутымъ берегомъ рѣка Днѣпръ поровнялася,
Желты, мелкіе песочки осыпалися,
Со пескомъ вода въ Днѣпрѣ возмутилася;
Въ зеленыхъ лугахъ разливалася;
Съ крутыхъ горъ камни повалилися;
Крупны каменья по дну катятся,
Мелки каменья по верху несетъ.
Какъ заслышалъ лютой Скименъ да невзгодушку:
Ужъ какъ на небѣ родился свѣтелъ мѣсяцъ,—
На землѣ-то народился могучъ богатырь.

Былина эта была записана С. И. Гуляевымъ въ Локтевскомъ заводѣ и напечатана въ *неполномъ* видѣ въ Прибавл. къ Извѣст. Императорской Акад. Наукъ т. II, стр. 173—174, а затѣмъ перепечатана въ Сборникѣ Кирѣевскаго (II стр. 9—10). Впослѣдствіи она была вновь записана въ болѣе исправномъ видѣ С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ и въ Чумышской волости.

19. То-же.

(Начало).

Не галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньице собиралося;
Не галичья стая въ перелетъ летитъ,
Не звѣриное собраньице въ перебѣгъ бѣжитъ:
Напередъ бѣжитъ собака, лютый Индрикъ-звѣрь.
У Индричка копыточки булатныя,

Шерсточка на Индричкѣ бумажная,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На спиночкѣ два блюдечка серебряны,
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсыпается.
Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченькѣ, къ быстру Днѣпру.
Засвисталъ-то онъ, загаркалъ по звѣриному,
Зашипѣлъ-то онъ, собака, по змѣиному.
Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися...

Записана въ 50-хъ годахъ І. И. Желѣзновымъ отъ 80-лѣтняго старика казака Ивана Никитича Чакрыгина. Напечатана въ соч. Желѣзнова: „Уральцы." Очерки быта уральскихъ казаковъ. Т. III, стр. 3. 1888 г.

20. Алеша (Добрыня) и Скимъ-звѣрь [1].

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Приклоняется *Алеша* къ своей матушкѣ,
Приклоняется *Алеша* ко родимоей.
Онъ и проситъ у ее благословеньица,
Онъ и проситъ у ее, онъ великаго:
„Благослови-ка ты меня, матушка,
Благослови-ка меня ты, родимая,
Да со Скимомъ-звѣремъ поборотися,
Да со Скимомъ-звѣремъ порататися".
А дала-же ему матушка благословеньице,
А дала-же ему родимая великое.
Онъ садился-же *Алеша* на добра коня,
На добра коня богатырскаго;
Онъ поѣхалъ-же *Алеша* во чисто поле,
Онъ поѣхалъ-же *Алеша* во раздольице.
Выѣзжалъ-то *Алеша* на долинушку,
Выѣзжалъ-то *Алеша* на широкую.
Увидалъ-же *Алешу* самъ-отъ Скимъ-отъ звѣрь,
Онъ вставалъ, воръ-собака, на задни ноги,
На задни ноги, на востры когти,
Напередъ на немъ шерстка перепрокинулась.
Закричалъ-же, воръ-собака, по звѣриному,
Засвисталъ-же воръ-собака, по змѣиному.

---

[1]) Въ этомъ былинномъ отрывкѣ вмѣсто Добрыни бой со Скимомъ-звѣремъ приписывается Алешѣ.

Да дрались они, рубились трои суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.
Изрубилъ его Алеша на мелкіи части,
Раскидалъ его Алеша по чисту полю,
По чисту полю, по раздольицу.
Выѣзжалъ-же Алеша на дороженьку,
Выѣзжалъ-же Алеша на широкую,
Онъ поѣхалъ-же Алеша къ своей матушкѣ...

Записана Н. Пальчиковымъ и напечатана въ его сборникѣ: „Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ.“ Спб. 1888 (№ 37).

* 21. Добрыня Никитичъ и отецъ его Никита Романовичъ

(Бой со змѣемъ).

Доселева Рязань селомъ слыла,
А нынѣче Рязань слыветъ городомъ.
И жилъ въ Рязани богатый гость
Что по имени Никита, сынъ Романовичъ;
Девяносто лѣтъ жилъ Никита, не старился.
Выводилъ изъ стойла добра коня,
Накладывалъ потнички бумажные,
На потнички ковры сорочинскіе,
На коврики сѣделочки черкасскія;
Подтягивалъ подпруги шелковыя,
Двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Садился старой на добра коня.
Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталъ,
Не бѣлый кречетъ перепархивалъ,
Тутъ ѣхалъ удалой, добрый молодецъ.
Подъ нимъ добрый конь, какъ бы лютой звѣрь,
На конѣ-то сбруя подъ оправою,
Подъ оправою однозолотною;
Самъ на конѣ, какъ соколъ сидитъ.
Ѣдетъ онъ ко городу Кіеву,
Ѣдетъ онъ ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
Ѣдетъ онъ ко высокому ко терему,
Выѣзжаетъ на улицу на широку.
Со добра коня Никитушка соскакивалъ,
Ни къ чему онъ коня не привязывалъ,
Никому онъ коня не приказывалъ.

Спрашивалъ онъ у воротъ привратниковъ,
Спрашивалъ у дверей придверниковъ,
Отворялъ двери по тихошеньку,
Запиралъ онъ двери по малехоньку,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь,
Со душечкой со княгинею!“
—Добро пожаловать, удалый, добрый молодецъ,
Ты Никита, сынъ Романовичъ,
За одинъ ты столъ хлѣба кушати.—
Онъ кладетъ крѣпокъ [1]) и со панцыремъ,
Кладетъ на дубовый столъ.
Отошедши Никита поклоняется:
„Ой ты, гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Ты давай мнѣ попа, отца духовнова,
Давай ты игумна и пострижника,
Давай монаха и учителя;
При старости мнѣ лѣтъ душу спасти“.
И проговоритъ ласковой Владимиръ князь:
„Гой еси ты, удалой доброй молодецъ,
Гой еси Никита, сынъ Романовичъ!
На кого ты оставляшь стольный Кіевъ-градъ?
На кого оставляшь меня, князя Владимира?“
Проговоритъ Никита, сынъ Романовичъ:
„Я надѣюся на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню на Никитича“.
Проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
—Гой еси, Никита, сынъ Романовичъ!
Онъ малешенекъ ишшо и глупешенекъ,
Глупешенекъ,—только трехъ годовъ.—
Онъ даетъ ему попа, отца духовнова,
Даетъ игумна и пострижника,
Даетъ монаха и учителя.
Не много Никита пожилъ—переставился;
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богачество,
Остается у Никиты молодая жена
Молода Амельфа Тимоѳеевна;
Остается у Никиты чадо милое,
Молодой Добрыня Никитьевичъ,
Молодой Добрыня семи годовъ.

---

[1]) Нагрудникъ по объясненію С. И. Гуляева.

Сталъ Добрынюшка на возрастѣ,
Сталъ на возрастѣ, пятнадцать лѣтъ,
Сталъ по улицѣ похаживать,
Сталъ онъ палицей помахивать,
Зачалъ сабелькой пофыркивать,
Сталъ онъ копьицомъ подпиратися.
У Добрыни сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися:
Не можетъ уничтожить свое ретиво сердце.
Идетъ онъ во свѣтлую во свѣтлицу,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимоѳеевна!
Сдавай ты мнѣ коня богатырскаго“.
И проговоритъ ему родима матушка:
—Ахъ ты, мое дитятко сердечное,
Ты малешенекъ еще и глупешенекъ.
Поживи-ко ты ишшо малешенько,
Покопи-ко ты ишшо ума-разума,
Потерять тебѣ будетъ буйна голова.—
„Ахъ, ты, матушка моя родимая!
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мнѣ охота съѣздить далече,
Съѣздить далече, во чисто поле,
Пострѣлять мнѣ гусей-лебедей,
И пушистыхъ, перелетныхъ, сѣрыхъ уточекъ“.—
Не могла мать переставить таковы слова,
И выводитъ она ему добра коня,
Изъ тоя изъ конюшни изъ новыя,
И выноситъ всю сбрую богатырскую.
И накладывалъ Добрыня потнички бумажные,
И на потнички ковры сорочинскіе,
И на коврички клалъ сѣделочки черкасскія.
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Надѣвалъ на себя платье соотцовое;
Соотцово платье ему узехонько и коротохонько.
И ставалъ онъ въ стременышко гольяшное,
И садился въ сѣделышко черкасское.
И стоитъ его матушка у стремена,
Молода Амельфа Тимоѳеевна,
И плачетъ она, какъ рѣка течетъ,
И сама говоритъ таковы слова:
—Ахъ, ты мое дитятко сердечное!
Поѣдешь ты далече во чисто поле,

Пострѣляшь ты сколько гусей, лебедей
И пушистыхъ, перистыхъ малыхъ уточекъ,
И пріѣдешь ты къ батюшку Днѣпру рѣкѣ,
Захотись тебѣ будетъ покупатися,
Захотись тебѣ будетъ, Добрынюшка, потѣшиться,
И станешь ты, сѣрый селезень, поплавати,
И сѣрый гоголь понырвать.
Черезъ первую ты струичку переплывешь,
Черезъ втору струичку переплывешь,
Черезъ третью струичку не плавай ты:
И тутъ струи вмѣстѣ сходятся,
И унесетъ тебя къ горамъ высокимъ,
Ко тому тебя ко люту змѣю;
Пожретъ тебя злой Змѣишшо-Горынишшо.—
Благословился онъ у своей родимой матушки
И поѣхалъ въ далече въ чисто поле.
И стрѣлялъ онъ сколько гусей, лебедей
И пушистыхъ, перистыхъ малыхъ уточекъ.
И пріѣхалъ онъ ко батюшку Днѣпру рѣкѣ,
И вздумалъ онъ покупатися,
И вздумалъ онъ, удалый добрый молодецъ, потѣшиться.
И сталъ онъ, сѣрый селезень, поплавати,
И сталъ онъ, ярой гоголь, понырвать.
Черезъ первую струичку онъ переплылъ,
И черезъ втору струичку онъ переплылъ.
У Добрыни сердце возъярилося,
И могучи плечи расходилися;
Переставилъ онъ матушкино благословеньицо.
И тутъ струи вмѣстѣ сходилися,
Унесло его къ горамъ, горамъ ко пѐщерамъ.
Услышалъ змѣишшо за пятнадцать верстъ
Поплавку его богатырскую,
Вылетатъ изъ пещеры глубокія
И летитъ на Добрыню Никитича,
И зычитъ, кричитъ зычнымъ голосомъ:
„И святы отцы писали, прописалися,
Сказали: мнѣ отъ Добрыни смерть будетъ;
Я теперь Добрынюшку живьемъ сглону,
Живьемъ сглону и хоботомъ убью,
И Добрыню искрой зàсыплю.“
И тутъ Добрыня пріужахнулся:
„Ахъ, ты, змѣишшо, злой Горынишшо!
Не честь твоя, хвала молодецкая,
Наступаешь ты на тѣло нагое,

Тѣло нагое—тоже мертвое.
Дай ты мнѣ, змѣй, сроку на три дни,
На три дни и на три часа,
На три часа, на три минуточки".
И даетъ онъ ему сроку на три дни,
И даетъ онъ ему сроку на три часа,
И даетъ онъ ему сроку на три минуты,
Улетатъ опять змѣй въ пещеры глубокія.
И выходятъ Добрыни три дня, три часа,
И выходятъ Добрыни три минуты;
Все онъ плаватъ на синемъ морѣ.
И летитъ опять змѣишшо, злой Горынишшо,
Изъ той пещеры глубокія.
И доплыватъ Добрыня до желта̀ песка,
И доплыватъ Добрыня до крута бережка,
И выскакивалъ Добрыня на желты пески;
По желтымъ пескамъ Добрыня сталъ поскакивать,
Зажималъ Добрыня комъ желта песка,
Бросалъ въ змѣишша, зла Горынишша,
Отшибъ змѣишшу тридцать хоботовъ;
И падалъ змѣишшо на сыру землю,
И билъ его Добрыня о сыру землю.
И тутъ Змѣишшо Добрынѣ взмолится:
„Я тебѣ, Добрыня, давалъ сроку на три дня,
Я давалъ тебѣ сроку и на три часа,
Я давалъ тебѣ сроку на три минуты".
Проговоритъ Добрыня Никитичъ младъ:
—Ты не будешь-ли летать по городу,
И не будешь-ли ты летать по Кіеву,
И ко ласкову князю Владимиру,
Не будешь-ли уносить княгиню Апраксію?—
Проговоритъ змѣишшо Горынишшо
„Я не буду летать по городу,
И не буду летать по Кіеву,
И ко ласкову князю Владимиру,
И не буду уносить княгиню Апраксію".
Проговоритъ Добрыня Никитичъ младъ:
—Ты врешь, собака, неустойчивой!—
Говоритъ тутъ змѣй Горынишшо:
„Ты будь-ко мнѣ, Добрыня, бо̀льшій братъ,
А я тебѣ буду, змѣишшо, меньшій братъ.
Я дамъ тебѣ добра коня богатырскаго,
Я дамъ тебѣ потнички не по̀чены [1]),

---

[1]) Пропитанные потомъ.

Я дамъ тебѣ коврички не держаны,
Я дамъ тебѣ сѣделышко черкасское
И со всею сбруей богатырскою".
Туто молодцы побраталися:
Добрыня сталъ бо̀льшій братъ,
Змѣишшо сталъ меньшій братъ.
Отпустилъ змѣя Добрыня въ живности,
И улетѣлъ змѣишшо въ пещеры глубокія,
И поддѣлалъ себѣ крылья бумажныя,
Полетѣлъ онъ въ стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю ко Владимиру.
И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
Со бѣла камня ступала на люта змѣя.
Вкругъ ногъ ея змѣишшо обвивается,
Садитъ ее на могучи плеча
И унесъ ее въ пещеры свои глубокія...
А тамъ Добрыня пріуправился,
И идетъ онъ въ стольный Кіевъ-градъ,
Ко своей онъ матушкѣ родимыя.
И выходитъ его матушка на красно крыльцо,
И встрѣчатъ она свое чадо милое,
Молодова Добрыню Никитича,
На великихъ своихъ радостяхъ.
И проговоритъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Здорово, ты, матушка родимая,
Молодая Амельфа Тимоѳеевна,
И здорово ты живешь, здоровешенько?"
И проговоритъ родима матушка:
—Ахъ ты, мое дитятко сердечное!
Я здорово живу здоровешенько,
А у ласкова князя Владимира
Случилося несчастьицо великое:
Вечоръ было поздымъ поздешенько
И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
Со бѣла камня ступала на люта змѣя;
И обвивался змѣишшо Горынишшо,
Обвивался вкругъ рѣзвыхъ ногъ;
И садилъ ее змѣишшо на могучи плечи
И унесъ ее въ пещеры глубокія.—
И тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося:
„Ахъ ты, моя матушка родимая!

Мнѣ змѣишшо меньшой братъ,
А я змѣю большой де братъ;
А поѣду ему скорую смерть предамъ“.
Поворачиватъ Добрыня добра коня
И свое поворачиватъ бѣло лицо;
Мать его стоитъ у стремена,
Сама говоритъ таковы слова:
—Ахъ ты, мое дитятко сердечное!
Онъ поддѣлалъ крылья бумажныя,
На крыльяхъ змѣишшо славной воинъ.
И ты поѣдешь къ змѣишшу Горынишшу,
И станешь подъѣзжать ко горамъ ко высокимъ,
И ко тѣмъ ко пещерамъ ко глубокимъ,
И услышитъ змѣишшо за пятнадцать верстъ,
И станетъ надлетать на тебя, удала добра молодца,
И станетъ кричать зычнымъ голосомъ;
И тутъ ты, Добрыня, пріужахнешься;
И зними ты свои руки кверху на небеса,
И проси ты: „„Спасъ, ты Спасъ, Боже милостивъ,
И мати Пречистая, Пресвятая Богородица!
За Вашъ я домъ стою, за церковь соборную,
И создай Ты, Господи, дождичка!““
И не откуль грозна туча накатится,
И скорымъ-скоро крупенъ дождь пойдетъ,
Подмочитъ его крылья бумажныя,
И падетъ змѣишшо на сыру землю.
Станете вы палицами битися,
По насадкамъ [1]) палицы будутъ разгоратися;
Вы тотъ бой бросайте о сыру землю.
Станете вы саблями рубитися,
Сабельки у васъ изщербятся;
И тотъ бой бросайте о сыру землю.
Станете вы копьями колотися,
По насадкамъ у васъ копья изломаются;
И тотъ бой бросайте о сыру землю.
И вы другъ друга чумбурами сподергайте,
Сохватаетесь вы, молодцы, ручнымъ боемъ,
Распахивай ты свою полу правую,
И выдергивай ты шелыгу подорожную,
И стегай ты змѣишша по могучимъ плечамъ,
И стегай ты, приговаривай:
Что отъ конскаго поту змѣя пухла̀.

---

1) Насадка—наконечникъ. Гул.

Застегашь ты его до смерти,
Своей плетью шелковою.—
Благословился онъ у своей матери родимыя
И поѣхалъ въ далече въ чисто поле.
И ѣдетъ онъ къ горамъ, горамъ ко высокимъ,
И ко тѣмъ пещерамъ ко глубокимъ.
Услышалъ змѣишшо Горынишшо,
Услышалъ за пятнадцать верстъ:
Ѣдетъ де Добрыня Никитичъ младъ.
И летитъ къ нему настрѣчу,
И зычитъ, кричитъ зычнымъ голосомъ:
„Что святы отцы писали, прописалися,
Сказали: мнѣ отъ Добрыни смерть будетъ,
Смерть будетъ, живу не быть, живу не слыть.
Я теперь Добрыню живьемъ сглону,
Живьемъ сглону, хоботомъ убью,
Хоботомъ убью, дымомъ задушу,
Дымомъ задушу, искрой засыплю“.
Тутъ Добрыня пріужахнулся,
Знималъ свои руки на небо,
Самъ говоритъ таковы слова:
—Спасъ ли, Спасъ, Боже милостивой!
Мати Пречистая, Пресвятая Богородица!
Создай, Господи, дождичка!—
Не откуль гроза-туча накатилася,
И скорымъ-скоро крупенъ дождь пошелъ;
Подмочило у змѣя крылья бумажныя;
Падалъ змѣишшо на сыру землю.
Они зачали палицами битися,
По насадкамъ у нихъ палицы разгоралися;
Они тотъ бой бросали о сыру землю.
Зачали саблями рубитися,
Сабельки ихъ разщербилися;
И тотъ бой бросали о сыру землю.
Стали они копьями колотися,
Копья у нихъ изломалися;
И тотъ бой бросали о сыру землю.
Они другъ дружку чунбурами сподергали,
Сохватались молодцы ручнымъ боемъ.
Распахивалъ Добрыня полу правую,
Вытягалъ шелыгу подорожную
И стегалъ онъ змѣя по могучимъ плечамъ,
И стегалъ, самъ приговаривалъ:
„Отъ конскаго поту змѣя пухлà“.

И застегалъ Добрыня змѣишша до смерти,
Изрубилъ змѣишша въ куски во мелкіе.
И садился Добрыня на добра коня,
И поѣхалъ въ пещеры глубокія,
И нашелъ онъ княгиню Апраксію.
Лежитъ княгиня на перинѣ на перовыя,
На подушечкахъ на пуховыихъ;
На правой рукѣ у ней лежитъ змѣинчишко,
И на лѣвой рукѣ змѣинчишко.
Такъ она ему Добрынѣ израдовалась,
Израдовалась, слезно заплакала:
„Ахъ, ты гой еси, удалой доброй молодецъ!
Прилетитъ змѣишшо, злой Горынишшо,
И пожретъ обоихъ насъ, добрый молодецъ“.
И проговоритъ удалой доброй молодецъ:
—Великая ты княгиня Апраксія!
Побѣдилъ я змѣишша Горынишша,
Изрубилъ его на мелки куски,
Своей сабелькой вострою.—
Тутъ княгиня возрадовалась,
И стаетъ она на рѣзвы ноги.
Одного змѣинчишка онъ взялъ разорвалъ
И другого змѣинчишка взялъ растопталъ;
И садился Добрыня на добра коня,
И садилъ княгиню Апраксію,
И повезъ ко князю ко Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьичу.
И дорогой говоритъ таковы слова:
„Гой, еси ты, молода княгиня Апраксія!
Покрестоваемся мы крестами однозолотными,
И ты будь мнѣ сестра крестовая,
А я тебѣ буду крестовой братъ“.
Тутъ они крестами покрестовались.
И пріѣхалъ Добрыня со княгинею
Во Кіевъ-градъ, на улицу на широку,
И идетъ онъ на улицу на широку.
И увидѣлъ ласковый Взадимиръ князь
Во то окошечко косящато,
Во ту околенку стекольчату.
И бѣжитъ онъ скоро на красно крыльцо,
И радуется онъ удалу добру молодцу
И своей княгинѣ Апраксіи,
И самъ говоритъ таковы слова:
„Гой, еси ты, Добрыня Никитичъ младъ!

Гдѣ ты взялъ княгиню Апраксію?"
Отвѣчатъ Добрыня Никитичъ младъ:
„А взялъ я ее у змѣя у Горынишша,
Во тѣхъ во пещерахъ во глубокихъ;
И похитилъ я змѣишша Горынишша,
Застегалъ его до смерти,
Изрубилъ змѣишша на мелки куски".
И тутъ ласковый Владимиръ князь возрадовался,
И сбиралъ онъ бесѣду-столованье,
Столованье-почестный пиръ;
И собиралъ онъ князьевъ, бояровъ,
И веселился онъ, радовался.
Какъ говоритъ Владимиръ князь:
„Гой еси, ты, Добрыня Никитичъ младъ!
Доступилъ ты княгиню Апраксію
Отъ того отъ змѣя Горынишша,
Дакъ благословляю тебѣ ее взять въ замужество".
Проговоритъ Добрыня Никитичъ младъ:
—Гой еси, ласковой Владимиръ князь!
Мнѣ нельзя ее взять за себя замужъ:
Она будетъ мнѣ, княгиня, сестра крестовая.—

Записана С. И. Гуляевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тупицына въ Барнаулѣ.

22. Добрыня въ отъѣздѣ.

Не громъ гремитъ у насъ въ Кіевѣ,
Не громъ гремитъ передъ дождичкомъ,
Не молонья свѣтитъ передъ тучкою:
Тутъ бьетъ челомъ Добрыня передъ матерью,
Передъ старой вдовой Афимьей Александровной:
„Ужъ ты гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова Афимья Александровна!
Ужъ ты дай-ка мнѣ свое де благословеньице—
Отнынѣ мнѣ и во вѣки—
Во чисто поле, Добрынѣ, ѣхати.
Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле, разгуляюся,
Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, показаковать,
Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
Богатырскую силу испровѣдати".
Тутъ возговоритъ его матушка родимая,

Стара вдова Афимья Александровна:
„Ужъ ты, гой еси, дитя мое, чадо милое,
Добрынюшка, сынъ Никитивичъ!
Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлать,
Ты коня сѣдлать, Добрынюшка, конемъ владать.
Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ,
На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ,
По большому полю по Куликову“.
Возговоритъ тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:
„Ужъ ты, гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова Афимья Александровна!
Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать лѣтъ,
Я поѣду отъ восхода до запада,
Къ тому озеру къ Бѣлозерову,
Ко дядюшкѣ своему ко родимому,
Для грѣховъ своихъ избавленія“.
Тутъ возговоритъ его матушка родимая,
Стара вдова Афимья Александровна:
„Ужъ ты, гой еси, дитя мое, дитятко,
Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Будутъ-ли отъ сухова дерева отрасли,—
Тогда будь надъ тобой мое благословеньице.
На кого ты меня, Добрынюшка, покинешь?
Молоду свою жену кому прикажешь“?
Возговоритъ тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:
„Ужъ ты, гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова Афимья Александровна!
Я покину тебя, матушка, на Бога,—
Молодой женѣ своя ей воля:
Хошь замужъ иди, хоть вдовой сиди,
Хошь за князя поди, хошь за боярина,
Иль за сильнаго могучаго богатыря,
Только не ходи, моя жена, за Алешку Поповича:
Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ,
Мы въ полѣ съ нимъ съѣзжалися,
Крестами съ нимъ мѣнялися.
Благослови, матушка, взойти на конюшенъ дворъ,
Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,
Коня добраго, все иноходаго“.
Тутъ входилъ Добрыня на конюшеньку
И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы, гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходые!

Сослужите мнѣ службу не дальную и не ближнюю‘
Совезите меня отъ восхода до запада,
Ко тому озеру, къ Бѣлозерову“...
Тутъ всѣ кони испугалися,
Повѣсили свои буйны головы,
Потупили очи ясны во сыру землю.
Отвѣтъ изъ нихъ держалъ одинъ буланый конь:
„Ужъ ты, гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Сослужу я тебѣ службу не дальную и не ближнюю,
Когда минетъ двѣнадцать лѣтъ“...

(Былина не кончена).

Записана І. И. Желѣзновымъ въ 1858 г. отъ казака Ивана Михайловича Бакирова въ станицѣ Красноярскомъ-форпостѣ и напечатана въ его книгѣ „Уральцы“ 2-е изд. 1888 г. стр. 222—223.

* 23. Добрыня и Марина.

Что не бѣла береза къ землѣ клонится,
Не шелкова трава въ полѣ разстилается,—
Ужъ какъ кланяется сынъ-отъ своей матери:
„Государыня, родная моя матушка!
Ты пожалуй-ка свое мнѣ благословеньице,
Я поѣду въ чисто поле гулять.
Поищу ли я своего брата названнаго,
Что стараго казака Илью то Муромца“.
—На кого-жъ ты оставляешь молоду жену?—
„Ей давнымъ давно, Настасьѣ, было сказано,
За недѣлюшку, Микулишнѣ, приказано,
Что сидѣть бы ей вдовою ровно девять лѣтъ,
На десятомъ годочкѣ хоть бы замужъ шла,
Хоть за князя, хоть за бoярина,
Не ходить бы ей за Алешу за Поповича“...
Ужъ какъ три года Добрынюшка бражничалъ,
На четвертый годъ Добрыня погулять захотѣлъ,
По стольному по городу по Кіеву,
По тѣмъ ли по частымъ переулочкамъ,
Переулочкамъ, закоулочкамъ.
На встрѣчу Добрынѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старъ матеръ человѣкъ Илья Муромецъ.
Они вмѣстѣ сошлись поздоровались,
Они ручку объ ручку ударились
И во сахарны уста цѣловалися.

„Чего же ты, Добрынюшка, бражничаешь,
Чего же ты, другъ Никитьевичъ, спрашиваешь?“
—Хожу ли я, ищу ли я Маришкина двора.—
„Маришкина двора тебѣ по вѣкъ не сыскать:
Маришкинъ дворъ середь Кіева стоитъ,
Середь Кіева стоитъ, середь площади.
Кругъ Маришкина двора все шелковая трава,
Шелковая трава и желѣзный тынъ.
На каждой на тычинкѣ по головушкѣ есть,
По головушкѣ есть—богатырской,
На одной лишь на тычинкѣ нѣтъ головушки.
На Маришкиномъ дворѣ да два терема стоятъ,
На тѣхъ то теремахъ да два голубя сидятъ,
Цалуются и милуются,
Они сизыми крыльями обнимаются“.
Ужъ какъ тутъ то Добрынѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
Онъ натягивалъ тугой лукъ въ этихъ пару голубей,
Онъ попасть не попалъ въ этихъ пару голубей,
А попасть то попалъ ко Моришкѣ въ окно,
Разбилъ банку со лютымъ зельемъ.
На ту пору Маришка бѣлилася,
Бѣлилася и румянилася:
„А и хочешь-ли, Добрыня, я те клячей ворочу,
А и будешь ты, Добрыня, у насъ воду возить?“
—Ужъ и хочешь-ли, Маришка, я те сукой ворочу,
А и будешь ты, Маришка, кобелей съ собой водить?—

Два былинные отрывка, сведенные вмѣстѣ, записаны въ Москвѣ С. И. Лапшинымъ отъ московскаго мѣщанина И. А. Лапшина, постоянно жившаго въ Москвѣ. Первая часть поется протяжно, а начиная со стиха 16-го напѣвъ измѣняется и темпъ учащается.

24. То-же.

Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ.
Какъ у князя было Володимира,
Заводилася (солучилася) пиръ-бесѣдушка,
Пиръ-бесѣдушка, пиръ почестный столъ.
Всѣ князья-бояре сошлись, съѣхались;
Они пьютъ, ѣдятъ, проклажаются,
Промежду себя выхваляются:
Сильный хвалится своей силою,
А богатый хвалится богачествомъ,

А кто хвалится молодой женой,
А кто хвалится добрымъ конемъ.
„Ужъ ты, есте есть, ты Добрынюшка,
Ты, Добрынюшка, добрый молодецъ,
Ты ничѣмъ, Добрыня, не похвалишься?“
—Еще чѣмъ мнѣ будетъ похвалитися?
Еще жилъ я у тебя ровно девять лѣтъ:
Еще три года водовозничалъ,
Еще три года приворотничалъ,
Еще три года ложкомойничалъ;
Трое на трое стало девять лѣтъ;
Еще нѣтъ у меня коня добраго,
Коня добраго, сбруи ратныя,
Сбруи ратныя, копья булатнаго.—
„Ты поди, Добрыня, на конюшій дворъ,
Ты бери узду ты тесьмяную,
Обратай коня самолучшаго;
Ты бери-ка сбрую ратную,
Сбрую ратную, копье булатное;
Поѣзжай, Добрыня, по всѣмъ улицамъ,
По всѣмъ улицамъ, по продольнымъ.
Ты не ѣзди-ка въ одну улицу,
Въ одну улицу во Маришкину.
У Маришки дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ дворъ, желѣзный тынъ;
На тыниночкѣ есть по маковкѣ,
Что по маковкѣ,—буйной головушкѣ.
На одной только нѣту маковки,
Нѣту маковки, буйной головушки.
Возъѣзжаетъ Добрыня въ эту улицу,
Въ эту улицу да во Маришкину.
Да Маришка-то курва, плёшница,
Да сидитъ она предъ краснымъ окномъ.
На красномъ окнѣ на Маришкиномъ,
Не два голубя сидятъ, цѣлуются,—
Да цѣлуются они милуются,
Да Маришка курва съ полюбовникомъ.
Вынималъ Добрыня кленову̀ (калену) стрѣлу,
Онъ стрѣлялъ Добрыня во красно окно,
Во красно окно во Маришкино,
Онъ и снесъ съ ней буйну головушку,
Онъ прималъ ее на востро копье,
Онъ сажалъ ее на тыниночку.

Записана Н. Пальчиковымъ и напечатана имъ въ сборникѣ: „Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи“. Спб. 1888 (№ 37).

25. То-же (начало).

Жилъ Микитушка, не старился,—
При старости померъ.
Осталось у Микитушки
Спорожоное дитя Добрыня.
Енъ, Добрынюшка, матушки спрашивалъ:
„Отпусти меня, матушка,
Въ Новы городы гулять!“
Походитъ Добрыня со двора здолой,
Беретъ Добрыня калену стрѣлу,
Натягиваетъ Добрыня калену стрѣлу,—
Походитъ Добрыня со двора вѣдь здолой.
Есть въ томъ городѣ Маринушка,
Прекрасная Маринка безбожница,
Злая еретица халтурная.
Кругъ ея двора стѣна каменная,
На каменной стѣнѣ два голубя сидятъ,
Два сизые сидятъ, златымъ крыльемъ оплетаются.
Захотѣлося Добрынѣ два голубя устрѣлить,
Два сизыхъ устрѣлить;
Права ножка покатилась,
Лѣва ручка подрожала,
Устрѣлилъ Добрыня во Маринино окно,
Устрѣлилъ прекраснаго Змѣевича.
Кинулась Маринушка во косечато окно:
„Кто здѣсь въ городѣ невѣжа есть?
Устрѣлилъ мила дружка“
У Добрыни сердечко неуимчивое:
Походитъ ко Маринину двору,
Беретъ за булатную скобу,
Отворетъ дубовныя двери,
Садится возлѣ Маринушки,
День съ утра сидили, не говаривали.
У Добрыни сердечко неуимчивое:
Обуватъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Походитъ Добрыня со двора здолой.
Кинулась Марина за Добрынюшкой,
Поколола дровечъ мелкошечко,
Затопляла палаты жарчешенько,
Слѣды сбирала, въ палату бросала...

Изъ рукописнаго сборника (начала XIX столѣтія), поступившаго въ Императорскую Публичную библіотеку изъ Вологодской губерніи; издана Л. Н. Майковымъ въ „Живой старинѣ“, Вып. I, Отдѣлъ II, стр. 2.

26. То-же.

Ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,
Ходилъ-гулялъ Микитиць по Кіеву.
Добрынюшкѣ-то матушка наказывала:
„Не ходи-ко ты во улоцку возвратную,
Во тѣ-ли переулоцки Маринкины,
Тамъ живетъ курва Маринушка Игнатьевна,
Она зеленщица да и отравщица;
Она много отравила добрыхъ молодцевъ,
Она сильныхъ, могучихъ богатыревъ“.
Ходилъ Добрынюшка по Кіеву
И зашелъ во улоцку возвратную,
Во тѣ-ли переулоцки Маринкины.
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатьевна,
Выпущала голубка да со голубкою.
Тутъ увидѣлъ Добрынюшка Микитиць младъ,
Свой тугой онъ лукъ натягиваетъ,
Каленую-то стрѣлоцку накладываетъ,
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
„Ты убей да голубка да со голубкою“.
Да не убилъ голубка да со голубкою,
Убило у Маринушки околенку,
Да убило у Маринки дружка милаго,
Дружка милаго—Идолища поганаго,
Поганаго да некрещенаго.
Еще тутъ молодецъ да пораздумался:
„Не честь-слава да молодецкая,
Да не выслуга да богатырская;
Да не пропасть то моей каленой стрѣлы,
Да у той-ли у Маринки Игнатьевны“.
Заходитъ Добрыня во высокъ теремъ,
Крестъ онъ кладетъ да по писаному,
Да поклонъ-то ведетъ да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется.
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
Да Добрыни-то Маринка низко кланялась,
А Добрынюшка Маринушки челомъ не бьетъ.
Бралъ то Добрынюшка калену стрѣлу,
Пошелъ то Добрынюшка вонъ изъ терема.
Еще въ ту пору Марины за бѣду пришло,
За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на ноги,
Брала она два ножичка булатные,

Добрынины-то слѣдочки подрѣзывала,
Клала она въ печь па дрова на дубовыя,
Сама да ко слѣдочкамъ приговаривала:
„Шайте *) и пойте Добрынюшкины слѣдочки,
Чтобы нояло у Добрынюшки сердце,
По мнѣ-ли по Марины по Игнатьевны".
Приходитъ да Добрыня къ родной матушки,
Говорила тутъ Добрыни родна матушка:
„Что ходило, мое дитятко, доходило,
И гуляло, мое милое, догуляло?"
Вѣдь не можетъ Добрынюшка не пить, не ѣсть,
И не можетъ вѣдь Добрыня темной ночки спать.
И вставаетъ-то Добрынюшка поутру ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
Снаряжается Добрынюшка хорошохонько,
И походитъ-то ко ранней ко заутреньки,
И выходитъ-то Добрынюшка на улоцку;
Стоючись да тутъ Добрыня пораздумался:
„Да что мнѣ дѣлать у церкви у соборныя,
У той-ли у заутреньки у раннія?
Пойду лучше къ Маринки ко Игнатьевны".
И заходитъ то Добрыня во высокъ теремъ,
И крестъ онъ кладетъ да по писаному,
Поклоны-то ведетъ да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется;
Добрынюшка Маринки низко кланяется,
Маринушка Добрынюшки челомъ не бьетъ.
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшки:
„Вчерась-то какъ ты былъ, то не то творилъ,
А сегодня-то ты да во моихъ рукахъ",
Во моихъ рукахъ и подъ моей грозой.
Возьмешь-ли ты, Добрыня, за себя замужъ?"
Говорилъ вѣдь тутъ Добрынюшка Маринушки:
„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная".
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшки:
—„Обверну тебя жабой подземельною,
Которой жабы отвороту нѣтъ.
Ты возьмешь-ли, Добрыня, за себя замужъ?"
— Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Обверну я тебя, Добрынюшка, борзымъ кобелемъ,

*) Тлѣйте.

Спущу я по городу по Кіеву,
Сберать тебя кусочковъ подстольныихъ".
Ходилъ-то тамъ Добрыня ровно сутоцки,
И приходитъ ко Маринки ко Игнатьевны.
„Находился-ли Добрынюшка по городу по Кіеву,
И наѣлся-ли кусочковъ подстольныихъ?
Возьмешь-ли теперь да за себя замужъ?"
— Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оберну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,
Всечиной-то тура да изукрашу я,
Одна щетинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока да рыту бархату,
Я спущу тебя, Добрыня, во чисто поле,
Поѣшь-ко ты, Добрынюшка, ковыль травы
И попей-ко ты, Добрынюшка, водушки болотнія".
У того-ли было князя у Владимира,
Сдѣлался у него да почестный пиръ.
Да всѣ-ли на пиру да порасхвастались;
Кто вѣдь хвасталъ добрымъ конемъ,
Иной хвасталъ молодой женой.
Похвастала Маринушка Игнатьевна:
— Ужъ какъ есть у меня да во чистомъ полѣ
Девѐть туровъ да дѐветь гнѣдыихъ,
Десятой-етъ туръ онъ хорошъ, красивъ:
Одна шерстинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока рыту бархату,
Рожка-те у тура позолоченые.—
Вставала Катерина Микитицна на ноги
И брала она Маринку рукой за воротъ,
А другой била по бѣлу лицу:
„Ужъ ты вѣдьма ты, Маринушка Игнатьевна!
Какъ не отвернешь моего братца милаго Добрынюшки Микитица,
Оберну тебя саму жабой подземельною,
Которой жабы отвороту нѣтъ".
И обернулася Маринушка сорокою,
И полетѣла-то Маринка во чисто поле,
И садилася она Добрыни на золотой рожокъ,
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшки:
— Ты возьмешь-ли теперь да за себя замужъ?—
„Отверни ты этихъ всѣхъ добрыхъ молодцевъ,
Сильныхъ могучихъ богатыревъ,—
Я въ тупорь-то тогда тебя въ замужъ возьму".
Приходитъ тутъ Добрынюшка къ матушки,

И разсказываетъ Добрынюшка тутъ матушки,
Что далъ заповѣдь великую взять Маринушку Игнатьевну.
Тутъ-то они да обручалися,
Тутъ-то они да обвѣнчалися.
Приходитъ-то Добрыня съ молодой женой.
„Слуги мои да слуги вѣрные,
Ужъ вы дайте-ко мнѣ чару оправшую,
Чтобъ мнѣ поправиться съ Маринкой съ Игнатьевной“.
И слуги у него были догадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
Срубилъ то Добрыня у Марины буйну голову
И клалъ да на дрова дубовыя,
И пепелъ разсіялъ по чисту полю.
Тутъ вставаетъ то Добрынюшка ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
И снаряжается Добрыня хорошохонько,
И приходитъ-то Добрыня ко ранней ко заутреньки.
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ-то поздравляютъ:
„Здравствуй ты, Добрынюшка Микитиць младъ!
Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
Со своей да со княгиней со обручною,
Да со той-ли со Мариной со Игнатьевной“.
Говорилъ вѣдь тутъ Добрынюшка Микитиць младъ:
„Ужъ вы други мои да вы пріятели!
Всякой-то на семъ да свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удается,
Вчерась-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
Сегодня-то я ужъ вдовой хожу“.

Записалъ учитель Мошинскаго сельскаго училища Александръ Громовъ съ голоса дѣвицы Ѳеклы Степановны Савиной. Былина эта та же, что записана въ Мошѣ отъ Малыгина А. Ѳ. Гильфердингомъ (Онежскія былины № 316); но въ предлагаемомъ спискѣ она полнѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и украшеніяхъ. Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Малыгинъ. Напечатана въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1885 г. № 1, стр. 46—49.

27. Добрыня Никитичъ.

(Сводная былина).

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не кудрявая ко сырой да приклоняется;
Ужъ какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
Добрый молодецъ Никитушка Добрыничъ-сынъ [1],
Что честной вдовѣ, Афимьѣ Александровнѣ:
„Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,

[1] Такъ въ большей части былины переставлены имя и отчество богатыря.

Что честна вдова Афимья Александровна!
Ужъ ты дай мнѣ-ка свое благословеньице,
Мнѣ-ка ѣхати да во чисто поле,
Что искать себѣ названнаго брателки,
Что стараго казака да Илью Муромца!“
Какъ возговоритъ ему да родна матушка:
— Ужъ ты гой еси, родимо мое дитятко!
На кого ты оставляешь свою матушку,
На кого ты покидаешь молоду жену?—
Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
„Оставляю я васъ, матушка, на́ Бога.“
Что даетъ ему мать свое благословенье:
— Благословитъ тя Богъ, мое дитя родимо́е,
Что на добрыя дѣла и всѣ подвиги!
Ужъ ты ѣзди-ко, дитя, во чистомъ полѣ,—
Чистёхонько, хорошёхонько!—
Тутъ началъ сряжаться добрый молодецъ;
Онъ въ сѣдельце черкасское коня сѣдлалъ,
Во уздицу во тесменную зауздывалъ,
Что бралъ нитку шелку шамаханскаго,
Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
Осѣдлавши, онъ садился на добра коня,
Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, родима матушка,
Что честна вдова Афимья Александровна!
Ты жди-ко-ся меня ровно три года;
Ты не дождешься меня ровно въ три года,
Ты бери мои золоты ключи,
Отпирай-ка тогда золоты ларцы,
Вынимай мою золоту казну,
Подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
По честнымъ по родителямъ,
Поминайте меня добра молодца.
А ты гой еси, моя молода жена,
Хороша Настасья, дочь Никулишна!
Ужъ ты жди меня ровно девять лѣтъ;
Если въ девять лѣтъ меня не дождешься,
Хоть замужъ пойди, хоть вдовой сиди!“
Ужъ какъ видѣли добра молодца, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли, какъ со двора съѣзжалъ.
Что не пыль столбомъ поднималася,—
Одна откопоть оставалася,
Какъ уѣхалъ Никитушка во чисто поле,
Добрыничъ свѣтъ во раздольице.

Онъ годъ ѣздилъ по чистому полю,
И не можетъ наѣхать Ильи Муромца.
Съ той печали со кручинушки
Натягиваетъ онъ свой тугой лукъ
И спускаетъ свою калену стрѣлу.
Улетала та его стрѣлочка
Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
Къ красной дѣвушкѣ, да во высокъ теремъ,
Во окошечко во косящатое,
Во стеклышко во заморское.
Увидалъ тутъ добрый молодецъ
Во чистомъ полѣ бабушку задворенку.
„Ужъ ты гой еси, бабушка задворенка!
Ты сходи ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
За моей ли то каленой стрѣлой!“
Тутъ пошла бабушка задворушка скорёшенько.
Пришедши ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Поклонилась ей низёшенько,
Говорила ей частёшенько:
„Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
Что послалъ меня къ тебѣ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Добрыня Никитичъ сынъ,
Велѣлъ онъ тебѣ поклонитися,
И просить у тебя его калену стрѣлу!“
Какъ отвѣтила Марина, красна дѣвица,
Той ли бабушкѣ задворенкѣ:
„Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придетъ.“
Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
Воротилась во чисто поле
Ко удалу добру молодцу,
Ко Никитѣ Добрыничу.
А Маринка, красна дѣвица,
Полетѣла вслѣдъ сорокою,
Чтобы выслушать его рѣчи.
Говоритъ ему тутъ бабушка задворенка:
„Ужъ ты гой еси, удалой добрый молодецъ!
Отвѣтила мнѣ Марина, красна дѣвица,
Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.“
Какъ отвѣтилъ добрый молодецъ
Той бабушкѣ задворенкѣ:
„Я не иду къ ней сукѣ гончія,
Ко совѣ заморской, ко змѣѣ семиглавыя!“

Что услышала таковы слова,
Та Марина, красна дѣвица,
Отъ тѣхъ словъ она осердилась.
Обернула за то Никитушку,
Обернула туромъ—золоты-рога.

Черезъ дальнее перечаильце, (?)
Шли калики перехожіи,
Перехожіи, переброжіи
До села его родной тетушки,
Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
Пришедши къ ней, просятъ милостыню.
Какъ спроситъ ихъ Татьянушка:
„Вы отколь идете, калики перехожіи,
Изъ какой страны изъ дальнія?“
Отвѣчали ей калики перехожіи:
„Мы идемъ теперь изъ чиста поля.“
— Ужъ вы что тамъ въ полѣ видѣли?—
„Ужъ мы видѣли въ томъ чистомъ полѣ
Три тура да три великіи,
Что единъ-отъ туръ да золоты-рога.“
Говорила тутъ стара дѣвица
Тѣмъ каликамъ перехожіимъ:
„Вы послушайте меня, калики перехожіи,
Воротитесь вы въ обратный путь
Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Вы снесите ей мою грамотку
И скажите ей съ угрозою,
Чтобы того она тура—золоты-рога
Отвернула бы въ прежній видъ;
Буде она меня не послушаетъ,
То я сама подымуся къ ней,
Оберну ее сорокой бѣлохвостою
И пущу летать весь вѣкъ безъ отдыху.“
Тутъ калики послушались,
Низёшенько ей поклонилися,
Поклонившись, шли въ обратный путь
Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Принесли ей строгу грамотку,
Говорили таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
Получи отъ насъ къ тебѣ грамотку
Отъ родимой твоей тетушки,

От҃ Татьяны Александровны.“
Тутъ Марина испугалася,
За ту грамоту робко принималася
И читала ту грамоту скорёшенько.
Прочитавши, пошла во чисто поле
И кричала тура—золоты-рога.
Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
Тутъ стала она тура уговаривать:
„Ужъ ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
Что удалый добрый молодецъ Никитушка!
Ты возьми меня за себя замужъ.“
Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
„Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
Еще есть у меня молода жена,
Хороша Настасья, дочь Никулишна.“
Тутъ Марина повинялася,
Говорила ему таковы слова:
„Ужъ я думала, что ты холостъ есть.“

Во пути то во дороженькѣ
Девять лѣтъ Никитѣ миновалося.
Его мать родна и молода жена
Дожидалися, дожидалися,
Не могли его дождатися.
А жена то его была умная,
На ней стали сваты свататься.
Тутъ позволила ей мать родна,
Позволила ей замужъ идти,
За Алешеньку за Поповича.
Повелись тутъ пиры, столы свадебны;
И поѣхали они ко Божьей церкви,
Ко святому храму вѣнчатися.
Провожала ихъ его матушка,
У высокаго терема съ дубова крыльца
Горючими слезами заливалася.
Во слезахъ она рѣчь промолвила:
Что не знаетъ—то и не вѣдаетъ
Мое милое чадо, Никитушка,
Что идетъ замужъ его молода жена
За Алешу за Поповича....
На ту пору, на то времячко,
Не ясенъ соколъ пролетывалъ,
Не ясной то онъ пропархивалъ,
Какъ пріѣхалъ Никита изъ чиста поля,

А Добрыничъ свѣтъ изъ раздольица.
Онъ скрычалъ, сзычалъ громкимъ голосомъ:
„Еще здравствуетъ ли тутъ честна вдова,
Честна вдова, Афимья Александровна?
Шлетъ тебѣ челобитье любезный сынъ,—
Что Никитушка Добрыничъ свѣтъ.“
Какъ услышала она таковы слова,
Говорила она добру молодцу:
— Ужъ ты гой еси, пролетной младъ ясенъ соколъ
И проѣзжій добрый молодецъ!
Ужъ ты гдѣ видалъ Никитушку?—
Не отвѣтилъ онъ ни одно слово,
Приворачивалъ коня къ дубову крыльцу,
Онъ вязалъ коня къ золотому кольцу,
Самъ упалъ ей во рѣзвы ноги,
Говорилъ ей таковы слова:
„Ужъ ты здравствуй, моя мать родна,
Что честна вдова Афимья Александровна!
Что здорова-ли моя молода жена?“
Родна матушка тутъ заплакала,
Во слезахъ ему слово молвила:
„Ужъ ты гой еси, любезный сынъ,
Ты Никитушка Добрыничъ свѣтъ!
Какъ поѣхалъ ты во чисто поле,
Говорилъ ты намъ таково слово—
Девять лѣтъ тебя дожидатися;
Девять лѣтъ уже миновалося,
Не могли мы тебя дождатися.
Твоя жена была умная, разумная,
На ней стали сваты свататься;
Я дала ей благословенье замужъ идти,
За Алешеньку да за Поповича,
И теперь у нихъ почестенъ пиръ,
Какъ пріѣхали они изъ Божьей церкви.“
Тутъ возговоритъ Никитушка Добрыничъ свѣтъ:
„Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,
Что честна вдова Афимья Александровна,
Ты дай-ка мнѣ свое благословеньице.
Мнѣ-ка ѣхати къ Алешѣ на почестенъ пиръ
И надѣть мнѣ платье скоморохово,
Взять съ собой гудки скомороховы.“
Какъ дала ему мать благословеньице,
Тогда бралъ Никита золоты ключи,
Отпиралъ свои ларцы кованые,

Бралъ казны золотой сколько надобно,
И поѣхалъ Никита на почестенъ пиръ.
Прiѣхалъ ко двору да ко Алешину
И давалъ слугамъ злата-серебра;
Никто Никиту не задерживалъ.
И входилъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
Гдѣ Алешенька сидѣлъ съ молодой женой,
За широкими столами за дубовыми.
Не дойдя Никита низко кланяется:
„Еще здравствуй, ты первобрачный князь,
Со своей со княгиней—другобрачною!
Ты изволь-ка, князь, да слова молвити,—
Мнѣ взыграть въ гудки да скомороховы.“
Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
„Ты играй скоморохъ сколько надобно!“
Заигралъ онъ въ гудки скомороховы.
Тутъ Настасьюшка да догадалася:
Ужъ какъ быть тѣмъ гудкамъ да Никитушки.
Какъ возговорилъ Добрыня Никитичъ свѣтъ:
„Ты позволь-ка мнѣ, первобрачный князь,
Со своей княгиней другобрачною,
Мнѣ налить тебѣ чарку зелена вина,
А другую чару меда сладкаго.“
Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
„Наливай, скоморохъ, сколько надобно,
Подноси-ко кому тебѣ хочется.“
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Подносилъ ее князю первобрачному,
А другую чару меду сладкаго,
И спускалъ туда свой злаченъ перстень,
Подносилъ княгинѣ другобрачные,
Подавалъ ей чару приговаривалъ:
„Выпивать до дна, увидать добра,
А не выпивать до дна, не видать добра.“
Она выпила чару всю до дна,
Увидала она злаченъ перстень,
Обручальный перстень со Никитою,
Надѣвала перстень на праву руку,
Выходила вонъ изъ-за дубова стола,
Со слезами къ Никитѣ падала:
„Я твоя жена мужа перваго!“
Тогда стоя Алеша призаплакался,
Онъ всплеснулъ свои руки бѣлыя,
Во слезахъ Алеша слово молвилъ:

„Ужъ вы гой еси, бояре и князья,
И всѣ гости мои любезные!
Я теперь Алеша посмѣшенъ сталъ.
Ужъ какъ всякой женится, снаряжается,
Да не всякому женитьба удается,
Какъ мнѣ-то Алешенькѣ Поповичу,
Что не успано-то, не улежано,
За бѣлы груди не подержано.
Тутъ всѣ гости съ пиру собиралися,
Собиравшись домой разъѣзжалися,
А Никитушка Добрыничъ свѣтъ
Уводилъ домой молоду жену,
Что Настасью дочь Никулишну.

Эта сильно подправленная былина была записана кн. Н. А. Костровымъ въ с. Верхне-Кужебарсомъ, Минусинскаго округа Енисейской губерніи, и сообщена Л. Н. Майковымъ П. В. Шейну, напечатавшему ее въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1877, кн. III-я, отд. 2-й, стр. 9—16.

* 28. Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ.

Алеша Поповичъ младъ
Со Екимомъ, сыномъ Ивановичемъ,
Выѣзжали на разстани на широкія;
На разстаняхъ лежитъ бѣлъ горючъ камень,
На камешкѣ подписи подписаны,
Всѣ пути-дороженьки разсказаны.
Тутъ-то Алеша, тученъ человѣкъ,
Соскакивалъ съ добра коня,
На камешкѣ надписи разсматривалъ,
Всѣ пути Екиму разсказывалъ.
„Слушай-ка, Екимъ, сынъ Ивановичъ,
Первая дорожка въ Черниговъ градъ,
Вторая дорожка въ Путерему (?),
Третья дорожка въ славенъ Кіевъ градъ.
Во Черниговѣ городѣ не бывано,
И пива, вина много не пивано,
Калачъ бѣлъ-крупищатъ не рушиванъ,
И бѣлая лебедушка не кушана;
Дома, кабаки были вольные,
Молодушки были привѣтливы,
Дѣвушки красныя прелестливы;
А мы съ тобой, Екимушка, упьянчивы,
Запьемся, Екимушка, загуляемся,
Потерять то намъ будетъ слава добрая,

Вся де выслуга богатырская.
Тоже въ Путеремѣ не бывано,
И пива и вина много не пивано,
Калачъ бѣлъ-крупищатъ не рушиванъ,
И бѣлая лебедка не кушана,
Домы, кабаки были вольные,
Молодушки были привѣтливы,
Красныя дѣвушки прелестливы;
А мы съ тобой, Екимушка, упьянчивы,
Запьемся, Екимушка, загуляемся,
Потерять-то намъ будетъ слава добрая,
Вся де выслуга богатырская.
Во Кіевѣ городѣ было бывано,
Много пива, вина было пивано,
Калачъ бѣлъ-крупищатъ много рушиванъ,
Бѣлая лебедка много кушана.
Завладѣлъ у князя Владимира
Хорошую дочь княжну-королевишну
Змѣй Тугаретинъ.
Туда побѣжимъ на встрѣчу".
Садились они на добрыхъ коней,
Они били коней по тучнымъ бедрамъ,
Тутъ де ихъ кони приразсердились,
Съ горы на гору кони перескакиваютъ,
Темны лѣса промежъ ногъ пущаютъ,
Рѣки, озера хвостомъ устилаютъ.
Подбѣжали ко городу ко Кіеву,
Скакали черезъ стѣну бѣлокаменную.
Ко тому ко столбу ко дубовому,
Ко тому колечку ко злаченому
Коней они не привязываютъ,
Никому держать не приказываютъ,
Отпираютъ гридню нà пяту,
Запираютъ гридню нàплотно,
Приходятъ середи пола кирпищатаго,
Молитву творятъ сами Сусову (Іисусову),
Крестъ кладутъ по-писаному,
Поклонъ ведутъ по-ученому,
Кланяются, покланяются,
На всѣ на четыре стороны,
Князю и княгинѣ на особицу,
На особицу и особь стаютъ.
„Милости просимъ, люди добрые,
Люди добрые, храбрые воины,

Садитесь вы въ куть по лавицѣ".
— То, де, мѣсто не по рядинѣ.—
„Второе мѣсто—въ дубову скамью".
— То, де, намъ мѣсто не по вотчинѣ.—
„Третье мѣсто куда хочете."
— Неси-ко ты, Алешенька Поповичъ младъ,
То ковришко волокитное.—
Коврищку Владимиръ князь удйвился:
„Хорошо де ваше коврищко волокитное."
Краснымъ золотомъ оно было вышивано,
Въ углахъ то было вшивано
По дорогу камню самоцвѣтному;
Отъ его то отъ пацыря (?) какъ лучъ стоитъ,
Какъ лучъ стоитъ отъ красна солнышка.
„Стели-ко его за пешной за столъ".
И садятся они съ Екимомъ за пешной за столъ.
Не отъ вѣтричку палаты зашаталися,
Не отъ вихря палаты всколыхалися:
Прилетѣлъ змѣишко Тугаретинъ,
Отпиратъ онъ гридну нà пяту,
Запиратъ онъ гридню не нàплотно,
Господу Богу не молится,
Чуднымъ образамъ не кланятся.
Садятъ его за столы за дубовые,
За скатерти садятъ за браныя,
За ѣствы за сахарныя.
Калачъ бѣлъ-крупищатъ за праву шшоку бросаетъ,
Бѣлую лебедь за лѣвую шшоку.
Говоритъ Екимъ таковы слова:
„У попа было у Ростовскаго
Былъ кобелище цингалище (?),
Охоче по подполью ходить,—
Костью подавился,
Оттого и переставился;
А тебѣ, змѣю, не миновать того".
— Что у тѣ, князь, за пешнымъ столбомъ?
Что за сверчекъ пищитъ?—
Отвѣчатъ Владимиръ князь:
„А маленьки ребятишки промежъ себя говорятъ,
Сами бабки дѣлятъ."
Подаютъ змѣю чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра,
А вѣсомъ чара въ полтора пуда.
Принимаетъ онъ чару единой рукой,

Выпиваетъ онъ чару на единый духъ.
Говоритъ Екимъ, сынъ Ивановичъ,
Говоритъ онъ таковы слова:
„У попа у Ростовскаго
Корова была бурая,
По поварнямъ ходила,
Барды по чану выпивала,—треснула;
А тебѣ, змѣю, не миновать того.“
Схватилъ змѣишко Тугаретинъ
Ножишшо чинжалишшо,
Бросилъ за печной за столбъ.
Тутъ-то Алешенька подхватливъ былъ,
Подхватывалъ ножишшо чинжалишшо
Правою полою кафтанною.
Тутъ-то они возопіяли:
„Самъ-ли ты, Екимъ, бросишь,
Или, Екимъ, мнѣ велишь?“
— Самъ я не брошу и тебѣ не велю:
Нечего кровенить палату бѣлокаменну,
Надо со змѣемъ перевѣдаться
На полѣ на Куликовомъ,
На томъ елбанѣ раскатистомъ.—
Покатился змѣй Тугаретинъ
Изъ палаты бѣлокаменной,
Надѣлъ онъ крылья бумажныя
И полетѣлъ на поле на Куликово,
На тѣ елбаны раскатисты.
Выходили Екимъ со Алешою
На улицу на широкую.
Екимъ Алешѣ наказыватъ:
„Ежели два часа не буду, бѣги на выручку“.
И самъ садится на добра коня,
Бѣжалъ на поле на Куликово,
На тѣ елбаны раскатисты;
Втыкалъ копье мурзомецкое
И вбѣгалъ на тупой конецъ
И смотрѣлъ во чисто поле.
Завидѣлъ змѣя Тугарина
Выше лѣсу ходячаго [1]),
Ниже облака попловучаго.
Говоритъ змѣй Тугаретинъ:
„Что тебя, Екимъ, огнемъ сожечь,

[1]) Стоячаго.

Или живьемъ сглотить,
Или тебя дымомъ заглушить?"
Взмолился Богу Господу
Екимъ, сынъ Ивановичъ,
Наипаче пресвятой Богородицѣ:
„Сошли, Господи, крупчата дождя,
Помочи у змѣя крылья бумажныя!"
И повалился змѣй на сыру землю.
Тутъ подхватывалъ его Екимъ
На копье мурзомецкое
И притыкалъ ко сырой землѣ
И отсѣкъ буйну голову.
Тутъ то миновалось два часа,
Побѣжалъ Алеша на выручку;
Не видитъ онъ свѣта бѣлаго,
Не видитъ онъ солнца краснаго.
Сбѣгался онъ со Екимомъ на встрѣчу
И билъ его палицей боевой
И сшибъ со добра коня,
Притыкалъ его въ грудь бѣлую
Копьемъ мурзомецкимъ.
И угодилъ въ крестъ чувственный.
Соскакивалъ Алеша со добра коня,
Бралъ его на руки бѣлыя,
Садилъ въ сѣдло черкатское.
Поѣхалъ путемъ-дорожкою
Ко князю Владимеру.
И бросали голову змѣя Тугарина
За стѣну бѣлокаменную.
Выходилъ князь Владимиръ
Сеславичъ красно солнышко
На улицу на широкую:
„Милости просимъ, храбрые воины,
За единый столъ хлѣба кушати".
Отвѣчали они князю Владимиру:
„На пріѣздѣ гостя не учествовалъ,
На отъѣздѣ не учествовати!"

Записана С. И. Гуляевымъ въ Сузунскомъ заводѣ со словъ старика нищаго.

29. Алеша Поповичъ и Тугаринъ.

Два коня, два коня да коня добрые,
Два копья, два копья да бурзуменскія,
Еще двѣ да сабли вострыя.

Пріѣзжаютъ они да ко могилочкѣ.
На могилочкѣ лежитъ камушёкъ,
Тутъ на камушкѣ-то написано,
Три дороженьки да написаны:
Еще перва-то дорога Тугарину.
Приклоняются они да ко камушку:
„Мы поѣдёмъ мы, слуга, да мы Тугарину“.
— Намъ Тугарину яхать не выяха̀ть:
У Тугарина дѣвки заманчивыя;
Намъ за дѣвьими гузна̀ми залежатися.—
„Мы поѣдёмъ мы, слуга, на Вуяндину“.
— На Вуяндину яхать не выяхать:
На Вуяндиной дѣвки заманчитыя,
Намъ за дѣвьими гузна̀ми залежатися.
Мы поѣдёмъ, Олёшенька, блатъ,
Мы поѣдёмъ мы Солнышку Владиміру!—
Поѣхали да они Солнышку Владимиру,
Пріѣзжаютъ они солнышку Владимиру.
Олеша вежетъ своево-то коня за золочено кольсо,
Это тотъ-ли ево слуга за мѣдное кольсо.
Приходили они да Солнышку Владимиру.
Испого̀воритъ Солнышко Владимиръ-отъ:
„Еще первое мѣсто Олёшенькѣ,
Еще первое мѣсто на переднюю кровать;
А другое тебѣ мѣсто подлѣ вобраза;
Еще третьё-то мѣсто подлѣ меня!“
Да садился этотъ Олёшенька.
Пріѣзжаётъ Тугаринъ-отъ Солнышку Владимиру,
А несутъ его Тугарина во домъ;
Подъ однимъ-те концомъ тридцать богатырей,
Подъ другимъ-те концомъ да другихъ тридцѐть.
Приносили Тугарина Солнышку Владимиру,
Посадили Тугарина на кровать Владимировой женѣ;
Еще ноги-то положилъ на колѣнки ей,
Еще голову-то ей на грудь положилъ.
Подносили Тугарину полведра вина,
Подносили Олёшенькѣ полведра вина:
Олёшенька-та да потихоньку пьетъ,
А Тугарина-отъ да на одинъ душокъ;
А Тугаринъ-отъ на одинъ духъ выпиватъ.
Подносили-то Тугарину бѣлу лебедь-то,
Подносили Олёшенькѣ другу бѣлу лебедь:
А Тугаринъ-отъ онъ сѣлкомъ ее глотатъ,
Только косточки-суставчики выплёиватъ,

А Олёшенька да потихоньку (помаленьку) ѣстъ,
Да половину-то да слугѣ даетъ,
Половину-то онъ да слугѣ своему даетъ.
Какъ Олёша спроговоритъ слугѣ своему:
„Ты слуга, ты мой слуга, да слуга паревокъ!
Ты не будь, не будь слуга Тугарина Змѣевича,
Еще будь ты, будь Олёшеньки Поповича.
Еще спомнишь-ли, Екимша,
Еще спомнишь-ли, Екимша, вспомятуешь-ли,
Какъ у нашего у свѣта у батишка,
У Левонтья попа да у Ростовскова,
Была у него собачища жадная,
Еще жадная собака обжо̀рчитая;
По подлавицамъ собака каталася (валялася),
Лебедино костьё грызла, подавилася;
Оттого этой собакѣ смерть случилася,
Ещё завтра-те по утру Тугарину то-же будётъ!
Еще вспомнишь-ли, Екимша, вспомятуёшь-ли?
Какъ у нашего у свѣта у батйшка,
У Левонтія попа да у Ростовско̀ва,
Была у него корова-то жадная;
Какъ помои-те хлебала, охлебалася,
Лебедино костьё грызла, подавилася;
Оттого этой коровѣ смерть случилася.
Еще завтры то по вутру Тугарину то-же будётъ!“
А Тугарину то показалося за досадочку;
Онъ стрѣлялъ ево да онъ булатнымъ ножемъ.
Этотъ тотъ ево Екимша подхватливъ былъ,
Этотъ тотъ ево булатный ножикъ на полетехъ подхваталъ,
На полетехъ те хваталъ.
Еще тотъ-то Олёша спроговоритъ:
„Не хочу я ево бѣлу душечку губить,
Не хочу я ево да кровь горячую пролить,
Не хочу я да бѣлы столики марать.
Выѣзжай ты, Ту̀гаринъ, на войну завтрѣ,
Выѣзжай ты, Ту̀гаринъ, въ чисто поле,
То твоя-то головушка на плаху пойдётъ!“
А не хто за Волёшу не ручаётся:
Одинъ Солнышко-тъ Владимиръ-отъ ручаётся,
А за Тугарина да весь городъ ручаётся.
Выѣзжаетъ Тугаринъ на чисто поле:
„Посмотри-ка, слуга, выѣхалъ-ли Тугаринъ на чисто поле?“
Еще выскочилъ слуга да посмотрѣть ёво;
Еще выяхалъ да Тугаринъ на чисто поле;

Кругъ Тугарина змѣи огненные,
Змѣи огненные да оплетаются.
Онъ шелъ-то Олёша во Божью церковь,
Богу молится:
„Еще Богъ ты Богъ, да Богъ Спаситель мой!
Принеси ты тучу грозную,
Еще вымочи да у Тугарина,
Еще вымочи у Тугарина гумажны крылья!“
А пришла-то туча, туча грозная,
Еще вымочила у Тугарина гумажны крылья;
Еще палъ-то Тугаринъ на сыру землю.
Поѣхалъ-то Олёша Тугарину,
Пріѣхалъ-да Олёша Тугарину-те:
„Еще хочёшь ты, Олёша, тебя дымомъ задушу?
Еще хочёшь ты, Олёша, такъ искрами засыплю?
Еще хочёшь ты, Олёша, огнёмъ пламенемъ спалю?
Еще хочёшь ты, Олёша, живымъ тебя сглочу?
Еще хочёшь ты, Олёша, головнями застрѣлю?“
Изъ дыры-те головни выскакиваютъ.
— На что ты, Тугаринъ, за собой силу ведёшь?
Я одинъ да одинъ, какъ да пёрстичёкъ,
Ты, Тугаринъ, да за собой силу ведешь!—
Онъ поворачивалъ коня да коня нӑкруто.
Этотъ тотъ-то Олёша подвертливъ былъ,
Подвертывался да подъ конину гриву,
Отсѣкалъ онъ своей да саблей вострой,
Отсѣкалъ онъ своей да саблей востренькой
(Голову Тугарину Змѣевичу [1]).
Какъ Тугаринъ-отъ упалъ, да земля на трое раскололася,
Какъ Тугарину голову на вострӧ копье соткнулъ,
Своево-то коня да поводӯ повелъ,
На Тугариновомъ-те конѣ онъ поѣхалъ-да,
На Тугариновомъ-те конѣ поѣхалъ онъ,
Своево-то коня да поводӯ ведетъ.
Этотово Солнышка Владимира жена-то его да спроговоритъ:
„Еще знать-то добра молодца по поѣздочкѣ,
Еще знать-то Тугарина по поѣздочкѣ да по походочкѣ:
А Тугаринъ-отъ ѣдетъ, Олёшину-то голову
На вострӧмъ копьѣ везётъ“.
(Слуга):—Ты не ври, ты не ври да не вобманывай!
Какъ Олеша-то ѣдетъ на Тугариновомъ конѣ,
Своево-то коня да поводӯ ведётъ,

[1]) Въ записи былины этого стиха нѣтъ.

Какъ Тугаринову-то голову на востромъ копьѣ (везетъ).
Пріѣзжаетъ Олёша Солнышку Владиміру,
Онъ бросаетъ эту голову стекольчато вокно:
„Ты возьми ты, Солнышко Владимирова жена,
Ты возьми, возьми Олёшину голову,
Тугаринъ-отъ привезъ тебѣ!“
Еще тотъ-то Солнышко Владиміръ спроговоритъ:
— Еще первуё мѣсто—переднё мѣсто,
А друго-то тебѣ мѣсто подлѣ меня,
Еще третье-то мѣсто куда самъ хочешь![1]—
(Алеша): „Какъ былъ-бы ты да не мой бы дядюка,
Я бы назвалъ тебя я бы прямо своднмчкомъ,
Какъ-бы не тетушка была-бы, назвалъ курвой б...ю!“

Записана И. А. Худяковымъ въ Верхоянскомъ округѣ Якутской области, въ сел. Русское устье, близъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый Океанъ. Напечатана въ „Верхоянскомъ Сборникѣ“, составляющемъ т. I. вып. 3-й Записокъ Восточно-Сибирск. Отдѣла И. Р. Географ. Общества. Иркутскъ 1890 г. стр., 303—307.

* 30. Алеша Поповичъ.

(Начало).

Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Состроена была палатушка бѣлокаменна,
Крыта палатушка жестью бѣлою,
Изукрашена палатушка мѣдью красною.
Во той палатушкѣ столы дубовые,
На столикахъ скатерточки шелковыя;
На скатерточкахъ тарелочки золотыя.
Во тарелочкахъ жвочки сахарныя.
Собирались тамъ князья—бояры.
Всѣ-то князья-бояры кушаютъ,
Бѣлую лебедь они рушаютъ.
Всѣ то князья-бояры принакушались,
Принакушались, порасхвастались.
Кто-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
Кто-то хвастаетъ удачей молодецкою,
Кто-то хвастаетъ послугой княженецкою.
Расхвастался Алеша Поповичъ младъ,
Расхвастался удачей богатырскою:
Не боялся де онъ въ чистомъ полѣ нѐдруга.
Недруга, ни своего брата...

Былинный отрывокъ записанъ А. И. Лазебниковымъ со словъ крестьянина Чумышской волости въ Барнаульскомъ округѣ. Взятъ нами изъ рукописнаго сборника С. И. Гуляева.

---

[1] „Это своей бабѣ говоритъ, чтобы она легла съ нимъ“. Объясненіе сказателя.

31. Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ.

Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ
У того попа Ростовскаго
Едино было чадо милое,
Удалъ добрый молодецъ на возрастѣ
По имени Алешинька младъ.
И сталъ Алешинька конемъ владѣть,
И сталъ Алешинька мечемъ владѣть,
Приходитъ Алешинька ко своему родителю
Къ тому попу Ростовскому
И падаетъ ему во рѣзвы ноги,
И проситъ у него благословеньица
Ѣхать да во чисто поле во раздольице
Ко тому ли ко Синю морю,
На тѣ-же тихи заводьи,
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перистыхъ, пушистыхъ сѣрыхъ утицей.
И стрѣлять во мѣрочки во польскія,
Во то ли вострее ножевое.
И просилъ онъ себѣ у роднаго батюшки,
У того ли попа Ростовскаго,
Себѣ дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую;
И далъ ему Ростовскій попъ
Своему чаду милому
Благословенье съ буйной головы до рѣзвыхъ ногъ;
И пошелъ же Алешинька на конюшенъ дворъ
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрыихъ,
Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія,
И затягивали подпруги шелковыя,
И застегивали костылечки булатные
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговариваютъ:
„Ужъ ты конь, ты конь, лошадь добрая!
Не оставь ты, конь, во чистомъ полѣ
Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
Чернымъ воронамъ на возграенье,
А сильнымъ паляницамъ на восхваленье“.
Надѣвали на коней узду тесмяную,
И сами коню приговариваютъ:
„То не для-ради басы,—ради крѣпости,

А не для ради поѣздки богатырскія,
Для ради выслуги молодецкія".
Надѣвалъ Алешинька латы кольчужныя,
Застегивалъ пуговки жемчужныя
И нагрудничекъ булатный,
И бралъ свою сбрую богатырскую:
Во первыхъ копье долгомѣрное,
Во вторыхъ саблю острую,
Во третьихъ палицу боевую,
Въ налушничекъ тугой лукъ
Да двѣнадцать стрѣлочекъ каленыхъ;
Не забылъ чинжалище, свой острый ножъ.
Только видѣли удала, какъ въ стремена вступилъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія,
Только видѣли—въ чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ.—
У рѣкъ молодцы не стаивали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ѣхали изъ утра день до вечера
И доѣхали до разстаньюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка во Кіевъ градъ,
Друга дорожечка во Черниговъ градъ,
Третья дорожечка ко Синю морю,
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На тѣ же тихи вешни заводьи.
И говорилъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, дружина добрая,
Въ котору дорожку нашъ путь лежитъ,
Въ Кіевъ ли ѣхать, аль въ Черниговъ,
Аль къ тому морю Синему?"
И говоритъ дружина хоробрая:
„Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Если ѣхать намъ да во Черниговъ градъ,
Есть во Черниговѣ вина заморскія,
Вина заморскія да заборчивыя,
По стаканчику выпьемъ, по другому хочется,
А по третьему выпьешь, душа горитъ;
Есть тамъ калашницы хорошія,
По калачику съѣдимъ, по другому хочется,
По другому съѣдимъ, по третьему душа горитъ.
Есть тамъ дѣвушки хорошія,
Если на дѣвушку взглянешь, такъ загуляешься,

И пройдетъ про насъ славушка немалая,
Ото востока слава до запада
До того города до Ростовскаго,
До того ли попа до Ростовскаго,
До твоего батюшки родителя.
Поѣдемъ ко мы, Алешинька, въ Кіевъ градъ
Божьимъ церквамъ помолитися,
Честнымъ монастырямъ поклонитися“.
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
Подъ тѣмъ подъ городомъ подъ Кіевомъ
Солучилося несчастьице великое:
Обостала его сила невѣрная
Изъ той орды да великія,
По имени Василій Прекрасный,
И страшно, грозно подымается
Нехорошими словами похваляется:
Хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять,
Святыя церкви въ огонь спустить,
А силу Кіевску съ собою взять,
А князя Владимира повѣсить,
Евпраксію Иикитишну въ замужъ взять.
И гововилъ то тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, дружинушка хоробрая!
Не поѣдемъ-ко мы теперича во Кіевъ градъ,
А напустимся на рать силу великую
На того ли Василія Прекраснаго,
И слободимъ отъ бѣды крашенъ Кіевъ градъ;
Выслуга наша не забыдется,
А пройдетъ про насъ слава великая
Про выслугу нашу богатырскую,
И узнатъ про насъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Не дошедши старикъ намъ поклонится“.
И попускалъ онъ съ дружинушкой хороброю
На ту силу рать великую,
На того Василія Прекраснаго,
И прибили тое силу рать великую,
Кое сами, кое кони топчутъ,
И разбѣжалась рать сила великая
По тому полю широкому,
По тѣмъ кустамъ ракитовымъ,
Очистила дорожку прямоѣзжую.
Заѣзжали они тогда во крашенъ Кіевъ градъ
Ко тѣмъ же ко честнымъ монастырямъ.

И спросилъ то ихъ Владиміръ князь:
„И откуль таки вы добры молодцы,
И коими дорогами, какимъ путемъ?“
—Заѣхали мы дорожкой прямоѣзжею.—
И не просилъ ихъ князь на почестенъ столъ,
И садились тутъ добры молодцы на добрыхъ коней
И поѣхали они во чисто поле
Ко тому ли городу Ростовскому,
Ко тому ли попу Ростовскому.
Прошла славушка немалая
Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли до города до Кіева,
До тое ли до горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистаго,
До тое ли березоньки кудрявыя,
До того ли шатра бѣлополотнянаго,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоѣзжая
Отъ того ли Алешиньки Поповича;
И самъ же старый да удивляется,
Ужъ какъ ѣздили добры молодцы да по чисту полю,
А не заѣхали удалы добры молодцы ко старому
Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить.
Садится старъ да на добра коня,
Пріѣзжаетъ старъ да въ крашенъ Кіевъ градъ
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжескому,
Ко тому крылечику прекрасному.
Не ясенъ соколъ да опускается,
А то старъ казакъ съ коня соскакиваетъ,
Оставляетъ коня не приказана, не привязана,
Забѣгаетъ старъ на красно крыльцо
И проходитъ новы сѣни,
И заходитъ во свѣтлу гридню,
И приходитъ старый Богу молится,
На всѣ стороны поклоняется.
Челомъ бьетъ ниже пояса:
„Ужъ ты здравствуешь, князь стольно-Кіевскій,
Ужъ ты здравствуешь, Апраксія Королевишна!
Поздравляемъ васъ съ побѣдою немалою.
Залетались сюды добры молодцы,
По имени Алешинька Поповичъ младъ

Со своей дружинушкой хороброю?“
Отвѣчаетъ ему князь стольно-кіевскій:
„Заѣзжали добры молодцы ко тѣмъ честнымъ пастырямъ,
Ужъ я ихъ къ себѣ въ домъ да не принялъ,
И уѣхали они во далечо чисто поле“.
И сказалъ тутъ старъ казакъ:
—Собериткося, князь Владиміръ, почестенъ пиръ,
Позовиткося Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
Посадиткося Алешу во большо мѣсто,
И уподчуйкося Алешу зеленымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ да медомъ сладкіимъ,
И подариткося Алешу подарочкомъ великіимъ.
И прошла уже славушка не малая
Про того Алешиньку Поповича
До той орды до великія,
До той Литвы до поганыя—
До того Батея Батеевича.—
„Да кого же намъ послать за Алешинькой,
Да попросить его на почестенъ пиръ?
И послать намъ Добрынюшку Никитича“.
И поѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Не дошедши, Добрынюшка низко кланялся:
„Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Поѣдемъ-ко ся во крашенъ Кіевъ градъ
Ко ласкову князю ко Владиміру
Хлѣба-соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить
И хочетъ тебя князь пожаловать“.
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ младъ:
„На пріѣздѣ гостя не употчивалъ,
На отъѣздѣ гостя не употчивать.“
Говоритъ тутъ Добрынюшка во второй наконъ:
„Поѣдемъ, Алешинька, во крашенъ Кіевъ градъ
Хлѣба-соли ѣсть, пиво съ медомъ пить,
И подаритъ тебя князь подарочкомъ хорошимъ.
Да еще звалъ тебя старой казакъ
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Да звалъ тебя Дунаюшко Ивановичъ,
Да звалъ тебя Василій Касимеровъ,
Да звалъ тебя Потанюшко хроменькій,
Да звалъ тебя Михайлушко Игнатьевичъ“.
Тогда садился Алеша на добра коня
Съ той дружинушкой хороброю,
Поѣхали они во далече чисто поле
Ко тому ко граду ко Кіеву,

И заѣзжаютъ они не дорожкой, не воротами,
А скакали черезъ стѣны городовыя,
Мимо тое башенки наугольныя
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясенъ соколъ съ воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своихъ коней соскакиваютъ;
У того же столба у точенаго,
У того же колечка золоченаго,
А оставили коней неприказаныхъ, непривязаныхъ.
Выходилъ тутъ на крыльцо старый козакъ
Со княземъ со Владимиромъ, со княгинюшкой Апраксіею;
По колѣно-то у Апраксіи наряжены ноги въ золотѣ
А по локоть-то руки въ скатномъ жемчугѣ,
На груди у Апраксіи камень и цѣны ему нѣтъ.
Не дошедши, Апраксія низко поклонилася
И тому же Алешинькѣ Поповичу:
„Ужъ многолѣтно здравствуй, ясенъ соколъ,
А по имени Алешинька Поповичъ младъ!
Побѣдилъ ты не мало силы нонь,
И слободилъ ты нашъ крашенъ Кіевъ градъ
Отъ того ли Василія Прекраснаго;
Чѣмъ тебя мы станемъ теперь Алешу жаловать?
Пожаловать намъ села съ приселками,
А города съ пригородками.
И тебѣ будетъ казна не затворена,
И пожалуй ко ся ты къ намъ на почестенъ столъ“.
И брала Алешиньку за бѣлу руку
И вела его въ гридни столовыя,
Садила за столы дубовые,
За скатерти перчатныя,
За кушанья сахарныя,
За напитки розналивчатые,
За тую же за матушку бѣлу лебедь.
Да сказалъ же тутъ Владимиръ стольно кіевскій:
„Слуги вѣрные, наливайте-тко-сь зелена вина,
А не малую чарочку,—въ полтора ведра;
Наливайте-тко-сь еще меду сладкова,
Наливайте-тко-сь еще пива пьянаго,
А всего четыре ведра съ половиною“.
И принимаетъ Алешинька одною рукой,
И отдаетъ чело на всѣ четыре стороны
И выпивалъ Алешинька чары до суха;
А особенно поклонился старику Ильѣ Муромцу.

И тутъ-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братомъ старшіимъ,
А середніимъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
А въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ,
И стали Алешиньку тутъ жаловать:
Села съ приселками, города съ пригородками,
А казна то была ему не закрыта.
И ставалъ тутъ Алеша на рѣзвы ноги
И говорилъ Алеша токово слово:
„Не надоть мнѣ-ко села съ приселками,
Не надоть мнѣ города съ пригородками,
Не надоть мнѣ золотой казны,
А дай-ко мнѣ волю по городу Кіеву,
И чтобы мнѣ-ко кабаки были не заперты,
А въ трактирахъ чтобы гулять дозволялося“.
И бралъ онъ тутъ свою дружинушку хорошую да хоробрую,
И своихъ братьицей названныхъ.
И гуляли они времени не мало тутъ—
Гуляли недѣлю, гуляли двѣ,
А на третью недѣлю просыпалися,
И садилися удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали во далече чисто поле,
Во то раздольице широкое,
Ко той же рѣки ко Черниговкѣ,
Ко той же горы ко высокія,
Ко той же шеломя окатистой,
Ко той же березонки кудрявыя,
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И поставили они своихъ добрыхъ коней,
И раздернули шатры, столы убраные.
Начали молодцы пить, ѣсть, кушати,
Начали молодцы разговаривать.
Выходилъ же въ ту пору старъ козакъ изъ бѣла шатра
И смотрѣлъ старикъ изъ трубки подзорныя на всѣ четыре стороны:
Во первыхъ глядѣлъ на сине море,
На тѣ же тихи заводья,
Во вторыхъ смотрѣлъ во чисто поле,
Да увидѣлъ во чистомъ полѣ во раздольицѣ кучу немалую,
А потомъ усмотрѣлъ добра коня,
А на конѣ усмотрѣлъ паляницу преудалую;
А и ѣдетъ она потѣшается;
На лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ,
На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречетъ,

Да палица у ей боевая тридцати пудовъ,
Правой рукой она ее выкидывала выше лѣсу стоячаго
Да пониже-то облака ходячаго,
Да другой рукой подхватываетъ,
А до земли палицу не допускиваетъ.
И тутъ старому занятно палося,
И долго старый позамѣшкался,
Засмотрѣлся на гулянку паляницы
И самъ тому удивляется.
Вскрикнулъ тутъ Алешу Поповича:
„Ужъ ты гой еси, Алешинька Поповичъ младъ!
На тебя будетъ служебка накинута,
Сади-тко-сь, Алешинька, на добра коня,
Поѣзжай-ко-ся во чисто поле,
Ко той же паляницѣ преудалыя,
Ты спроси-тко-сь у ей: какой земли,
Какого городу, какого роду, отца, матери,
И какъ зовутъ тебя по имени, величаютъ по изотчеству,
И спроси-тко ты, Алешинька Поповичъ младъ:
Куда же ты ѣдешь, куда путь держишь,
Али ты ѣдешь въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
Али ты посмотрѣть хочешь стара козака“?
И скочилъ тутъ Алеша скорешенько на добра коня,
А полетѣлъ-то Алешинька во чисто поле.
Доѣхалъ онъ до паленицы преудалыя.
Не спрашиваетъ у ей имени, отчины,
Ни роду не спрашиваетъ, ни племени,
Оборачиваетъ Алешинька востро копье
И хочетъ принять на его ту паляницу преудалую,
Да была паляница на то ухватчива—
Ухватила у его востро копье,
Да убросила его во чисто поле,
А хватила Алешиньку за шиворотъ,
Да сбросила съ добра коня сдолой
И сказала ему таково слово:
„Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Ужъ ты силой не силенъ, да напускомъ смѣлъ,
Не спрашиваешь ни имени, ни отчины,
Напускаешься на паляницу преудалую,
А хочешь я тебя смерти предамъ?
Поѣзжай-ко-ся ты ко бѣлу шатру,
Пошли-ко-ся ты самого Илью Муромца,
Мнѣ ка хочется съ нимъ поназваниться“.
Садился Алешинька на добра коня и ѣхалъ ко бѣлу шатру,

А что было то Алеша не сказывалъ.
Посылалъ тутъ старый Добрынюшку во второй наконъ:
„Узнай-ко-ся, Добрынюшка, кто ѣздитъ во чистомъ полѣ“?
Садился тутъ Добрынюшка на добра коня, да и ѣхалъ во чисто поле;
Не доѣхавши, Добрынюшка шапку складывалъ
И сходилъ съ добра коня низко кланялся:
„Ужъ ты здравствуй-ко-сь, паляница преудалая,
Какого же ты города, какой земли,
Какого же ты отца, матери,
Какъ же тебя звать по имени,
Звеличать тебя по изотчеству,
Куда же ты ѣдешь: въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
Или ѣдешь отъ синя моря,
И хочешь увидать стара казака?“
Отвѣчаетъ ему паляница преудалая:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Пошлит-кось-ты ко мнѣ стараго:
Прошла про его славушка немалая,
Ото востока прошла слава до запада,
Отъ той орды великія, отъ того же отъ Мамая сильнаго,
Сторожитъ де старъ казакъ три дороженчки широкіихъ“.
Поѣхалъ ли тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И не доѣдучи старому разсказывалъ;
И на то-ли старому за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Садился старый на добра коня,
Ѣхалъ да во чисто поле ко той паляницѣ преудалыя.
Разъѣхались тутъ удалы въ первой разъ,
Кололися копьицами вострыими,
А по посадочки копьица ихъ свернулися,
И тѣмъ боемъ они другъ друга не ранили.
Рубилися потомъ сабельками вострыими,
И тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Потомъ билися палицами боевыми;
Отъ рукъ палицы загорѣлися,
По спаямъ палицы распаялися,
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Соскочили они съ добрыхъ коней,
И хватилися они боемъ рукопашныимъ,
Не много они времени поводилися,
А по колѣно въ землю утопталися,
По участи было по старого,

По злосчастьицу было паленицыну,
Правая рука у ей опустилася,
Хватилъ же ее старый за бѣлы груди,
Падала тутъ паленица на сыру землю.
Наскакивалъ тутъ старый на бѣлы груди къ ей,
Отстегивалъ пуговки вальянскія,
Отворачивалъ латы кольчужныя,
Вынимаетъ чинжалище, вострый ножъ,
Хочетъ пороть ей груди бѣлыя,
Хочетъ смотрѣть ретиво сердце,
На то старый былъ жалостливъ:
Увидалъ у паляницы бѣлы груди,
А на бѣлы груди былъ упадчивый.
И почалъ онъ тутъ ее спрашивать:
„Откуль ты и какой земли?
И какого ты отца, матери,
Какъ тебя именемъ зовутъ“?
Говорила же тутъ паленица преудалая:
„Была бы ужъ я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивала бы имени отчества,
Порола бы я бѣлы груди, да смотрѣла ретиво сердце“.
Бралъ же тутъ ей старый да за бѣлы руки,
И подымалъ ей на рѣзвы ноги,
И цѣловалъ ей въ уста сахарныя,
И обнималъ ей за шею бѣлую,
И садилъ ей на добра коня,
И велъ ей ко своему шатру бѣлополотняному,
И садилъ ей за столы убраные,
И пили ѣли они кушали,
И сами двоима забавлялися,
И тайными словами занималися,
И ночи по три они проспали,
И понесла она отрока,
И далъ ей съ правой руки злаченъ перстень,
Со вставкою со драгоцѣнною,
Со надписью именною старою.
Самъ же ей онъ уговаривалъ:
„Принесешь если ты дочь засѣну,
Отдай ей перстень въ приданое;
А если принесешь удала добра молодца,
Благослови его дорогимъ перстнемъ,
Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле,
А пошли его, наказывай:
Если увидитъ онъ во чистомъ полѣ стараго,

Такъ не дошедши пусть поклонится.
Поѣхала отъ стараго паляница преудалая
Ко тому же ко синю морю,
Ко тому же ко камешку ко сѣрому,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
И почала жить у синя моря,
И ожидать себѣ время засѣяно.
И спородила она себѣ чадо милое,
Не яснаго сокола, а удала добра молодца,
И дала ему имя сильный, могучій
И славный богатырь по имени Подсокольникъ.
Удалъ молодецъ не по годамъ растетъ, а по часамъ;
Сталъ же добрый молодецъ шести годовъ,
Сталъ онъ на улицу похаживать,
Сталъ съ ребятами поигрывать,
А ребята были не схватчивы,
Называли его безотеческимъ,
Называли его сколотышемъ [1]).
Еще нѣтъ у тебя родна батюшка.
На этомъ молодцу за бѣду встаетъ,
За великую досаду ему кажется;
Подходилъ онъ къ матушкѣ родимой:
„Ужъ ты гой еси матушка родимая!
Отчего же у меня нѣту батюшки родителя?“
Подарила она ему тогда злаченъ перстень,
А на злачномъ перстнѣ имя-изотчина.
Наложилъ тутъ Подсокольничекъ перстень на руку,
А все носитъ этотъ перстень нелюбя,
И все зло несетъ на батюшка;
Сталъ Подсокольничекъ двѣнадцати лѣтъ;
Не ясенъ соколъ на возлетѣ,
Подсокольничекъ сталъ на возрастѣ,
Сталъ Подсокольничекъ мечемъ владѣть,
Сталъ Подсокольничекъ и конемъ владѣть,
Да садился Подсокольничекъ на добра коня,
Поѣзжаетъ Подсокольничекъ во чисто поле.
Говорила тутъ ему матушка родимая:
„Ты поѣдешь да во чисто поле,
Ты увидишь во чистомъ полѣ да стараго,
Не дошедши старому да кланяйся,
А челомъ бей о сыру землю“.
И поѣхалъ тутъ Подсокольничекъ во чисто поле,

---

[1]) Въ Мезени слово *незаконнорожденный* не употребляется, а вмѣсто него *сколотный*.

И прямо ѣдетъ ко бѣлу шатру.
Кричалъ тутъ Подсокольничекъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, русскій богатырь,
Удалый добрый молодецъ, а по прозванью Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ,
Тебѣ не пора ужъ спать, а пора вставать,
Пора вставать да время ѣхати;
Пріѣхалъ къ тебѣ непріятель невѣрный,
И хочетъ онъ съ тобой поборотися“.
Ото сна ли старый пробужается,
Садился старый на добра коня,
Съѣхались тутъ удалы да во чистомъ полѣ,
И ударилъ Подсокольничекъ старого по правой щекѣ,
И подхватилъ копьемъ долгомѣрнымъ подъ правой пахъ,
И выпихнулъ изъ сѣдла черкальскаго
Со добра коня со сивушка,
И палъ старый на сыру землю, какъ овсяный снопъ,
И вышибъ онъ старого изъ ума изъ памяти;
Садился Подсокольничекъ старому на бѣлы груди
И отстегивалъ пуговки жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И вынималъ чинжалище, острый ножъ,
И хочетъ пороть бѣлы груди,
И хочетъ смотрѣть ретиво сердце,
А тѣло хочетъ разбросать по чисту полю.
Увидѣлъ тутъ старый на правой рукѣ имянной перстень,
И взмолился онъ Спасу Пречистому и вздохнулъ крѣпко:
„Стоялъ я за церкви Божіи, за тѣ же честны монастыри,
И хранилъ я стольный Кіевъ градъ,
Да еще хранилъ я Черниговъ градъ,
Да еще очистилъ я дорогу прямоѣзжую“.
И слетѣлъ Подсокольничекъ у Ильи со бѣлыхъ грудей,
И слетѣлъ Подсокольничекъ какъ овсяный снопъ.
Наскакивалъ тутъ старый ему на бѣлы груди,
Отстегивалъ пуговки жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И устращивалъ добра молодца, самъ его спрашивалъ:
„Ты какой земли, какого рода племени,
Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?“
Тутъ молодецъ отвѣтъ держитъ:
„Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
Не спрашивалъ бы роду племени,
Не спрашивалъ бы я отца матери,
Поролъ бы я бѣлы груди, смотрѣлъ бы ретиво сердце.

Разбросалъ бы я бѣло тѣло по чисту полю,
Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
Чернымъ воронамъ на возграенье,
На славу всему міру, всѣмъ людямъ".
Говоритъ тутъ старый во второй наконъ:
„Ты какой земли, какого города?
Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?"
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
„Я отъ моря- моря синяго,
Отъ камешка отъ сѣраго,
Отъ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
Отъ той паляницы преудалыя,
Отъ той отъ Златыгорки отъ сильныя,
А батюшка себѣ не знаю я.
И какъ поѣхалъ я во чисто поле,
Тогда мнѣ-ко матушка наказывала:
„„Какъ увидишь стара казака Илью Муромца,
Не дошедши ему ему низко кланяйся.""
И велѣла она сойти съ добра коня,
И велѣла бить челомъ сыру землю".
На то старый былъ жалостливъ,
Узналъ, что тотъ его Подсокольничекъ
Отъ той лютой отъ Златыгорки;
Бралъ онъ его за бѣлы руки,
И цѣловалъ его въ уста сахарныя,
Называлъ его сыномъ родимымъ,
Благословилъ его благословеньицемъ великимъ:
„Ты гуляй-ко, дитятко, по чисту полю,
Не проливай крови безвинныя,
Не губи силу напрасную,
Поѣзжай-ко ся да ко синю морю
Ко своей матушкѣ родимой,
И скажи-тко отъ меня низкій поклонъ,
Низкій поклонъ отъ меня отъ старого
Отъ своего родна батюшка".
И поѣхалъ добрый молодецъ ко синю морю,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
Ко той же матушкѣ Златогоркѣ.
Подъѣзжаетъ онъ ко красну крыльцу
И кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, зла лиха паляница преудалая!
Встрѣчай-ко меня добра молодца!"
Выходитъ тутъ Златогорка на красно крыльцо,
Встрѣчала его, низко кланялась:

„Ужъ ты здравствуй, дитятко родимое,
Ты удалый добрый молодецъ, по имени Подсокольничекъ“.
А встрѣтилъ-то ее добрый молодецъ вострымъ копьемъ,
И падала тутъ она на красно крыльцо.
Оборотилъ онъ коня да во чисто поле,
И подъѣхалъ онъ, добрый молодецъ, ко бѣлу шатру,
И засталъ тамъ старого да спящаго,
И оборотилъ онъ на старого востро копье,
И ткнулъ старого въ ретиво сердце
Своимъ копьемъ вострымъ.
А у стараго былъ на груди чуденъ крестъ,
Вѣсу-то былъ онъ трехъ пудовъ,
И пало копье въ чуденъ крестъ,
По посадочку копье извернулося.
Тутъ ли старый отъ сна просыпается,
Не отъ лютой ли хмелинки пробуждается.
Ретиво его сердце загорѣлося,
А могучи плеча расходилися,
Бѣлыя руки подымалися,
И хватилъ онъ тутъ Подсокольничка
За буйну голову, за русы кудри,
И отхватилъ онъ буйну голову,
И разрубилъ его на части мелкія,
И разбросалъ по чисту полю.
И тутъ Подсокольнику славу поютъ.

Записана въ г. Мезени, Арханг. губ., А. М. Никольскимъ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныхъ П. С. Ефименкомъ“, ч. 2-я (см. Извѣстія И. Общества Любит. Естествознанія т. XXX, вып. 2, стр. 25—32).

32. Дунай Ивановичъ.

Заводился у Владимира почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру пьяны, веселы,
Всѣ на пиру напивалися,
Ужъ какъ всѣ на пиру наѣдалися,
Ужъ какъ всѣ на пиру приразхвастались:
Иной-то хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Глупой-то хвастаетъ молодой женой,
А неразумной похваляется родной сестрой.
Ходитъ Владимиръ по палатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ,

Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Всѣ у меня въ городѣ поженены,
Всѣ красны дѣвицы исподаваны;
Одинъ-то я Владимиръ холостъ хожу,
Холостъ хожу,—не женатъ слыву;
Не знаетъ ли кто мнѣ обручницы,—
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы,
Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна,
Бѣлое лицо будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будьто маковъ цвѣтъ,
А ясны очи, какъ у сокола,
Черны-то брови, какъ у соболя,
Чтобы было кому поклонитися"?
Спрашиваетъ Владимиръ во второй наконъ:
„Не знаете-ли мнѣ-ка обручницы,
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы
Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна"?
Изъ за того стола изъ за окольнаго,
Изъ за той изъ за скамьи бѣлодубовой
Выходитъ дороднiй добрый молодецъ
На имя Добрынюшка Никитичъ нашъ,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Благослови-тко се, Владимиръ, слово молвити,
Не моги-тко се меня за слово скоро сказнити;
Ужъ я знаю тебѣ обручницу,
Обручницу знаю сопротивницу.
Она возрастомъ не мала,—умомъ сверстна;
Бѣло лицо, будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будьто маковъ цвѣтъ,
А ясны-то очи, какъ у сокола,
Черны-то брови, какъ у соболя.
Ужъ я самъ не видалъ, такъ отъ людей слыхалъ;
Ужъ я слышалъ отъ брата названаго,—
Отъ названаго —отъ крестоваго—
Отъ сильнаго Дунаюшка Иванова.
Сидитъ-то Дунай въ темномъ погребѣ,
Сидитъ-то Дунай ровно три года".
Бери-тко, Добрынюшка, золоты ключи,
Отмыкай-ко темны погребы,
Выпущай-ко Дунаюшка на бѣлый свѣтъ.
У меня право Дунай въ забытьи пришелъ".
Ужъ беретъ-то Добрыня золоты ключи,
Отмыкаетъ Добрыня темны погребы.
Сидитъ-то Дунай въ темномъ погребѣ,

Читаетъ книгу Дунай Ивановичъ;
Самъ сидючись, прирасплакался:
„На что я Владимиру понадобился,
Или хочетъ сказнить меня, вѣсити“?
Говоритъ-то Добрынюшка Никитичъ:
„Добро жаловать ко Владимиру на почестенъ пиръ,
На почестенъ хлѣба соли ѣсть,
Хлѣба соли ѣсть, пива меду пить“.
Выходитъ Дунаюшко Ивановичъ,
Выходитъ изъ темна погреба;
Идутъ-то Дунай въ палаты бѣлокаменны,
Идутъ на почестенъ пиръ съ Добрынюшкой Никитичемъ,
Идутъ во гридню княженецкую.
Зашелъ-то Дунай во гридню княженецкую;
Онъ крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому,
Бьетъ-то челомъ князю Владимиру,
Всѣмъ русскимъ богатырямъ по обычаю.
„Садись-ко, Дунаюшко, за дубовой столъ—
За дубовой столъ хлѣба соли ѣсть“.
Садили Дуная во больше мѣсто,
Во больше мѣсто во большой уголъ.
Наливали чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра;
Другу наливали пива пьянаго,
Пива пьянаго полтора ведра.
Принимаетъ вино Дунаюшко единой рукой,
Выпиваетъ Дунаюшко единымъ духомъ,
Запиваетъ Дунай пивомъ пьянымъ,
Хмелина у Дуная въ головѣ появилася.
Говоритъ-то Володимиръ стольно-кіевскій:
„Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановичъ!
Не слыхалъ-ли ты мнѣ-ка обручницы,
Обручницы мнѣ сопротивницы,
Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна,
Бѣло-то лице, какъ бѣлый снѣгъ,
Ягодницы-то, будьто маковъ цвѣтъ,
Ясны-то очи, какъ у сокола,
Черны-то брови, какъ у соболя,
Чтобы было кому поклонитися“?
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Ужъ я знаю тебѣ обручницу,—
Знаю тебѣ сопротивницу:
Есть у короля Задонскаго

Есть у короля двѣ дочери.
Перва дочь Настасья королевишна:
Настасья королевишна не тебѣ верста.
Ѣздитъ во чисто поле, полякуетъ,
Слыветъ паляницей преудалою.
А есть Опраксея королевишна:
Сидитъ Опраксея въ новой горницѣ,
Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
Чтобы лишни-то люди не зазрили.
Говоритъ-то Владимиръ стольно-кіевскій:
„Ты гой еси, Дунаюшко Ивановичъ!
Ты бери силы, сколько надобно,
Ты бери казны, сколько надобно“.
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Мнѣ не надо твоя сила великая,
Мнѣ не надо твоя золота казна;
Ужъ я съ силой-то пойду не воевать стану,
Казной твоей не торговать стану;
Ужъ я силой возьму богатырскою
А грозою возьму княженецкою.
Только дай мнѣ-ка два брателки названныя,
Два названыя крестовыя:
Во-первыхъ-то Добрынюшку Никитича,
Во-вторыхъ Алешеньку Поповича“.
Говоритъ-то Владимиръ стольно-кіевскій:
„Бери-тко, Дунай, что тѣ надобно“.
Сбирается Дунай со братьями крестовыми.
Пошли да братаны на конюшенъ дворъ,
Берутъ-то коней своихъ добрыихъ,
Уздаютъ во уздицы во тесмянныя,
Сѣдлаютъ во сѣделечка черкасскія,
Сбираются богатыри, сряжаются.
Провождаетъ Владимиръ стольно-кіевскій,
Провожаетъ со чести со радости.
Поѣхали братаны во чисто поле;
Во чистомъ полѣ курева стоитъ.
Ѣдутъ ко царству Задонскому,
Къ тому королю ко Задонскому,
Заѣзжаютъ въ королевство Задонское,
Въѣзжаютъ къ королю на широкій дворъ.
Они мечутъ коней на широкомъ дворѣ,
Непривязанныхъ мечутъ, неприказанныхъ,
Не разнузданныхъ, не разсѣдланныхъ.
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:

„Ужъ ты брателко, Олешенька Поповичъ,
Останься-ко, Олешенька, на широкомъ дворѣ,
Сѣки-ко ты татаръ стараго и малаго,
Не покидай ни единаго на сѣмена".
Пошли со Добрыней со Никитичемъ,
Пошли на новы сѣни.
Оставляетъ Добрынюшку Никитича,
Самъ говоритъ таковы рѣчи,
Съ боку на бокъ палата сколебается:
„Сѣки-тко стараго и малаго,
Не оставляй ни единаго на сѣмена".
Пошелъ-то Дунаюшко Ивановичъ,
Зашелъ въ палату королевскую,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Онъ крестъ-отъ кладетъ по писанному,
Поклонъ-отъ ведетъ по ученому,
Челомъ бьетъ королю Задонскому:
„Здравствуй, король земли Задонскія"!
— Здравствуй, Дунаюшко Ивановичъ!
Ты зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ,
Жить-служить по старому?—
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Я пріѣхалъ жить къ тебѣ не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататься,
Что на той Опраксеѣ королевишнѣ,
Да на той же на Настасьѣ Королевишнѣ".
Говоритъ-то король земли Задонскія:
„Кабы была Настасья Королевишна,
На долонь бы посадила, другой сжала,
Межъ долонями мокро стало".
Липё тутъ-то Дунаю за бѣду пало,
Горячà кровь раскипѣлася,
Лѣпота въ лицѣ пермѣнилася.
Хватилъ татарина онъ за ноги,
Сталъ татариномъ помахивать;
Прибилъ всѣхъ пановей улановей,
Всѣхъ поганыхъ татаровей.
Вышелъ Дунай на новы сѣни,
На новыхъ сѣняхъ всѣ мертвы лежатъ.
Пошелъ-то Дунай во высокъ теремъ,
Свернулъ Дунай двѣнадцать замочиковъ висячіихъ,
Онъ прибилъ тутъ всѣхъ крѣпкихъ сторожевъ.
Зашелъ-то въ горницу высокую

Ко той Опраксеѣ Королевишнѣ.
Сидитъ Опраксея Королезишна,
Вышиваетъ ширинку красна золота.
Встала Опраксея на рѣзвы ноги,
Беретъ-то Дунай за праву руку
Опраксею Королевишну;
Повелъ-то Дунаюшка Ивановичъ.
Идетъ-то Опраксея Королевишна,
Идетъ по новымъ сѣнямъ.
Тутъ Опраксея прирасплакалась:
„Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить вскормить,
Не умѣлъ меня, батюшко, замужъ отдать.
Отдаешь ты меня не съ чести, не съ радости,—
Не съ чести, не съ радости,—съ кровопролитьица“.
Выходитъ король земли Задонскія,
Зоветъ онъ Дунаюшка Иванова:
„Добро жаловать, Дунаюшко Ивановичъ,
Хлѣба соли ѣсть, вина съ медомъ пить“.
Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
„На прiѣздѣ гостя не учествовалъ,
На отъѣздѣ гостя не употчивать“.
Подходитъ Дунай ко добрымъ конямъ,
Садился Дунай на добра коня,
Опраксеюшку садилъ позади себя.
Поѣхали Дунаюшка Ивановичъ,
Поѣхали вонъ изъ города.
Ѣдутъ Дунай по чисту полю,
Наѣхали Дунай ископыть глубокую.
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Ты братецъ, Добрынюшка Никитичъ,
Бери-тко Опраксею Королевишну,
Бери-ткось на добра коня;
Я поѣду по ископыти глубокія“.
Отдаватъ Добрынюшкѣ Никитичу,
Говоритъ: „поѣзжай-ко, Добрынюшка Никитичъ,
Поѣзжай во красѐнъ Кiевъ градъ
Со той со Опраксеей Королевишной.
Я поѣду по ископыти глубокія“.
Еще тутъ братаны разъѣхались.
Наѣхалъ Дунаюшко паляницу преудалую;
Разъѣхались съ паляницей преудалою.
Какъ ударилъ копьемъ бусорменскiимъ,
Вышибъ паляницу преудалую,
Пала паляница на сыру землю;

Приступилъ-то копытомъ его добрый конь,
Беретъ паляницу за бѣлы руки,
Садитъ паляницу на добра коня.
Поѣхалъ Дунаюшко Ивановичъ,
Наѣхалъ Добрынюшку Никитича.
Ѣдутъ ко городу ко Кіеву,
Заѣзжаютъ въ Кіевъ скорошенько.
Встрѣчаютъ ихъ во Кіевѣ,
Встрѣчаютъ со чести, со радости;
Встрѣчаетъ Владимиръ стольно-кіевскій.
Повелось пированьице-почестенъ пиръ.
Пировали,-столовали по первой день,
И законъ Божій приняли.
Тутъ Дунаюшко обручился
Съ той Настасьей Королевишной.

Записана священникомъ Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Арханг. губ., собран. П. С. Ефименкомъ“, ч. 2-я, стр. 11—14.

* 33. Дунай Ивановичъ.

Какъ во стольнеёмъ во городи во Кіеви,
Да й у ласкового князя у Владимера,
Заводился поцестенъ пиръ да столованьицё.
Тутъ вси да на пиру напивалиси,
Още вси да на пиру наѣдалиси,
Вси-то на пиру да пьяны, ве́селы,
Още вси-то на пиру поросхвастались:
Йнной-тотъ видь хвастатъ крестьянамы,
Още и́нной-тотъ хвастатъ видь боярамы,
Ай Добрынюшка Микитиць-тотъ добры́мъ конемъ,
Ай Олешенька Поповиць—своей смѣлосью,
Ай Дунаюшко Иваныць да своёй силой богатырскою.
Ай зъ за̀ того стола, да зъ за окольного,
Още зъ за́ того стола, да зъ за мѣ́ста зъ за бо́льшого
Ай выходитъ-то Владимеръ князь да стольнёкіевской:
„Ай же вы вси кня́зи, да вси бо́яра,
Вси руськіи могуціи бога́тыри,
Вси вы у меня были поже́нены,
Да повыбраны кнегини супротивныи;
Вы не знаете-ли мнѣ кнегини супротивъ меня?
Супроти́въ меня кнегини супротивницы“?
Зъ за того́-то стола зъ за̀ стола дубового,
Още зъ за́ того стола, зъ за бо́льшого
Повы́скоцилъ Дунай сударь Ивановиць:

„Ай же ты Владимеръ князь да стольнёкіевской,
Благослови-тко мнѣ словецюшко повымолвить;
Я теби вѣдаю кнегиню супротивную:
Какъ во той-то во земли да во татарськоей,
У того-то королевського велицесьтва
Есь видь большая Настасья королевицьна,
Още меньшая Опракса королевицьна:
Станикомъ она да есь ровнешенька,
Още ростомъ есь она высокошенька,
Тѣломъ-то она да снѣгу бѣлого,
Оци-ты у ёй да ясна сокола,
Брови-ты у ёй да церна соболя".
Тутъ Владимеръ князь да стольнёкіевской:
„Ай же ты, Дунаюшко Ивановиць,
Ты бери-тко съ меня силы хоть и нѣсколько,
Поѣзжай-то ты во землю во татарськую,
Ко тому-ли королевскому Велицесьтву,
Ты поствата́йсе добромъ, да онъ добромъ не дастъ,
Ай добромъ не дастъ, да ты силой возьми".
— Мнѣ не надо съ теби силы хоть и нѣсколько,
Только дай мнѣ-ка Олешеньку Поповиця,
Да проси-тко у Добрынюшки добра коня.—
Ужь онъ далъ ему Олешеньку Поповиця,
Оны взяли у Добрынюшки добра коня.
Още видли добрыхъ молодцевъ тутъ сядуцись,
А не видли добрыхъ молодцевъ поѣдуцись;
Да й поѣхали оны да изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да къ королю въ Литву,
А во тую-ту во землю во татарськую,
Ко тому ли королевському Велицесьтву.
А пріѣхали оны на его бѣлой дворъ,
Становилиси оны да на бѣломъ двори:
„Ай же ты, Олешенька Поповиць, другъ,
Становись-ко на двори да у добрыхъ коней,
Я пойду-то во полаты королевськіи".
Онъ зашелъ-то во полаты королевськіи,
А и крестъ-отъ онъ кладетъ по писаному,
А поклонъ-то онъ ведетъ да по уценому,
На двѣ, на три, на цетыре на сторонушки,
Королевському Велицесьтву въ особину.
„Ай же ты, Дунай сударь Ивановиць,
Ты цего же сюда ѣдешь, зацимъ путь держишь?"
— Още ѣду я сюда, да сюды путь держу,
Ай за добрымъ за дѣломъ тымъ за сватовсьтвомъ

На твое́й ли на Опраксы королевицьной.—
Тутъ спрогово́рилъ король да таково́ слово́:
„На моёй ли на Опраксы королевицьной?
Още ме́ньшую ты доцерь нонце сватаешь,
А большу̂ю мою доцерь за́садилъ.
На моёй ли на Опраксы королевицьной
Ай было́-то видь на ней да тридцать сва́туховъ;
Ужь я всимъ-то видь я сватамъ голову̂ срубилъ;
Ай теби́-то видь, Дунай, да живу не́ бывать“!
Тутъ выходитъ-то король да на круто́ крыльцё,
Още крыкнулъ-то король да громкимъ го́лосомъ,
Още крыкнулъ онъ да по звѣри́ному,
Още свиснулъ-то видь онъ да по змѣйному:
„Ай же вы ноньце тутъ слуги королевськіи,
Ай же вы тутъ палаци да немило́сливы“!
Ай нахлынуло татаровей да по́лонъ дворъ.
Тутъ-то видь Дунаюшко Ивановицъ,
Разгорѣлось е́го серце богатырское;
Пошелъ онъ изъ полатъ изъ бѣлокаменныхъ,
Подыну̂лъ онъ свою руку выше го́ловы,
Опустилъ онъ свою руку о дубовой столъ.
Его новыя полаты пороскрятались,
Его старыя полаты порозсыпались;
Ай бѣжитъ-то видь Дунай да на широкой дворъ:
„Ай же ты, Олешенька Поповицъ, другъ,
Пособи-тко мни, Олешенька, поправитьсе“!
У Олешеньки видь тростоцька въ рукахъ да сорока́ пудовъ;
Още сталъ онъ по́ двору похаживать,
А молодыхъ коней пова́живать,
Ужь онъ сталъ-то эвтой тростоцькой пома́хивать:
Куды́ махнетъ, тутъ падё улицей,
Перема́хнетъ, тутъ падё видь переулоцькомъ.
Ай у Дунаюшка въ рукахъ-то ницего не пригодилосе;
Ай хватилъ-то онъ татарина видь за́ ноги,
Сталъ-то онъ видь по́ двору похаживать,
Сталъ татариномъ видь онъ помахивать:
Куды́ махнё, падё видь улицей.
Още видитъ тутъ король да таков̂у бѣду,
Таковую-то бѣду, да неминуцюю.
„Ай же ты, Дунаюшко Ивановицъ,
Укроти-тко свое серцё богатырськое,
Ты оставь-ко хоть татаръ мнѣ-ка на сѣмена;
Ты бери мою Опраксу королевицьну;
Поѣзжай ко стольнёму ко городу ко Кіеву,

Ко ласковому князю ко Владимеру“!
Тутъ брали все Опраксу королевицьну,
Сади́лисе оны видь на добры́хъ коней,
Да поѣхали ко стольнёму ко городу ко Кіеву,
Ко славному ко князю ко Владимеру;
Выѣзжали-то оны да во цисто́ поле,
Раздёрнули оны да то́нкой бѣлъ шатеръ.
Ту́тъ-то все Дунаюшко Ивановиць
Онъ и спи́тъ, да й пробуждаетсе,
Ай выходитъ-то Дунай на улоцьку на ши́року,
А и ви́дѣлъ-то татарина въ цистомъ поли проѣ́дуцись:
За́ пять по́прищевъ даваетъ-то онъ по́скаки,
Да по пу́дику онъ ка́менье съ земли выве́ртыватъ.
Ай тутъ-то все Дунаюшко Ивановиць
Ай пришелъ же онъ во бѣлъ шатеръ:
„Ай же ты, Олешенька Поповиць, другъ,
Ты ставай-ко нунь, Олешенька, ранёшенько,
Умывайсе-тко, Олешенька, бѣлёшенько,
Ты бери-тко нунь Опраксу королевицьну,
Поѣзжайте нунь ко городу ко Кіеву;
Я поѣду за татариномъ въ цисто́ поле“.
Какъ ставалъ-то тутъ Олешенька ранёшенько,
Онъ и бралъ-то тутъ Опраксу королевицьну,
Да й поѣхали ко стольнёму ко Кіеву,
Да ко ласковому князю ко Владимеру.
Поѣхалъ тутъ Дунаюшко Ивановиць,
Ай поѣхалъ-то пода́леце въ цисто́ поле,
Онъ догналъ-то тутъ татарина въ цисто́мъ поли;
Да й разъѣхались оны да во цисто́мъ поли,
Ай ударились тутъ па́лицьмы военныма,
Ай татаринъ-отъ упалъ да тутъ видь по́дъисподъ,
Ай Дунаюшка Ивановиць тутъ на́ верёхъ;
Онъ тутъ сталъ видь у татарина выспрашивать:
„Ты цьёго́ же, скажи, роду, цьёго племени,
Ты цьёго, скажи, отця, да цьёй же матери?
А по пе́лькамъ тебя вижу, што ты женщина“!
Ай спро́говоритъ татаринъ таково́ слово́:
—Кабы бы́ла-то видь я да на твоихъ грудяхъ,
Я не спрашивала-то́-бы роду племени,
Не спросила бы отця твоего, матери,
Я рубила бы твою да буйну голову,
Я пластала бы твои да груди бѣлыя!—
Да й спрого́воритъ Дунаюшко Ивановиць:
„Ты скажись мни, цьёго роду, цьёго племени,

Ты цьёго́, скажи, отця, да цьёй же матери?“
А й спрого́воритъ татаринъ тако́во́ слово́:
Кабы была-то видь я да на твоихъ грудяхъ,
Я не спрашивала-то́-бы роду племени,
Не спросила бы отця́ твоего, матери,
Я рубила бы твою да буйну голову,
Я пластала бы твои да груди бѣлыя!—
Да й спрого́воритъ Дунаюшко Ивановицъ:
„Ты скажись мни, цьёго роду, цьёго племени?
Ты цьёго, скажи, отця, цьёй же матери“?
— Ай же ты, Дунаюшко Ивановицъ,
Годъ-то ты видь жилъ у насъ во конюхахъ,
А другой-то ты видь жилъ у насъ во стольникахъ,
А третьёй-то жилъ у насъ во ключьникахъ,
А нунь, Дунай, да ме́ня не́ узналъ!—
Ужь онъ взялъ-то тутъ Настасью королевицьну,
А за тѣ-то видь за руценьки за бѣлыя,
А за тѣ-то видь за персни за злацёные,
Цѣловалъ ю во уста да во саха́рныи;
А й садилиси оны да на добры́хъ коней,
А й поѣхали оны ко стольнёму ко Кіеву,
Да й ко ласковому князю ко Владимеру.
Още пріѣзжали-то ко стольнёму ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владимеру.
Още й ме́ньшая сестра да отъ вѣнця иде́тъ,
Още бо́льшая сестра да ко вѣнцю пошла.
Нацинали оны пиръ да столованьицё;
Вси-то на пиру да наѣдалиси,
Вси-то на пиру да напивалиси,
А вси-то на пиру да пьяны, веселы,
Оны вси-то навесе́ли поросхвастались.
Поросхвасталась Настасья королевицьна:
„Я повыѣду теперь да во цисто́ поле,
Я видь стрѣлю-то видь стрѣлоцьку каленую
За пять поприщевъ, да въ золоцёнъ персте́нь,
Въ золоцёнъ персте́нь, да во булатный ножъ“!
Тутъ-то все Дунаюшко Ивановицъ,
Разгорѣлось ёго серцё богатырськое;
Выѣзжали съ ей оны да во цисто́ поле,
Оны стрѣлили тутъ стрѣлоцьку каленую
За пять поприщевъ да въ золоцёнъ персте́нь,
Въ золоцёнъ перстень, да во булатный ножъ.
Ай Дунаюшко Ивановицъ
Въ пе́рьвой разъ-то онъ видь стрѣлилъ да не до́стрѣлилъ,

Въ другой разъ-то онъ видь стрѣлилъ да перéстрѣлилъ,
Ужь онъ третій разъ намѣтилъ-то Настасьи во бѣлы́ груди.
Тутъ взмолиласе Настасья королевицьна:
„Ужь ты ай же все, Дунай, сударь, Ивановиць,
Ужь ты дай же строцьно времяцько повы́ходить,
Во цéреви младеньцика повыносить:
Какъ во цéреви у Настеньки младеньцикъ есь:
По колѣнкамъ ёго нóженьки во зóлоти,
По локóтки ёго руценьки во сéребри,
Вь темéни у ёго да видь свѣтёлъ мѣсéцъ,
По косицькамъ у ёго да цясты звѣздоцьки“.
Ницего-то тутъ Дунаюшко Ивановиць;
Разгорѣлось ёго серцё богатырськое,
Ни на што-то онъ видь тутъ да ни позарилси;
Стрѣлилъ онъ Настасьи въ бѣлы́ груди,
Распласталъ-то онъ у ей да груди бѣлыя.
Да й во цéреви у Настеньки младеньцикъ есь:
По колѣнкамъ его ноженьки во зóлоти,
По локóтки его руценьки во сéребри,
Во темéни у его́ да цесты звѣздоцьки.
Още тутъ-то видь Дунаюшко Ивановиць,
Още взялъ-то онъ да видь булатный ножь,
Тупымъ концёмъ поставилъ во сыру́ землю́,
А востры́мъ концёмъ поставилъ во бѣлу́ю грудь.
Тутъ видь óны оба переставились.
Отъ Настасьи протекла да тутъ Настасья рѣка
Да й въ тую-ту во землю во татарськую;
А отъ Дуная протекла да тутъ Дунай рѣка
Ко стольнему ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владимеру.

Записана въ 1886 году Θ. М. Истоминымъ отъ крестьянки Параскевы Гавриловой Юховой, въ деревнѣ Оятевшиной, Петрозаводскаго у., Олонецкой губ.

34. То-же.

(Начало).

Какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У славнаго у князя у Владимира,
У солнушки у краснаго, сына Всеславича,
Собирался пиръ-бесѣдушка
Честнохвальная да почетная.
Ужь какъ пьютъ они да гуляютъ,
Князья-бояре прохлаждаются,
Межъ собою они похваляются:
Сильный хвалится своей силою,

Богатый хвалится богачествомъ,
А убогій хвалится Божьей милостью.
Лишь Владимиръ князь одинъ не хвалится
И какъ солнышко князь улыбается;
Держитъ рѣчь онъ свою ко бесѣдушкѣ:
„Всѣ друзья мои братья поженилися,
Вся голыдьба моя пересватана,
Одинъ я, добрый молодецъ, холостой хожу,
Холостой хожу—не засватанный....

Напечатана къ книгѣ *И. Попко*—Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Вып. I. Гребенское войско. Спб. 1880. Приложеніе VIII, стр. 500. Записана со словъ станичныхъ пѣвцовъ; но сильно подправлена.

* 35. То-же.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
Было пированьице сопочестенъ пиръ
На всѣхъ князей на всѣхъ бояровъ,
На всѣхъ могучіихъ богатырей.
И всѣ на пиру порасхвасталися,
Умный-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
А разумный-то хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный-то похваляется молодой женой да неудачливой.
Спроговоритъ Владимиръ князь таково слово:
„Вси вы, князи и бояры,
Вси вы пьяны и веселы,
И вси на пиру были поженены;
Одинъ я князь да неженатый есть.
Знаете-ли вы, вѣдаете-ли
Про мою княгиню сопротивную?
Ростомъ великую, станомъ становитую,
Походочку часту да у ней рѣчь баску,
Было бы князю съ кѣмъ жить да быть,
Да съ кѣмъ думу думати,
Долгіе вѣки коротати,
И всему бы городу Кіеву
Было бы кому поклонятися?
Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичъ!
Бери-ко-сь ты казны да сорокъ тысячей
И силы десять тысячей,
Поѣзжай-ка ты во хоробру Литву
Къ этому ко князю ко Литовскому,
Бери-тко-сь ты Настасью дочь Микуличну
И добрымъ словомъ посватайся.

А буде такъ не даютъ, ты силой возьми“.
Какъ спроговоритъ Дунай, сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты, Солнышко Владимиръ князь,
Позволь-ка мнѣ словечко повымолвити:
Не надо мнѣ казны да сорокъ тысячей,
Не надо мнѣ силы да десять тысячей,
Пожалуй-ка мнѣ добраго товарища Добрыню Никитича.“.
Спроговоритъ Солнышко Владимиръ князь:
„Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичъ,
Беритко-сь ты добраго товарища
Того-ли Добрынюшку Никитича“.
Какъ видѣли добрыхъ молодцевъ сядучись,
А не видѣли поѣдучись.
И желтые песочки вслѣдъ покурились,
Лошадочки до щетки въ землю угрязывали,
И за три стрѣлища камешки выметывали.
Хоть скоро скажется да тихо дѣется,
Только будутъ они въ матушкѣ хороброй Литвѣ.
Въ этой пути да въ дороженькѣ
Приходитъ палата бѣлокаменная.
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ,
Ты у коней стой, да коней паси,
Въ каково бы намъ время пріуѣхати“.
Какъ приходитъ Дунай во палаты бѣлокаменныя,
А знаетъ онъ да порядки татарскіе:
Не надо ни креститися, ни молитися.
И бьетъ челомъ, поклоняется
На двѣ, на три, на четыре сторонушки:
„Здраствуй-ко, батюшка, король хороброй Литвы!“
Какъ спроговоритъ король хороброй Литвы:
„За твои услуги молодецкія
Посажу-ка тебя, Дунаюшко,
За большой столъ и во большо мѣсто,
И то у тебя у молодца повыспрошу:
Куда же ты, Дунаюшко, поѣхалъ?
Куда ты, Дунаюшко, путь держишь?“
А спроговоритъ Дунай таково слово:
„Ай же ты, батюшка, король хороброй Литвы!
Позволь-ко мнѣ словечко повымолвить:
Я пріѣхалъ-то посвататься
На твоей Настасьѣ, дочь Микуличнѣ,
За этого князя за Владимира“-
И эти рѣчи королю не слюбилися,
Какъ спроговоритъ король таково слово:

„Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичъ,
Что же ты меньшую дочь посватываешь,
А большую чѣмъ засадилъ?
Ай же вы, слуги королевскіе,
Палачи вы немилосливы,
Возьмите Дуная на свои руки,
Ведите Дуная во чисто поле,
Засовте заложками желѣзными.
Пусть-ка Дунай во Литвѣ поживетъ
Да въ погребу посидитъ“.
Тутъ-то Дунай сдогадается,
Въ Дунаѣ сердце разгорѣлося,
И взымалъ онъ ручки бѣлыя
Выше буйныя головушки
И спускалъ ихъ о дубовой столъ.
Всѣ столы пораскряталися,
На нихъ питья проливалися,
Всѣ татаровья поганые
По покоямъ разбѣжалися.
Приходятъ со двора да королевскаго
Вѣдома да нехорошія:
„Ай же, батюшка, король хороброй Литвы!
Ѣшь ты, пьешь да утѣшаешься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
На дворѣ стоитъ дѣтинушка незнай собой,
Во лѣвой рукѣ держитъ два повода,
Два повода добрыхъ коней,
А во правой рукѣ дубину сорочинскую;
Какъ ясный соколъ попурхиваетъ,
Такъ этотъ дѣтинушка поскакиваетъ,
Убилъ татаръ и бояръ до единаго,
Не оставилъ ихъ и на сѣмена“.
Какъ спроговоритъ король хороброй Литвы:
„Ай же ты, Дунай, да свѣтъ Ивановичъ,
Бериткось ты Настасью дочь Микуличну“.
Видли добрыхъ молодцевъ да сядучись,
А не видѣли поѣдучи.
Хоть скоро скажется, да тихо дѣется.
Какъ проѣхали до вечера во чистомъ полѣ,
На ночь шатры пораздернули,
Конюшекъ клали во ноженьки,
Сабли выше буйныхъ головушекъ,
Сами молодцы спать легли.
Ѣхалъ татаринъ погонею вслѣдъ,

Лошадка по щетку въ землю угрязывала,
За три стрѣлища камешки выметывала.
Какъ спроговоритъ Дунай да свѣтъ Ивановичъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ!
Бериткось ты Настасью дочь Микуличну,
Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву,
Принимайкось ты чудны вѣнцы, златы кресты
Отъ этого князя Владимира.
А я за этимъ татариномъ погоню въ слѣдъ,
Гдѣ бы татарина конемъ доѣзжать,
Гдѣ вы татарина мечемъ убивать“.
Сшибъ-то онъ татарина съ добра коня,
Видитъ онъ татарина женской полъ:
„Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
Чьего ты, татаринъ, роду племени?
Чьего ты, татаринъ, отца матери?“.
Какъ спроговоритъ татаринъ таково слово:
„Ай же ты, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Была бы я на твоей груди,
Не спрошала бы ни родины, ни дядины,
Пластала бы у тѣ бѣлы груди,
Вынимала бы сердце ретивое“.
Какъ спроговоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Не будемъ мы ни биться, ни кровавиться,
Поѣдемъ ко городу ко Кіеву,
Примемъ чудны вѣнцы, золоты кресты“.
Меньшая дочь отъ вѣнца пошла,
А большая ко вѣнцу пришла.
И тутъ Дунаюшка расхвастался:
„Самъ себя женилъ да дружка подарилъ!“
Какъ спроговоритъ Апракса дочь Микулична:
„Не много я во Кіевѣ пожила, много признала:
На силу нѣту старого казака Ильи Муромца,
А на смѣлость нѣтъ Алешеньки Поповича,
На щапленьице нѣтъ Добрыни Никитича,
А на выстрѣлъ нѣтъ Апраксы дочь Микуличной“.
Разгорѣлось у Дуная ретиво сердце,
Наставлялъ онъ стрѣлочку каленую
На Апраксины бѣлы груди.
Тутъ она ему взмолилася:
„Ай же ты, Дунай свѣтъ Ивановичъ!
У меня во чревѣ младенецъ есть:
По локоточки ручки въ золотѣ,
А по колѣнца ножки въ серебрѣ,

Въ теми свѣтелъ мѣсяцъ, во лбу красно солнышко,
По косицамъ частыя звѣздочки“....

Эта сильно скомканная былина была записана лѣтомъ 1892 года воспитанниками И. Александровскаго Лицея, Михаиломъ Веселкинымъ и Сергѣемъ Новиковымъ, со словъ крестьянина Олонецкой губ., Петрозаводскаго уѣзда, Великогубской волости, Сѣнногубскаго общества, деревни Лонгасы, Петра Сѣверикова. Окончанiе разсказчикъ передалъ въ короткихъ словахъ.

36 то-же.

Во стольномъ во городѣ во Кiевѣ,
У ласкова князя у Владимира
Заводился пированьице—почестенъ пиръ
На многихъ на кня̀зей, на бо̀яръ,
На русскихъ могучихъ бога̀тырей.
Прого̀воритъ Солнышко Владимиръ князь стольно-Кiевской:
„Знаете-ли, русскiи могучiи богатыри,
Княжну̀ во супру̀жество взять,
Было бы съ кимъ вѣкъ коротать
И съ кимъ княжество держать“?
И проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ты Солнышко Владимиръ князь!
Есть у короля храбра̀ три дочери:
Первая дочь Опракса королевична,
Вто̀рая дочь—Настастья королевична,
Третья дочь—нѐвдорость“.
Скажетъ князь Владимиръ стольно-Кiевскiй:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
Посватай-ко Опраксу королевичну
За Солнышка князя за Владимира.
Испрого̀ворилъ Добрыня таково̀ слово:
„Не честь молодцу ѣхать ру̀сскому бога̀тырю едѝному,
Друга̀го надо русскаго змогучаго богатыря!“
—Выбирай себѣ, Добрынюшко, по разуму.—
„Поѣдемъ-ко, Дунай, сынъ Ивановичь“!
И сѣли на конѐй да богатырскiихъ;
Куды ископыть летитъ,
Туды дымъ столбомъ стаетъ.
Видѣли богатыревъ посядучись.
И скакали кони съ горы на̀ гору,
Перемахивали съ холмы̀ на̀ холмы,
И ѣхали оны изъ землѝ въ землю̀,
Изъ орды въ орду̀.
И прiѣхали оны къ королю въ Литву,
Прiѣхали оны на королевскiй дворъ;

Проговорилъ Добрыня таково̀ слово:
„Каравулько ты, Дунай сынъ Ивановичь,
Лошадей да богатырскiихъ
Отъ этыихъ татаръ да отъ поганыихъ“.
Зашелъ Добрыня въ покои королевскiи
И дѣлалъ поклоны королю въ особину,
И утупилъ-то очи ясны во калиновъ мостъ.
И прого̀воритъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрынюшка, не по старому ль, не по прежнему,
Прiѣхалъ къ королю въ Литву во служенiе?“
Прого̀ворилъ Добрыня таково̀ слово:
„Прiѣхалъ я, король земли Литовской,
Посватать у тебя Опраксы королевичны,
За Солнышка князя за Владимира“.
Проговоритъ король земли Литовской:
„Садись-ко ты, Добрынюшко,
Съ дороженьки на широкъ стулъ и по̀отдохни“.
Прого̀ворилъ Добрыня таково̀ слово:
„Ай же ты, король земли Литовской!
Недосугъ послу сидѣть да разсиживать;
За то посла скоро жалуютъ!“
Приходитъ татаринъ въ покои королевскiи
И прого̀воритъ королю да таково слово:
„У тебя на дворѝ татаръ да мало ставится, проѣдается“.
И проговорилъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрыня Никитичь!
Не одинъ же ты прiѣхалъ къ королю храбру̀ Литовскому!
Уйми-тко ты русскаго могучаго бога̀тыря,
Чтобы нѐ рубилъ моихъ татаръ поганыихъ“.
Проговоритъ король земли Литовской таково слово:
„Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кiеву, Добрынюшко!
Отдамъ я Опраксу королевичну
За Солнышка князя за Владимира“.
Прощались русскiи могучiи бога̀тыри—
Добрынюшка Никитичь и Дунай сынъ Ивановичь,
И на этоемъ дворѣ да королевскомъ.
Поѣхалъ Добрынюшка ко городу ко Кiеву
И къ тому князю ко Владимиру.
Остался Дунай, сынъ Ивановичь,
У короля храбра̀ у Литовскаго.
Были оны во почестномъ во го̀стебищѣ
У Настасьи королевичны.
Прого̀воритъ Дунай, сынъ Ивановичь, таково слово:
„Идешь ли ты за Дуная Ивановича въ супружество?

Говорила Настасья королевична:
„Иду да во супружество.
Выдемъ-ко, Дунай, сынъ Ивановичь,
На это ли поле, да на шѝроко;
Стрѣляй стрѣлочекъ да каленыихъ,
Изъ этого изъ луку да изъ тугаго“.
Наладили размѣръ да на сто̀ сажень,
Поставили кольцо да серебряно,
И во этомъ во полѣ широ̀коемъ;
Поставили ножичекъ булатный
Противо кольца да серебряна,
И стрѣляли эту стрѣлочку
Во это кольцо да серебряно
И во этотъ во ножичекъ булатный,
И разрубляли эту стрѣлочку каленую:
Одна половина—дру̀гой не больше
И вѣсомъ не тяжѐльче.
И стрѣлила Настасья королевична
Изъ этого изъ лука да изъ ту̀гаго,
И попала во кольце да во серебряное,
И попала въ этотъ ножичекъ булатный,
И разрубила эту стрѣлочку калёную;
Одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она не тяжельче.
И прого̀воритъ Настасья королевична:
„И не стрѣляй-ко ты, Дунай, сынъ Ивановичь,
И стрѣлочки да каленоей
Изъ этого изъ луку да изъ ту̀гаго;
И не попасть тебѣ въ кольце да во серебряно,
И не попасть тебѣ во ножичекъ булатней,
И не разрубить тебѣ стрѣлочки калёной“.
И наладился Дунай, сынъ Ивановичь,
И стрѣлять-то стрѣлочкой каленою
Изъ этого изъ луку да изъ ту̀гаго,
Онъ первый разъ стрѣлилъ, да не до̀стрѣлилъ;
Онъ во вто̀рой разъ стрѣлилъ, да перѐстрѣлилъ.
И прого̀воритъ Настасья королевна:
„Не стрѣляй-ко ты, Дунай, сынъ Ивановичь,
Попадешь-де ты въ мои да во бѣлы груди.
И я тебѣ спорожу сына единаго,
И по колѣна-то ножки въ сѐребрѣ,
И по локо̀точки да ручки въ золотѣ;
Брови спорожу—ясна сокола
И очи спорожу—краснымъ солнышкомъ,

И на го̀ловы да мѣсяцъ свѣтлый".
Онъ стрѣлилъ да Дунай, сынъ Ивановичь,
Стрѣлочку да каленую;
Попала та Настасьѣ королевичнѣ
И во этыи да во бѣлы груди;
И пала Настасья королевична о сыру землю.
И прослезился Дунай сынъ Ивановичь.
Распотро̀шилъ онъ чрево дѣвичье,
И засѣянъ младенецъ, какъ выговаривала.
И прого̀ворилъ Дунай да сынъ Ивановичь:
„И куды легла Настасья королевична,
И тутъ лягу, Дунай сынъ Ивановичь".
И отъ Настасьи королевичной
И отъ Дуная сына Ивановича
И прошла тутъ Дунай рѣка.

Запис. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Василія Щеголенкова. Напечатана Е. В. Барсовымъ въ „Памятникахъ народнаго творчества Олонецкой губерніи" стр. 57—60. Срав. туже былину въ записи Гильфердинга (№ 125).

*37. Василій Казимерской.

У ласкова князя Владимира
У Солнышка у Сеславьича
Было столованье почетный пиръ,
На многихъ князей, бояровъ
И на всю поленицу на удалую,
И на всю дружину на храбрую.
Онъ всѣхъ поитъ и всѣхъ чествуетъ,
Онъ всѣмъ князь поклоняется.
И въ полупиру бояре напивалися,
И въ полукушаньяхъ наѣдалися.
Князь по гридницѣ похаживáтъ,
Бѣлыми руками помахивáтъ,
И могучими плечами поворачивáтъ,
И самъ говоритъ таковы слова:
„Ой вы гой еси, мои князья и бояры,
Ой ты вся поленица удалая
И вся моя дружина храбрая!
Кто бы послужилъ мнѣ князю вѣрой, правдою,
Вѣрой, правдою неизмѣнною?
Кто бы съѣздилъ въ землю дальную,
Въ землю дальную Поленецкую,
Къ царю Батуру ко Батвѣсову?
Кто бы свезъ ему дани пошлины,

За тѣ за годы за прошлые,
И за тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ?
Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ чиста серебра?
Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ скатна жемчуга?
Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ красна золота?
Кто бы свезъ сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ?
Кто бы свезъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей?
Кто бы свезъ сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ?
Кто бы свелъ сорокъ сивыхъ жеребцовъ?"
Тутъ большой за меньшаго хоронится,
Ни отъ большаго, ни отъ меньшаго отвѣта нѣтъ;
Изъ того только изъ мѣста изъ средняго
И со той скамеечки бѣлодубовой
Выступалъ удалой добрый молодецъ
На свои на ноженьки на рѣзвыя,
На тѣ-ли на сапожки зеленъ сафьянъ,
На тѣ-ли каблучки на серебряны,
На тѣ-ли гвоздички золочены,
По имени Василій сынъ Казимерской.
Отошедши Василій поклоняется,
Говоритъ онъ таковы слова:
„Ой ты гой еси, нашъ батюшко Владиміръ князь!
Послужу я тебѣ вѣрой, правдою,
Позаочи—въ очи не измѣною;
Я де съѣзжу въ землю дальную,
Въ дальную землю Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвѣсову;
Я свезу твои дани пошлины
За тѣ за годы, годы прошлые,
За тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ.
Я свезу твое золото и сéребро,
Я свезу твой скатный жемчугъ,
Свезу сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
Свезу сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Свезу сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
Я сведу сорокъ сивыхъ жеребцовъ".
Тутъ Василій закручинился,
И повѣсилъ свою буйну голову,
И потупилъ Висилій очи ясныя,
Во батюшко во кирпищатъ полъ.
Надѣвалъ онъ черну шляпу, вонъ пошолъ
Изъ того изъ терема высокаго.
Выходитъ онъ на улицу на широку,
Идетъ по улицѣ по широкой;

Навстрѣчу ему удалой добрый молодецъ,
По имени Добрыня Никитичъ младъ.
Пухову шляпу снималъ, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый молодецъ,
По имени Василій, сынъ Казимерской!
Что идешь ты съ пиру невеселый?
Не дошло тебѣ отъ князя мѣсто доброе?
Не дошла-ли тебѣ чара зелена вина?
Или кто тебя, Василій, избезчествовалъ?
Или ты захвастался куда ѣхати?“
И тутъ Василій ровно быкъ прошолъ.
Забѣгатъ Добрынюшка во второй разъ,
Пухову шляпу снималъ, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый молодецъ,
Ты по имени Василій, сынъ Казимерской!
Что идешь ты съ пиру невеселой?
И не веселъ идешь ты, не радошенъ.
Не дошло-ль тѣ, Василій, мѣсто доброе?
Не дошла-ль отъ князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василій, куда ѣхати?“
И тутъ Василій ровно быкъ прошолъ.
Забѣгатъ Добрынюшка въ третій де разъ,
Пухову шляпу сниматъ, низко кланяется:
„Здравствуешь, удалый, добрый молодецъ,
По имени Василій, сынъ Казимерской!
Что ты идешь съ пиру невеселой,
Не веселъ ты идешь съ пиру, не радошенъ?
Не дошло-ль тебѣ, Василій, мѣсто доброе?
Не дошла-ль тебѣ чара зелена вина?
Али кто тебя, Василій, избезчествовалъ?
Али ты захвастался куда ѣхати?
Я не выдамъ тебя у дѣла ратнаго
И у того часу скоро смертнаго!“
И тутъ Василій возрадуется;
Сохваталъ Добрыню онъ въ беремячко,
Прижиматъ Добрынюшку къ сердечушку
И самъ говоритъ таковы слова:
„Гой еси, удалой, добрый молодецъ,
По имени Добрыня Никитичъ младъ!
Ты, Добрыня, будь большой мнѣ братъ,
А я Василій буду мéньшой братъ:
Я у ласкова князя Владимира
На бесѣдѣ на почестныя,
На почестныя, на большомъ пиру,

Я захвастался отъ князя съѣздити
Во ту во землю во дальную,
Ко царю Батуру ко Батвѣсову
Свезти ему дани выходы
За тѣ годы за двѣнадцать лѣтъ:
Свезти туда злато, серебро,
Свезти туда скатный жемчугъ,
Свезти сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
Свезти сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Свезти сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
Свезти сорокъ сивыхъ жеребцовъ“.
И проговоритъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Не возьмемъ везти отъ князя отъ Владимира,
Не возьмемъ отъ него дани пошлины:
Мы попросимъ отъ собаки Батура Батвѣсова,
Мы попросимъ отъ него дани пошлины“.
И тутъ молодцы побратались,
Воротились назадъ ко князю Владимиру.
Идутъ они въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому;
Покланяются на всѣ стороны:
„Здравствуешь, Владимиръ князь,
И со душечкой со княгинею“!
Князьямъ боярамъ на особицу.
И проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василій, сынъ Казимерской,
Со Добрынюшкой со Никитичемъ!
За одинъ бы столъ хлѣбъ-соль кушати“!
Наливаетъ князь чары зелена вина,
Не малы́ чары—въ полтора ведра;
Подаетъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
Принимаютъ молодцы единой рукой,
Выпиваютъ чары единымъ духомъ;
И садятся на скамеечки дубовыя,
Сами говорятъ таковы слова:
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Не желаемъ мы везти отъ тебя дани пошлины;
Мы желаемъ взять отъ Батура отъ Батвѣсова,
Привезти отъ него дани пошлины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимиръ князь,
Садись ты за дубовый столъ,

И пиши ты ярлыки скорописчаты:
Дай ты мнѣ, собака, дани пошлины,
За тѣ за годы за прошлые,
И за тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ,
И дай ты намъ злата серебра,
И дай ты намъ скатна жемчуга,
И дай ты намъ ясныхъ соколовъ,
И дай ты намъ черныхъ соболей,
И дай ты намъ черныхъ выжлыковъ,
И дай ты намъ сивыхъ жеребцовъ“.
Подаетъ ласковый Владимиръ князь
Удалымъ молодцамъ ярлыки скорописчаты,
И беретъ Василій Казимерской
И кладетъ ярлычки во карманчики;
И встаютъ молодцы на рѣзвы ноги,
Сами говорятъ таковы слова:
„Благослови насъ, ласковый Владимиръ князь,
Намъ съѣздить въ землю Поленецкую“.
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистали молодцы по соловьиному,
Заревѣли молодцы по звѣриному.
Какъ изъ далеча, далеча, изъ чиста поля
Два коня бѣгутъ, да два могучіе
Со всею сбруею богатырскою.
Брали молодцы коней за шелковъ повóдъ
И вставали въ стременышки гольяшныя
И садились въ сѣделышки черкасскія.
Только отъ князя и видѣли,
Какъ удалы молодцы садилися,
Не видали куда уѣхали;
Первый скокъ нашли за три версты,
Другой скокъ нашли за двѣнадцать верстъ,
Третій скокъ не могли найти.
Подбѣгаютъ они въ землю дальную,
Въ землю дальную, Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвѣсову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрыхъ коней;
Ни къ чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у воротъ приворотниковъ,
Не спрашивали они у дверей придверниковъ,
Отворяли они двери на пяту,

Заходили въ палату бѣлокаменну.
Богу молодцы не молятся,
Собакѣ Батуру не кланяются,
Сами говорятъ таковы слова:
„Здравствуешь, собака, царь Батуръ!
Привезли мы тебѣ дани пошлины
Отъ ласкова князя Владимира“.
И вынима́тъ Василій Казимерской
Вынима́тъ ярлыки скорописчаты
Изъ того карману шелковаго
И кладетъ на дубовый столъ.
„Получай, собака, дани пошлины,
Отъ ласкова князя Владимира“.
Распечатывалъ собака Батуръ Батвѣсовъ,
Распечатывалъ ярлыки скорописчаты,
А самъ говорилъ таковы слова:
„Гой еси Василій, сынъ Казимерской,
Отсель тебѣ не уѣхати!“
Отвѣчатъ Василій, сынъ Казимерской:
„Я надѣюсь на Мати, Чудную, Пресвятую Богодицу,
Надѣюсь на родимаго на брателка,
На того-ли братца на названаго
На Добрыню-ли на Никитича“.
Говоритъ собака Батуръ таковы слова:
„Поиграемъ-те-ко, добры молодцы, костью, картами!“
Проговоритъ Василій, сынъ Казимерской:
„Таковой игры я у тѣ не зналъ здѣсь,
И таковыхъ людей изъ Кіева не бралъ я“.
И сталъ Батуръ играть костью, картами
Со младымъ Добрынею Никитичемъ.
Первый разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ Добрыня Никитичъ младъ.
И второй разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ его Добрыня Никитичъ младъ.
И въ третій разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ его Добрыня Никитичъ младъ.
Тутъ собакѣ за бѣду стало,
Говоритъ Батуръ собака таковы слова:
„Что отсель тебѣ, Василій, не уѣхати!“
Проговоритъ Василій, сынъ Казимерской:
„Я надѣюся на мати Пресвятую Богородицу,
Да надѣюсь на родимаго на брателка,
На того на братца названаго,
На того Добрыню Никитича!“

Говоритъ собака таковы слова:
„Ой ты гой еси, Василій, сынъ Казимерской,
Станемъ мы стрѣлять за три версты,
За три версты пятисотныя,
Въ тотъ сырой дубъ кряковистый,
Попадать въ колечко золоченое“.
И проговоритъ Василій, сынъ Казимерской:
„Я такой стрѣльбы у тебя не зналъ,
И таковыхъ людей не бралъ изъ Кіева“.
Выходилъ собака на красно крыльцо
Зычалъ, кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, вы, слуги мои вѣрныя!
Несите мнѣ-ка тугой лукъ
И несите калену стрѣлу“.
Его тугой лукъ несутъ девять татариновъ,
Калену стрѣлу несутъ шесть татариновъ.
Беретъ собака свой тугой лукъ,
И беретъ калену стрѣлу;
Натягаетъ собака свой тугой лукъ,
И кладетъ стрѣлу на тетивочку;
И стрѣляетъ онъ за три версты
За три версты пятисотныя.
Первый разъ стрѣлилъ—не дострѣлилъ,
Второй разъ стрѣлилъ—перéстрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—не могъ попасть.
И подаетъ свой тугой лукъ Добрынюшкѣ,
Добрынюшкѣ Никитичу,
И подаетъ калену стрѣлу.
Сталъ натягивать Добрыня тугой лукъ,
И заревѣлъ тугой лукъ, какъ лютые звѣри,
И переламывалъ Добрыня тугой лукъ надвое,
И бросилъ онъ тугой лукъ о сыру землю,
Направлялъ онъ калену стрѣлу впередъ жаломъ,
И бросалъ онъ стрѣлу за три версты,
За три версты пятисотныя,
И попадалъ въ сырой дубъ кряковистый
Въ то колечко золóчено.
Разлетался сырой дубъ на драночки.
И тутъ собакѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Говоритъ собака таковы слова:
„Ой ты гой еси, Василій, сынъ Казимерской,
Что отсель тебѣ не уѣхати!“
Проговоритъ Василій, сынъ Казимерской:

„Я надѣюсь на Пречистую Богородицу,
Да надѣюсь на родимаго на брателка,
Да на того братца названова,
На того Добрыню Никитича!“
Проговоритъ собака царь Батуръ:
„Да нельзя-ли съ вами молодцы побороться?“
Проговоритъ Василій, сынъ Казимерской:
„Я такой борьбы, собака, не знавывалъ,
Таковыхъ людей не бралъ изъ Кіева“.
И тутъ собакѣ за бѣду стало;
Онъ кричалъ, зычалъ, собака, зычнымъ голосомъ,
Набѣжало татаръ и силы смѣтъ нѣтъ.
И выходилъ Добрыня на улицу на широку,
И сталъ онъ по улочкѣ похаживати.
Сохватились за Добрыню три татарина:
Онъ перваго татарина взялъ разорвалъ,
Другого татарина взялъ растопталъ,
А третьяго татарина взялъ за ноги;
Сталъ онъ по силѣ похаживать,
Зачалъ бѣлыми руками помахивать,
Зачалъ татаръ поколачивать;
Въ одну сторону идетъ—дѣлáтъ улицу,
Въ бокъ вернетъ—переулочекъ.
Стоялъ Василій на красномъ крыльцѣ,
Не попало Василью палицы боевыя,
Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копья мурзамецкаго,
Попала ему ось бѣлодубова,
Ось бѣлодубова семи сажень.
Сохваталъ онъ ось бѣлодубовую,
Зачалъ онъ по силѣ похаживать
И зачалъ татаръ поколачивать.
Тутъ собака испужается,
По подлавкѣ наваляется;
Выбѣгалъ собака на красно крыльцо,
Зычалъ, кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, удалы, добры молодцы!
Вы оставьте мнѣ хоть на приплодъ татаръ,
Вы оставьте мнѣ татаръ хоть на племена“.
Тутъ его голосу молодцы не слушаютъ.
Зычитъ, кричитъ собака зычнымъ голосомъ:
„Я отдамъ ласкову князю Владиміру,
Отдамъ ему дани и пошлины
За тѣ за годы за прошлые,

За тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ;
Отдамъ сорокъ телѣгъ красна золота,
Отдамъ сорокъ телѣгъ скатна жемчуга,
Отдамъ сорокъ телѣгъ чиста серебра,
Отдамъ сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
Отдамъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Отдамъ сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
Отдамъ сорокъ сивыхъ жеребцовъ.
Тутъ его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю;
Идутъ они ко высоку нову терему.
Выдаетъ имъ собака дани пошлины;
Насыпаетъ телѣжки златокованныя,
Отправляетъ въ стольной Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тутъ садились добры молодцы на добрыхъ коней,
Ставали въ въ стременышки гольяшныя,
И садились въ сѣделышки черкасскія,
И поѣхали молодцы въ свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Ѣдутъ ко высоку нову терему,
Становятся на улицу на широку;
Входятъ во палату бѣлокаменну,
Крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь!“
— Добро жаловать удалы добры молодцы!—
Онъ садитъ ихъ на скамейки на дубовыя,
Наливаетъ чары зелена вина,
Не малыя чары—въ полтора ведра,
Подаетъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
Принимаютъ добры молодцы единой рукой,
Выпиваютъ добры молодцы единымъ духомъ.
На рѣзвы ноги стаютъ, низко кланяются:
„Ой ты гой еси, ласковый Владимиръ князь,
Привезли мы тебѣ дани пошлины,
Отъ сабаки Батура Батвѣсова“.
Кланяется имъ ласковый Владимиръ князь,
Кланяется до сырой земли:
„Спасибо вамъ, удалы добры молодцы,
Послужили вы мнѣ вѣрой, правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною!“

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ, Томск. губ., отъ крестьянина Леонтія Тупицына.

* 38. Василій Игнатьевичъ и Батыга.

Изъ-подъ той было было березки кудряватой,
Изъ-подъ чуднаго креста Евандіева,
И шли выбѣгали четыре тура,
Игленные [1] туры златорогіе.
Шли оны бѣжали мимо Кіевъ славенъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую,
Мимо тыя башни науголнія,
И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
По той по стѣны городовые
Ходитъ душа красна-дѣвица
И носитъ во бѣлыхъ рукахъ божью книгу,
Божію кницу Евангельску;
Она столько не читаетъ, а вдвое плачетъ.
Говоритъ-то турамъ родна матушка:
„Ай вы, глупые туры златорогіе,
А ничего вы, туры, да не знаете:
Не душа то красна дѣвица ходила по стѣны,
Это плакала стѣна мать городовая
По той ли по вѣрѣ христіанскія.
Это будетъ надъ Кіевъ градъ погибелье“.
Подымается Батыга, сынъ Сергѣевичъ,
И со сыномъ Батыгой Батыговичемъ,
И со зятемъ Тороканникомъ Каранниковымъ,
И со думнымъ дьякомъ, воромъ выдумщикомъ.
У Батыги есть то силы набрано,
Понабрано то силы сорокъ тысячей,
И у сына у Батыга у Батыговича
Набрано силы сорокъ тысячей,
И у зятя Тороканника Коранникова
Набрано силы сорокъ тысячей,
И у думнаго дьяка, вора выдумщика,
Набрано силы сорокъ тысячей.
Что-ль не вешняя вода обмелѣла,
Обступала кругомъ сила поганая;
И соколу кругомъ не облетѣть
На меженный долгой день.
И пишетъ Батыга съ угрозой князю:

---

[1]) Такъ въ рукописи. Можетъ быть: игре́ніе—по Далю: игре́ній—конская масть: рыжій съ гривой и хвостомъ бѣлесоватыми, свѣтлѣе стана.

„Ай ты старый песъ, ты Владимиръ князь,
Подай ты мнѣ поединщика;
А нѣтъ—пожгу, попалю славенъ Кіевъ градъ".
Закручинился князь, запечалился
Чтоль той печалью, тоской великою,
Что молодцовъ то во градѣ не случилося,
Никакого богáтыря не пригодилося:
Илья Муромецъ уѣхалъ на желтые пески,
А Самсонъ богатырь въ дальнихъ городахъ,
Алеша Поповичъ за синимъ моремъ гулялъ.
Просказали то князю голи кобацкіе:
„Солнышко нашъ, Владимиръ князь,
А есть у насъ Василій, сынъ Игнатьевичъ,
А можетъ со Батыгою онъ поправиться.
Только пропилъ Васильюшко житье свое,
Житье свое бытье, все богачество,
А теперь нечѣмъ Василью опохмелиться,
И лежитъ нынь Василей въ кабакѣ на печи".
И солнышко нашъ Владимиръ князь
Пошелъ по кружаламъ государевымъ,
По тѣмъ по царевымъ по кабакамъ,
И по темнымъ домамъ,
И нашелъ онъ Василья въ кабакѣ на печи.
И соходитъ Васильюшко съ печки долой,
И съ лица онъ зашелъ и поклонился князю:
„Ой ты, Солнышко, нашъ Владимиръ князь,
А не знаешь тоски моей великой.
У тебя есть кручина великая,
У меня горе-печаль еще больше твоей:
А трещитъ-то, болитъ буйная голова,
А дрожатъ у меня жилы подколѣнныя,
Не могу теперь я владать добрымъ конемъ,
Не могу теперь владать саблей вострою,
Не могу теперь ступать ножками рѣзвыма;
Избавь меня горя великаго,
А я тебя избавлю кручины великія;
Опохмель меня чарою похмельною".
А тутъ много князь не выспрашиваетъ,
А наливаютъ ему чару вина въ полтора ведра,
И вторую наливаетъ пива пьяного,
И третью рыну [2]) меду сладкаго,
И всѣ составили питья въ одно мѣсто,

---

[2]) рыну—чару.

И становилося питія полпята ровно ведра.
И принимается Василей единой рукой,
И выпиваетъ-то Василей на единый вздохъ.
И тутъ началъ-то Василей похаживати
И правой ручкой Васильюшко размахивати:
„И могу теперь Васильюшко владать добрымъ конемъ,
И могу теперь владать саблей вострою“.
Заскочилъ-то онъ на стѣну городовую
И стрѣляетъ Василей ко Батыгѣ во шатеръ.
Онъ убилъ три головки кои лучшенькія:
Убилъ сына-то Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканника Коранникова
И убилъ думнаго дьяка, вора выдумщика.
И тутъ пишетъ Батыга князю съ угрозою:
„И ты старый песъ, ты Владимиръ князь,
Ты пода-ко сюда да виноватого,
А ще кто у меня убилъ ровно три головы,
Которыя головки мои лучшенькія:
Моего сына Батыгу Батыговича,
А ще зятя Тороканника Коранникова,
А ще думнаго дьяка было выдумщика“.
И тотъ-ли Василей, сынъ Игнатьевичъ,
Пошелъ по конюшнямъ кленовымъ,
Выбералъ себѣ жеребчика неѣзжанаго,
Онъ садился на жеребчика неѣзжанаго,
И пріѣзжаетъ Василей ко Батыгѣ на лицо,
И прощается Василей во первой большой винѣ:
„Прости меня, Батыга, въ первой большой винѣ:
Я убилъ три головки кои лучшенькія, —
Твоего сына Батыгу Батыговича,
У тебя зятя Тороканника Коранникова,
У тя думного дьяка, вора выдумщика.
Опохмель-ко меня чарою похмельною,
Пособлю я тебѣ взять славенъ Кіевъ-градъ“.
Какъ на эти рѣчи Батыга обнадѣялся;
Наливалъ онъ чару вина въ полтора ведра,
Другую наливалъ пива пьяного,
А третью наливалъ рыну меду сладкого,
А все составили питье въ одно мѣсто,
Становилось питья полпята ровно ведра.
Принимается Василей единой рукой,
Выпиваетъ Василей на единой вздохъ,
И говоритъ тутъ Василей, сынъ Игнатьевичъ:
„Аи же ты, Батыга, сынъ Сергѣевичъ!

Дай-ко ты мнѣ силы сорокъ тысячей,
Я пойду подступлю подъ славенъ Кіевъ градъ".
И на ты рѣчи Батыга обнадѣялся,
И давалъ ему силы сорокъ тысячей.
Уѣзжаетъ Василей во чистое поле,
Во тѣ-ли во степи во Саратовскія,
Всѣхъ прибилъ, пригубилъ сорокъ тысячей.
И размахалась у Василья ручка правая,
И разгорѣлось у Василья ретивое сердце,
И въѣхалъ онъ въ силу во поганую,
Всѣхъ прибилъ, пригубилъ до единого,
Не оставилъ тутъ Батыгѣ онъ на симена.
И уѣзжаетъ тутъ Батыга отъ Кіева
Со тою со клятвой со великою:
„А не дай Богъ бывать подъ Кіевомъ,
А ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
И ни внучатамъ моимъ да и правнучатамъ!"

Записана крестьяниномъ-сказителемъ Касьяновымъ. Напечатана нами съ записи, хранящейся въ Архивѣ И. Русс. Географ. Общества.

*39. Василій-пьяница.

Плавятся, переплавляются чрезъ сине море
Два тура однорогіе, златорогіе,
Златорогіе, одношерстные.
Встрѣчаетъ ихъ родная матушка
Родная матушка-турица,
Однорогая, златорогая, одношерстная:
„Вздравствуйте, дѣтушки родимыя!
Гдѣ вы, туры, жили и гдѣ пожили?"
Были мы въ Ахтѣ городѣ и въ Араховѣ,
Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У той было у церкви у соборныя.
Выходила тамъ душа красна-дѣвица,
Выносила на рукахъ мала вьюныша,
Клала его на горючъ камень,
Сама жалѣла, горько плакала".
— Глупые вы, туры, неразумные,
По лѣсу вы ходите, звѣрей не знаете,
По людямъ ходите, людей не знаете.
Не душа къ вамъ красна-дѣвица выходила,
Выходила къ вамъ Мать Пресвятая Богородица,
Выносила на рукахъ книгу Евангелье,

Клала его на престолъ Христовъ,
Сама бы жалѣла, слезно плакала:
О вы, дѣтушки родимыя,
Постойте за стольной Кіевъ градъ,
За домъ Пресвятыя Богородицы
За ту ли церковь соборную“.
Какъ на батюшка стольный Кіевъ градъ
Наступаетъ собака Подольской царь
Со своей силой невѣрною,
Со невѣрною силой, бусурманскою.
У него силы много множество:
Въ меженный день черну ворону не облетати,
Въ осеннюю ночь сѣрому волку не обрыскати.
Никого въ Кіевѣ въ ту пору не годилося,
Ни князей, ни бояръ, ни богатырей.
Володимиръ князь закручинился,
Повѣсилъ буйну голову въ кирпищатъ полъ,
Кручиной ему не откручиниться,
Печалью ему не отпечалиться.
Посылалъ онъ слугъ вѣрныхъ по Васиньку,
По Васиньку—голь кабацкую.
Слуги вѣрные не ослушались,
Не ослушались, тотчасъ пошли:
„Ступай-ко, Васинька, тебя князь зоветъ“.
На то Васинька не ослушался,
Приходитъ онъ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ онъ таковы слова:
„Ты на что, князь, звалъ, на что требовалъ?“
Сослужи-ко, Васинька, голь кабацкая,
Сослужи, Васинька, службу великую:
Наступаетъ собака Подольскій царь,
Со своей силой со невѣрною,
Силы у него множество“.
Беретъ Васинька узду тесьмяную,
Выходитъ Васинька, голь кабацкая,
Выходитъ ко князю на конюшиньку,
Выбиратъ коня богатырскаго.
На котораго коня руку накинетъ,
Конь накорачъ падетъ;
И выбралъ онъ по себѣ добра коня,
Надѣвалъ узду тесьмяную,
Накладывалъ ковры сорочинскіе,
Сѣдлалъ сѣделышкомъ черкацкіимъ,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,

Не для красы, ради крѣпости.
Беретъ палицу боевую въ пятьдесятъ пудовъ,
Стаетъ во стременышко булатное,
Садился во сѣделышко черкацкое,
Выѣзжалъ онъ въ чисто поле,
Забѣгалъ онъ въ силу невѣрную.
Впередъ бѣжитъ—дѣлатъ улицу,
Повернется—дѣлатъ переулочекъ,
Выбиваетъ онъ силу бусурманскую.
Бусурманскій царь въ побѣгъ пошолъ,
Въ догонъ погнался за нимъ Васинька.
Провѣщился тутъ добрый конь
Мудрымъ языкомъ человѣческимъ:
«Не бѣгай ты, Васинька—голь кабацкая,
Не бѣгай ты въ землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра, мудра:
Не быть намъ обоимъ живымъ».
Обратился Васинька во Кіевъ-градъ,
Встрѣчаетъ Васиньку Владимиръ князь
Со великою честью, съ радостію,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Чѣмъ я тебя, Васинька, буду жаловать?
Возьми ты города съ пригородками,
Возьми ты терема съ притеремками».
Отвѣчатъ Васинька—голь кабацкая:
„Не надо мнѣ города съ пригородками,
Не надо терема съ притеремками.
Отдай ты мнѣ три погреба:
Первой погребъ зелена вина,
Вторый погребъ пива пьянова,
Третій погребъ сыты медвяныя“.
—Затѣмъ тебѣ, Васинька, слова нѣтъ!—

Записана С. И. Гуляевымъ въ Чумышской волости, Барнаульскаго округа Томской губерніи.

40. То-же.

Изъ подъ бѣлыя березки кудревастенькія,
Изъ подъ чуднаго креста да Леванидова,
Выходила тутъ турица златорогая
Съ молодыми турама, малыма дѣтушкама.
Лучилось идти турамъ да мимо славной Кіевъ-градъ;
И находитъ тутъ дѣвица,
Держитъ книгу то Евангелія,

Не столько читаетъ, все она плачетъ:
Она видѣла подъ Кіевымъ чуднымъ-чудно,
Она видѣла надъ городомъ дивнымъ-дивно.
Тутъ наѣхалъ, вѣдь, Богатушко-Богатовичъ
Со зятемъ Тараканьскимъ Корабликовымъ
И со дьяцкомъ да выдумщицькомъ.
У Батыги-то силы сорокъ тысяцей,
У зятя то силы сорокъ тысяцей,
У дьяцка-то, вѣдь, силы сорокъ тысяцей.
Тутъ князь то закручинился,
Владимиръ запечалился...
По голямъ голи шатаются,
По царевымъ кабакамъ да столыпаются,
А Василій въ кабаки лежитъ на пеци.
Говоритъ то Василій таково слово:
„Наливайте-ко Василью чару зелена вина,
Да другую пива пьянова,
Да третью сладкого меду“.
Становилося того питья полтора ведра.
Выпиваетъ-то Василій на единый духъ,
Говоритъ-то, вѣдь, Василій таково слово:
«Я могу теперь добрымъ конемъ владѣть,
Я могу теперь вострой саблей махать!»
Садился тутъ Василій на добра коня,
Видали тутъ добра молодца сядуци,
А не видѣли поѣдуци.
Поѣхалъ тутъ Василій воротами,
Черезъ тую-то стѣну городовую.
Вѣдь убилъ то Василій Батьгушку-Батыговича,
Убилъ зятя Тараканьска Корабликова,
Да убилъ-то, вѣдь, дьяцка да выдумчицка.
Да и тутъ-то Василью славу поемъ!..

Сильно скомканная былина напечатана въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ 1856 № 13 изъ бумагъ А. П. Б.

* 41. Михаилъ Казарятинъ.

Изъ того было Волынца крѣпка города
Изъ той Корелы изъ богатыя
Выѣзжалъ удача-добрый молодецъ
Молодой Михайло, сынъ Казарятинъ,
Казары попа церкви соборныя.
Подъ нимъ добрый конь—какъ бы лютый звѣрь:
На конѣ то сбруя подъ оправою,

Подъ оправою однозолотною.
Самъ на немъ какъ соколъ сидитъ.
Вывозилъ онъ съ собой триста стрѣлъ,
И каждая стрѣла стоитъ по три тьмы,
Что по три тьмы, по три тысячи.
Да не тѣмъ тѣ стрѣлки были дороги,
Потому стрѣлки были дороги,
Кабы строганы стрѣлки изъ кипарисъ-древа;
Кипарисъ-древо здѣсь не водится,
Здѣсь не водится оно, не плодится;
Оно плодится за Ефратъ рѣкой.
Да не тѣмъ стрѣлки были дороги:
Да перо было тагулиное;
Тагула птица здѣсь не водится [1]),
Здѣсь не водится, здѣсь не плодится,
Она плодится на Ефратъ рѣкѣ.
Клеены тѣ стрѣлочки китомъ рыбой;
А китъ рыба здѣсь не водится,
Она плодится во Ефратъ рѣкѣ.
Да не тѣмъ тѣ стрѣлки были дороги:
Онъ днемъ стрѣлятъ, по ночамъ сбиратъ;
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горитъ,
Свѣча горитъ да воску ярова.
Бѣжитъ Михайло чистымъ полемъ,
Во чистомъ полѣ стоитъ частъ ракитовъ кустъ,
На кусту сидитъ пташка вѣшшая,
Пташка вѣшшая, знать перелетная,
Перелетна пташка—младъ черной воронъ.
И беретъ Михайло свой тугой лукъ,
Изъ колчана беретъ калену стрѣлу,
Хочетъ онъ застрѣлить пташку вѣшшую.
Провѣщуетъ пташка руськимъ я́зыкомъ:
«Ой ты гой-еси, удалый добрый молодецъ!
Не стрѣляй ты меня, пташку вѣшшую,
Пташку вѣшшую, знать перелетную.
Я скажу тебѣ вѣстку ра́достну:
Какъ у батюшка, да у синя моря,
У синя моря, да у сыра дуба,
Стоитъ бѣлъ шатеръ, да бѣлъ полотняный;
Во шатрѣ сидятъ три татарина,
Три татарина, три бусурманина,
Межь имя́ сидитъ дѣвка руськая,

---

[1]) Что за птица тагула—сказитель не могъ объяснить: говорилъ только, что *заморская*. С. Г.

Дѣвка руськая, полоняненка».
Тутъ Михайло черна ворона послушался.
Ѣдетъ онъ ко синю морю
Ко синю морю да ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да ко бѣлу шатру.
Подъѣзжаетъ онъ къ шатру да помалесеньку.
Да первый татаринъ проговоритъ:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка руськая,
Дѣвка руськая да полоняночка;
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдамъ тебя замужъ за мила сына».
Второй татаринъ проговоритъ:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка руськая,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдамъ я тебя за племянника
И будешь ты мнѣ племяненка».
Третій татаринъ проговорилъ:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка руськая,
Дѣвка руськая да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
Возьму тебя за себя замужъ,
Будешь ты мнѣ да мила́ жена».
Тутъ Михайлу за бѣду стало,
Сдергиватъ съ нихъ онъ бѣлъ шатеръ,
И бѣлъ шатеръ да полотняной.
Сохватались три татарина,
Сохватались за Михайла Казарятина.
Онъ первого татарина взялъ розорвалъ,
Другого татарина взялъ ро́стопталъ,
Третьяго татарина взялъ за ноги,
Бросилъ его въ батюшко въ сине море.
И собиралъ онъ бѣлъ шатеръ полотняный
И завязывалъ въ тороки во шелковыя,
И садился добрый молодецъ на добра коня,
Вставалъ онъ въ стременышко вальяжное,
И садился въ сѣделышко черкасское,
И садилъ за себя душу красну дѣвицу,
И везетъ ее отъ синя моря,
Отъ синя моря, отъ сыра дуба.
Сколько ѣхалъ удалой, добрый молодецъ,
Сколько ѣхалъ по чисту полю,
Одержалъ своего добра коня ступисчата [1]),

[1]) *Ступисчатъ* конь — шагистый, который идетъ скорымъ, плавнымъ шагомъ, *ступкою*, легкою иноходью. С. Г.

Слѣзалъ онъ, добрый молодецъ, со добра коня,
И сниматъ онъ красну дѣвицу,
И ставитъ свой бѣлъ шатеръ полотняный.
И сталъ онъ съ дѣвицей опочивъ держать;
По бѣлымъ грудямъ красну дѣвицу утрепыва̀тъ.
И плачетъ красна дѣвица, какъ рѣка течетъ,
Сама говоритъ таковы слова:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ!
Скажи ты мнѣ напередъ свою отчину:
Царь-ли ты царевичъ, король-ли ты королевичъ,
Али ты роду крестьянскаго,
Али ты роду мѣщанскаго?»
Тутъ де молодецъ не слушаетъ,
По бѣлымъ грудямъ дѣвицу утрепыва́тъ.
И плачетъ красна дѣвица, какъ рѣка течетъ,
И возрыдаючи слово молвила:
«Ой ты гой еси, удалый, добрый молодецъ,
Скажи ты напередъ свою отчину:
Царь-ли ты царевичъ, король-ли ты королевичъ,
Али роду ты крестьянскаго,
Али ты роду мѣщанскаго?»
И тутъ молодецъ ее не слушаетъ,
По бѣлымъ грудямъ ее утрепыва́тъ.
Тутъ дѣвица плачетъ, какъ рѣка течетъ:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ,
Ты скажи мнѣ напередъ свою отчину».
И проговоритъ удалой добрый молодецъ:
Я не царь да не царевичъ, не король я, не королевичъ,
И я роду не крестьянскаго,
И я роду не мѣщанскаго:
Я изъ того Волынца крѣпка города,
Изъ той Корелы изъ богатыя,
Молодой Михаило Казарятинъ,
Казары (сынъ?) попа церкви соборныя.
И проговоритъ красна дѣвица,
Сама плачетъ, какъ рѣка течетъ:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ,
Я сама оттуль красна дѣвица,
Изъ того Волынца—крѣпка города,
Изъ той Корелы изъ богатыя
Казары дочь попа церкви соборныя».
И тутъ-то добрый молодецъ возрадовался,
И скакалъ онъ скоро на рѣзвы ноги,
Беретъ ее за бѣлы руки,

И цѣлуетъ ее во уста сахарныя:
«Здравствуй ты, моя сестрица родимая,
Молода Настасья дочь Казаришна!»
Собиралъ онъ бѣлъ шатеръ полотняный
И завязывалъ въ тороки во шелковыя,
И садился добрый молодецъ на добра коня,
И ставалъ въ стременышко гольяшное,
И садился во сѣделышко черкасское,
Садилъ онъ за себя родну сестру.
И везетъ онъ ее въ свою сторону,
Ко своему родимому батюшку,
Ко своей родимой матушкѣ,
Къ тому Волынцу крѣпку городу,
Ко той Корелы богатыя,
И къ Казары попу церкви соборныя.
Ѣдутъ они на улицу на широку
Ко тому ко терему высокому.
И увидѣла ихъ родимая матушка
Скрозь тое окошечко косящито,
Скрозь тое околенку стеклянную.
И бѣжитъ она скоро на красно крыльцо,
Сама плачетъ, какъ рѣка течетъ:
«Ой вы гой еси, мои дѣти милыя!
Изъ которой вы сторонушки пріѣхали?
Толь съ востоку, то-ли съ западу?»
Соскакивалъ удалой добрый молодецъ со добра коня,
Подхватывалъ онъ матушку подъ праву руку
И ведутъ они ее въ свѣтлую свѣтлицу.

Записана С. И. Гуляевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тупицына въ Барнаулѣ.

* 42. Иванъ Годеновичъ.

«Хочешь ли, Иванушка, женитися?»
Я бы радъ жениться, да мнѣ негдѣ взять:
Гдѣ я сватаюсь, такъ тутъ мнѣ не даютъ,
Гдѣ не сватаюсь, такъ двѣ даютъ,
И двѣ даютъ, да мнѣ не надобно.
А мнѣ-ка охота съѣздить въ Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею купцу, Митреевичу,
Мнѣ посвататься Настасьи Митреевишны.
И собиралась свадьба богатырская,
Собиралося на свадьбу тридцать богатырей:
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ легкій друженька,

И ласковый Владимиръ князь былъ тысяцкимъ,
Алеша Поповичъ былъ подружьемъ,
Добрыня Никитичъ былъ бояриномъ,
Василій Казимерскій поѣзжаниномъ,
Молода княгиня была свашенька.
Сѣдлали своихъ добрыхъ коней,
Накладывали они потнички бумажные,
И на потнички ковры сорочинскіе,
На ковричкн сѣделочки черкацкія;
Подтягали подпруги шелковыя,
Садились молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали молодцы въ Черниговъ-градъ.
И подъѣзжаютъ молодцы ко синю морю,
И стегаютъ коней по тучнымъ бедрамъ;
И скачутъ кони черезъ быстрой Днѣпръ.
И не далеко отъ моря отъѣхали,
Становились на луга на зелены;
Разставливали шатры полотняны,
И стали въ шатрахъ опочивъ держать.
Не спится Ивану, не дремлется;
Ему вдвое, втрое грезится.
Выходилъ Иванъ изъ бѣла шатра
Говорилъ Иванъ таковы слова:
«Ой вы, гой еси мои князья-бояры,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Со ласковымъ княземъ Владимиромъ,
Со Алешенькой со Поповичемъ,
Со Добрынюшкой со Никитичемъ,
Со Васильемъ, сыномъ Казимерскимъ!
Съѣздите вы во Черниговъ-градъ,
Съѣздите на широкой дворъ,
Ко тому купцу ко Митрею Митреевичу,
Посватайтесь Настасью Митреевишну“.
Туто молодцы не ослушались;
Поѣхали они скоро въ Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу.
И ѣдутъ они на улицу на широку,
И бѣгутъ они ко двору широкому.
Со добрыхъ коней молодцы соскакиваютъ,
Ни къ чему коней не привязываютъ,
Никому они коней не приказываютъ.
Воходили во свѣтлую во свѣтлицу,
Во тое палату бѣлокаменну;
И крестъ кладутъ по писаному,

Поклонъ ведутъ по ученому;
И сами говорятъ таковы слова:
«Здравствуешь, Митрей гость-купецъ!»
—Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты старой казакъ Илья Муромецъ,
Со ласковымъ княземъ Владимиромъ,
Со Алешенькой со Поповичемъ,
Со Добрынюшкой со Никитичемъ,
Со Васильемъ сыномъ Казимерскимъ.
За одинъ бы столъ со мной хлѣба кушати.—
«Мы пришли къ тебѣ не столы столить,
Не столы столить, не пиры пирить,
А со добрымъ словомъ, со сватаньемъ,
Молоду Настасью Митреевишну
За того Ивана за Годенова».
Проговоритъ Митрей гость-купецъ:
—И ладно бы ладнешенько,
Да вечоръ было позднымъ позднешенько,
Прилеталъ Кошшеишшо Безсмертный;
Запросваталась Настасья за Кошшеишша,
Обручалась перстнями однозолотными.—
И тутъ молодцамъ за бѣду стало,
Надѣвали шляпы черны, сами вонъ пошли.
Идутъ на улицу на широку,
Садились молодцы на добрыхъ коней
И бѣгутъ во дально во чисто поле
И ко тѣмъ шатрамъ бѣлымъ полотнянымъ.
И встрѣчаетъ ихъ Иванушко на радостяхъ,
И спрашива́тъ: «высватали-ль вы
Мнѣ Настасью Митреевишну?»
—И наше несчастье великое:
И вечоръ было позднымъ поздно,
Прилеталъ Кошшеишшо Безсмертный,
И запросваталась Настасья за Кошшеишша;
Обручилася перстнями однозолотными.—
Тутъ Ивану за бѣду стало:
«Сгой-еси, мои удалы добры молодцы,
Возьмемте мы Настасью нéчестно.
Увеземте мы Настасью во свою землю».
Туто молодцы не ослушались,
Поѣхали они во Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу.
И ѣдутъ они на широкій дворъ,
И пили они туто, гуляли, забавлялися,

Забавлялись трои суточки.
И брали они Настасью за бѣлы руки,
И за тѣ перстни за злаченые,
И садили они за Ивана Годенова
И повезли во свою землю.
И ѣдутъ они ко синю морю,
И стегаютъ коней по тучнымъ бедрамъ,
И скачутъ кони черезъ быстрый Днѣпръ.
И тутъ Настасья испугалася,
Ее бѣлыя ручки отрывалися,
И падала она во быстрый Днѣпръ.
На лету старой казакъ Настасью подхватывалъ
И садилъ за Ивана Годенова.
Не подалеку отъ моря отъѣхали,
Попалъ имъ звѣриный слѣдъ,
И прошолъ вепришшо-кабанишшо;
И отсылали туда десять богатырей.
Не подалеку они опять отъѣхали,
Попалъ имъ опять звѣриный слѣдъ,
Прошла де лань златорогая;
Отсылали они опять десять богатырей.
Опять завѣчали [1]) на участь на Иванову.
Опять не подалеку отъѣхали,
Попалъ имъ опять звѣриный слѣдъ,
Прошла кобыла сѣропѣгая.
Опять отсылали они десять богатырей,
Опять завѣчали на участь на Иванову;
Остался Иванушко съ Настасьюшкой.
Не подалеку онъ отъѣхавши,
Подъѣзжатъ Иванъ ко сыру дубу,
Слѣзатъ Иванъ со добра коня,
И сниматъ Настасью Митреевишну;
И разоставилъ Иванъ бѣлъ шатеръ
И сталъ съ Настасьей опочивъ держать.
И не много поры время миновалося,
Опочивалъ онъ съ Настасьей три часа,
И прилеталъ Кошшеишшо Безсмертный,
И садился онъ на сырой дубъ крековистый,
И зычалъ-кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Ахъ, не честь твоя, хвала молодецкая,
Иванъ, сынъ Годеновичъ!
Отъ жива ты мужа жену берешь.

[1]) Завѣчать—загадывать.

Не пора тебѣ лежать въ бѣломъ шатрѣ,
Пора тебѣ выходить со мной перевѣдаться“.
Выскакивалъ Иванъ изъ бѣла шатра,
Въ одной тоненькой рубашкѣ безъ пояса,
Во однихъ тоненькихъ порточкахъ безъ чоботовъ.
Сохватались добры молодцы ручнымъ боемъ:
У Ивана борьба не ученая,
Не ученая—роженая:
Сохваталъ Кошшеишша Безсмертнаго,
Онъ ударилъ его о сыру землю,
Садился ему на черны груди,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Сгой еси, Настасья Митреевишна,
Неси ты мнѣ ножище-чинжалище,
Распорю я у Кощея груди черныя,
Посмотрю я сердце богатырское“.
И тутъ Настасья не ослушалась,
Идетъ она изъ бѣла шатра,
Несетъ ножишшо-чинжалишшо.
И проговоритъ Кошшеишшо Безсмертный:
„За него ты выйдешь, будешь слыть поляницею;
За меня ты выйдешь,—будешь слыть царицею,
И будутъ тебѣ поклоняться тридцать идолишшовъ“.
Тутъ Настасьѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Сохватала Ивана за черны кудри,
Сдергивала съ Кошшея Безсмертнова
И привязали Ивана ко сыру дубу,
И стали съ Кошшеемъ опочивъ держать,
Опочивъ держать въ бѣломъ шатрѣ.
Не много поры-время миновалося,
Прилетѣли два голубя,
Прилетѣли два сизые
И садилися на сырой дубъ крековистый.
Увидалъ ихъ Кошшей изъ бѣла шатра,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Настасья Митреевишна,
Прилетѣли два голубя,
Прилетѣли два сизые“.
И говоритъ Настасья Митреевишна:
„И не два голубя, не два сизые,
Это наша съ тобой смертонька“.
Выскакивалъ Кошшей изъ бѣла шатра,
Бралъ Кошшей свой тугой лукъ,

Накладывалъ калену стрѣлу
И стрѣлялъ онъ въ двухъ голубей.
На лету Алешенька стрѣлу подхватывалъ
И подаетъ старому казаку Ильѣ Муромцу.
Поворачивалъ старый казакъ калену стрѣлу
Востреемъ на Кошшея Безсмертнаго
И бросилъ, ушибъ Кошшея до смерти,
И расшибъ ему груди черныя.
И улетѣли два голубя,
И выходила Настасья изъ бѣла шатра,
И говорила Настасья таковы слова:
„Что ты, Иванушко Годеновичъ,
Не будешь-ли меня бить, бранить?“
„Я тебя, Настасья, не буду бить, бранить,
А только буду, Настасья, на умъ учить“.
Тутъ Настасьѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
И беретъ она саблю вострую
И беретъ она чуденъ крестъ.
„Вотъ тебѣ, Иванъ Годеновичъ, чуденъ крестъ
И вотъ тебѣ сабля вострая!“
И поднимать она саблю выше буйной главы
И хочетъ ему ссѣчь буйну голову.
По кудрямъ его сабля покатилася,
И обрѣзала всѣ ченбуры богатырскіе.
Иванушко всталъ тутъ на радостяхъ,
Собиралъ свой бѣлъ шатеръ полотнятый
И садился Иванъ на добра коня
И садилъ онъ Настасью Митреевишну;
Везетъ ко колодцу глубокому.
„Слѣзай, Настасья Митреевишна,
Слѣзай со добра коня;
Обмывай свое тѣло грѣшное“.
Взялъ онъ у ней уши обрѣзалъ:
„Эти мнѣ уши не надобны,
Слушали рѣчи Кошшеишша.
Взялъ онъ у ней глаза выкопалъ:
„Прилешшались они глядючи на Кошшеишша“.
Ноги ей взялъ обсѣкъ:
„Оплетали онѣ Кошшея Безсмертнаго“.
Руки обрѣзалъ ей:
„Эти руки мнѣ не надобны,
Обнимали Кошшея Безсмертнаго.

Схоронилъ ее тѣло бѣлое,
Поѣхалъ въ свое отечество.

Записана С. И. Гуляевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тупицына, въ Барнаулѣ. Начало былины сказитель не могъ припомнить.

43 То-же.

Во стольнёмъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкового князя у Владимира,
У Владимира князя́ у Солнышка,
Заводился у Владимира почестенъ пиръ,
Какъ на многихъ кня́зей да на бо́яровъ,
На сильніихъ могучіихъ богатырей,
На всѣхъ поля́ницъ на удалыихъ,
На всѣхъ гостей да приходящіихъ.
Какъ всѣ-то на пиру [1]) да напивалисе,
И всѣ-то на пиру наѣдалисе,
И всѣ-то на пиру пьяны веселы сидятъ.
Какъ сидитъ тутъ Иванушко Го́рдинычъ,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ Иванъ да видь не кушаетъ,
Бѣлой лебедушки Иванъ да вѣдь не рушаетъ,
Бѣлымъ сахаромъ Иванъ да не закусываетъ.
Тутъ подходитъ къ нему Солнышко Владимиръ князь стольне́кіевской,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
„Ай же ты, Иванушко Го́рдинычъ,
Ты почто не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаешь,
Бѣлой лебедушки, Иванушко, да ты не рушаешь,
Бѣлымъ сахаромъ, Иванъ, да не закусываешь“?
Какъ отвѣтъ держалъ Иванъ да сынъ Гординовичъ:
«Ай же солнышко Владимиръ стольне́кіевской,
Какъ у насъ-то видь во го́родѣ во Кіевѣ
Всѣ мо́лодцы у насъ да испоженены,
Красныя дѣвушки заму́жъ повыданы,
И я-то Иванъ да не жёнатъ хожу“.
Тутъ прого́ворилъ Владимиръ стольнекіевской:
„Ай же ты, Иванъ Гординовичъ,
Ты знаешь-ли себѣ богосу́жену,
Ты знаешь-ли себѣ супротивную“?
Тутъ прого́воритъ Иванушко Гординовичъ:
„Я знаю се́бѣ богосужену,

[1]) Слово пиру въ произношеніи слышится пэру.

Я знаю се́бѣ супротивную:
Какъ во томъ-ли то во городѣ Черниговѣ,
У того-ли Дмитрія, гостя́ торгового,
У его есь дочь Настасья Дмитревна;
Она стано́мъ статна́ и умомъ умна,
Личько у её быдто бѣлый снѣгъ,
Щечьки у нее какъ маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней павинная,
А рѣчь-пого́воря лебединная".
Тутъ прого́ворилъ Владимиръ стольнекіевской:
„Ай же ты Иванушко Гординовичъ,
Ты бери-ко се́бѣ золотой казны,
Золотой казны бери, сколько надобно,
И бери-тко се́бѣ сила—армія".
Тутъ прого́ворилъ Иванушко Го́рдинычъ:
„Ай же солнышко, Владимиръ стольнёкіевской,
Мнѣ не надо-то золотой казны,
И не надо мнѣ сила—армія,
А только дай-ко мнѣ Ефимка, слу́гу поробка".
Какъ изъ-за того-ли изъ-за́ стола дубового
Вставаетъ Ефимъ на рѣзвы́ ноги,
Самъ онъ говоритъ таково́ слово́:
„Тебѣ спа́сибо, Иванушко Го́рдинычъ,
Што ты мной, Иванъ, да не побрезгивалъ"!
Тутъ садилисе да на добры́хъ коней,
Поѣхали ко городу Чернигову,
Ко тому-ли Дмитрію гостю́ торговому.
Говоритъ имъ Дмитрій гость торговый:
„Вы го́сти есь незванные,
И вы го́сти есь нежданные,
Вы зачѣмъ, гости́, сюда пріѣхали"?
Говоритъ Иванушко Го́рдинычъ:
„Мы пріѣхали къ тебѣ на вашей дочери посвататсе"!
Какъ отвѣтъ держалъ Дмитрій гость торговый:
„У меня прежде васъ дочь просватанная
За того-ли ца́ря Кощея Трапетовича".
Какъ тутъ-ли Иванушко Го́рдинычъ
Хватилъ гостя торгового за бѣлу грудь
И бросилъ его о сыру землю,
И взяли силкой силою Настасью Дмитревну,
И поѣхали ко городу ко Кіеву
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Не доѣзжаючи до города до Кіева,
Раскинули шатеръ бѣлъ поло́тнянной;

Говоритъ тутъ Иванушко Го́рдинычъ:
„Ай же ты, Ефимко, слуга по́робокъ,
Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву,
И скажи-тко ты князю Владимиру,
Што ѣдетъ Иванъ съ богосуженой,
И ѣдетъ Иванъ съ супротивноей“.
Тутъ наѣхалъ вслѣдъ Кощей да царь Трапетовичъ,
Самъ онъ говоритъ таково́ слово́:
„Ай же ты Иванушко Го́рдинычъ,
Ты почто у мня увезъ да богосужену,
Ты почто у мня увезъ да супротивную?
У меня прежде тебя было́ сосватано“!
Тутъ схватилися оны за жолты́ кудры,
И тутъ-ли Иванушко Гординовичъ
Бросилъ Кощея ца́ря Трапетовича о сыру́ землю́.
Тутъ прого́ворилъ Кощей да царь Трапетовичъ:
„Ай же ты, Настасья Дмитревна,
За мной тебѣ жить,—царицей слыть,
А за Иванушкомъ быть, портомойницей слыть“!
Какъ тутъ-ли Настасья Дмитревна
Ухватила Ивана за жолты́ кудры,
Да бросила она да о сыру́ землю́.
Тутъ связали Ивану ручьки бѣлыя,
И сковали Ивану ножки рѣзвыя,
Привязали его ко кусту да ко ракитову,
И зашли оны́ въ шатеръ бѣлополотнянный,
И стали оны́ спать да опочивъ держать.
Говоритъ тутъ Настасья Дмитревна:
„Ай же ты, Кощей да дарь Трапетовичъ,
Ты предай Ивана смерти лютоей.
Какъ наѣдутъ кіевскіе бога́тыри,
И не уѣхать намъ во свою землю́“.
Тутъ прилетѣла птичка изъ города изъ Кіева,
Запѣла она таково́ слово́:
„Добро́ стоять Иванушку Го́рдинычу
У того-ли у куста да у ракитова,
Смотрѣть на забавушку великую“.
Какъ тутъ-ли Кощей да царь Трапетовичъ
Натягивалъ онъ да ту́гой лукъ,
И накладывалъ стрѣлу да онъ каленую,
И спущалъ онъ въ Иванушка Гординыча.
Какъ эта стрѣла да каленая
Отлетала да вза́дпятъ къ само́му во грудь
Ко царю-ли Кощею Трапетовичу.

Какъ тутъ-ли Настасья Дмитревна
Беретъ себѣ въ руки саблю вострую
И сама говоритъ таковó слово:
„А я глупая дѣвушка неразумная,
А отъ бережка я да откачнулася,
А къ другому я да не прикачнулася.
Ай же ты, Иванушко Гординовичъ,
Прости-тко ты меня во той вины,
Што я хватила тебя за жолты́ кудри,
А ежели ты меня нé простишь,
Дакъ отрублю я тебѣ буйну голову“.
Тутъ задрожали у ней да ручки бѣлыя
И выпала изъ рукъ сабля вострая
По тымъ-ли по путáмъ да по желѣзнымъ.
Какъ тутъ сталъ Иванъ да на своей воли́,
И взялъ въ руки Иванъ да саблю вострую,
Самъ онъ говоритъ таковó словó:
Ай же ты, Настасья Дмитревна,
Я не буду тебя не бить, не бранить,
Но дамъ тебѣ угрозы великія:
Эты мнѣ ручки не надобно,
Што хватили меня за жолты́ кудры,
Бросили меня о сырý землю“.
Взялъ отсѣкъ ей руки бѣлыя.
„Эты мнѣ ножки не надобно,
Што зашли въ шатеръ бѣлополотнянной
Съ этымъ-ли Кощеемъ Трапетовичемъ“.
И отрубилъ онъ ноги рѣзвыя.
„Эты мнѣ губки не надобно,
Што цѣловали Кощея Трапетовича“.
И отрубилъ ей губы бѣлыя.
„Этотъ языкъ мнѣ не надобенъ,
Зачѣмъ велѣлъ губить Ивана Гóрдиныча“.
И самъ онъ говоритъ таковó словó:
Ай же ты, Настасья Дмитревна,
„Теперь отъ меня тебѣ воля вольняя“.
И самъ поѣхалъ ко гóроду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Тутъ встрѣчаетъ Владимиръ столнѣкіевской,
Думалъ, ѣдетъ Иванъ съ молодой женой,
Ажно ѣдетъ Иванъ да ёдинёшенёкъ.
Тутъ проговоритъ Владимиръ столнёкіевской:
„Ай же ты, Иванушка Гординовичъ,
Гдѣ-жь у тебя богосужена,

Гдѣ-жь у тебя супротивная“?
Тутъ прогóворилъ Иванушко Гординовичъ:
„Всякъ-то, братцы, жéнитсе,
А не всякому жанитьба удаваетсе;
А намъ-то съ Олёшей Поповичемъ жанитьба то не и́здалась“.

Записана Ѳ. М. Истоминымъ отъ сказителя И. А. Касьянова въ погостѣ Космозеро, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ.

*45. Чурило Пленковичъ.

Со вечера пороха, со полуночи бѣлой снѣгъ;
По этой по порохѣ, по бѣлу снѣжку,
Не зайко пробѣжалъ, не горностайко проскакалъ, —
Пробѣжалъ-то Чурилко сынъ Пленковичъ.
Онъ тропилъ тропинку къ Берметеву двору,
Къ задней избушечкѣ въ поваренную,
Въ поваренную, въ челядинную,
Ко этой Василисѣ Никулишнѣ,
Ко той ко честной королевишнѣ.
Онъ гость гостить во двѣнадцать лѣтъ;
Никто про то не знаетъ, не вѣдаетъ.
Пошла дѣвушка Чернавушка по широку двору,
Увидала Чурила сына Пленковича.
„Здравствуй, Чурила сынъ Пленковичъ!“
— Благодарствую, дѣвушка Чернавушка!
Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
Я у васъ въ гостяхъ гощу, дары подарю,
Подарю золотой перстень въ пятьдесятъ рублей,
Еще я тебѣ подарю золотой крестъ,
Еще я тебѣ подарю свѣтлы денежки,
Не сказывай Берметѣ Васильевичу. —
Пошла дѣвушка Чернавушка;
Встрѣчу ей Берметя сынъ Васильевичъ.
„Здравствуй, дѣвушка Чернавушка!“
— Благодарствую Берметя сынъ Васильевичъ,
На многiя на лѣтички.
Не знаешь про то, не вѣдаешь:
У насъ гость гостить по двѣнадцать лѣтъ
Во задней избушкѣ во поваренной,
Во поваренной, во челядинной,
У той Василисы Никулишны,
У той честной королевишны. —
„Что, дѣвушка, врешь или правду говоришь?

Отпущу я тебя на свою волю".
— А поди-ко ты въ задню избушечку,
Въ задню повареннную челядинную;
На лѣвочко сермяжка лежитъ,
Сермяжечка хитра-мудра:
Покрою она нѣмецкова,
Намету турецкова,
Шитья ярославскова.
Шапочка, рукавички на лавкѣ лежатъ:
Шапочка пуховенькая,
Рукавички шелковенькія,
Чулочки бумажные.
Подъ лавочкой сапожки лежатъ,
Сапожки—зеленъ-сафьянъ:
Подъ носокъ—яйцо прокатить,
Подъ каблукъ—воробей пролетитъ. —
Идетъ Берметя въ задню избушечку
Во повареннную, челядинную,
Кладетъ руку на скобу,
Отворяетъ дворъ на пяту,
Стаетъ середи пола,
Середи пола кирписчата.
„Здравствуй, Василиса Никулишна!"
— Благодарствую, Берметя, сынъ Васильевичъ. —
„Чья у те на лавкѣ сермяжка лежитъ, —
Сермяжка хитра-мудрая:
Покрою-то нѣмецкова,
Намету турецкова,
Шитья-то ярославскова?
Чья-то шапочка пуховенькая,
Рукавички шелковенькія,
Чулочики бумажные?
Подъ лавочкой сапожки лежатъ
Сапожки—зеленъ сафьянъ?"
— Это я у батюшка была,
Меня погода изняла;
Я сермяжку надѣла на себя;
Со младеномъ я была,
На младена я сапожки надѣла. —
Не глядитъ онъ на ея отговорочки,
Беретъ ее за бѣлыя ручки
За перстни злаченые,
Выводитъ на красное крыльцо,
Отсѣкаетъ ей буйну голову.

Увидѣлъ онъ Чурилу Пленковича:
„Пойди-ко, братецъ, возьми свое добро,
Ты былъ, Чурило, званый гость“.

Записана С. И. Гуляевымъ въ Чумышской волости, Барнаульскаго округа.

*46. То-же.

На славномъ-то кануни Благовѣщенья
Выпадала пороша снѣгу бѣлаго;
Не бѣлой заюшко проскакиваетъ,
Не бѣлой горносталько слѣдъ прокладываетъ,
По этой пороши ходилъ тутъ, гулялъ
Да поповъ молодецъ,
По имени Чурило сынъ Пленковичь.
Пріѣзжае Чурило къ Обемялому двору,
Не случилось Обемяла во дому,
И выходи Катерина дочь Микулична:
„Гости-ко къ намъ пожалуй на широкій дворъ,
Тутъ ко мнѣ родимой братъ [1])“.
Сходитъ Чурило со добра коня,
Привязыватъ коня къ столбу точеному.
Къ тому-ли да колечьку золоченому.
Говорила тута дѣвушка Чернавушка:
„Не порядки, Катеринушка, задумываешь,
Накучу и намучу Обемялу твоему“.
Говорила тута дѣвочка служаночка:
„Ай же Обемялъ да сынъ Васильевичъ,
Ты стоишь да стоишь да Богу молиссе,
А у тебя есть въ гостяхъ да постылой гость“.
Говоритъ тутъ Обемялъ сынъ Васильевичъ:
„Ай же, ты, дѣвочка служаночка,
Если правду говоришь, тебя жаловать буду,
Если неправду говоришь, тебѣ головушку срублю“.
— Ай же, Обемялъ сынъ Васильевичъ,
Если мнѣ не вѣришь, дакъ изволь самъ посмотри.—
Приходитъ Обемялъ ко широкому двору,
Видитъ у столба будто Чуриловъ конь;
Стучѣлъ онъ, гремѣлъ во серебрянно кольцё,
Спитъ Катеринушка съ Чуриломъ, не пробудитце;
И въ другой-отъ разъ стучалъ, Катерина не пробудитце;

[1]) Пѣвецъ самъ замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ выходитъ неловко.

Въ третій разъ стучалъ,—терема всѣ пошаталисе,
Катеринушка съ Чуриломъ перепаласе [1]),
Вышла въ тоненькой рубашкѣ безъ пояса,
Въ однѣхъ тоненькихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
Говоритъ тутъ Обемялъ таково слово:
„Что ты, Катерине, несурядная живешь“?
— Ай же, Обемялъ сынъ Васильевичъ,
Нельзя мнѣ Катеринушкѣ сурядной теперь быть:
Какъ болитъ-ли, болитъ буйная голова,
Щемитъ-ли, щемитъ ретиво сердцо.—
„У тебя, Катерина, есть постылой гость“.
Ай же, Обемялъ сынъ Васильевичъ,
У меня въ гостяхъ есть родимой братъ.
Да беретъ тутъ Обемялъ да саблю вострую,
Да отрубилъ онъ Чурилову головушку.
„Упалъ да доброй молодецъ,—
Пади-тко, пади да лебедь бѣлая“!
Не вострая да сабелька просвиснула,
Не чорная-то кровка пробрызнула,
Отлетѣла Катюшина головушка.
Беретъ замужъ дѣвушку Чернавушку.

Записана Г. И Куликовскимъ лѣтомъ 1886 года въ деревнѣ Трихнова горка, на Кенозерѣ, отъ крестьянина Якова Семенова Еремѣева.

*47. То-же.

Ѣдетъ-то Цюрилушко Щипленковиць:
По́дъ пяту, пяту́ воробей пролетитъ,
Около носа—яйцько кати;
Дѣвки гледятъ,—золоты́ пялы́ ломя́тъ,
Стары бабы гледятъ,—я́щицья ломятъ.
Кто-то за воро́тамы коло́титсе?
Колотитсе Цюрилушко Щипленковиць.
Выбѣгала Катерина Микулицьна,
Въ о́дной тоненькой сороцецьцѣ, бе́зъ пояса,
Ай стрѣцяла тутъ Цюрилушку Щипленковиця:
„Што-же, ты, Цюрилушко, вецеръ не бывалъ?
Още сладкіи напитоцьки непитыи стоятъ,
Крупи́сцяты колацики неѣденыи“.
Ай коня-то брала, она въ конюшенку вела,
Она санки брала, да на дворъ ставила́,

[1]) Перепугалась.

Она шапоцьку брала его, на гвоздицёкъ кла́ла́,
Цюрилушку взела, да въ нову горенку свела.
Ай прислуга была дѣвка́ Тиляицьна:
Прого́воритъ дѣвушка Тиляицьна:
„Я скажу теперь Ярмы сударь Васильевицю“!
Прого́воритъ Цюрилушко Щипленковиць:
— Не скажи-тко ты, дѣвушка Тиляицьна;
Още я тебѣ, дѣвка, сарафанъ куплю!—
Говоритъ Катерина Микулицьна:
„А я сарафанъ-то сама сдержу“.
Ай прого́воритъ Цюрилушко Щипленковиць:
— Не ходи-тко, ты, дѣвушка Тиляицьна,—
Още я тебѣ, дѣвка, башмацьки куплю!—
Говоритъ Катерина Микулицьна:
„Още я башмацьки-то сама стопцю“.
Побѣжала тутъ дѣвка Теляицьна;
Приходитъ во церькву во божьюю,
Она крестъ-отъ кладетъ по писа́ному,
Ай поклонъ она ведетъ по уценому
На́ двѣ, на́ три, на цетыре на сторонушки,
Да Ярмы-то Васильеву въ особину:
„Ай же ты, Ярма, сударь, Васильевиць!
Богу молисьсе, да проклаждаесьсе,
Ай въ своемъ доми́ невзгодушки не вѣдаёшь:
У тебя въ дому́ да нелюбимой гость,
Нелюбимой гость—Цюрилушко Щипленковиць“.
— Ай же ты, дѣвка Тиляицьна,
Буде правду говоришь, дакъ я замужъ возьму,
А неправду говоришь, дакъ голову́ срублю!—
Приходили оны да ко своимъ дворамъ.
Кто-то за воротамы колотитсе?
Ай колотитсе Ярма сударь Васильевиць.
Выходила Катерина Микулицьна
Во одной тонко́й сороцецькѣ, бе́зъ пояса,
У ней женскіи волосы не у́браны;
Пускала Ярму она Васильевиця;
Ай заходитъ Ярма на широкой дворъ,
Заходитъ во конюшенку во конную:
„Ай же, Катерина Мукулицьна,
Што же во конюшенкѣ Цюрилинъ конь стоитъ“?
— Ѣздилъ мой братецъ во цисто́ поле гулять,—
Съ Цюрилушкой конямы смѣнялисе.—
„Што это санки Цюрилины стоятъ“?
Говоритъ Катерина Микулицьна:

— Ѣздилъ мой братецъ во цистó поле гулять,—
Да съ Цюрилушкой санками смѣнялисе.—
Онъ заходитъ во полату бѣлокаменну,—
Тутъ шапка Цюрилина на гвоздикѣ виситъ.
„Што это шапка Цюрилина виситъ“?
— Ѣздилъ мой братецъ въ цистó поле гулять,
Да съ Цюрилушкой шапкамы смѣнялисе.—
Въ нову горницьку зашелъ, ды Цюрилу увидалъ.
Онъ схватилъ съ гвоздя да саблю вострую,
Отрубилъ Цюрилы буйну гóлову.
Спрогóворитъ Катерина Микулицьна:
„Гдѣ палá головушка Цюрилушкина,
Още й тутъ падé головка Катеринина“.
Онъ схватилъ съ гвоздя саблю вострую,
Отрубилъ Катерины буйну гóлову.
— Ай же, ты, дѣвушка Тиляицьна,
Сдѣлала двѣ головки безпровинныихъ.—

Записана Ѳ. М. Истоминымъ лѣтомъ 1886 года отъ крестьянки Параскевы Гавриловой Юховой изъ деревни Оятевшиной, Петрозаводскаго у. Олонецкой губ.

48. То-же.

Чурилушко Пленковичъ, добрый молодецъ,
Вставай по-утрушко ранешенько,
Снаряжайся, Чурило, хорошохонько,
Обувай сапожки на ножки—зеленъ-сафьянъ,
Зеленаго сафьяну турецкаго,
Баскаго покрою нѣмецкаго,
Щегольскаго шитья новгородскаго—
Подъ пяту-пяту воробей пролетаетъ.
Наливаетъ онъ тазъ ключевой воды,
Умываетъ Чурило лицо бѣлое,
Утираетъ Чурило въ тонко полотно,
Надѣваетъ Чурило цвѣтно платьице,
На головушку шапочку въ пятьсотъ рублей,
Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
Сзади бы не видно кудеръ желтыихъ.
Ходитъ Чурилушко Пленковичъ
Во стойло во кониное,
Онъ беретъ себѣ коня да мелатарманка (?),
Сѣдлаетъ сѣделышко черкасское,
Онъ подтягиваетъ двѣнадцать крѣпкихъ подпруговъ;
Подпруги были шелковыя,

Шелку были шемахинскаго,
Не ради красы, а ради крѣпости.
Только видѣли Чурилушку,
Сидючи на добра коня,—
Не видѣли Чурилушку поѣдуци,
Видѣли во чистомъ полѣ куревку.
Увидѣла Катерина Микулична,
Поскорешенько въ окошечко бросалася:
„Слава Богу да славу Господу,
Что прiѣхалъ Чурилушко Пленковичъ“.
Она скоро тутъ шла по новымъ сѣнямъ,
Отпирала тутъ двери дубовыя,
Встрѣчала Чурилушку Пленковича,
Брала его за бѣлы руки,
Чѣловала его да въ сахарны уста;
Она провела во свѣтлую свѣтлицу,
Садила на стульица кленовыя,
За эти за столы за дубовыя;
Нанесла ѣства сахарнiи,
Налила питья медьяныя,
Подходяци ко столу да покланялася:
„Что кушай-ко, гостьюшко родимой“.
Садилася она вмѣстѣ кушати съ нимъ.
Схватилася Катерина Микулична
За этого коня да вѣдь за добраго,
Она скоро тутъ шла широкимъ дворомъ,
Отворяла воротечка широкiя;
Она брала Чуриловина конюшка,
Она вела на стойло на конинное,
Она сыпала пшонушки сытнiи.
Приходила тутъ во свѣтлую свѣтлицу,
Она брала дощечку да шашечну:
„Станемъ-ко, Чурилушка, во шашки играть“?
Они часъ тотъ играли.
Тутъ и спроговоритъ Чурилушка:
„Ай же ты, Катерина Микулична,
Лучше сядемъ на кроваточку забавимся“.—
Изъ заднихъ воротъ да изъ челядинныхъ
Тутъ увидѣла дѣвчоночка черная,
Она черна злодѣйка челяденная,
И спроговоритъ Катеринѣ Микуличнѣ:
„Это што у тя, Катерина, за гость гоститъ,
(Гость гоститъ) будто братъ родной?
Донесу Бермасу сыну Васильевичу“.

Испроговоритъ Чурилушка Пленковичъ:
„Ай же ты, дѣвченочка черная,
Не доноси на Катерину Микуличну,
Вотъ тебѣ полтина на бѣлилушка,
И другую тебѣ дамъ да на румянушка,
Вотъ же третья полтина на костычъ-сарафанъ.
Ай же ты, дѣвченочка черная,
Вотъ тіе шапочка въ пятьсотъ рублей,
Пушиста, ушиста, зависиста,
Чтобы спереди невидно лича чернаго,
Чтобы сзади не видно пучка вшиваго“.—
Тутъ испроговоритъ Катерина Микулична:
„Лучше эти полтинушки мнѣ отдай,
А эту шапочку самъ сноси“.—
Поворотъ держитъ дѣвчинушка черная,
Она скоро-то шла по чисту полю,
Поскорѣе того да во Божью черкву;
Не крестя она идетъ да лича чернаго.
Увидалъ да Бермасъ сынъ Васильевичъ
Онъ вѣрную свою да служаночку,
Подходя-жъ онъ къ ней поближешенько,
И разговариваетъ ричь да умильцешенько:
„Ай же моя вѣрная служаночка,
Со какимъ идешь со радостнымъ извѣстьицемъ“?
И спроговоритъ дѣвчоночка черная:
— Какъ у твоей Катерины Микуличны
Да гость гоститъ будто братъ родной.—
Тутъ ужъ онъ запирае книги да Божьи,
Замыкаетъ церкви онъ священныя,
Садится тутъ онъ да на добра коня,
Поѣзжаетъ онъ да къ своему дому.
Увидала тутъ Катерина Микулична,
Что пріѣхалъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ:
Куды класть Чурилушку Пленковича?
И спроговоритъ Чурилушко Пленковичъ:
„Ай же, Катерина Микулична,
У васъ есть-то въ домѣ да кованы ларцы,
Вы замкните меня во кованый ларецъ“.
Какъ пошла она по новымъ сѣнямъ,
Тутъ встрѣчала она да своего мужа.
„Что же ты, Катерина Микулична,
Въ одной рубашечкѣ безъ костычка [1]),

[1]) Сарафана.

Въ однихъ чулочикахъ, безъ башмаковъ“?
Отвѣчатъ тутъ Катерина Микулична:
— Послѣ васъ-то вѣдь я да поразмоглась.—
Поворотъ тутъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
Ко той дѣвченочкѣ черной:
„Стала говорить, такъ договаривай,
Стала доказывать, доказывай“.
— Ай же ты, любимой нашъ хозяйнушко,
Сходите вы на стойку на кониную,
Тамъ увидаете конюшка Чурилина.—
Сходилъ-то Бермасъ да сынъ Васильевичъ
На стойло на кониное,
Увидалъ тамъ конюшка Чурилина.
Тутъ приходитъ онъ ко своей Катеринѣ Микуличнѣ:
„Что же есть Чурилино конишечко“?
Отвѣтъ держитъ Катерина Микулична:
— Во чистомъ полѣ оны да разъѣзжаются
Со моимъ оны братцемъ родимыимъ,
Оны другъ другу встрѣчу стрѣчалися,
Оны златыми крестами побраталися,
И добрыма конями помѣнялися.—
И поворотъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
Онъ ко своей ко вѣрной служаночкѣ:
„Что знаешь, такъ теперь-же ты доказывай“.
И спроговоритъ вѣрная служаночка:
— Ай же ты, любимый нашъ хозяинъ,
Извини, прости ты насъ да во всей глупости:
У васъ есть-то въ домѣ кованы ларцы.
Ты возьми-ко ларецъ да во бѣлы руки,
Подъими-ко ларецъ да выше головы,
Ты пусти-ко ларецъ да на дубовый полъ—
На три части ларецъ да поразлетится,
Оттуль выскочитъ Чурилушко Пленковичъ.—
Поскорешенько онъ тутъ поворачается
Во свои во свѣтлыя свѣтлицы;
Тутъ бралъ онъ свои да кованы ларцы,
Онъ кидаетъ ларецъ да о дубовый полъ,—
Оттуль повыскочилъ Чурилушка Пленковичъ.
Молодецкое сердечко разгорѣлося...
Онъ беретъ да свою саблю острую,
Срубилъ тутъ у Чурилы буйну голову.
Онъ сдымаетъ саблю да выше головы,
Срубить хочетъ у Катерины буйну голову.
Съ горючьми слезми она да помолилася,

Своему да мужу покорилася,
Чтобы не срубилъ-бы онъ да буйной головы.
Молодецкое сердечко уходилося.

Записана Е. В. Барсовымъ въ Обонежьи; напечатана П. В. Шейномъ въ Чтеніяхъ въ И. О вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1877 г., кн. 3.

49. Дюкъ Степановичъ.

Нѣту на силу Самсонову
Что того же Самсона Колыбанова,
Нѣтъ на счастье осударя Ильи Муромца,
На вѣжество Добрынюшки Никитича,
На ярость Олешеньки Поповича,
На имѣнье Садка — купца богатаго,
На злату казну Дюка сына Степанова.
Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ,
Крытъ былъ мѣдью зеленою,
Зеленою мѣдью козарскою,
Котора дороже красна золота.
Кругъ Дюкова широка двора
Оградушка ведена была булатная;
По той по оградѣ булатныя
Сажены были вѣнчики красна золота;
Во той во оградѣ булатныя
Надѣланы были бойни-кузницы,
Теплы конюшни стоялыя;
Въ нихъ стоятъ жеребцы неѣзжалые,
Пьютъ-то, ѣдятъ траву шелковую,
Запиваютъ водой свѣжей, ключевою;
Во той-то оградѣ булатныя,
Было триста столбовъ серебряныхъ,
Четыреста было золоченыхъ,
Мѣдныхъ и желѣзныхъ числа-смѣты нѣтъ.
Хорошо-то было у Дюка устроено:
Крылечко у Дюка хрустальное,
Тетивка(?) у Дюка позолочена,
Дворцы у Дюка хрустальные,
Колечко у Дюка красна золота,
Подворотенка у Дюка рыбій зубъ,
Мостики у Дука всѣ казёные(?),
Печки у Дюка муравлены,
А топятъ дровами калеными [1]),

[1]) Кленовыми?

Помёлышкомъ пашутъ самошелковымъ,
Пекутъ-то колачики крупичаты,
Въ сыту во̀ду купаютъ медвяную.
Колачикъ сьѣшь, другого хочется,
А третьяго колачика душа бѣжитъ(?).
Не бѣлинька березка къ землѣ клонится,
Ужъ какъ Дюкъ-отъ передъ матушкой челомъ бьетъ:
„Благослови меня, матушка родимая,
Мнѣ-ка съѣздити во городъ-отъ во Кіевъ-отъ,
Посмотрѣть мнѣ на князя со книгинею,
Посмотрѣть мнѣ всѣхъ русскихъ богатырей".
Говоритъ ему матушка родимая:
„Ты напьешься, Дюкъ, зелена вина,
Во хмелю мое чадо неустройное,
На рѣчахъ мое чадышко зашибисто,
Похвастаешь, Дюкъ, широкимъ дворомъ,
Похвастаешь, Дюкъ, золотой казной".
Говоритъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ,
Говоритъ во второй наконъ:
„Благослови-тко се, матушка родимая,—
Съѣздить ко городу ко Кіеву".
Говоритъ ему матушка родимая:
„Ты похвастаешь широкимъ дворомъ,
Ты похвастаешь золотой казной,
Ты похвастаешь родной матушкой."—
Говоритъ-то Дюкъ во третей наконъ:
„Благослови-тко, матушка родимая,
Съѣздить ко городу ко Кіеву,
Посмотрѣть князя со княгинею,
Русскихъ могучихъ богатырей".—
—Тебя Богъ благословитъ, дитятко,
Ѣхать ко городу ко Кіеву.—
Сбирается Дюкъ сынъ Степановичъ;
Ведетъ-то лошадочку малешеньку;
Малешенька лошадочка, удалёшенька.
Поѣхалъ Дюкъ сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву
На той на лошадочкѣ малешенькой,
На малешенькой лошадочкѣ, удалешенькой;
Она горы и долы промежъ ногъ беретъ,
Быстры рѣчки перескакиваетъ.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ,
Ѣдетъ Дюкъ къ Божьей церквѣ,
Сходитъ со добра коня,

Привязываетъ ко злату кольцу.
Пошелъ-то Дюкъ сынъ Степановичъ
Во ту церковь воскресенскую.
Служатъ тамъ, читаютъ
Службу воскресенскую.
Зашелъ-то Дюкъ сынъ Степановичъ
Во ту церковь во Божiю.
Крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому.
Кланяется чуднымъ образамъ,
Еще кланяется на всѣ четыре стороны,
Ставился во мѣсто во удаленое;
Никто Дюка не можетъ признати.
Служатъ, поютъ попы церковные.
Отслужили обѣдню воскресенскую,
Пошли-то отъ обѣдни воскресенскiя;
Пошелъ Владимиръ стольно-кiевскiй
Со своими русскими богатырями.
Пошелъ осударь Илья Муромецъ,
Идетъ осударь Илья Муромецъ,
Призналъ онъ Дюка Степановича,
Что быть-то Дюку Степановичу.
Зоветъ Дюка на почестенъ пиръ,
Зоветъ Дюка Степановича.
Пошли-то изъ Божьей церкви,
Садились они на добрыхъ коней,
Поѣхали они по городу,
Поѣхали они по городу по Кiеву.
У нихъ кони скакомъ скачутъ,
А у Дюка идетъ ступью бродовою.
Говоритъ Дюкъ: „У меня такiя лошадочки водовозныя“.
А говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Ты не хвастай, Дюкъ Степановичъ“.
Прiѣхали ко Владимиру на широкiй дворъ,
Заходили ко Владимиру во палаты бѣлокаменны,—
Во гридню княжескую.
Повелся у Владимира почестенъ пиръ;
Садили-то Дюка во больше мѣсто,
Во больше мѣсто,—во большой уголъ,
Обносятъ по чарѣ зелена вина;
Хмелина во Дюкѣ появилася.
Сидитъ-то Дюкъ прирасхвастался;
Вотъ-то колачики крупичаты,—
Объѣдаетъ корочки верхнiя,

Нижнія корочки подъ столъ спущаетъ:
„У васъ пахнутъ колачики на сосенку;
У нашей у матушки
Колачикъ съѣшь, другого хочется,
О третьемъ колачикѣ душа бѣжитъ“.
Говоритъ-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
„Есть-то у меня добрыхъ коней,—
Добрыхъ коней наступчивыхъ,
Есть-то у меня золотой казны“.
Говорятъ-то бояра Владимиру:
„Что наѣхалъ мужикъ—засельщина“.
Говоритъ-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
„Еще нѣтъ у васъ имѣнья столько въ Кіевѣ:
Я ношу каждый день платьице перемѣнное“.
Говорятъ бояра Владимиру:
„Посадить надо его въ крѣпость высокую!“
Говоритъ-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
„Поѣзжайте ко матушкѣ родимыя,
Берите бумаги со чернилами,
Опишите мой широкій дворъ;
Накланяетесь вы служаночкамъ“.
Тутъ поѣхалъ Михайлушко Петровичъ
Со Олешей съ Поповичемъ.
Никто за Дюка не ручается,
Поручился за Дюка Илья Муромецъ.
Пріѣхали ко матушкѣ родимыя,
Заходятъ во палаты бѣлокаменны.
Идутъ-то Дюковы служаночки:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
Отвѣчаютъ Дюковы служаночки:
„Мы не Дюкова матушка, —
Мы Дюковы служаночки“.
Идутъ Дюковы портомойницы:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
Мы не Дюкова матушка, —
Мы Дюковы портомойницы“.
Идетъ-то Дюкова матушка:
„Здравствуйте, русскіе богатыри!
Гдѣ мое чадышко Дюкъ Степановичъ?“
Отвѣчаютъ-то Михайлушко
Со Олешенькой Поповичемъ:
„Остался во городѣ во Кіевѣ.
Хвастался Дюкъ широкимъ дворомъ,
Хвастаетъ Дюкъ золотой казной,

Хвастаетъ Дюкъ добрыми конями“.
Говоритъ-то имъ матушка родимая:
„Опишите вы широкій дворъ“.
Писали-то Михайлушко широкій дворъ
Что со тѣмъ Олешей Поповичемъ.
Не стало у нихъ чернилъ со бумагою.
Говоритъ-то матушка родимая:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Петровичъ!
Свези осударю Ильѣ Муромцу
Сапожки обродочки.
Подъ пяты пяты, хоть яйцо кати,
Подъ носки носки, воробей полети:
То Дюковы обродочки“.
Поѣхали Михайлушко
Съ Олешенькой ко Кіеву.
Пріѣхали Михайлушко ко Владиміру;
Отвѣчаютъ они Владиміру:
„Не стало-то у насъ бумаги со чернилами,
Не могли описать широка двора;
Не пустымъ дѣтина похваляется“.
Отдаютъ сапожки осударю Ильѣ Муромцу.
Тутъ Дюкъ съ осударемъ поназванились,
Поназванились, покрестовались.

Записана свящ. Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ. Напечатана въ V книгѣ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла И. О-ва Любителей Естествознанія“ въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“, ч. II-я, Народная словесность.

* 50. То-же.

Во славномъ во городѣ во Галичи,
У славнаго у Дюка у Степаныча,
Поѣзжаетъ Дюкушко во Кіевъ градъ.
Садился Дюкушко на добра коня
На бурушка косматаго.
Говорила ему матушка
Вдова чесна Мамельфа Тимофеевна:
„Ай же, ты, Дюкушко Степановичъ,
Молодый ты Дюкушко, да молодешенекъ,
Поѣдешь, Дюкушко, во Кіевъ градъ,
Есть на пути — дорожки широкіи,
Три заставушки великіи:
Первая заставушка черныхъ грачевъ, —
По-русски сказать да черныхъ вороновъ,

Вторая заставушка сѣрыхъ волковъ,
Третья заставушка и минуть нельзя“.
Видали молодьца саждаючи,
Не видали поѣзжаючи,
Пріѣзжае Дюкушко ко первой ко заставушкѣ, къ черныхъ грачевъ;
Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Бурушко поскакивае,
Отъ черныхъ грачевъ бурушко унашивае.
Ко другой заставушкѣ сѣрыхъ волковъ;
Бьетъ онъ бурушко косматаго по крутымъ бедрамъ,
Бьетъ да онъ наказываетъ;
Бурушко поскакивае,
Отъ сѣрыхъ волковъ бурушко унашивае.
Пріѣзжае Дюкушко къ той заставушки великіи
И которые минуть нельзя,
Къ тому-ли шатру бѣлополотнянну;
Рычитъ Дюкушко зычнымъ голосомъ:
„Въ семъ шатри есть-ли живъ человѣкъ?“
Отвѣчае старый козакъ Илья Муромецъ:
„Есть въ шатри въ семъ живъ человѣкъ.
Ай, да, Дюкушко Степановичъ,
Молодымъ ты, Дюкъ, да молодешенекъ!“
Такъ этотъ Дюкушко испуганъ былъ,
Говорилъ тутъ Дюкушко слово ласково:
„Одно солнышко на семъ свѣти,
Одинъ богатырь на святой Руси“.
Беретъ Илья Дюкушка за бѣлы руки
И кидае Дюкушка подъ обблоко,
Подфатитъ Дюка на бѣлы руки
И говорилъ Дюкушку таково слово:
„Ай же Дюкушко Степановичъ!
Не дамъ теби смерти напрасныи
За твои рици умильныи.
И поѣзжай, Дюкушко, во Кіевъ градъ,
Смотри, Дюкушко, горазно не похвастывай!“
Пріѣзжае Дюкушко во Кіевъ градъ
Къ тому ли ко князю ко Владимеру.
Говоритъ тутъ князь да слово ласково:
„Ай, же ты, молодець удалые,
Сильный ты могучій богатырь,
Поляница ты удалая!
Какимъ ты путемъ проѣзживалъ,
Сухимъ али мокрымъ?“
— Ѣхалъ путемъ-дорожкой широкою.—

„Тамъ у меня стоитъ старой козакъ Илья Муромецъ,
Обережатель граду Кіеву,
Никто его мимо не проѣзживалъ
И никто и не прохаживалъ“.
Заводили они пиръ великіе,
Сидитъ Дюкушко да угощаетце,
Сидитъ да выговариваетъ:
„У моей то у матушки у родные,
У вдовы честной Мамельфы Тимофеевны,
Калачикъ то съѣси, дакъ по другомъ душа горитъ;
Квасу то у насъ погреба стоятъ широкіе,
Трубы шатались мѣдные, квасы не затыхалисе.
У моей то у матушки помелька-ты шековыи,
У васъ во городѣ во Кіеви
Помелька ты сосновыи“.
Они спорилисе со Дюкомъ со Степановичемъ,
Да и со княземъ со Владимеромъ,
Да и со Чуриломъ сыномъ Пленковичемъ
Щапить щеголять по три года,
Въ каждой день держать да платье смѣнное.
Посылае Дюкушко Степановиць
Ко своей матушкѣ ко родные
Обцѣньщиковъ и переписчиковъ
Оцѣнить животы Дюка Степановича.
Выбирае князь людей хорошіихъ,
Молодыхъ ребятъ ученыихъ.
Пріѣзжаютъ во городъ во Галицинъ,
Смотрѣли на животы Дюка Степановича:
Идутъ работники отъ службы великіе,
На ихъ да платье цвѣтное,
Работници убраныи,
Оны думали идетъ да родна матушка
Того ли Дюка да Степановиця,
Они да имъ да поклоняютце,
Говорили они: „да что за люди вельможи великіи?
Ай же государыня, матушка Дюка Степановича,
Пріѣзжаемъ мы цѣнить животы Дюка Степановича“.
Не могли оны толку дать да своимъ размыслить разумомъ,
Воротились во градъ да стольнокіевскій
Къ тому ли ко князю ко Владимеру.
Посылае Дюкушко Степановиць
Своего бурушка косматаго
Ко своей матушкѣ къ Омельфы Тимофеевнѣ
За платьями убраными,

Которы держать на три годы,
Каженъ день платья смѣнныи.
Говоритъ Владимеръ таково слово:
„Ай же ты, Дюкушко Степановицъ,
Дороги-ли у васъ бурушки
Во городѣ во Галичини?“
— Есте бурушки по одному рублю,
Есть и по два рубли,
Моему то бурушку и цѣны нѣтъ. —
Обряжали Чурила всѣмъ градомъ Кіевомъ;
На остатьню обѣдню Христовскую,
Надѣвае Чурило шубу соболиную:
Во петелькахъ да красны дѣвушки,
А во пуговкахъ добры молодци,
А Дюкушко Степановицъ одѣвае шубу соболиную:
Во пуговкахъ да львы - звѣрье,
А во петелькахъ да люты змѣи.
Выходили отъ службы да отъ Христовскія,
Да у Дюка у Степановича,
Львы - звѣрье да запокракивали,
Лютыи змѣи да запосвистывали,
Народъ да люди добрыи
Пошли всѣ за Дюкомъ за Степановицемъ,
Говоритъ тутъ Дюкушко да таково ласково слово:
„Ай же ты, Чурило сухоногіе,
Тебѣ щеголять съ дѣвками да съ бабами,
А не съ нами тебѣ щеголять да съ молодцами“.
Эта суть съ Чуриломъ да прикончилась;
Уѣзжае Дюкушко во городъ свой во Галичъ
Ко своей матушкѣ да родныи
Ко честной вдовы Мамельфы Тимофеевны.

Записана Г. И. Куликовскимъ лѣтомъ 1886 года отъ крестьянина Якова Семенова Еремѣева въ деревнѣ Трихнова Горка, на Кенозерѣ, въ Олонецк. губ.

51. То-же.

Было у Дюка испостроено,
Все было у Дюка исподѣлано:
Домъ у его на семи верстахъ,
А и крытъ онъ мѣдью казарскою,
Еще котора была дороже красна золота;
Огородочка была да на семидесяти верстахъ,

Еще триста столбовъ да серебряныхъ,
Еще четыреста столбовъ да позолоченыихъ,
А и мѣднымъ да желѣзнымъ еще счету нѣтъ.
Въ дому его было три церкви, три Божіихъ:
Еще первая церковь Спасу Пречистому,
Вторая церковь Богоматери,
Третья церковь Дюковой родной матушкѣ.
Просился Дюкъ сынъ Степановичъ:
„Пусти-ка меня, мати, ко князю ко Владимиру,
Еще на людей посмотрѣть да себя показать".
— Ужъ ты гой еси, мое чадушко, родимое да любимое,
Ты еще годами молодешенекъ, а умомъ глупешенекъ;
Поѣдешь ко Владимиру, еще прирасхвастаешься
Своимъ житьемъ-бытьемъ да богатствомъ.—
А и поѣхалъ тутъ Дюкъ да не дорогою,
Выѣзжалъ-ли Дюкъ да не воротами;
Горы да долы промежъ ногъ онъ бралъ,
Быстрыя рѣки перескакивалъ.
Пріѣзжаетъ онъ во крашенъ Кіевъ градъ,
Скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Перескакивалъ черезъ башни науголныя,
Доѣзжалъ до князя до Владимира;
Оставлялъ онъ коня не приказана да не привязана;
Заходилъ Дюкъ да на красно крыльцо;
Заходилъ онъ да во новы сѣни;
Новыя сѣни выгибалися;
Заходилъ тутъ Дюкъ да во свѣтлу гридню:
„Ужъ ты гой еси, княгинюшка Апраксія!
Ужъ и гдѣ у насъ Владимиръ да стольно-кіевскій"?
Владимира да дома не случилося,
Владимиръ то былъ во Божьей церкви,
Во Божьей церкви да Богу молился.
Поѣхалъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ
Ко той-ли да ко Божьей церкви.
Становилъ коня не приказана да не привязана,
Самъ пошелъ Дюкъ да во Божью церковь,
Становился Дюкъ во мѣстечко гостинное.
На отходѣ у Владимира служба стала,
Посылалъ да Владимиръ своихъ слугъ вѣрныхъ:
„Ужъ вы гой еси, да слуги вѣрные!
Вы спросите-тко да добра молодца,
Какого онъ отечества, какого молодечества".
Говорилъ онъ имъ: „зовутъ меня Дюкъ Степановичъ".
Подходилъ тутъ Владимиръ стольно-кіевскій

Ко тому-ли да добру молодцу:
„Ужъ ты здравствуй-ка, Дюкъ Степановичъ!
Просимъ милости ко мнѣ хлѣба соли ѣсть,
Хлѣба соли ѣсть да пиво съ медомъ пить“.
Пошли они изъ Божьей церкви,
Сѣли на коней своихъ добрыхъ.
Ѣдетъ Дюкъ ступью бродовою,
А Владимиръ ѣдетъ во всю рысь лошадиную.
Доѣхали до палатъ княжевскихъ,
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они во новы сѣни,
Заходили они во свѣтлу гридню.
Садились они за столы за дубовые,
Садились они за кушанья за сахарныя,
Садились они за столы за медвяные.
Принесла тутъ княгиня перву ѣству калачики,—
Верхню - то корочку Дюкъ ѣстъ,
А исподню-то подъ столъ спущаетъ.
Говорилъ тутъ Владимиръ да стольно-кіевскій:
„Что ты, Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Верхню корочку ѣшь, а исподню подъ столъ спущаешь“?
Говорилъ ему Дюкъ Степановичъ:
„Пахнутъ у васъ калачики да на сосенку:
Пашутъ у васъ печи да помелышками сосновыми,
Да купаютъ помелышки въ ключевой воды.
У меня-то матушка да испечетъ калачики
Первый съѣшь да пуще хочется,
И второй-то съѣшь да пуще хочется,
На третей-отъ калачикъ душа бѣжитъ.
А и пашетъ она помелышками шелковыми,
А купатъ-то она помелышки да въ медову воду“.
И разспорилъ тутъ Дюкъ да со Владимиромъ:
„Проношу, говоритъ, три года платье на обновочку“.
И выискалось тутъ три боярина у Владимира:
„Проносимъ, говорятъ, и мы три года платье на обновочку“.
Носили тѣ бояра платье на обновочку,
А носили онѣ годъ да полгода.
А Дюкъ-то Степановичъ носилъ три года,
А и каженный день носилъ онъ сапожки шиты краснымъ золотомъ,
Высажены сапожки скатнымъ жемчугомъ.
Посылалъ тутъ Владимиръ Алешеньку Поповича
Да еще того Илеюшку Муромца:
„Поѣзжайте-ка вы да ко Дюковой родимой матушкѣ,
Отнимите вы все его имѣнье богачество“.

Ужъ и говоритъ имъ Дюкъ Степановичъ:
„Ужъ вы гой еси, Алешинька Поповичъ да Илеюшка Муромецъ!
Ужъ накланяетесь вы моимъ да портомойницамъ,
Вмѣсто моей родимой матушки“.
Пріѣхали они да ко Дюкову дому,
Заходили они да во свѣтлу гридню
И кланялись они Дюковымъ портомойницамъ,
Вмѣсто Дюковой родной матушки.
Говорятъ имъ портомойницы:
„Мы не Дюкова родна матушка,
Мы-ли да портомойницы;
Дюковой матушки дома не случилося,
Дюкова матушка да во Божьей церкви“.
Пошли тутъ они да во Божью церковь,
А на встрѣчу имъ идутъ да портомойницы,
Они кланяются да тѣмъ портомойницамъ,
Да вмѣсто Дюковой родной матушки.
А Дюкова матушка позади идетъ:
По косичкамъ у ей часты звѣзды,
На затылкѣ у ей младъ ясенъ мѣсяцъ,
А на лбу у ей красно солнышко.
И кланяются они Дюковой родной матушкѣ.
Говоритъ-то имъ да Дюкова матушка:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
Просимъ милости хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить“.
— Мы пришли къ тебѣ не хлѣба соли ѣсть,
Мы пришли къ тебѣ имѣніе-богачество описывать.
Заводила она ихъ да во перву комнату;
Не могли они описать всего имѣнія и въ одной комнатѣ.
Тутъ приносила она имъ перву яству колачика:
Ужъ какъ первый съѣшь, пуще хочется,
И второй-отъ съѣшь, да пуще хочется,
На третей-отъ калачикъ душа бѣжитъ.
Тутъ поѣхали они ко князю ко Владимиру
И разсказали ему все, что съ ними прилучилося.
И похвасталъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
Ты продай, говоритъ, крашенъ Кіевъ градъ,
Ты купи-ко бумаги со чернилами,
Поѣзжай да описывай мой широкій дворъ.
„Ужъ вы гой еси, Илья Муромецъ, Добрынишка да Алешинька,
Поѣдемъ-ко скакать черезъ быстру рѣку
На тѣхъ же коняхъ добрыихъ“.
Приразъѣхались удалы да на три поприща:
Скакалъ первый Дюкъ Степановичъ,

Добрый конь его горы промежъ ногъ бралъ,
Выскакивалъ онъ да черезъ быстру рѣку.
А и не могли тѣ выскочить черезъ быструю (рѣку).
Тутъ-де они и уходилися.

Записана А. М. Никольскимъ въ г. Мезени, Арханг. губ. Напечатана въ „Матеріалахъ по Этнографіи русскаго населенія Архангел. губ.“, собранныхъ П. С. Ефименкомъ. Ч. 2-я, стр. 35—37.

52. То-же.

Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатыя,
Снаряжается, убирается
Молодой бояринъ боярскій сынъ, Дюкъ Степановичь:
„Свѣтъ государыня матушка,
Дай-ко ты прощенье и благословеньице
Ѣхать ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру;
Скажутъ—Кіевъ-градъ на горы стоитъ,
А Владиміръ князь ласковъ есть,
На пріѣзди добрыхъ молодцевъ чествуетъ,
А на поизди даритъ несчетной золотой казной“.
И поѣхалъ послѣ заутрини Христовскія,
А пріѣзжаетъ ко обидни ко Христовскія
Въ Кіевъ-градъ, на широкъ дворъ,
И привязыватъ своево добра коня
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
И приходитъ во Божью церковь,
Онъ крёстъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то веде по ученому.
Онъ кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны,
Князю Владиміру въ собину:
„Здравствуй, Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!“
— Ты отколь, удалъ дороднеи, добрый молодецъ,
Тебя какъ именёмъ зовутъ,
И какъ величаютъ по отечеству?—
„Я есть изъ Волынца-города, изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатыя
Молодой бояринъ, боярскій сынъ, Дюкъ Степановичь“.
— Пожалуй-ко, молодой бояринъ,
Боярской сынъ, Дюкъ Степановичъ,

Ко мнѣ хлѣба-соли покушати.—
Приходитъ во гридню-палату бѣлокаменну,
Онъ крёстъ-то кладе по писаному,
Поклонъ-то ведё по ученому..
Онъ кланяется, поклоняется
На всѣ на четыре-то стороны;
„Здравствуй, княгина Апраксія!“
— Ты поди-ко, удалъ, дороднiй добрый молодецъ,
Ты коей земли, коей орды?
Какъ тебя именёмъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?—
„Я есть изъ Волынца-города, изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатыя
Молодой бояринъ, боярской сынъ, Дюкъ Степановичь“.
— Садись-ко ты, Дюкъ Степановичь,
Хлѣба-соли кушати.—
Всѣ сили князи и бояри
Хлѣба-соли кушати,
И взялъ молодой бояринъ, Дюкъ Степановичь
Колачикъ крупивчатой,
И увидалъ молодой бояринъ, Дюкъ Степановичь
Подъ колачикомъ сосновую иголочьку.
„Здѣсь-то“, говоритъ, „видно помелча сосновыи,
А какъ у моёй-то́ родители-матушки
Помялча-то шелковыи“.
И говоритъ тутъ Олеша Поповичь:
„Этоё, дядюшка, дѣтинище-обманище,
У боярина уѣхалъ, коня угналъ“.
И говоритъ тутъ Чурила Щапоплёнковичь:
„Что ты прiѣхалъ, дѣтинище-обманище,
Своимъ животомъ хвастаешь,
Да своей родитель-матушкой?—
Ударимъ со мной о великъ закладъ на три года:
Чтобы въ каждый день носить платья перемѣнныи“.
И ударили они о великъ закладъ
Въ каждой день носить платья перемѣнныи,
Щеголять во Кiевѣ во городѣ;
И по Чурилы Щапоплёнковѣ
Ручается весь Кiевъ градъ,
А по Дюкѣ Степановичѣ
Нехто̀ не ручается,
Только ручается старой казакъ, Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня Никитинецъ.
И посылаетъ молодой князь

Владимиръ стольно-Кіевской
Дюкова имѣнья описывать,
И посылатъ Добрыню Микитинца:
„Поѣзжай, Добрыня Микитинецъ,
И опиши имѣніе Дюково,
И прикажи привести щеголять Дюку Степановичу
Платья перемѣнныи на три года̀,
Каждой день перемѣнять“.
И поѣзжатъ Добрыня (Микитинецъ)
Ко Волынцу городу Галичу,
Ко той Корелы да богатыя.
И пріѣзжатъ Добрыня Никитинецъ
Ко Дюку ко Степанову на широкъ дворъ,
И привязыватъ своево коня доброва
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
Идетъ въ палату бѣлокаменну;
Встрѣтилась ему Дюкова портомойница;
И говоритъ Добрыня Никитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Да нѣтъ,—говоритъ,—я не Дюкова матушка,
А Дюкова портомойница. —
Опять встрѣчается ему Дюкова постельница;
И говоритъ Добрыня Микитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Я не Дюкова матушка,
А Дюкова постельница.—
Еще подходитъ Добрыня Микитинецъ,
Встрѣчается ему Дюкова стольница,
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Я не Дюкова матушка,
А Дюкова стольница.—
И приходитъ Добрыня Микитинецъ
Во гридни столовыи,
Онъ крёстъ-то кладё по писаному,
Поклонъ-то ведё по ученому,
Кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны:
„Здравствуй-ко, Дюкова матушка!“
— Ты поди-ко, удалъ да дородній добрый молодецъ,
Ты откуль ѣдешь,
Откуль путь держишь?—
„Я отъ города отъ Кіева,
Отъ ласкова князя отъ Владимира;

Твой-то молодой Дюкъ Степановичь
Ударилъ о великъ закладъ
Съ Чурилой Щапоплёнковымъ—
На три года въ каждой день
Носить платья перемѣнныи,
И захвастался онъ своимъ богачествомъ несчетнымъ;
И приказалъ мнѣ князь
Владимиръ стольно-Кіевской
Описать ваше имѣніе".
И говоритъ тутъ Дюкова матушка:
„Ай вы, вѣрныи мои служаночьки,
Возмите-тко коромыселко желѣзное
И положите-тко на коромыселко золоты ключи,
И ведите-тко Добрыню Микитинца
Во погребы глубокіи,
Покажите Дюково имѣніе".
И прошелъ Добрыня Микитинецъ
По погребамъ глубокіимъ,
И написалъ онъ три строчьки злаченыихъ:
„Три года жить — имѣнія описывать,
Да не описать Дюкова имѣнія".
И приказалъ Дюковой матушки
Везти Дюку платья перемѣнныи
Ко Кіеву ко городу,
И привезли платья перемѣнныи
Во Кіевъ градъ, и стали щеголять
Съ Чурилой Щапоплёнковымъ,
И въ каждый день все платья лучше
У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошили они платья Христовскія —
Идти ко заутрени Христовскія.
И отходятъ они отъ заутрени Христовскія,
И глядитъ князь Владимиръ стольно-Кіевской
На платья на Чурилины,
И говоритъ Владимиръ князь:
„Ну, Чурила Щапоплёнковичь,
Платья были у Дюка Степановича лучше твоихъ,
А топерь ты перещеголялъ Дюка Степанова, —
Платья твои лучше Дюки Степанова".
И поглядитъ на платья на Дюковы,
И говоритъ Владимиръ стольно-Кіевской...
И повелъ Дюкъ Степановичь
По своимъ по пуговкамъ золоченымъ,

На пуговкахъ были написаны змѣи лютыи,
И засвистали змѣи лютыи
На тѣхъ пуговкахъ злаченыихъ.
И говоритъ князь Владимиръ стольно-Кіевской:
„Нечево бы тебѣ, Чурила Щапоплёнковичь,
Соваться и бить съ Дюкомъ о великъ закладъ,
Въ каждой день тебя
Дюкъ Степановичь перещеголивалъ“.
Это Чурилы пришло не по сердцу,
И говоритъ Чурила Щапоплёнковичь:
„Ударимъ-ко еще о великъ закладъ —
Перескочить на коняхъ на добрыихъ
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
О своихъ головахъ-то о буйныихъ:
Которой перескочитъ,
Тотъ удалъ дороднеи доброй молодецъ,
А кто не перескочитъ,
Отсѣчь тому буйная голова;
Будетъ ходить по бѣлу свѣту, шататися
И хвастаться своей удачей молодецкою“.
И поѣхалъ Дюкъ Степановичь
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
На своёмъ на кони доброемъ,
И перескочилъ его конь доброй
Черезъ Днѣпру черезъ широкую.
И поѣхалъ вслѣдъ Чурила Щапоплёнковичь,
Упогрузъ его конь доброй
Осередь Днѣпры широкія,
Съ Чурилой Щапоплёнковымъ.
И видитъ Дюкъ Степановичь,
Что потонетъ Чурила Щапоплёнковичь
Осередь Днѣпры широкія,
И скочилъ Дюкъ Степановичь
Назадъ черезъ Днѣпру черезъ широкую
И вытащилъ Чурилу со добрымъ конемъ.
И говоритъ Дюкъ Степановичь:
„Теперь надо отсичь тебѣ буйна голова“.
И стали Дюка опрашивать всѣмъ Кіевомъ:
„Ну пусть ты, Чурила Щапоплёнковичь,
Упрошенъ всѣмъ Кіевомъ,
Я тебѣ по бѣлу свѣту второй батюшко„.

Записана со словъ Пудожскаго уѣзда, Кугонаволоцкой волости, прихода Водлозерско-Пречистенскаго, деревни Большой-Поги, 75-лѣтняго крест. Ивана Григорьева Захарова, священникомъ Іоанномъ Первенцевымъ. Напечатана Е. Барсовымъ въ „Памятникахъ Народ. Творчества въ Олонецк. губерніи“, стр. 71—77.

53. То-же.

Изъ-за лѣсику было, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокiихъ,
Выѣзжалъ-то тутъ добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ
На своемъ-то на добромъ конѣ *въ* буромъ бахматѣ.
Подъ нимъ добрый конь, что лютой звѣрь разыграется,
Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ, какъ ясёнъ соколъ,
За плечами-то у него крѣпкiй лукъ-колчанъ,
Въ колчанѣ-то у него не мало стрѣлъ,
Что кажинная *быстра* стрѣлочка во пятьсотъ рублей,
А тремъ стрѣлочкамъ завѣтнымъ и цѣны-то нѣтъ;
Во ушахъ у нихъ перышки орлиныя,
Не тѣхъ орловъ, орловъ турскихъ, все заморскихъ,
Что *вилися* на синемъ морѣ, на Кiянь-морѣ,
Да роняли свои перышки во Кiянь-море.
Собирали-то эти перышки корабельщики,
Привозили они эти перышки въ каменну Москву,
Добрымъ молодцамъ эти перышки въ калены стрѣлы,
Краснымъ дѣвушкамъ, да молодушкамъ на диковинку.
Вотъ поѣхалъ онъ, Дюкъ Степановичъ, во чисто поле,
Онъ натягивалъ тугой лукъ *крѣпкой* ручкою,
Онъ накладывалъ на тетивочку калену стрѣлу;
Онъ по днямъ стрѣлялъ, по ночамъ сбиралъ *свои* стрѣлочки;
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горитъ воску яраго...

Сильно подправленное начало былины записано у Уральскихъ казаковъ, напечатано въ „Библiотекѣ для чтенiя“ 1861 г. № 3 и затѣмъ помѣщено Н. Г. Мякушинымъ въ его „Сборникѣ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“, стр. 7-я. Курсивомъ отмѣчены выраженiя очевидно подправленныя. Въ ст. 4-омъ—собственное названiе коня *Бахматъ* принято повидимому за *бешметъ*.

*54. Суханьша Замантьевъ.

Выѣзжалъ Суханьша Замантьевъ сынъ
За зайцами, за лисицами,
За тѣми волками рыскучами.
Случилось ему доѣхать до быстра Днѣпра.
Течетъ быстрой Днѣпръ не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Пожиратъ въ себя круты бережки,
Вырыватъ въ себя желты, скатны пески,
По подбережку несетъ ветловой лѣсъ,
По струѣ несетъ крековой лѣсъ,

Посередь Днѣпра несетъ добрыхъ коней
Со всей приправой молодецкою,
Со всей доспѣхой богатырскою.
— Что ты, батюшка, быстрый Днѣпръ,
Не по старому течешь, ты не по прежнему? —
„Надо мной стоитъ сила невѣрная
Того Мамая безбожнаго:
Идетъ онъ на домъ Пресвятыя Богородицы,
На славенъ батюшко на Кіевъ-градъ.
Половина силы переправилась,
Другая половина на другой сторонѣ;
Черному ворону въ ночь силы не скаркати,
Сѣрому волку въ ночь не обрыскати,
Доброму молодцу въ день не объѣхати“.
Тутъ Суханьши ретиво сердце возгорѣлося,
Могучи плечи расходилися;
Бѣжалъ въ силу Мамаеву,
Во днѣ бѣжалъ, во второмъ часу,
И бился, дрался трои суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи.
Куда бѣжитъ — тутъ улица,
Заворотится — переулочекъ.
Навалитъ труповъ коню до стремени,
Горячей крови до подчереза.
Въ трупахъ конь не можетъ поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.
Тутъ Суханьшу пріобранили,
Дали Суханьшѣ тридцать ранъ;
Тѣ раны были сносныя,
А три раны сердечныя,
Сердечныя раны, кровавыя.
Побѣжитъ онъ изъ силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочкѣ болотинной.
Клалъ сѣделышко черкасское
На ту кочку болотную,
Подъ облако поплавучее,
И клалъ свою буйну голову
На сѣделышко на черкасское.
Выѣзжаетъ Владиміръ князь
Во чисто поле погулять
И на Суханьшу наѣхалъ Замантьева.
„Ты, гой, еси, добрый молодецъ,
Какой ты есть и откудова?

Если вѣрной силы — побратаемся,
А не вѣрной силы — перевѣдаемся“.
Говоритъ тутъ Суханьша Замантьевъ сынъ:
— Ты, гой, еси, батюшка Володимиръ-князь,
Сеславьичъ, солнышко красное!
Неужели ты не узналъ Суханьшу Замантьева? —
Тутъ скоро князь соскакивалъ съ добра коня
И велъ его во Кіевъ градъ,
Во ту ли церковь соборную.
Тутъ Суханьша покаялся,
И тутъ Суханьша переставился.

Записана отъ старика крестьянина Половникова на Сузунскомъ заводѣ Д. П. Соколовымъ и доставлена имъ С. И. Гуляеву, изъ рукописи котораго мы взяли былину.

*55. Иванъ Гостиный сынъ.

Доброму, братцы, вездѣ добро,
Хорошему, братцы, вездѣ хорошо,
Удалому, доброму молодцу погибели нѣтъ!
Какъ во славномъ во стольномъ городѣ Кіевѣ
Что у ласковаго князя Володимира
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье великое.
Собирались всѣ князья и бояры,
Могучіе, сильные богатыри,
Вся поленица удалая.
День-то стоитъ со пòлудня,
Столъ-то стоитъ въ полустольѣ,
Сладкія кушанья въ полукушаньѣ,
Бѣлая лебедь въ полурушаньѣ.
Напиваются бояры во полупитьѣ,
Наѣдаются бояры во полу выти.
Ласковый Владимиръ князь
По полу похаживатъ по кирпичату,
По свѣтленькой гриденькѣ.
Говоритъ то князьямъ боярамъ,
Русскимъ могучимъ богатырямъ,
Всей поленицѣ удалыя:
„Кто изъ васъ, бояры, охочъ пиво пить?
Кто изъ васъ охочъ пить зелено вино?
Кто изъ васъ охочъ пить сладкой медъ?
Кто охочъ скакать на добромъ конѣ,
Отъ Кіева скакать до Чернигова?

Тридевяносто мѣрныхъ верстъ,
Съ моимъ-то со первымъ синегривымъ жеребцомъ,
Съ моимъ-то со вторымъ половогривымъ жеребцомъ,
Съ моимъ-то со третьимъ полоненымъ воронкомъ,
Который полоненъ въ хороброй Литвѣ
У татарина Тугарина Измѣевича?
Полонилъ воронка Илья Муромецъ,
Воронкомъ онъ князя жаловалъ.
Положимте, братцы, великъ закладъ,
Что великъ закладъ во пятьсотъ рублей".
Большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
Не то было изъ мѣста большаго,
Не то было изъ середняго,
Не то было изъ меньшаго,—
Вставалъ тутъ съ дубовой скамьи
Иванушко Гостиной сынъ,
Говорилъ Ванюшка таковы слова:
„Я былъ охочъ пиво пьяно пить,
Былъ охочъ пить зелено вино,
Былъ охочъ сладки меды пить,
Былъ охочъ на конѣ скакать
Отъ Кіева и до Чернигова.
Тридевять мѣрныхъ верстъ,
На своемъ бы то буромъ жеребцѣ,
На бурочкѣ на косматочкѣ,
Косматочкѣ, троелѣточкѣ.
Положимте, братцы, великъ закладъ.
Дай мнѣ, Владимиръ князь, сроку на три дня"
Недосугъ Ванюшкѣ во пиру сидѣть:
Сходилъ съ подворьица дворянскаго,
Приходилъ ко своему подворьицу,
Заходилъ къ коню на конюшеньку,
На ту-ли на конюшню бѣлодубову,
Падалъ коню въ праву ноженьку.
„Гой еси, мой бурочко косматочко,
Косматочко, троелѣточко!
Былъ я у князя Владимира,
На томъ почестномъ пиру,
Пропилъ, заложилъ буйну голову:
Держалъ я великъ закладъ
Скакать изъ Кіева до Чернигова,
Скакать тридевять мѣрныхъ верстъ,
Съ его-то первымъ синегривымъ жеребцомъ,

Съ его вторымъ половогривымъ жеребцомъ,
Съ его третьимъ полоненымъ воронкомъ,
Который полоненъ въ хороброй Литвѣ
У татарина. Тугарина Змѣевича.
Полонилъ воронка старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ;
Онъ воронкомъ князя жаловалъ".
Провѣщился конь мудрымъ языкомъ,
Мудрымъ языкомъ человѣческимъ:
„Гой еси, Ванюшка Гостиной сынъ!
Корми-ко меня пшеномъ бѣлояровымъ,
Пой-ко медовой сладкой сытицой,
Выводи-ко на луга на зеленые,
Напой меня росой медвяною.
Синегривъ-отъ жеребецъ мнѣ меньшій братъ,
Половогривъ-отъ жеребецъ середній братъ,
Полоненъ-отъ воронко—въ полѣ ровного бою,
За исто поѣду, отъ него уѣду".
Поилъ-то, кормилъ коня Ванюшка
Три дня, трое суточки.
Накидывалъ коврички на добра коня,
Сѣдлалъ онъ сѣделышкомъ черкацкіимъ;
Сѣделышко черкацкое о двѣнадцать подпругъ,
О двѣнадцати подпругъ шолковыхъ,
Не для-ради красы, ради крѣпости;
Стаетъ онъ въ стременышко булатное,
Прізжаетъ онъ ко князю ко Владимиру,
Заѣзжаетъ въ княженецкій дворъ не воротами,
А скакаетъ черезъ стѣны бѣлокаменны,
Кричитъ зычнымъ голосомъ:
„Выходи-ко, ласковый Владимиръ князь,
На широкую на улицу".
Выходитъ ласковый Владимиръ князь
На красное свое крылечушко,
Кладетъ свои ручки на перилочки,
Глядитъ онъ на бурочка на косматочка:
Отдаетъ онъ денегъ пятьсотъ рублевъ.
Видѣлъ, какъ этотъ молодецъ стоялъ,
Невидалъ, куды молодецъ убѣжалъ.

Записана въ Чумышской волости Барнаульскаго округа С. И. Гуляевымъ.

*56. Ставеръ Годеновичъ.

У ласкова князя Владимира
Было столованье почестной пиръ,
На многихъ князьевъ и бояровъ,
На всю поленицу удалую,
На всю на дружину храбрую.
Онъ всѣхъ поитъ, всѣхъ чествуетъ,
Самъ по гриднѣ похаживатъ,
Могучими плечами поворачиватъ;
Самъ говоритъ таковы слова:
„И кто меня, князя, есть славнѣе,
И кто меня, князя, есть вышее,
И кто меня, князя, есть богачее?“
Большій за меньшаго хоронится,
Отъ большаго, отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
Изъ того изъ мѣста изъ середняго
Выступалъ удалый, добрый молодецъ
На тѣ на ноженьки на рѣзвыя,
На тѣ сапожки зеленъ-сафьянъ,
На тѣ каблучки на серебряны,
На тѣ гвоздочки золочены,
По имени Ставеръ сынъ Годеновичъ:
—Я тебя, князя, не славнѣе,
Я тебя, князя, не вышее,
Только я тебя, князя, побогачее:
У меня то было въ Столѣ-городѣ
Стоялъ домишко не корыстненькой,
Не корыстный домишко на верстѣ стоитъ,
На той верстѣ пятисотныя;
Кругъ того дома желѣзный тынъ,
На каждой тынинкѣ по маковкѣ,
По маковкѣ да позолоченной;
По свѣчкѣ горитъ да воску яровой.
Во тѣмъ во тыну стоятъ три терема,
Три терема златоверховаты:
Полъ-середа одного серебра,
Лавицы, булавицы золотыя,
Стѣны лисицами убиваны,
И не здѣшними лисицами, заморскими.
Во первомъ терему золотая казна,
Во второмъ терему платье цвѣтное,
Во третьемъ терему молодая жена,

Молодая Василиса, дочь Никулишна.
У ней бѣлое лицо ровно бѣлый снѣгъ,
Ягодицы ровно маковицы,
Черныя брови черна̀ соболя
Ясныя очи—ясна сокола,
Ретивымъ она сердцемъ хитра-мудра.—
Злые бояры подмолчивые
Говорятъ таковы слова:
„Гой еси, батюшко Владимиръ князь!
Хвастаетъ Ставеръ да небыльей своей,
Небыльей своей да молодой женой;
Нѣтъ ничего у него!“
За то его посадили въ шанцы глубокіе,
Заслонили заслонами желѣзными,
И заклали дерномъ чернымъ мумренымъ,
Уростили травами зелеными.
И тутъ посылатъ ласковый Владимиръ князь
Алешу Поповича, Добрыню Никитича
Взять Василису дочь Микулишну
И везти ее во стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру;
Дорогой надъ ней насмѣятися.
Узнавала Василиса, дочь Микулишна,
Собирала она пятьдесятъ молодцовъ,
Собирала она пятьдесятъ лошадей.
Подстригала она себѣ русы волосы,
Назвала себя Василій сынъ Васильевичъ.
Садились они на добрыхъ коней,
И поѣхали они во стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру;
И дорогой ей попадаются
Два удалые добра молодца—
Добрыня Никитичъ да Алеша Поповичъ младъ.
И спрашиваетъ Василій сынъ Васильевичъ:
„Вы куда, ребятушки, поѣхали?“
— Мы поѣхали отъ ласкова князя Владимира
Во Черниговъ-градъ взять Василису, дочь Микулишну,
Взять ее нѐчестно,
Да дорогой надъ ней наругатися. —
„Нѣтъ, вы, ребятушки, не ѣздите!
Ѣдетъ отъ нее посолъ грозенъ
И ѣдетъ Василій, сынъ Васильевичъ.
Поѣзжайте вы, ребятушки, во Кіевъ-градъ
И скажите князю Владимиру,

Чтобы ладилъ онъ пятьдесятъ фатеръ,
Я самъ стану ко ласкову князю Владиміру
Въ хоромы княженецкія“.
Тутъ то молодцы воротилися,
Пріѣзжаютъ ко ласкову князю Владиміру;
Говорятъ они Солнышку Сеславьичу,
Говорятъ таковы слова:
— Гой еси, батюшко Владиміръ князь,
Ѣдетъ отъ Василисы, дочь Микулишны,
Ѣдетъ грозенъ посолъ. —
И велѣлъ онъ очистить пятьдесятъ фатеръ,
А самъ посолъ ко ласкову князю Владиміру
Въ княженецкій дворецъ.
Пріѣзжаетъ Василій, сынъ Васильевичъ,
Заходитъ вь палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ по писáному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владиміръ князь,
Со душечкой со княгинею!
— Добро жаловать, удалый, добрый молодецъ,
И ты Василій сынъ Васильевичъ!
Поиграмъ-ко со мной костью, картами.—
И пили, играли, проклажалися,
Костью, картами забавлялися.
И узнала его молодая княгиня Апраксія:
„Гой еси, ласковый Владиміръ князь!
Это не Василій сынъ Васильевичъ,
Это Василиса, ровно, дочь Микулишна;
Потому она идетъ тихошенько,
На лавку садится — колѣнцы жметъ“.
И проговоритъ ласковый Владиміръ князь:
— Гой еси, мои слуги вѣрные!
Истопите-ка банюшку-пàрушу,
Этого я посла извѣдаю. —
Истопили банюшку-парушу.
— Пожалуйте, Василій сынъ Васильевичъ,
Со ласковымъ княземъ Владиміромъ
Во банюшку - парушу. —
У нее ужъ были вѣнички измылены,
Мыльца были припасеныя;
Докуль ласковый Владиміръ князь
Ладился въ банюшку - парушу,
Василій Васильевичъ вымылся, выпарился,
Идетъ навстрѣчу князю Владиміру:

„Спасибо тебѣ, ласковый Владимиръ князь,
Спасибо на банюшкѣ-парушѣ:
Я выпарился, вымылся“.
И сходилъ ласковый Владимиръ князь,
Сходилъ одинъ въ банюшку-парушу.
И зачали они опять играть костью, картами.
И проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
— Не умѣешь-ли ты, Василій, поборотися?—
„Пожалуй, могу сходить, поборотися“.
И высылаетъ онъ на Василья Алешу Поповича.
И пошелъ Алеша Поповичъ младъ
Съ Васильемъ Васильевичемъ боротися.
И поборолъ Василій Васильевичъ
Алешу Поповича, пнулъ подъ гузно.
И высылатъ ласковый Владимиръ князь Добрыню Никитича.
И поборола она Добрыню, пнула подъ гузно.
И проговоритъ Василій сынъ Васильевичъ:
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Не нашла я такихъ борцовъ молодцовъ,
Супротивъ Ставра, сына Годеновича,
Выводите его изъ шанца глубокаго!“
И вывели Ставра сына Годеновича
Изъ того шанца глубокаго.
И беретъ она его за бѣлы руки,
За тѣ за перстни злаченые,
И цѣлуетъ его въ уста сахарныя.
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь,
Не нашла я супротивъ его борцовъ молодцовъ:
Да у него была сваечка серебряная,
У меня колечко золоченое;
Только онъ своей сваечкой обыгрывалъ
Меня въ колечко золоченое.
И прощай, ласковой Владимиръ князь“.
Посадила Ставра, сына Годеновича,
Посадила на добра коня,
Повела во свою сторону во Черниговъ-градъ.
Тутъ-то сказала княгиня Апраксія
Ласкову князю Владимиру:
„Не умѣлъ ты развѣдати:
Не Василій вѣдь это, сынъ Васильевичъ,
Сама Василиса, дочь Микулишна:
Идетъ по полу — потихоньку шагаетъ
И на лавку садится — колѣнцы жметъ“

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ со словъ крестьянина Леонтія Тупицына.

57. То-же.

Какъ во славномъ было во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
Ужъ какъ было пированье, почетный пиръ,
Ужъ какъ было столованье, почетной столъ,
Про многихъ про князей, про бояриновъ,
Про могучихъ богатырей свѣту-русскіихъ,
Да про всю поленину удалую.
А и былъ ужъ пиръ во полу-пиру,
Съѣхались всѣ князы и бояриы,
Только нѣту одного добра молодца,
Боярина Ставра Гудимовича.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрные!
Поѣзжайте-ко вы за добрымъ молодцомъ
За Ставромъ бояриномъ Гудимовичемъ;
Вы подайте-ко Ставру мою грамотку,
Позовите Ставра на веселый пиръ“.
Какъ не дивно тому время миновалося,
Пріѣзжаетъ ко князю бояринъ Ставръ.
Онъ вступаетъ во палаты бѣлы-каменныя,
Онъ крестъ-то кладетъ да по писанному,
Онъ поклоны-то ведетъ по ученому;
Онъ кланяется да покланяется
На всѣ на четыре сторонушки,
А Владимиру князю на особицу.
И посяли всѣ за дубовы столы,
За скатерти браныя шелковыя,
За питья, за ѣствы за сахарныя.
Какъ до сыта бояре наѣдалися,
Какъ до пьяна бояре напивалися,
Промежъ собою они расхвасталися.
Хвастались бояре градомъ Кіевомъ,
Хвастались бояре златомъ, серебромъ,
Еще хвастались бояре скатнымъ жемчугомъ.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ бояринъ Ставръ
На единѣ своему товарищу:
„Ой глупые бояре, неразумные!
Они хвалятся градомъ Кіевомъ,
Они хвалятся златомъ, серебромъ,
Еще хвалятся скатнымъ жемчугомъ:
А что это за ограда во Кіевѣ

У ласковаго князя Владимира?
У меня-ли, у Ставра, широкій дворъ
Не хуже будетъ города Кіева:
Онъ строенъ у меня на семи верстахъ,
Свѣтлы свѣтлицы дуба бѣлаго,
Покрыты свѣтлицы сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ въ свѣтлицахъ черныхъ соболей,
Полъ-середа чиста серебра,—
Крючья, пробои по булату злачены.
У меня-ли, у Ставра у боярина,
Злата, серебра стоятъ кованы ларцы,
Крупну жемчугу бурмицкому нѣсть числа;
У меня ли, у Ставра Гудимовича,
Молода жена Василиса Васильевна:
Она ростомъ, дородствомъ дороднѣе всѣхъ,
Красотою, лѣпотою она краше всѣхъ,
Ея бѣлое лицо—словно бѣлый снѣгъ,
Ея черныя брови—какъ у соболя,
Ея ясныя очи—какъ у сокола;
Умѣетъ она и прясть и ткать,
Умѣетъ она изъ лука стрѣлять
Въ семисотную версту въ золотъ перстень".
А и были тутъ у князя слуги вѣрные,
Доносили они таковы слова.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ужъ вы гой еси, князи и боярины,
Вы могучи богатыри свѣту-русскіе!
Не напрасно-ли Ставръ похваляется?
Ужъ не больно-ли онъ завирается?
Вы возьмите-ко его за бѣлы руки,
Посадите-ко въ подвалы глубокіе,
Заприте-ко дверями желѣзными,
Замкните-ко замками булатными,
Замечите-ко песками рудо-желтыми;
Снарядите-ко посла грознаго
Ко двору его хвальному, широкому—
Опечатать его широкій дворъ,
Съ златомъ, серебромъ, крупнымъ жемчугомъ,
И привесть во Кіевъ молоду жену,
Молодую Василису Васильевну,
Ко мнѣ ко князю Владимиру!"
Какъ не дивно тому время миновалося,
Перепала къ Ставровой молодой женѣ,
Къ молодой Василисѣ Васильевнѣ,

Перепала вѣсточка нерадостная,
Что Ставръ де бояринъ во Кіевѣ
Посаженъ въ подвалы глубокіе,
Замкнутъ на замки на булатные,
Засыпанъ песками сыпучими.
Тутъ велитъ она искать [1] коня добраго
На ту на уздицу на тесмённую;
Сѣдлаетъ коня во черкасское сѣдло,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шолковыхъ,
Надѣваетъ на себя кудри чорныя,
А на ноги сапоги зеленъ-сафьянъ;
Подпоясываетъ палицу тяжелую,
Да подстегиваетъ свой тугой лукъ,
Что тугой свой лукъ вѣдь разрывчатый;
Называется она грознымъ посломъ
Изъ дальнія земли Золотой орды.
Что не темная туча подымалася,
Что не вихри по полю повѣяли,
Подымалася Ставрова молода жена
Со своею свитою великою
Ко славному городу ко Кіеву.—
Половину дороженьки проѣхали;
Тутъ на встрѣчу изъ Кіева грозенъ посолъ
Отъ славнаго князя Владимира.—
Они слѣзли, сошли съ добрыхъ коней,
Разбивали въ чистомъ полѣ полотнянъ шатеръ,
Какъ послы они попословалися,
По три раза они поцѣловалися,
А послѣй того садились за дубовый столъ,
За скатерти браныя шелковыя,
За питья, за ѣствы за сахарныя.
Тутъ спрашивалъ изъ Кіева грозенъ посолъ:
„Ой гой еси, удалые добры молодцы!
Вы откуда ѣдете, куда Богъ несётъ“?
Отвѣчаетъ послу таковы слова
Молодая Василиса Васильевна:
„А мы ѣдемъ изъ орды, золотой земли,
Отъ грознаго царя, хана Крымскаго,
Ко славному городу ко Кіеву,
Къ великому князю Владимиру,
Брать съ него дани, невыходы,
Еще тѣ ли пошлины великія,

---

[1] Уздать.

Ни много, ни мало за двѣнадцать лѣтъ,
За каждый годъ по двѣ тысячи“.
Изъ Кіева посолъ призадумался,
Призадумался онъ, прикручинился,
Поговариваетъ онъ таковы слова:
„А я, де, изъ Кіева грозенъ посолъ,
Ѣду ко Ставру-боярину
Опечатать его широкій дворъ
И привесть его молодую жену
Ко великому князю Владиміру“.
Отвѣчаетъ Василиса Васильевна:
„Какъ ѣзжали мы прежъ изъ Золотой орды,
Во дворѣ Ставра боярина
Останавливались на перетутіи;
А нонѣ заѣзжали—двери заперты;
Знать бояринъ Ставръ съ молодой женой
Снарядился по гостямъ гостить“.
Изъ Кіева посолъ воротился назадъ;
Поѣхалъ онъ дорогой прямоѣзжею
Ко славному городу ко Кіеву.
А и былъ онъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Доносилъ онъ князю про грозна посла.
Ужъ и больно тутъ князь запечалился
Со княгиней своей Апраксѣевной.
Въ тужъ пору пріѣзжалъ и грозной посолъ
Къ княженецкимъ палатамъ бѣлымъ-каменнымъ,
Скоро слѣзалъ со добра коня,
Входилъ во свѣтлицу во свѣтлую,
Садился на скамью богатырскую.—
А и тутъ княгиня Апраксѣевна
Выводила князя на тесовъ крылецъ,
Говорила словечко по-тихохоньку:
„Ни о чемъ ты, князь, не печалуйся;
То не грозный посолъ изъ Золотой орды,
А то Ставрова молода жена,
Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Она по двору идетъ словно уточка,
А по горенкѣ частенько переступываетъ,
А на лавку садится, колѣнца жметъ“.
Тутъ сбиралъ князь Владиміръ почётный столъ
Про многихъ князей, про бояриновъ,
Про великихъ богатырей свѣту-русскіихъ.

А и былъ ужъ день въ половинѣ дня,
А и былъ ужъ столъ во полу-столѣ,
Напивались гости, наѣдалися.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владиміръ князь
По-тихоньку княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Ой ты гой еси, княгиня Апраксѣевна!
Я ли грознаго посла провѣдаю:
Заставляю его боротися
Съ моими богатырями могучими“.
Въ ту пору прилучилися въ Кіевѣ
Удалые бойцы, добры молодцы:
Алёша Поповичъ, Илья Муромецъ,
Кунгуръ богатырь Самородовичъ,
Суханъ богатырь сынъ Дементьевичъ,
Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Да еще ребята Хапиловы.
Выходили всѣ на широкій дворъ,
Становились въ рядъ двѣнадцать человѣкъ;
А того ли посолъ не попятился:
Перваго онъ хлестнулъ въ голову,
А другаго хлестнулъ промежъ ребрами,
А третьяго хлестнулъ поперекъ хребта;
У одного мозги разлетѣлися,
У другаго ребра повыскакали,
А третій по двору окарачь поползъ;
Остальные же всѣ разбѣжалися.
Плюнулъ тутъ Владиміръ да и прочь пошелъ.
Говорилъ онъ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Глупая ты, княгиня, неразумная!
У те волосы долги, да умъ коротокъ:
Называешь ты богатыря бабою;
Такова посла у насъ еще не бывало“.
А княгиня съ княземъ заспорила:
„Эй ты ласковый, сударь, Владиміръ князь!
Да не быть этому послу грозному,
А быть Ставровой молодой женѣ.
У ней бѣлое лицо словно бѣлый снѣгъ,
У ней ягодицы—словно маковъ цвѣтъ,
А пальцы на ручкахъ тонёшеньки“.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владиміръ князь:
„Ой ты гой еси, княгиня Апраксѣевна!
Я ли посла грознаго провѣдаю:
Заставлю его изъ лука стрѣлять

Съ богатырями моими могучими"!
Выводилъ тутъ ласковый Владимиръ князь
Двѣнадцать богатырей въ поле чистое;
Стали они стрѣлять по сыру дубу.
Попадаютъ они по сыру дубу,
Да отъ стрѣлочекъ ихъ отъ кленовыихъ
Сырой дубъ только шатается,
Будто отъ погоды сильныя.
Тутъ взяла Василиса Васильевна
Во бѣлы руки волокитный лукъ,
Да тонкую стрѣлочку кленовую;
Тянула тетивочку за ухо,
Спускала тетивочку до слова;
Спѣла тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла кленова стрѣла,
Угодила она въ крыковястый дубъ,
Раздвоила дубъ на двѣ на полы,
Изломала въ черенья ножевыя.
Плюнулъ князь Владимиръ да и прочь пошелъ;
Говоритъ онъ княгинѣ громкимъ голосомъ:
„Глупая ты, княгиня, неразумная;
Называешь ты богатыря бабою;
Такого посла у насъ еще не было.
Посмотри-ко ты на крыковястый дубъ:
Мнѣ не жаль сыра дуба крыковястаго,
Только жаль мнѣ стрѣлочки кленовыя.
Не найдти ее теперь во чистомъ полѣ.
Развѣ самъ я посла провѣдаю".
Тутъ садился ласковый Владимиръ князь
Во своихъ во палатахъ бѣлыхъ-каменныхъ
Со грознымъ посломъ за широкій столъ.
Стали они играть въ шахматы
Тавлеями кленовыми, вальящетыми.
Первую заступъ заступовали—
Выигралъ у князя молодой посолъ;
Другую заступъ заступовали—
И другую заступъ посолъ поигралъ;
Третью заступъ заступовали
Шахъ да и матъ, да и подъ доску.
И сказалъ тутъ посолъ таковы слова:
„Ой ты гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Я пріѣхалъ къ тебѣ въ гости не тѣшиться:
Ты отдай-ко мнѣ дани, невыходы,

Еще тѣ ли пошлины великія,
Ни много, ни мало, за двѣнадцать лѣтъ
За всякой годъ по двѣ тысячи“.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
А и нонѣ пришло время невзгодливое;
Не торгуютъ купцы, нѣту пошлины,
А и звѣря пушнаго давно не видать;
Не чѣмъ мнѣ платить дани-пошлины,
Еще тѣ ли невыходы великіе:
Развѣ изволишь самого меня
Головою взять со княгинею“!
— „Ладно“,—проговорилъ грозенъ посолъ.
Ну, а чѣмъ же ты, князь, потѣшаешься?
А и нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть“?
Тутъ припомнилъ ласковый Владимиръ князь
Про Ставра боярина Гудимовича.
А кромѣ его въ городѣ Кіевѣ
Не было гораזднѣй на гусляхъ играть.
Посылалъ онъ по Ставра боярина.
Приводили Ставра на почетный пиръ,
Сажали Ставра супротивъ посла;
И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати:
Сыгрыщъ сыгралъ Царя-града
Танцы навелъ ерусалимскіе,
Величалъ князя со княгинею,
А кромѣ того сыгралъ еврейскій стихъ.
Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ;
Говорилъ онъ князю Владимиру:
„Ой ты гой если, ласковый Владимиръ князь!
Хоть хотѣлъ я тебя головою взять
Со княгиней твоей Апраксѣевной,—
Да не надо мнѣ дани-пошлины,
Еще тѣхъ ли невыходовъ, невыплатовъ
За двѣнадцать лѣтъ по двѣ тысячи;
Ты отдай мнѣ про все добра молодца,
Боярина Ставра Гудимовича“.
Въ ту пору князь Владимиръ сталъ радошенъ;
Отдавалъ онъ Ставра молоду послу,
Затѣвалъ пированье веселое
Про многихъ про князей, про бояриновъ,
Про могучихъ богатырей свѣту-русскіихъ,
Да про всю поленину удалую.
А Ставръ бояринъ съ молодымъ посломъ

Сѣдлали коней черкасскіихъ
И поѣзжали въ землю дальную.

Былина записана кн. Костровымъ и напечатана имъ въ его статьѣ „Онскія селенія" (Москвитянинъ 1851 г. Ч. 6, № 24, кн. 2-я, стр. 245). Не смотря на заявленіе кн. Кострова, что былина записана дословно, въ ней замѣтны нѣкоторыя литературныя подправки.

*58. То-же.

Во стольномъ во городѣ въ Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
У Владимира у князя у Солнышка,
Заводился у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бо̀яръ
И на русскіихъ могучихъ бога̀тырей,
На всѣхъ поленицъ на уда̀лыихъ;
И всѣ на пиру и сыты, и пьяны, и веселы.
Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій
Похвастыватъ самъ городомъ Кіевомъ,
Богатыри похвастывали силою,
Силою своею богатырскою.
Гости, купцы тутъ торговыи
Похвастали они тутъ товарами,
Тыма ли товарами заморскима
И соболемъ заморскіимъ,
Куницами заморскима.
Добрынюшка похвасталъ своимъ до́брымъ конемъ,
Олешинька, Поповъ сынъ, похвасталъ
Своей да золотой казной:
Есть у молодца да золотой казны безчетноей;
А умный хвастатъ отцемъ, матерью,
А неумный хвастатъ молодой женой.
Прого̀ворятъ бога̀тыри таково слово:
„Ты, неумный удалый добрый мо́лодецъ!
Ты не хвастай своей да молодой женой".
И вси бога̀тыри его да обезчестили.
И крестьяна-мужички были пособраны,—
Богатыи крестьяна похвастываютъ
Своима-ли то добрыма конюшками,
А не богаты-то крестьяна—малымъ дѣтушками.
И сидитъ-то младъ Ставеръ сынъ Годиновичь
И сидитъ-то онъ, ничѣмъ не хвастаетъ.
Прого̀воритъ Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Что же ты сидишь ничѣмъ не хвастаешь?
Вси-то людишки похвастались".
И прого̀воритъ Ставеръ сынъ Годиновичь:

„Есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати:
Есть у Ставра тридцать молодцо́въ, портныхъ мастеровъ,
Шьютъ-то они кафтанцы снова на̀ ново;
Которой кафтанчикъ я день держу и другой проношу,
И снесу эты кафтанцы на рыночекъ,
Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
Возьму за нихъ цѣну полную.
Есть еще, Солнышко Владимиръ князь-стольно-кіевскій,
У Ставра да чѣмъ похвастати:
Есть тридцать молодцо́въ, чоботныхъ мастеровъ,
Оны шьютъ-то сапожки снова на̀ ново;
Которы сапожки я день держу и другой проношу,
И снесу эты сапожки на рыночекъ,
Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
Возьму-то за нихъ цѣну полную".
И прого́воритъ Ставеръ да таково слово:
„Солнышко Владимиръ князь да стольно-кіевскій!
Еще есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати:
Есть у Ставра добры мо́лодцы на дворѣ да не старятся".
Спроситъ Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій:
—Отчего же у тебя добры мо́лодцы не старятся?—
Прого́воритъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
„Оттого-то у меня добры мо́лодцы не старятся:
День-то придетъ—мо́лодецъ со двора долой,
А два да три—на дворъ домой.
Еще есть чѣмъ у Ставра да похвастати,
Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій!
Золота казна да не держится,
Малыи денежки да не торщатся".
Прого́воритъ Солнышко Владимиръ князь:
—„Ай же ты, Ставеръ да Годиновичь!
Отчего же у тебя золота казна да не торщится,
Малыи денежки не держатся?"—
„Оттого-то у меня золота казна не торщится,
И малы денежки не держатся:
Была кобылица златылица,
И дано за кобылицу пятьсотъ рублевъ,
И носитъ жеребчиковъ хорошенькихъ;
Которы жеребчики получше,
На тыхъ-то жеребчикахъ я самъ ѣзжу;
Которы жеребчики похуже,
И сгоню этыхъ жеребчиковъ на рыночекъ,
Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
И возьму-то за нихъ цѣну полную".

Еще проговоритъ младъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
„Ты, Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій!
Еще есть у Ставра да чѣмъ похвастати:
Молода жена Настасья Микулишна
Князей-то бояръ съ ума сведетъ,
Владимира вонъ повыведетъ
Изъ покоя княженецкаго“.
И эти слова Солнышку князю Владимиру да не казалися.
Приказалъ-то Солнышко Владимиръ князь да стольно-кіевскій
Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
“Ай же вы, мои слуги вѣрныи!
Вы возмите-тко Ставра да Годиновича
За его за хвастанья за великіи
Засадить его въ погребы великіи“.
Шли тутъ слуги его вѣрныи
Во это во поле во широкое,
Копали да яму великую,
Засадили туда Ставра да Годиновича,
Засадили его да по бѣлымъ грудямъ,
Не на много, не на мало—на тридцать лѣтъ.
Написалъ-то Ставеръ сынъ Годиновичь скорописчату грамотку
Къ молодой жены Настасьи Микулишной:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
Засаженъ-то твой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичь
У Солнышка князя Владимира стольно-кіевскаго
Во эты во пòгребы глубокіи
Не на много, не на мало—на тридцать лѣтъ“
Взяла Настасья Микулишна
Обрубила волоса да по казачьему,
И поѣхала она ко городу ко Кіеву;
Пріѣхала ко Солнышку князю ко Владимиру на княжій дворъ;
Заходитъ она въ покои княженецкіи;
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На двѣ, на три, на четыре сторонки покланяется,—
И Солнышку князю Владимиру
Она дѣлаетъ поклонъ да въ особину.
Прогòворитъ Солнышку князю Владимиру:
„Посолъ земли Турецкой!“
Прогóворитъ Солнышко Владимиръ князь:
„Садись-ко ты съ дороженьки
На дубовой стулъ да поотдохни“.
И проговоритъ посолъ земли Турецкой:
„Недосугъ сидѣть послу разсиживать,

За то посла скоро жалуютъ.
Есть у тя племянница любимая,
У Солнышка князя у Владимира;
Отдай-ко ты да во супружество
За этого посла да за Турецкаго".
Проговоритъ Солнышко Владимиръ князь да стольно-кіевскій:
„Мы подумаемъ да думу крѣпкую,
Мы скажемъ отвѣтъ тогда вамъ,—
Могу отдать, посолъ земли Турецкой,
За тебя да во супружество".
Проговоритъ посолъ земли Турецкой:
„Ты, Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій!
Ты выпусти невольниковъ изъ погребовъ великіихъ
По своему да слову княженецкому".
Приходитъ Ставеръ да сынъ Годиновичь
Ко послу да ко Турецкому;
Беретъ-то за рученьки за бѣлыи
Ставра сына Годинова,
За эты за перстни за злаченыи,
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи
И этого Ставра да Годиновича.
Благодаритъ-то посолъ земли Турецкой,
Пишетъ Солнышку Владимиру стольно-Кіевскому эпистолію:
„Благодарю тебя, Солнышко Владимиръ князь,
Выпустилъ невольниковъ изъ погребовъ глубокіихъ;
Не надо мнѣ племянницы любимоей,
А тотъ мой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичь,
Тотъ мой мужъ законный".

Записана М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова. Напечатана Е. В. Барсовымъ въ „Памятникахъ народнаго творчества Олонец. губ." стр. 67—71.

*59. То-же.

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкового князя у Владимира,
Заводился у Владимира почесной пиръ
На многихъ князей, на бояровъ,
На славныхъ могучіихъ богатырей,
На всѣхъ паленицъ на удалыихъ,
И на всѣхъ гостей приходящіихъ.
Какъ пиръ идетъ у нихъ навеселѣ,
А день идетъ ко вечеру,
Красно солнышко идетъ да ко западу;

Какъ всѣ на пиру напивалися,
А и всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру пьяны и веселы сидятъ,
Да и всѣ на пиру поросхвасталися.
Идной хвасталъ золотой казной,
Идной хвасталъ добрымъ конемъ,
Идной хвасталъ шолковымъ платкомъ,
А умной хвасталъ отцомъ-матерью,
А безумной хвасталъ молодой женой.
Какъ сидитъ во пиру Астоверстъ да сынъ Гординовичь,
Онъ не истъ, не пьетъ, ничѣмъ не хвастаетъ,
Только въ гуселка еровчеты поигрываетъ.
И тутъ подходитъ къ нему Солнышко
Владимиръ стольно-кіевской
И самъ онъ говоритъ таково слово:
„Ай же, Астоверстъ да сынъ Гординовичь!
Что же ты ни ѣшь, ни пьешь и ничѣмъ не хвастаешь?
Развѣ нѣту у тебя роду-племени,
И нѣту у тебя добрыхъ коней неѣзжаныхъ,
И нѣту у тебя золотой казны,
Или нѣту у тебя молодой жены похвальноей“?
Тутъ проговорилъ Астоверстъ да сынъ Гординовичь:
„Есть у меня золотой казны по надобью,
Да есть у меня добрыхъ коней неѣзжаныхъ,
И есть у меня шолковыхъ платковъ недержаныхъ,
Да и есть у меня молода жена похвальная Настасья Никулична:
Она всѣхъ васъ князей-бояръ въ полонъ возьметъ,
А тебя, князя Владимира, съ ума сведетъ“.
И тутъ князю Владимиру къ стыду пришло;
За то посадили Астоверста Гординовича
Въ погреба да глубокіе, за рѣшотки за желѣзныя,
А самы послали посла во дальну землю Леховицкую,
Ко той-ли Настасьи Никуличной съ извѣстіемъ.
Какъ-то этотъ посолъ да кіевскій
Пріѣзжаетъ во землю Леховицкую
Ко той-ли Настасьи Никуличной,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
А самъ онъ говоритъ да таково слово:
„Ай же ты, Настасья Никулична!
Какъ твой-ли Аставерстъ да сынъ Гординовичь
Какъ на пиру-то онъ да поросхвастался
И говорилъ онъ да таково слово:
„Какъ есть у меня молода жена Настасья Никулична,—
Она всѣхъ князей-бояровъ въ полонъ возьметъ,

А тебя, князя Владимира, съ ума сведетъ“.
За это посаженъ въ погреба во глубокіе,
За рѣшотки посаженъ за желѣзныя“.
Какъ тутъ-ли Настасья Никулична
Приказала посла посадить въ погреба да во глубокія
За рѣшотки за желѣныя,
А сама пошла во цырульную,
Остригла волосы по мужески,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Соберала силушки хороброей
И отправлялась ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
И не доѣхавши до города до Кіева
Роскинула полатки тканьевыя
И оставляла часовые свои присмотры,
И отправлялася ко князю ко Владимиру
На его любезная дочери посвататься.
И заходитъ она въ полаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
И поклонъ ведетъ да по ученому
На всѣ на четыре стороны,
А князю Владимиру да въ-особину.
„Вы здравствуйте, Владимиръ князь стольно-кіевскій,
Со своей-ли вы княгиней со Апраксіей
И со своей-то вы любимой семьей“!
И тутъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Ай же ты, удалой доброй молодецъ!
Ты коей орды да ты коей земли?
Да и какъ тебя именемъ зовутъ
И нарекаютъ тебя да по отчеству“?
И отвѣчаетъ удалой доброй молодецъ:
„Я есть посолъ изъ дальныя земли да Леховицкія,
Я пріѣхалъ къ вамъ, Владимиръ князь,
На вашей дочери любезноей посвататься“.
Тогда ласковой Владимиръ стольно-кіевскій
Призываетъ свою онъ дочь любимую
Ко тому-ли послу да Леховицкому,
Что согласна-ли она съ нимъ вступить въ законной бракъ
И принять съ посломъ золоты вѣнцы.
Но какъ дочь его любимая получаетъ отъ родителя
Такую вѣсть то радостну,
Идетъ она къ родителю ко батюшкѣ
Въ эты полаты кнеженецкія.
Она крестъ кладетъ да по писанному,

Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре стороны,
А послу Леховицкому въ-особину,
Говоритъ она да таково слово:
„Ай же вы, удалой доброй молодецъ!
Вы коей орды, вы коей земли?
Какъ-то тебя да имемъ зовутъ
И нарекаютъ тебя да по отчеству“?
Какъ тутъ сталъ посолъ по свѣтлицы похаживать
И сталъ о своей земли разсказывать,
И сталъ ручкой правой размахивать,
И сталъ по головушки поглаживать.
Какъ тутъ проговоритъ дочь княженецкая
Ко своему родителю ко батюшкѣ
Ко ласковому князю ко Владимиру:
„Ай же ты, родитель мой батюшко!
У тебя-то что есть да на разуми?
Не отдавай-ко ты дѣвчину за женщину,
Будетъ намъ обѣимъ съ тоски умереть.
Мнѣ какъ видится, что по походочки
То онъ будьто женщина,
И рѣчь-поговоря у него все по женьскому;
Его перстаки тонешеньки всѣ по женьскому;
Гдѣ жуковинья были, тутъ мѣсто знать;
Она стегна жметъ, все добра бережетъ.
Ай же ты, родитель мой батюшко,
Ласковой Владимиръ стольно-кіевскій!
Какъ для гостя нежданого и незваного
Постелемъ-ко перину пуховую
Во эту-ли во свѣтлую во свѣтлицу,
Во столовую нашу горницу,
И посмотримъ-то гостя хорошохонько,
Какъ онъ будетъ спать и опочивъ держать,—
Плечами ли будетъ толще или ж...ю“?
Но какъ этотъ пріѣзжій гость
Ложился плечамы на перину пуховую,
А ж... ю на крутое складнее зголовьицо
И закрывался соболинымъ одѣялышкомъ;
Но какъ Владимиръ князь стольно-кіевскій
Отворяетъ дверь во свѣтлую во свѣтлицу,
Во эту-ли столовую во горницу,
И не посмѣли открыть одѣяла соболиного,
И видятъ, что плеча у него да богатырскія,
А ж... ю подхилъ весьма.

А тутъ-ли гость незванный а самъ нежданный
Онъ спитъ-храпитъ а самъ думу думаетъ
Объ своей-ли невѣстѣ богосуженой.
И тутъ проговоритъ дочь та княженецкая:
„Ай же ты, родитель мой батюшко,
Ласковой Владимиръ стольно-кіевскій!
Нашему то гостю нежданному и незванному
Какъ со пути-то со дальной со дороженьки
Истопить-то теплая парная баенка,
Какъ у насъ есть люди на это истопщички и парильщички,
Мы посмотримъ-ко гостя хорошохонько“.
Тутъ какъ сказано, такъ и сдѣлано:
Была баенка истоплена,
И парильщички были приготовлены.
Но какъ пріѣзжій гость по утру всталъ,
Доложили его слуги вѣрныя
Князя Владимира происки лицемѣрныя,
Что была баенка истоплена,
И парильщички были притотовлены,
Но пріѣзжій гость по утру всталъ,
По образу вставаетъ онъ смиренному,
Одѣвается по военному;
Поскорешенько умывается,
И крестомъ христіанскимъ знаменается,
И въ парну баенку отправляется,
И раздѣвается поскорешенько,
По военному успѣху возможному.
И попарился по дорожному;
Но слуги князя Владимира не догадалися:
Надо-бы попарить гостя пріѣзжаго, —
А самы осталися,
А самъ пріѣзжій гость одѣвается,
А о парильщикахъ князя Владимира сумнѣвается.
И говоритъ въ отвѣтъ: „Ахъ, какъ долго нѣтъ!“
Но какъ слуги князя Владимира
Попарить гостя не успѣли,
А сказать князю Владимиру не посмѣли.
Говоритъ дочь князя Владимира:
„Ай же ты, родитель мой батюшко,
Владимиръ князь стольно-кіевской!
Какъ у насъ-то во славномъ городѣ во Кіевѣ
Есть стрѣльцы-борцы.
Пускай-ко сходитъ гость пріѣзжій во чисто поле
Съ нашима стрѣльцами со удалыма“.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлано
Тутъ проговоритъ ріѣзжій гость:
„А во что стрѣляютъ у васъ во Кіевѣ“?
Говорятъ стрѣльцы кіевскіе:
„У насъ стрѣляютъ во грошика“.
Тутъ проговорилъ пріѣзжій гость:
„А у насъ стрѣляютъ въ остріе ножичное“.
Какъ первой стрѣлецъ стрѣлилъ,—не дострѣлилъ,
А другой стрѣлецъ перестрѣлилъ,
А третей стрѣлилъ,—попасть не могъ.
И тутъ-ли пріѣзжій гость
Онъ натягиваетъ тетивочку шелковую,
И накладываетъ стрѣлу онъ каленую,
И попадаетъ въ остріе во ножичное;
И разсѣкло стрѣлу эту каленую
Объ остріе объ ножничное на двѣ части,
Вѣсомъ, мѣрою очень ровныя.
И тутъ проговоритъ дочь княженецкая:
„Какъ во нашемъ во городѣ во Кіевѣ
Есть сильныя могучія богатыри,
Пущай-ко сходитъ гость пріѣзжій
На нашъ-ли онъ да на широкой дворъ,
Съ нашима борцами поборотися,
Своей силушки поотвѣдати,
А князя Владимира припотѣшити“.
И выходили оны на широкъ дворъ;
И какъ тутъ посолъ да леховицкіи
И самъ посолъ да разбѣгается,
За нашихъ рускіихъ богатырей принимается,
На принемѣ все поохиваетъ,
А самъ кіевскихъ богатырей помахиваетъ;
Гдѣ смахнетъ, стряхнетъ—тутъ мѣсто знать;
И перекидалъ всѣхъ до единого,
Доходило до порощея (?) дѣтиного.
И тутъ возговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Усмирись-ка ты, пожалуста, посолъ да Леховицкіи!
Пожалѣй-ко нашего роду-племени
И оставь-ко народу намъ на симена“.
Какъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій
Своей дочери любимоей:
„Не буду тебя я больше спрашивать,
Надо наговоръ твой нарушивать:
Какъ женихъ твой можетъ съ русскими богатырями пострѣчатися,
То надо тебѣ съ нимъ повѣнчатися“.

Тутъ пошли въ полаты княженецкія,
Стали за дубовъ столъ садиться хлѣба кушати
И бѣлыя лебедушки рушити.
Но какъ тутъ посолъ леховицкія
Онъ не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ
И бѣлой лебедушки онъ не рушаетъ,
Бѣлымъ сахаромъ посолъ не закусываетъ.
И тутъ подходитъ Владиміръ князь стольно-кіевскій
Ко тому послу да Леховицкому,
А ко своему ко зятю нареченному,
И тутъ возговорилъ Владиміръ таково слово:
„Ой-же удалой доброй молодецъ!
Что сидишь-то ты да закручинился и запечалися?
Или яства тебѣ да не по уму,
Или невѣста тебѣ не по люби,
Или гусельщички тебѣ да не по разуму“?
Тутъ проговорилъ посолъ да Леховицкіи:
„Нѣтъ-ли у васъ хорошіихъ гусельщичковъ
Изъ молодыихъ затюремщичковъ»?
Какъ тутъ Владиміръ князь прираздумался
И самъ онъ говоритъ таково слово:
„Дать Ставра и не видать Ставра,
А не дать Ставра,—разгнѣвить посла“.
И достали тутъ Ставра изъ погребовъ глубокіихъ,
Изъ-за рѣшотокъ за желѣзныихъ.
И тутъ началъ Аставерстъ сынъ Гординовичь поигрывать,
И посолъ да Леховицкіи сталъ продрыгивать,
И сталъ по свѣтлой свѣтлицѣ похаживать,
И сталъ онъ выговаривать:
„Ты послушай, Аставерстъ да сынъ Гординовичь!
Какъ мы съ тобою съ молода любилися,
И въ грамотѣ съ тобою да училися:
У меня была чернильничка серебренная,
А у тебя было перышко лебединое,
И какъ я попадала тогды, тогды,
А ты попадалъ всегды, всегды“.
А тутъ проговорилъ Аставерстъ да сынъ Гординовичь:
„Какъ мы съ тобою съ молода не любилися,
Въ грамотѣ съ тобою не училися“.
И тутъ возговорилъ посолъ да Леховицкіи:
„Ты послушай, Аставерстъ да сынъ Гординовичь!
Какъ мы съ тобою въ зеленомъ саду погуливали
И въ сваечку съ тобою поигрывали,—
У тебя-то была сваечка серебренная,

А у меня было колечко позолоченое:
Я попадала тогды, тогды,
А ты попадалъ всегды, всегды“.
А тутъ возговорилъ Аставерстъ да сынъ Гординовичь:
„Мы съ тобою въ зеленомъ саду не погуливали,
И въ сваечку съ тобою не поигрывали“.
И тутъ возговорилъ посолъ да Леховицкіи:
„Ты послушай-ко, Владимиръ князь стольно-кіевскій!
За что былъ посаженъ Аставерстъ въ погреба во глубокія,
За рѣшотки за желѣзныя“?
Тутъ возговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Онъ какъ былъ у насъ на пиру, самъ расхвастался
Своей-ли онъ молодой женой похвальноей:
„„Какъ у меня-то есть молодая жена Настасья Никулична,
Она всѣхъ васъ князей-бояръ въ полонъ возьметъ,
А тебя, князя Владимира, съ ума сведетъ““.
За то онъ былъ посаженъ въ погреба во глубокія,
За рѣшотки за желѣзныя“.
И тутъ-ли посолъ да Леховицкіи
Роскидываетъ платье цвѣтное,
Роскрываетъ свою бѣлую грудь,
И сама говоритъ: „А я то кто“?
Тогда видѣли молодцовъ на добрыхъ коней сядучи,
А не видѣли какъ поѣдучи.
Тутъ вѣкъ про Настасью старину скажутъ
И Аставерста Гординовича.
Синему морю тишину даютъ,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана сказителемъ Касьяновымъ и доставлена имъ въ Этнографическій Отдѣлъ И. Русс. Геогр. Общества.

*60 Молодецъ и королевна *).

Да былъ-то мóлодецъ да одинешенекъ,
Онъ охочъ гулеть да загуливать,
Долги вечеры прохаживать,
Осенны ноченьки прогуливать,
По зеленымъ по зáтрясьямъ погуливать,
Да стрѣляти сѣроплавныихъ утушекъ,
Удалыхъ добрыхъ мóлодцевъ сéлезней.
И жанилъ-то удалого добраго молодца
И жанилъ-то батюшко и матушка
Неволею и неохвотою.

*) Похожденія безыменнаго молодца приписаны сказителемъ этой былины Василію Буслаевичу.

Да приданого много, человѣкъ-отъ худой;
Да приданое-то большое на грядки виситъ,
Да зо́лота монета въ ковано́мъ ларцы,
Да худое-то женишко на руки́ да лежитъ,
На руки-то лежитъ, ды во глаза-то гледитъ,
Во глаза гледитъ, цѣловать-то велитъ.
Цѣловать-то мни да ей не хочетца,
Да животъ-то сердецько не воротитца,
Да все животъ-то сердецько все болѣетца.
Тутъ и вздумался удало́й доброй молодецъ;
Заплели по самоцвѣтному да по камешку
Да во эти лапотьки во шелковыи,
Да съ рожденными родительмы да прощаетца;
Да худая-то жанишецька да на умъ нейдё.
Да Дунай, Дунай, да на столъ-то сбирай,
Да любимой пить-ли, ись хочетца;
Да сегоднешній день удалой доброй молодецъ не обѣдывалъ,
И хлѣба нѣтъ,—не поужиналъ.
Какъ отвѣтъ-то жонка подастъ да голосомъ:
Да видь по́ мосту покатисься, за порогъ-то руками захватисься!
Да и день-то идё онъ по красному по солнышку,
Да видь ноць идё по самоцвѣтнымъ по камешкамъ.
И пошелъ удало́й да доброй мо́лодецъ
Изъ земли въ землю́ да изъ орды во орду,
Да видь шелъ уда́лой доброй молодецъ,
Да видь шелъ ёнъ да къ королю въ Литву.
Да приходитъ уда́лой доброй молодецъ
На королевськой дворъ.
Увидали тутъ его слуги вѣрные,
Слуги вѣрные, слуги подданны.
Ёнъ проговорилъ уда́лой доброй молодецъ
Да прого́ворилъ таково́ слово́:
„Вы скажите-тко, да слуги вѣрные:
Да пришелъ уда́лой доброй мо́лодецъ,
Да пришелъ-то онъ да отъ города,
И отъ города видь отъ Кіева;
Да пришелъ-ли я да къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву да въ услуженіё“.
Да видь эты тутъ да слуги вѣрные
Да шли-то тутъ да въ покои королевскіе,
Да сказали-то королю да таково́ слово́:
„Ай же ты́ король да земли Литовскоей!
На твоемъ ли на двори да королевскоёмъ
Да стоитъ-то уда́лой доброй молодецъ;

Да пришелъ-ли то онъ да отъ города,
И отъ города ды отъ Кіева,
Да пришелъ-ли къ вамъ да въ у(о)служеніе“.
Говорилъ-ли тутъ король земли Литовскоей:
„Ай же вы мои да слуги вѣрные,
Да возьмите-тко удáла добра мóлодца.
Да во эты видь покои королевськіи!“
Да приходитъ и удáлой доброй молодецъ,
Онъ крестъ-то кладетъ по писáному,
Да поклонъ-то ведетъ да по ученому,
На двѣ, на три, на четыре сторонки поклонился,
Королю-то дѣлаё поклонъ да и въ осóбину.
Онъ прóговоритъ король да земли Литовськоёй:
„Да ты удалой доброй мóлодецъ,
Да садись-то ты съ дороженьки со широкіе,
На дубовой стулъ ды й поóтдохни!“
Й отвѣчае тутъ удáлой доброй молодецъ:
„Ай же ты, король земли да Литовськоёй,
Недосугъ-то сидѣть да разсиживать“.
Да за-то то король да много жалуё:
„Ай же ты, удалой доброй молодецъ,
Да ты у меня на дворѣ служи да приворотникомъ!“
Туть я служу удáлой доброй молодецъ.
На двори-то видь служилъ да приворотникомъ;
Да вина-то горькаго тутъ не пи́вывалъ,
Бѣлымъ сахаромъ-то видь я да не закусывалъ;
Да Господь Богъ меня-то да тутъ помиловалъ,
Да король-то Литовской много жаловалъ;
Да и жилъ-то я ды въ конюхахъ;
Да вина-то видь удалой добрый молодецъ нé пивавалъ,
Бѣлымъ сахаромъ не закусывалъ;
Да Господь Богъ меня помиловалъ,
Да король Литовской много жаловалъ:
„Да видь третій-то годъ живи да во пóварахъ“.
Да вина-то горького да й не пи́вывалъ,
Бѣлымъ сахаромъ-то я да не закусывалъ.
Да щетвертый-то годъ жилъ ды во ключникахъ.
Да вина-то удáлой доброй молодецъ не пи́вывалъ,
Бѣлымъ сахаромъ ды я да не закусывалъ.
Да восемь лѣтъ онъ жилъ да со дочерью,
Да со дочерью да съ королевською:
Спалъ-ли я-то ў ней да на правóй-то руки,
На правой-то руки, у бѣлой да груди.
Да проходитъ-то времени двѣнадцать лѣтъ;

По рожденнымъ родителямъ ему да стосковалося,
Да худая-то жанишецько на умъ нейде́.
Пошелъ-ли добренькой мо́лодецъ,
Пошелъ отъ короля съ Литвы,
Да идетъ то онъ по городу
По городу по Кіеву [1]).
Выходитъ изъ домишецька питёйнаго,
Выходитъ тутъ бабеночка турыжная,
Да турыжная са́ма ды ярыжная,
И къ удалому добру молодцу подхаживаётъ,
Да сама-то говорила таково да слово:
„Ай же ты, удалой доброй молодецъ,
Пріустали да твои рѣзвы ноженьки
Во пути большой ды дороженьки;
Примахались твои рученьки бѣлыи
Во пути большой ды дороженьки;
Принака́чалась твоя бу́йная головушка
И во пути большой да дороженьки;
Приза́свегли уста твои сахарныи
Во пути большой да дороженьки.
Зайди-тко ты, удалой доброй молодецъ,
Да во это-то видь домишко, да во питейное,
Да ты выпей-ко видь чару зелена да вина,
Да дру́гую выпей похмельнюю,
Звесели свою буйну́ю да головушку,
Розмочи свое ретливое сердецюшко!“
Какъ заходитъ-то удалый доброй молодецъ
Во это видь домишецько да во питейное,
Какъ сѣлъ-ли то уда́лой доброй молодецъ
Да на этую на скамеечку дубовую;
Наливаетъ она чару зелена̀ да вина̀,
Да другую наливаё похмельнюю;
Звеселилъ свою буйную головушку,
Окатилъ свое ретли́вое сердечюшко;
Ёнъ какъ выпилъ-то удалой доброй молодецъ,
Выпилъ чару зелена да вина,
Дру́гую выпилъ похмельнюю,
Да похвасталъ-ли ёнъ да красной дѣвушкой:
„Жилъ-ли я уда́лой доброй мо́лодецъ
Жилъ-ли у короля въ Литвы двѣнадцать лѣтъ,
Первой-то годъ на двори приворотникомъ;
Тутъ Господь меня Богъ да помиловалъ,

[1]) При повтореніи: по Кіянову.

Да король-то Литовськой много жаловалъ;
Дрýгой-то годъ жилъ ды во конюхахъ;
Господь и Богъ мня тутъ да помиловалъ;
Третiй годъ-то жилъ да во пóварахъ;
Тутъ Господь Богъ меня миловалъ;
Да щетвертой-то годъ жилъ во ключникахъ;
Да Господь Богъ меня тутъ помиловалъ;
Тутъ я восемь лѣтъ жилъ да со дочерью,
Спалъ-ли я то ý ней на правóй руки,
На правой руки, у бѣлóй груди".
Услыхали тутъ люди вѣрныи,
Тутъ какъ сковали да дóбру молодцу,
Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
Да связали тутъ ему удáлому добру молодцу,
Да связали тутъ ему да бѣлы рученьки,
Да завѣсили ему да очи ясныи,
Да повели-то удала доброго мóлодца
Да на это-ли поле куликовое,
Отрубить-то ему да буйна гóлова,
Да придати-то смерть ему да напрасная,
Да видь вынять-то ему сердцё со печенью.
Онъ прогóворитъ удалой доброй мóлодецъ,
Проговоритъ да таковó словó:
„Ай же вы, слуги вѣрныи,
Ай же вы, слуги подданны,
Ай же вы, слуги короля Литовськаго,
Вы ведите-тко меня да мимо королевъ да й домъ,
Послѣднё мнѣ съ ней да проститися,
А послѣднё разставатися!"
И повели его удáла добра мóлодца
Супротивъ дому королевичны,
Противу окошекъ косивчатыхъ;
И крикнулъ удáлой доброй молодецъ
И крикнулъ онъ голосомъ громкiимъ:
„Ай же ты, дочь королевськая,
Послѣднё мнѣ съ тобой проститися,
Послѣдне разставатися!
А зашелъ-ли я на царéвъ кабакъ,
Выпилъ чару зеленá винá,
Дрýгую выпилъ похмельнюю,
И похвасталъ тобой да красной дѣвушкой;
Услыхали тутъ да слуги вѣрныи,
Услыхали тутъ да слуги подданны,
И повели меня на поле куликово

Придати да мнѣ смерть напрасную,
Да выняти мнѣ сердцё со печенью!“
Она проговоритъ дочь да дочь королевськая:
„Ай же вы, слуги вѣрныи,
Ай же вы, слуги подданны
Короля ды Литовськаго,
Вы возьмите съ меня денежекъ да пятьдесятъ рублей,
Вы роскуйте удало́го добра молодца,
Да роскуйте ему да ножки рѣзвыи,
Розвяжите ему да ручки бѣлыи,
Да откройте ему да очи ясныи;
Не ведите его да на поле кули́ково,
Не рубите ему да буйну голову,
Не придайте его смерти напрасные,
Да не выньте ему сердцё со печенью!“
Взяли съ ней да денегъ пятьдесятъ рублей,
Розвязали ему да ножки рѣзвыи,
Роспутали ему да ручки бѣлыи,
Открыли ему да очи ясныи.
Эта взяла да дочь королевськая,
Взяла-то да уда́лого добра молодца,
Во новы́ сѣни́ да во рѣшетчаты,
Въ покои-то возводитъ въ королевськіи,
Да сама-то говорила таково́ слово́:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
Удалой ты да доброй молодецъ,
Не зайди-тко ты больше на царевъ кабакъ,
Да не выпей-ко болѣ чары зелена вина,
Да не выпей-ко похмельные,
Не похвастай мной да красной дѣвушкой.“
Дала эта дочь да королевськая,
Дала ему денегъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ-то рублей да со полтинкою.
Онъ пошелъ удалой доброй молодецъ,
Не зашелъ болѣ тутъ да на царевъ кабакъ;
Онъ пошелъ тутъ да изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду;
Да приходитъ онъ тутъ да ко своёй стороны;
Да пришло ды тутъ три ро́зстани,
Три ро́зстани, три любимыи:
Первая ро́зстань ведетъ да къ роду племени,
Друга ро́зстань ведетъ да къ родителямъ,
Третья ро́зстань ведетъ да къ худой женѣ.
Онъ роздумалъ да Василій-отъ Буслаевичъ,

Да пойти мнѣ-ка, Василію Буслаевичу,
Да пойти мнѣ къ роду племени,—
Имъ ме́ня видь не́ спознать;
Да пойти мнѣ къ рождённымъ родителямъ,—
Да живыхъ мнѣ ихъ не́ достать;
Я пойду удалой доброй молодецъ
Къ молодой да ко худой жены́.
Приходитъ тутъ уда́лой доброй мо́лодецъ;
Да стоитъ-то тутъ палата бѣлоду́бова,
Да у той полаты бѣлоду́бовой
Два юнчика тутъ похаживаютъ;
Да спроситъ онъ этыихъ юнчиковъ маленькихъ:
„Да чьи же вы юнчики маленькіе?“
Отвѣчаютъ юнчики маленькіе:
„Ай же ты, нашъ родной дяденька,
Нѣтъ у насъ ро́дного татеньки,
Ушелъ же нашъ родной татенька къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву въ услуженіё,
А проходитъ-то времени двѣнадцать лѣтъ;
Есь у насъ одна маменька.“
„Ай же вы, да юнчики маленькіе,
Вы скажите своей родной маменьки:
Да пришелъ нашъ родной татенька,
Стоитъ на улицы на ши́рокой,
На площадки дубовоей“.
Да бѣжали эты юнчики маленькіе
Да во ту полату бѣлодубовую:
„Ай же ты, наша родна маменька,
Да пришелъ же нашъ родной татенька,
Да стоитъ на улицы на ши́рокой,
На площадки дубовоей.“
Да стала это молода жена несчастная
На свои на рѣзвы́ ноги,
Идетъ покоемъ бѣлодубовымъ,
Выходи она во сѣни рѣшещаты,
Да на это-ли на крылецько на дубовое;
Увидала-то она да добра молодца,
Да стоитъ-ли онъ на улицы на ши́рокой
Да у этой у площадки у дубовоей;
Да проговоритъ она, жена несчастная:
„Ай же ты, уда́лой доброй молодецъ,
Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
Находился ты, да нагулялся ты,
Да пришелъ назадъ къ молодой къ худой жены!“

Тутъ взяла молода жена несчастная
Она опущалась по этимъ по ступенецькамъ по́ крутымъ
На эту на площадку на дубовую,
Она бра́ла-то Василья да Буслаевича,
Брала-то за рученьки за бѣлыи,
За этыи за персни злачёныи,
Цѣловала во уста саха́рныи,
Сама говорила да таковы́ слова́:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
Находился же ты да нагулялся ты,
А пришелъ же ты назадъ да къ молодой къ худой жены;
А ведетъ же тутъ въ покои бѣлодубовыи;
Оны крестъ-то кладутъ да по писа́ному,
А поклонъ ведутъ да по учéному;
На двѣ, на три, на четыре стороны поклоня́ются,
Божьей Матери поклонъ въ особину.
Сталъ-то жить да Василій-то Буслаевичъ,
Сталъ-то жить да со худой да женой,
Стали оны жить да быть, добро наживать,
Добро наживать, да лихо избывать,
Лихо избывать, да медъ-пиво пить;
По усамъ текло, да въ ротъ нé дошло.
Тебѣ, старинушка, славу поють!

Записана Ѳ. М. Истоминымъ въ 1886 г., отъ сказителя В. П. Щеголенка, въ дер. Боярщиной, Петрозаводск. у., Олонецк. губ.

*61. Василій Буслаевичъ.

Какъ жилъ Буславлюшко девяносто лѣтъ, онъ не славился;
Поперекъ дорожки не ставился,
Съ каменной Москвой не перечился,
Съ Новымъ-городомъ да спору не было.
Живучись Буславлюшко представился;
Оставалось его чадо милое,
Молодой Василей да сынъ Буславьевичь.
И зачалъ Васильюшко по Нову-граду похаживать,
И зачалъ Ва́сильюшко шуточки пошучивать:
Кого хватитъ онъ за руку,
Руку рветъ изъ плеча онъ вонъ;
Кого хватитъ онъ за ногу,
Ногу рветъ изъ ходиловъ вонъ;
Кого хватитъ за головушку,
Головой вертитъ, будто пугвицой.

И стали жалобы доходить
Къ его родной матушки
Пречесной вдовы Мальфы Тимофеевны:
„И ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
Унимай-ко ты свое чадо милое,
Молодого Василья Буславьевича,
Что онъ ходитъ по городу уродуетъ,
И шуточки онъ пошучиваетъ:
Кого ухватитъ за руку,
У того рука прочь;
Кого за ногу, у того нога прочь;
Кого ухватитъ за головушку,
И головой вертитъ, будто пугвицой.
А ты не уймешь, такъ мы уймемъ“.
И дождалась честна вдова Мальфа Тимофеевна
Своего-ли чада милаго,
Молода Василья Буславьевича,
А сама говоритъ таково слово:
„Ай же ты, мое чадо милое,
Молодой Василей да Буславьевичь!
Что-же ты ходишь по городу, уродуешь?
По что-же хватаешь за руки,
Руку рвешь изъ плеча вонъ,
По что хватаешь за ноги,
Ногу рвешь изъ ходала вонъ;
Кого хватишь за голову,
Головой вертишь, будто пугвицой?
А въ твои ты годы отецъ безъ портокъ ходилъ,
Не имѣлъ онъ въ карманѣ ста рублей,
А имѣлъ дружину хоробрую.
И нѣту у тебя заступщиковъ,
И некому за тебя заступитися“.
Эты рѣчи Василей понимаетъ,
И беретъ чернила со бумагою,
И написалъ онъ письмо да скорописчато:
„И что тати, разбойники ко мнѣ на дворъ,
Плутъ, мошенникъ къ моему двору,
Къ моему двору Василья Буславьеву,
А не роботы роботать деревенскія,
А пить зелена вина безденежно.“
И бросалъ письмо на Волховъ мостъ
И самъ выкатилъ бочку зелена вина,
Зелена вина да сорока ведеръ,
Сорока ведеръ себѣ на шпрокой дворъ.

И наливаетъ чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
И тыя мужички да Новгородскія
Подняли письмо на Волховомъ мосту
И пошли то ко двору да ко Буславьеву.
Тутъ стоитъ Василей да сынъ Буславьевичъ
И говоритъ Василей таково слово:
„Кто подойметъ чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
И подойметъ чару единою рукой,
И выпьетъ чару на единой здохъ,
Стерпитъ-то черняной вязъ въ буйну голову,
Тотъ попадетъ ко мнѣ въ дружину хоробрую“.
Идетъ-то Иванище сильнее,
Беретъ-то онъ чару единой рукой,
Выпиваетъ онъ на единой здохъ,
И ударитъ Василей червяннымъ вязомъ въ буйну голову.
А стоитъ Иванище, не стряхнется,
Не стряхнется и не ворохнется,
И съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
И зазывалъ Василей Буславьевичъ
Иванища сильнего во свой теремъ златоверховатой
Хлѣба-соли кушати
И бѣлыя лебедушки рушити,
Ко своей родители ко матушки,
Ко честной вдовы Мальфы Тимофеевной.
И тотъ прошолъ, такъ идной пошолъ:
Идетъ тутъ Потанюшка Хроменькой
И принимается за чару единой рукой
И выпиваетъ чару за единой здохъ,
И ударитъ Василей червяннымъ вязомъ,
Червянымъ вязомъ да въ буйну голову;
А стоитъ-то Потанюшка не стряхнется,
Не стряхнется и не ворохнется,
И съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
И зазывалъ Василей Буславьевичъ
Во свой теремъ златоверховатой
Хлѣба-соли кушати
И бѣлыя лебедушки рушити
Ко своей родители ко матушки,
Ко честной вдовы Мальфы Тимофеевны.
И тотъ прошолъ, такъ идной пошолъ:
Тутъ идетъ Васинька Маленькой,
Принимается за чару единой рукой

Говоритъ Василей сынъ Буславьевичь:
„Не поднять-ти чары единой рукой
И не выпить чары на единой здохъ“.
И плюнулъ Васька и прочь пошолъ
И самъ говоритъ таково слово:
„Ты молодой щонокъ, Василей да сынъ Буславьевичь,
Не узналъ молодца, а обезчестилъ меня“!
И тутъ молодой Василей да Буславьевичь
Набѣжалъ онъ вслѣдъ съ червяннымъ вязомъ
И ударитъ Василья червяннымъ вязомъ да въ буйну голову.
Идетъ Васька да не стряхнется,
Не стряхнется и не сворохнется,
Съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
И говоритъ тутъ Василей да Буславьевичь:
„Развѣ сила у меня да не по старому
И вѣрно чернянъ-то служитъ не попрежнему“.
И лежитъ горючей бѣлой камешокъ,
И ударилъ червяннымъ вязомъ въ бѣлой камешокъ,
И разсыпался камешокъ на мелки части.
И забѣжалъ молодой Василей да сынъ Буславьевичь
Къ Васиньки Маленькому, сталъ просить
Хлѣба-соли кушать, бѣлыя лебедушки рушить.
И собрались тутъ мужики Новгородскіи:
Идной-то пьетъ нападкою,
А идной-то пьетъ рукавицою.
И напились мужики новгородчана,
Поспорили оны и повздорили;
И началъ молодой Василей да сынъ Буславьевичь
Мужиковъ онъ попинывать,
И началъ мужиковъ онъ поталкивать:
Идной-то идетъ скривя бокъ,
Идной-то идетъ скривя голову,
Идной-то идетъ да прихрамываетъ,
Идной идетъ руки накосо.
Говорятъ мужики да новгородчана:
„Какъ у двора да у Буславьева,
Не упито было, не уѣдено,
Безвѣчье-то на вѣкъ завезено“.
Какъ тѣ-ли мужички да Новгородчана
Завели свой-ли оны да почесной пиръ
У того у Викулы Окулова,
И не зовутъ молодого Василья Буславьевича
Со своей дружиной хороброю.
И проговоритъ Василей да Буславьевичь

Своей дружины хороброей:
„Ой же вы, мои братьица,
Пойдемте-тко вы во почесной пиръ
Ко тому-ли Викулѣ да къ Окулову“.
И справился Василей да Буславьевичь
Со своей дружиною хороброю
На тотъ хорошъ, на почесной пиръ.
Идутъ оны къ широку двору;
Тутъ увѣдали мужички Новгородчана,
Что идетъ Василей да Буславьевичь,
И заложили ворота крѣпко нá крѣпко.
И говоритъ молодой Василей да Буславьевичь:
„Ай же ты, Васинька Маленькой!
Обскочитко ты да широкой дворъ,
Найдитко ты витрянку [1] маленьку,
Подымитко ты за широкимъ дворомъ,
И заскочитко ты на широкой дворъ,
И отворитко ворота ты на пяту,
И зазовитко меня да во почесной пиръ,
Ко тому-ли Викулѣ къ Окулову“.
И Васинька Маленькой обскочилъ широкой дворъ,
И нашолъ витрянку маленьку,
И зашолъ на широкой дворъ,
И отворилъ вороты ты на пяту,
И зазывалъ Василія въ почесной пиръ,
Ко тому-ли Викулѣ къ Окулову
Со своей-то дружиной хороброю.
И тутъ молодой Василей да Буславьевичь
Садился онъ во большой уголъ,
Въ больше мѣсто за дубовый столъ.
И дѣлать нечего мужикамъ Новгородчанамъ,
И тутъ начали Василья то упаивать;
И пьяныма глазамы Василей Буслаевичь
Поросхвастался и ударилъ онъ о великъ закладъ
Биться-драться на весь Новъ-городъ.
Пировали, столовали и пошли оны
Въ свой теремъ златоверховатой
Ко пречесной вдовы Мальфы Тимофеевны.
И тутъ спрашиваетъ родна матушка:
„Ай же, мои дѣти, дѣти милыя,
Каково то васъ на пиру да почествовали“?
Говорятъ то дѣточки таково слово:

[1] Жердь.

„Что большой нашъ братъ да отоманищо
Ударился онъ да о великъ закладъ
Биться-драться на весь Новъ-городъ“.
И его родна матушка
Сожалѣла своего чада милого,
Молодого Василья Буславьева,
Снесла перину въ погреба глубокія,
Положила зголовьицо высокое,
Положила одѣяло соболиное.
И свела своего чада милого,
Молодого Василья Буславьева,
И заложила въ погреба да во глубокія,
А сама поклала злата, серебра и скачного жемчуга
И пошла къ полицейскимъ начальникамъ,
Къ городничему Фомы да Родіоновичу:
„Вы возьмите-тко вы злато и серебро,
И возьмите-тко скачного жемчуга,
И не троньте-тко моего чада милаго,
Молодого Василья Буславьевича,
И простите-тко его да во большой вины,
И пьяны глазамы ударился
Онъ да о великъ закладъ“.
И говорятъ полицейскіи начальники,
Городничинъ Фома да Родіоновичь:
„Ай же ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
Не надоть намъ злата и серебра
И ни скачного жемчуга,
А надоть головка Васильева“.
И тутъ пошла чесна вдова, заплакала.
И ночь та тутъ да скороталася;
Заутра собирались мужички да Новгородчана,
Ищутъ молода Василья Буславьевича,
Его-то братьицовъ, дружину хоробрую.
Имъ связали ручки бѣлыя,
И сковали ножки рѣзвыя,
И загнали ихъ въ Пучай рѣку.
И пошла та нянька Буславьева
На Пучай рѣку мыть то платья цвѣтного.
И мужики да Новгородчана
Захватили няньку Буславьеву:
„Ты отдай-ко своего хозяина
Молодого Василья Буславьева,
И тебя туда же свяжемъ съ его братьямы“.
И какъ вырывалась нянька Васильева

От мужиковъ да Новгородчановъ,
И бѣжитъ она къ погребу глубокому,
И ударитъ коромысломъ двери погреба,
И разлеталися двери на три четверти.
И говоритъ она таково слово:
„Что молодой Василей да Буславьевичь,
Спишь да ты, прохлаждаешься,
А надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
Какъ твоей дружины хороброй
Имъ связаны ручки бѣлыя,
Имъ скованы ножки рѣзвыя,
И загнаны оны во Пучай рѣку“.
И какъ выскочилъ молодой Василей сынъ Буславьевичь
Изъ погреба глубокого,
Не попало ему червянной вязъ,
А попало ему осищо телѣжное,
Телѣжное осищо, желѣзное,
Желѣзное осищо девяноста пудъ,
И зачалъ онъ съ осью похаживать,
И началъ осью помахивать:
Куда махнетъ,—туда улица,
А повернется,—да переулочокъ.
И разбѣжались мужички да новгородчана,
И видятъ мужики бѣду неминучую,
И затыкаютъ дыру свою онучою,
Что не состоять буде съ Васильемъ Буславьевымъ,
И шли они въ монастырь Сергіевъ
И созвали старца Приугрюмища.
И идетъ старецъ Приугрюмищо,
Сто пудовъ колоколъ несетъ
А языкомъ онъ да подпераетcя,
А самъ онъ говоритъ таково слово:
„Я иду да колоколъ несу,
Не колоколъ несу, а Василью смерть несу“.
Какъ наскочилъ молодой Василей сынъ Буславьевичь
И самъ онъ говоритъ таково слово:
„Ай же ты, кресной батюшко!
Не далъ ты яичка о Христови дни,
А я дамъ тебѣ яичко о Петрови дни“!
И ударилъ Василей сынъ Буславьевичь,
И колоколъ на мелки части розсыпался!
И ухватилъ Василей старца на руки
И сшибалъ его да подъ вышиночку,
А самъ стоячись пороздумался:

Отца креснаго убить не спасенье зались [1]).
А самъ говоритъ Василей таково слово:
„Отецъ кресной, старецъ Приугрюмищо!
Иди-тко назадъ да во Сергіевъ,
Молись-ко Богу Господу,
А въ нашо дѣло не вникайся ты“.
И тутъ началъ Василей по Нову-городу похаживать,
По зауголкамъ мужичковъ поколачивать,
И тыя-ли полицейскіи начальники
И Фома да Родіоновичь,
Наклали золота, серебра,
Да и скачного жемчуга;
И пошли ко чесной вдовѣ Мальфы Тимофеевны,
И говорятъ оны таково слово:
„Ай же ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
Возьми-тко ты злато и серебро
А уговори-тко своего чада милого,
Молода Василья Буславьева“.
И тутъ проговоритъ чесна вдова,
Чесна вдова Мальфа Тимофеевна:
„Я къ вамъ ходила со златомъ и серебромъ
И со скачнымъ жемчугомъ,
А вы у меня да не приняли;
А буде такъ могу уговорить
Своего чада милого,
Молодого Василья Буславьева“.
И пошла она къ Василью Буславьеву на Новъ-городъ,
И зашла сзади и клала свои руки бѣлыя
Василью на могучи плечи
И сама говоритъ таково слово:
„Ай же мое чадо милое,
Молодой Василей да Буславьевичь!
Укроти свое серцо богатырское“.
Какъ тутъ молодой Василей да Буславьевичь
Послушалъ онъ своей родной матушки,
Укротилъ онъ серцо богатырское
И приходитъ онъ въ свой теремъ златоверховатой
И говоритъ своимъ роднымъ братьицамъ:
„Ой мои братьица родные!
Складемся-ко мы на стружечки-витляночки
И поѣдемъ-ко мы ко граду Еросолиму,
Ко святой святыни и ко Божьей церкви,

---

[1]) т. е. залѣзть=найти.

Господу Богу помолитися,
И ко Христовой гробницы приложитися“.
И говорятъ ему родны братьица:
„Ужъ ты большой братъ отоманищо,
Молодой Василей да сынъ Буславьевичь!
Куда ты пойдешь, туда и мы пойдемъ“.
И проговоритъ Василей да Буславьевичь:
„Ай ты, родимая наша маминька,
Чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
А ты дай-ко намъ прощенье съ бласловеньицомъ
Ѣхать къ городу Еросолиму,
Ко святой святыни и ко Божьей церкви,
Господу Богу помолитися,
И Христовой гробницы поклонитися“.
И проговоритъ имъ родна матушка:
„Ой же вы, мои дѣточки!
Добро вы, дѣтушки, вздумали:
Буди на васъ прощенье съ бласловеньицомъ!“
И склались молодцы на стружочки-витляночки
И поѣхали ко граду Еросолиму.
Никая молодцовъ погода не сдерживала,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летитъ.
И пріѣзжали къ граду Еросолиму
И пошли въ Ерданъ-рѣку купатися.
Братья купаются въ рубашечкахъ,
А молодой Василей Буславьевичь тѣломъ нагіимъ.
И стоитъ на другой стороны
Дѣвица прикрасивая
И сама говоритъ таково слово:
„Ахъ ты, молодой Василей да Буславьевичь!
Не слѣдуетъ купаться тѣломъ нагіимъ,
А слѣдуетъ купаться въ рубашочки“.
И проговоритъ молодой Василей Буславьевичь:
„Ай же ты, красна дѣвица!
Какъ была ты, дѣвица, на сей сторонѣ,
Я бы сдѣлалъ тебѣ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ, двухъ богатырей“.
А тутъ плюнула дѣвица и прочь пошла.
И сходили оны во святу святыню во Божью церковь,
И служили-то молебны заздравныя,
Господу Богу молилися,
И гробницы Христовой приложилися.
И стала у Василья головушка побаливать,
И поѣхали отъ града Еросолима ко Нову-граду,

И ѣхали оны до Фоворъ-горы,
И привернули на Фоворъ-гору поотдохнуть;
И лежитъ бѣлъ-горючей камешокъ
А на камешки подпись подписана:
„Кто камень перескочитъ, силы вдвое прибудетъ“.
И начали скакать его братія,
И перескочили всѣ три братьица
Бѣлой-горючей-то камешокъ,
И проговоритъ Василей Буславьевичь:
„Я скочу и назадъ отскочу“!
Какъ скочилъ Василей Буславьевичь
Чрезъ бѣлъ-горючей камешокъ
И назадъ отскочилъ до полу камешка,
И палъ на бѣлой горючей камешокъ,
И розбилъ свою буйную голову,
И самъ говоритъ таково слово:
„Ой мои братьица родные!
Поѣзжайте-тко къ родителю матушки
И скажите поклонъ ей и вѣсточку,
Что сосватался Василей
На Фоворъ славной горы,
А женился на бѣлоемъ-горючемъ камешки“.
И поѣхали братьица ко Нову-граду,
Никакая погода ихъ не сдерживала,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летитъ.
И пріѣзжали оны ко чесной вдовы,
Чесной вдовы да Мальфы Тимофеевной.
И стрѣчаетъ ихъ родна матушка:
„Ай же мои дѣточки милые,
Гдѣ-же у васъ большой братъ да отоманищо,
Молодой Василей да Буславьевичь“?
И говорятъ оны таково слово:
„Что сосватался Василей на Фоворъ-горѣ,
А женился на бѣломъ-горючемъ камешки“.
Тутъ ихъ матушка плакала:
„Что не надо мнѣ ни злата, ни серебра,
Ни скачного жемчуга“.
Роздала свое имѣніе по Божьимъ церквамъ,
И по честнымъ монастырямъ,
И по нищой по братіи;
И поминала своего чада милого,
Молодого Василья Буславьевича.
И тутъ Василью славу поютъ,

Синему морю тишину даютъ,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана сказителемъ И. А. Касьяновымъ и доставлена имъ въ Этнографическое Отдѣленіе И. Р. Геогр. О-ва.

*62. То-же

Жилъ Буслаюшко не старился,
Вдругъ Буслаюшко состарился.
Оставалоси да цядо милое,
Цядо милое, Василій сынъ Буслаевиць.
Сталъ Васильюшко конемъ владать,
Конемъ владать, копьемъ шормовать,
Сталъ Васильюшко ходить по улушки,
Кого въ ногу пне—ножку выпинывалъ,
Кого за руки фатитъ—руцьку выхватитъ,
Кому въ голову ударитъ—тому смерть придаетъ.
Сдѣлался поцестной пиръ,
Вси-то на пиръ собиралисе,
Всѣ-то на поцестномъ напивалисе,
Всѣ-то на пиру да наѣдалисе,
Нашъ Васильюшко не пье, не ѣстъ, не кушае.
„Что Васильюшко не пьешь, не ѣси?
Видно мѣсто теби да не по разуму,
Видно цяра теби вина не рядомъ пришла,
Пьяница-ли осмѣяласи,
Аль безумница огалилась?“
Всѣ-то на пиру да порасхвастались:
Умной фастатъ отцемъ-матерью,
Безумной фастатъ молодой женой.
„Я, Васильюшко, ницѣмъ не хвастаю:
Кабы сбитце мнѣ, сборотце съ Новымъ-градомъ,
Съ Новгородскимъ новымъ старостомъ“.
Да они сбилисе, сборолисе съ Новымъ градомъ,
Записи они записали,
Къ записямъ-то свои руценьки приложили:
Завтра надо идти на Волховъ мостъ,
На Волховъ мостъ на боищо.
Приходитъ Василей къ родной матушкѣ,
Садился онъ на лавоцьку брусовую,
Повѣсилъ онъ свою буйну голову.
„Что ты, Васинька, не веселъ?
Буйна головушка повѣшена,

Развѣ ти мѣсто было не по разуму?
Цяра теби видно не рядомъ пришла?
Или пьяница да осмѣяласи?
Али безумница огалиласи?
— Ай, ты, мать, моя матушка,
Сбился я сборолся съ Новымъ-градомъ,
Записи мы записали,
Записямъ-то свои руценьки приложили.—
„Ахъ, ты, цядо мое милое,
Василій сынъ Буслаевицъ,
Рѣшилъ ты свою буйну головушку!“
Беретъ-то мису злата-серебра,
Другую беретъ да золотой казны,
Пошла-то къ Новгородскому ко нову старости:
„Ай же, ты, Новгородской новой староста,
Возьми, возьми да мису злата-серебра,
Другой возьми да золотой казны,
Поставь Васильеву головушку“.
— Не надо мису злата-серебра,
Друга не надо золотой казны,
Давай Васильеву головушку! —
Приходитъ родна матушка,
Беретъ-то Васю за желты кудри,
Повела-то Васю во цисто поле,
Посадила Васю во глубокъ погребъ,
Навалила плиту еще сто пудовъ:
„Ужъ ты спи-ко, цядо, не пробудися!“
На томъ мосту на Волховѣ
Сдѣлалось великое побоищо;
Увидѣла дѣвушка цёрнавушка,
Прибѣжала она да во цисто поле,
Отсдынула*) плиту еще во сто пудовъ:
„Ужъ ты что ты спишь, Василей, не пробудиссе?
Твои-то слуги вѣрны вси полосланы,
Платоцькамы головушки повязаны“.
— Ахъ, ты, дѣвушка цёрнавушка,
Нѣтъ ѳатить шалыга подорожная,—
И ѳачу, пойду я ось телѣжную,
Пойду на великое побоищо! —
Куды махне—тутъ улиця паде,
Куды отмахне—тутъ переулоцекъ,
Прибилъ народу онъ какъ смѣты нѣтъ. —

*) Приподняла.

Видитъ Новгородской новой староста,
Видитъ, что бѣда неминуцяя,
Затыкае ж... онъ онуцею,
Беретъ онъ мису злата-серебра,
Другу беретъ да золотой казны,
Пошелъ онъ къ Омельфы Тимофеевой:
„Ахъ, ты, Омельфа Тимофеевна,
Ты бери-ко мису злата-серебра
Да другую золотой казны,
Заклиць ты своего да цяда милого,
Оставь народу хоть на симяна“.
Вышла родна матушка на переное крылецюшко,
Зарыкала она своимъ да горькимъ голосомъ:
„Ахъ, ты, цядо мое милое,
Сокроти свое сердце ретивое,
Ты прибилъ вѣдь народу какъ смѣты нѣтъ“.
Пошелъ Васильюшко со велика со боища;
Стритился да кресной батюшко,
На томъ мосту на Волховомъ,
Несе колоколъ да сто пудовъ,
Одинъ языкъ да еще триста пудъ.
Тутъ ему да еще смерть придалъ.—
Заплакала да родна матушка.
Приходитъ Василій къ родной матушкѣ,
Садился онъ на лавоцьку брусовую,
Повѣсилъ свою буйную головушку.
„Ахъ, ты, мать, ты, моя матушка,
Спусти меня Богу молитися,
Во грѣхахъ пойду прощатися,
Во Ердани-то пойду купатися“.
Пошелъ Васильюшко Богу молитисе,
Дошелъ до той горы, до Фараонъ горы;
На Фараонъ горы лежитъ голова да целовѣцеска;
Сталъ головушку попинывать,
Сталъ надъ головушкой подщуцивать.
Заговорила голова да рѣзвымъ голосомъ:
„Не въ тебя я богатырь да лежу на Фараонъ горы,
А тебѣ со мной рядомъ лежать!“

Записана Г. И. Куликовскимъ въ 1886 году, въ д. „Трихнова горка“, отъ крестьянки Пелагеи Осиповны Еремѣевой.

* 63. То-же.

Да славныи князья, да не бояры,
Да сильныи могучіи богатыри,
Да всѣ ли поляници удалыи,
Собирались оны всѣ да на почетной пиръ;
На пиру да напивалисе,
На почетномъ наѣдалисе;
На пиру всѣ пьяны-веселы сидятъ,
Да на пиру всѣ поросхвастались.
Кто фастатъ отцёмъ матерью,
А безумно-тъ молодой женой,
А Добрынюшка пофастыватъ добрымъ конемъ,
А Василей сынъ Буслаевиць
Похвастыватъ своей силой богатырскою.
Они клали-то залоги великіе—
Дратьце, битьце съ Новымъ-градомъ,
Со старостой да Новгородскіимъ.
Приходитъ Василей невеселъ, нерадошенъ,
Онъ повѣсилъ голову ниже плечъ.
Спросила его матушка родная:
„Что ты, Василей, пришелъ съ пиру невеселъ, нерадошенъ?
Развѣ мистецько было тебѣ не по разуму?
Надъ тобой пьяниця огалилась?
А безумница осмѣяласе?
Или рюмоцька тебѣ да не рядомъ дошла“?
Говорилъ тутъ Василей сынъ Буслаевиць:
„Мни-ка мистецько было по разуму,
Мнѣ-ка рюмоцька да рядомъ дошла,
Надо мной пьяниця да не огалилась,
Безумниця не осмѣяласе;
Какъ ужъ мы клали-то залоги великіе
Дратьце, битьце со Новымъ-градомъ,
Со старостами Новгородьскими“.
Вдова честна Омельфа Тимофеевна:—
Она мису брала злата-серебра,
А другую брала скатня жемчугу,
Пошла къ старосты Новгородскимъ,
Говорила она таково слово:
„Ай же, старосты да Новгородскіе,
Возьми-тко мису злата-серебра,
Возьми другую скатня жемчугу“.
Говоритъ тутъ староста Новгородскіе:
„Мнѣ не надоть миса злата-серебра,

Мнѣ не набъ другая скатня жемчугу,
Надобна Васильева головушка.
Дакъ пошелъ Василей на великій бой.
По тому-ли мосту по Волховскому,
Идетъ старичище Угрюмище,
Несетъ на главѣ да колоколъ да стопудовые,
Несетъ языкъ до двадцати пудовъ,
Говоритъ старичище Угрюмище:
„Молодое куро, не попархивай,
Молодое куро, не подпинывай“.
Эти рици Василью не по разуму:
Ухватилъ Василей языкъ до двадцати пудовъ,
Убилъ старичище съ одного разу;
Слетѣлъ колоколъ да стопудовые.
Выходила матушка родная
На крылечко на переноё,
Вырыкала она зычнымъ голосомъ:
„Ай же, Василей сынъ Буслаевицъ!
Не старичища ты убилъ да крёсна батюшка“!
Дакъ пошелъ Василей на великой бой,
Пошелъ Василей по Нову-граду,
Да ухватилъ Василей-отъ червленый вязъ,
Да куды махнетъ—да туды улиця,
Куды отмахнетъ—да переулочёкъ;
Дакъ прибилъ всю силу Новгородскую.
Да Новгородскіе да новой староста
Видитъ онъ да бѣду неминучую,
Затыкае онъ ж... онучею.
Онъ беретъ-то мису злата-серебра,
Онъ беретъ другу да скатня жемчуга,
Пошелъ ко вдовы честной Мамельфы Тимофеевной:
„Вдова честна, Омельфа Тимофеевна!
Бери-тко мису злата-серебра,
Бери другую скатня жемчуга“.
Говоритъ вдова честна Омельфа Тимофеевна:
„Мнѣ не надоть миса злата-серебра,
Мнѣ не набъ другая скатня жемчуга,
Пусь-ко мое чадо понатѣшитце,
Радосью да принаполнитце“.
Такъ пошелъ Василей съ бою великого,
Въ чистомъ полѣ лежитъ камень превеличающой;
На камешкѣ подписано и подпечатано:
„Кто этотъ камень скочитъ да перескочитъ?“
Скочилъ Василій да не перескочилъ,

Другой разъ скочилъ да не перескочилъ,
Третій разъ скочилъ. назадъ палъ,
Да тутъ ему и смерть пришла.

Записана Г. И. Куликовскимъ въ 1886 г., въ д. „Трихнова горка", отъ кр. Якова Семенова Еремѣева.

*64. То-же.

Во стольномъ Новѣ-городѣ
Жила была матера вдова
Амелфа Тимофеевна.
Какъ и былъ у ней сынокъ
Свѣтъ Василій Буслаевичъ.
Отдала она его грамотѣ учить:
Грамота Василью въ руку пошла.
Обучивши его грамотѣ,
Отдала его пѣтью учить.
Вотъ и не было у насъ такого пѣвца,
Какъ Василія Буслаевича.
Познакомился Василій со пьяницами,
Со пьяницами, со безумниками.
Сталъ Василій Буслаевичъ
На кулачный бой ходить:
Кого ухватитъ за руку—рука прочь,
Кого ухватитъ за голову—голова прочь.
Бросился Василій Буслаевичъ
На всѣхъ жителей новгородскіихъ;
Побѣжалъ онъ по широкой улицѣ;
На дорогѣ ему попался
Старецъ Пилигримище:
На плечахъ держалъ онъ колоколъ
Во триста пудъ;
Говорилъ онъ ему таково слово:
„Почто дерешься, Василій Буслаевичъ,
Съ мужиками новгородскими?"
Отвѣчалъ ему Василій Буслаевичъ:
„Бился я съ ними объ великъ закладъ
На свою-ли буйную голову,
Чтобъ пройти весь ихній Новгородъ,
Опричи тебя, старца Пилигримища.
А во задоръ зайду,—и тебя убью".
Ударилъ онъ старца по колоколу:
Во лбу глаза у него какъ вѣкъ не было,

Пошли мужики новгородскіе
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ:
„Уйми ты свое чадо милое
Василія Буслаевича,
Заплатимъ мы тебѣ дани
За всѣ двѣнадцать лѣтъ.

Записана въ Москвѣ С. И. Лапшинымъ отъ Московскаго мѣщанина И. А. Лапшина, постоянно жившаго въ Москвѣ.

*65. Сурога-богатырь.

Какъ Сурова Су́рога зарождалася,
А Курганъ царь подымается.
Зарождался тутъ бѣлой царь богатырь,
Сурова Су́рога Суравѣсть богатырь...
А сталъ тутъ Су́рога конемъ владать,
По широкимъ по улицамъ поѣзживати,
По чистымъ [1] переулочкамъ;
Гусей, лебедей сталъ подстрѣливати.
Не наѣхалъ не на гуся, не на лебедя,
Не на ту-ли сѣру утицу:
А наѣхалъ онъ на сырой дубъ,
На сырой дубъ на крепористой [2].
На сыромъ дубу сидитъ пташка вѣщая,
Пташка вѣщая и поднебесная.
Хочетъ эту пташечку подстрѣлити,
Подстрѣлити и подшибити.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Накладываетъ каленую стрѣлу.
И тутъ эта пташечка провѣщилася,
Провѣщилася, проязычилася.
Человѣческимъ она езыкомъ,
Богатырскимъ она голосомъ:
„Гой ты еси, бѣлой царь,
Сурова Сурога Суравѣсть богатырь!
Не то тебѣ честь, не то похвала—
Ушибить тебѣ птицу на сыромъ дубу,
Пташечку вѣщую, поднебесную.
Поѣзжай-ка ты во горы во Трепетовы:
Синее-то море всколыбалося,
Ужъ то Курганъ царь подымается“.

[1] Частымъ. [2] Кряковистый.

Онъ [1] поѣхалъ во горы во Трепетовы...
Возговорилъ тутъ Курганъ царь:
„Го-гой еси, татары Улановые!
Не великая мтица перелетывала,
А много силы приклевывала.
Какъ еще-то прилетитъ,
Такъ живымъ-то намъ не быть!
Го-гой еси, татары Улановые!
Копайте вы копи глубокіе,
Ставьте вы пóторчи вострые,
Чтобы онъ, Сурога, обрящился,
Обрящился да обрѣшетился,
Подкололъ бы онъ добра коня,
Любимаго онъ Бахмата“.
Собирается тутъ еси бѣлой царь,
Собирается на съѣзднище.
Черезъ первую копь его Богъ перенесъ,
Чрезъ вторую копь его конь перескочилъ,
Черезъ третью копь онъ обрящился,
Онъ обрящился, обрѣшетился,
Подкололъ-ли онъ добра коня,
А любимаго онъ и Бахмата.
Вынимаетъ онъ изъ зепи [1] бумажечку,
Затыкаетъ ему рану глубокую,
Выводитъ коня во чистые поля,
Отпущаетъ, коню самъ наказываетъ:
„Будешь-ли ты, добрый конь,
Будешь-ли ты нá пору готовъ?
Станешь-ли ты мнѣ служить
Всею вѣрою и правдою?“
— Стану я тебѣ служить
Всею вѣрою и правдою
Заочи безизмѣнно.—
Возговорилъ Сурогѣ тутъ Курганъ царь:
„Станешь-ли ты мнѣ служить
Всею вѣрою и правдою?“
— Стану я тебѣ служить
Всею вѣрою и правдою:
Если-бы́ была сабля острая,
Снесъ-бы я, срубилъ буйну голову
По самы твои плечи по могучія;
Головы-то бы мнѣ мало,

[1] Т. е. Сýрога. [2] Изъ пазухи.

Я бы плечъ-то прихватилъ!“
Этотъ Курганъ царь озлобился:
„Вы го-гой еси, татары Улановы!
Вы возьмите Сурогу за бѣлы руки,
Поведите вы собаку во куземку,
Вы набейте обручики желѣзные,
Вывозите его во чистое поле,
Вы изрѣжьте его въ части мелкія,
Раскидайте его по чисту полю“.
Онъ изрекъ Сурога, возговорилъ:
„Ой еси, татары Улановые!
У кого еси есть отецъ и мать,
Тотъ отъ меня подальше встань;
У кого нѣтъ, тотъ отъ меня поближе встань“!
Сталъ Сýрога потѣшатися:
Стали обручи полопывати.
Сталъ-де Сýрога на ноги,
Схваталъ онъ татарина за ноги
И бьетъ онъ татариномъ по людяхъ:
Дѣ пройдетъ—тута улица,
Поворотится—ровно площадь вѣдь.
Добился до ряду до телѣжнаго
И выхватываетъ ось телѣжную,
И бьетъ онъ осью по людяхъ:
Гдѣ пройдетъ—тутъ и улица,
Поворотится—ровно площадь вѣдь.
Добивался до Кургана царя,
До Кургана царя, царя Смородовича
И закричалъ: „Ура! Миръ!“

Этотъ варіантъ былины о Суровцѣ, Суровенѣ былъ записанъ со словъ одного старика (ткача-рогожъ) Сергаческаго уѣзда, Нижегородской губ., преподавателемъ Смоленской гимназіи С. Писаревымъ. По словамъ г. Писарева, старикъ зналъ только одну эту былину, но и ее плохо помнилъ. При пѣніи ея онъ нерѣдко останавливался, припоминая дальнѣйшія слова.

*66. Соломанъ и Василій Окульевичъ.

Прекрасный царь Василій Окульевичъ
Заводилъ почестенъ пиръ,
Собиралъ всѣхъ князей-бояровъ,
Русскихъ могучіихъ богатырей
И всѣхъ своихъ поленицъ удалыихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру пьяны-веселы.

Прекрасный царь Василій Окульевичъ
Сталъ по горенькҍ похаживать,
Пословечно сталъ выговаривать:
„Князи-бояре, русскіе могучіи богатыри,
Всҍ на пиру принакормлены,
Всҍ на пиру принапоены,
Всҍ на пиру пьяны-веселы,
Всҍ на пиру испоженены,
Одинъ я холостъ—не женатъ:
Выбирайте мнҍ супротивницу,
Чтобъ станикомъ она была ровнешенька,
Ростомъ бы она была высокошенька,
Тҍло бы у ней было снҍгу бҍлого,
Очушки у ней бы были ясна сокола,
Бровушки были бы у ней доброго молодца,
Походочка бы была ланей бҍлыихъ,
Бҍлою лани напольскою,
Напольски лани златорогіи,
Чтобъ мнҍ было съ кҍмъ жить да быть, вҍкъ коротати.
А вамъ было бы кому покланятися“.
Всҍ за столикомъ умолкнули...
Зъ-за тыхъ столиковъ дубовыихъ
Выходилъ Ивашка Поваренной,
Бьетъ целомъ царю, покланяется:
„Прекрасной царь, Василій Окульевичъ!
Знаю я тоби супротивницу:
Станикомъ она ровнешенька,
Ростомъ она высокошенька,
Тҍло у ней снҍгу бҍлого,
Оци у ней ясного сокола,
Брови у ней доброго молодца,
Походочкой она ланей бҍлыихъ,
Бҍлыихъ ланей напольскихъ,
Напольскіи лани златорогіи,—
Вамъ будетъ съ кҍмъ жить да быть,
Намъ будетъ кому покланятися:
Есть за славнымъ за Синемъ-моремъ,
У того у царя у Солóмана,
Есть царица Соломáнея“.
Онъ [1] ударилъ Ивашка по той стороны,
Ударилъ Ивашка и по другой стороны:
„Ай ты воръ, Ивашка Поваренной!

---

[1]) Т е. царь Василій.

Какъ можно у живого мужа жену отнять?!“
Того Ивашка не пытаится—
Бьетъ целомъ, царю поклоняется:
„Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Я знаю, какъ у живого мужа жену отнять:
Сдѣлай три насады цервленныихъ,
Сдѣлай тамъ кровати тесовыя
И клади туды периночки пуховыя,
Занавѣсточки клади туды ситцевы,
Сдѣлай столбики точеные,
Сдѣлай грядочки золоченныя,
Клади туды птичушекъ райскіихъ,
Чтобы пѣли оны пѣсеньки царскія,
Клади туды питья забудущія,
Сдѣлай царю Соло́ману шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи сдѣлай камоцику крущатой камки.“
Прекрасный царь Василій Окульевичъ
Сдѣлалъ три насады цервленныихъ,
Сдѣлалъ кроваточки тесовыя,
Положилъ туды периночки пуховыя,
Занавѣсточки положилъ туды ситцевы,
Сдѣлалъ столбики точеные,
Сдѣлалъ грядочки золоченныя,
Клалъ туды птичушекъ райскіихъ,
Чтобы пѣли пѣсеньки царскія,
Клалъ туды питья забудущія,
Сдѣлалъ царю Соло́ману шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи камоцику крущатой камки.
Воръ Ивашка бралъ себѣ народу по надобью,
Поѣхалъ за славно за сине-море.
Пріѣзжалъ за славно за сине-море,
И становился къ царю Соло́ману подъ окошечко;
Бралъ онъ шубу соболиную,
Бралъ камоцику крущатой камки,
Шелъ Ивашка къ царю Соло́ману въ палаты бѣлокаменныя,
Крестъ кладетъ онъ по писанному,
Поклоны ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны покланяется,
Самой царицѣ Соломанеи въ особину.
Царя Соломана дома не случилося.
Ивашка поваренный дарилъ царю Соломану шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи камоцику крущатой камки,
Бьетъ целомъ царицѣ, поклоняется:
„Прекрасная царица Соломанея!

Сходи-тко ты на наши на́сады червленныя,
Общѣни-ка ты у насъ товаръ на на̀садахъ,—
Намъ бы было̀ изъ чего то́рговать,
А вамъ-бы была̀ изъ чего платить пошлина.“
Говоритъ царица Соломанея:
„Ай же, Ивашка поваренный!
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по годъ-поры,
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по два́-году,
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по три-году,
Намъ съ тебя пошлина не надобно!“
Того Ивашка не пытаится,
Онъ другой разъ бьетъ целомъ, царицѣ поклоняется:
„Ты прекрасная царица Соломанея!
Ты сходи на наши на̀сады червленныя,
Общѣни у насъ товаръ на на̀садахъ—
Намъ бы было̀ съ чего то́рговать,
А вамъ бы была платить пошлина.“
Говоритъ царица таковы слова:
„Ты торгуй, Ивашка, хоть по годъ-поры,
Ты торгуй, Ивашка, хоть по два-году
И торгоуй, Ивашка, хоть по три году:
Намъ съ тобя пошлина не надобно.“
Того Ивашка не пытаится,
Бьетъ целомъ, царицѣ поклоняется:
„Прекрасная царица Соломанея!“
Сходи на наши на́сады червленныя,
Общѣни у насъ товаръ на на́садахъ,
Чтобъ намъ было изъ чего торговать,
А вамъ бы была платить пошлина.“
И эта царица Соломанея
Надѣла чоботы на босы ноги,
Кунью шубоньку она надѣла на одно плечко̀,
Соболиную шапочку надѣла на одно ушко̀,
Шла на насады червленныя,
Стала по насадамъ похаживать,
Стала по насадамъ погуливать,
Увидѣла кроваточки тесовыя,
Увидѣла перинушки пуховыя,
Занавѣсточки увидѣла ситцевы,
Увидѣла столбики точеные,
Увидѣла грядочки золоченыя;
Сидятъ птичушки райскія,
Поютъ пѣсеньки царскія;
Увидѣла питья забудущія.

Тутъ царица принапилася,
Тутъ царица обвалилася.
Повезъ Ивашка воръ поваренный,
Повезъ царицу за сине-море...
Выѣзжали середь славнаго синя-моря,
Тутъ царица прохмелилася,
Тутъ царица прослезилася:
„Ай ты, воръ Ивашка поваренный!
Увезъ ты царицу за сине-море“.
Говоритъ Ивашка поваренный:
„Ты не плачь, царица Соломанея—
Буде Богъ снесетъ за славно за сине-море,
И выдаемъ мы тебя за прекраснаго царя Василія Окульевича“.
Пріѣзжали они за славно за сине-море,
Приставали они ко крутому ко берегу.
Выходилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
И заходилъ на насады червленныя
И подходилъ къ царицѣ Соломанеи,
Бралъ ее за ручки бѣлыя,*)
За ея за перстни злаченые,
Велъ-то онъ ее во Божью церковь;
Тутъ они повѣнчалися,
Златы Божіи вѣнцы принимали,
Чуденъ Божій крестъ цѣловали,
Златыми перстнями обручались;
Стали жить въ совѣтѣ и любови.
Жили въ совѣтѣ въ любови по три году.
Собиралъ Соло́манъ по три году
Коней да людей все крылатыихъ,
Принаказывалъ Соло́манъ своей силушкѣ:
„Сила ты моя сильная,
Сила сильная, сила великая,
Кони да люди крылатые!
Первый разъ я затрублю во турій рогъ,—
Такъ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
Другой разъ я затрублю во турій рогъ,—
Такъ вы садитесь на добрыхъ коней;
Третій разъ я затрублю во турій рогъ,—
Такъ вы съѣзжайте за славно за сине-море,
Въ славное раздольице чисто́ поле,
Пріѣзжайте на мою на помощь да на выручку.“
Пошелъ Соло́манъ за сине море

*) При повтореніи сказитель измѣпилъ эту строку такъ: „*Бралъ ее за ручушки за бѣлыя*“.

Къ прекрасному царю къ Василію Окульевичу,
Приходилъ онъ подъ окошечко,
Вскричалъ онъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
„Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Создай калѣки милóстину,
Чтобъ было калѣки что ѣсть да пить,
Да чего калѣки волочитися“.
Прекраснаго царя Василья Окульевича
Въ домѣ не случилося.
Кидалася царица до плечъ въ окно,
Говорила царица таковы слова:
„Ты поди, Солóманъ, на высокъ теремъ“.
Кормила она Солóмана досыта,
Поила Солóмана до-пьяна;
Замыкала Солóмана въ кованъ-ларецъ.—
Пришелъ прекрасный царь Василій Окульевичъ.
Говорила царица Соломанея:
„Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Жили мы въ совѣтѣ въ любови по три году,
Мы кого боялись по три году,
Тотъ сидитъ подъ ж . . . . бабьей.
Казни Солóмана вскорѣ-наскоро,
Ты казни Солóмана не по царьскому,
А казни Солóмана по холопьему:
Есть у Солóмана сила запасная,
Кони да люди все крылатые“.—
Говорилъ Солóманъ таковы слова:
„Ты, прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Ты не слушай бабы с . . . . ницы:
Какъ бы бы́ла она баба умная,
Какъ бы бы́ла баба разумная,
Она нé шла бы на нáсады червленныя,
Не пила бы питей забудущіихъ,
Не вышла бы замужъ за другова!“
Говорила царица таковы слова:
„Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Поѣзжай-ка въ раздольное чисто поле,
Сдѣлай три столбика точеныихъ,
Сдѣлай три грядочки золоченыихъ,
Казни царя Солóмана“.—
Прекрасный царь Василій Окульевичъ
Сдѣлалъ три столбика точеныихъ,
Сдѣлалъ три грядочки золоченыихъ.

Повезли царя Солóмана
Во славное во чисто поле,
Привезли царя Солóмана
Во славное во чисто поле.
Выходила царица Соломанея,
Отпоясывала отъ себя шелковъ поясъ,
Сдѣлала она три петельки шелковыихъ,
Говорила она таковы слова:
„Ай же ты, Солóманъ царь!
Пройди ты скрозь три петельки шелковыихъ“.
И этотъ Солóманъ царь первую петельку прошелъ хитростью,
Другу петельку прошелъ мудростью,
Третью петельку прошелъ своей глупостью.
Тутъ надо показнить царя Солóмана.
Говорилъ Солóманъ таковы слова:
„Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Дай-ка мнѣ при скорой смеретушкѣ турій рогъ:
Я былъ смолоду охочь коровъ пасти“.
Приказалъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
Подать Солóману турій рогъ.
Первый разъ онъ затрубилъ во турій рогъ:
Всѣ высоки горы пошаталися,
Темные лѣса къ землѣ приклонялися,
Во рѣкахъ вода пріусохнула,
Въ озерáхъ вода пріудрогнула,
Во моряхъ вода всколыбалася,
Пошелъ тутъ около моря шумъ великъ.
Говорилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ:
„Это чтó, Солóманъ, около синя моря шумъ великъ?“
Говорилъ Солóманъ таковы слова:
„Прекрасный царь Василій Окульевичъ!
Всѣ звѣри-птицы возрадовалися
И летятъ глядѣть на царскую смеретушку“.
Другой ёнъ разъ затрубилъ во турій рогъ:
Высокія горы пошаталися,
Темные лѣса къ землѣ приклонялися,
Во рѣкахъ вода пріусохнула,
Во озерáхъ вода пріудрогнула,
Во моряхъ вода всколыбалася,
Пошолъ около синя моря шумъ великъ.
Говоритъ прекрасный царь Василій Окульевичъ:
„Это что, Солóманъ, около синя моря шумъ великъ?“
Говоритъ Солóманъ таковы слова:
„Это всѣ звѣри, всѣ птицы возрадовалися

И летятъ глядѣть на царьскую смеретушку“.
Говоритъ Соломанъ таковы слова:
„Ты, прекрасный царь, Василій Окульевичъ,
Позволь мнѣ затрубить въ третій разъ въ турій рогъ“.
Третій разъ онъ затрубилъ въ турій рогъ:
Налетѣла тутъ сила сильная,
Сила сильная, сила великая,
Кони-люди все крылатые,
Обошли прекраснаго царя Василія Окульевича;
Въ перву петельку повѣсили Ивашка повареннаго,
Въ другу петельку повѣсили прекраснаго царя Василья Окульевича.
Учала царица слезно плакати:
„Ты прости, Соломанъ, во первой вины!“
— Во первой вины тебя Богъ проститъ:
Зачѣмъ шла на на́сады червленныя,
Пила питья забудущія?
Во первой вины тебя Богъ проститъ.—
„Ты прости, Соломанъ, во другой вины“.
— Во другой вины тебя Богъ проститъ:
Зачѣмъ шла на на́сады червленныя,
Зачѣмъ пила питья забудущія,
Зачѣмъ же ты вышла замужь за другова?
А зачѣмъ же ты Соломана замкнула во кованъ ларецъ?
Зачѣмъ же ты велѣла сдѣлать столбики точеные?
Зачѣмъ же ты сдѣлать велѣла грядочки золоченыя?
А зачѣмъ же ты сдѣлала три петельки шолковыхъ?—
„Ты прости меня, Соломанъ, во третьей винѣ“.
— Во третьей винѣ не могу простить!—
Тутъ повѣсили царицу Соломанею...
Собиралъ Соломанъ силу свою сильную,
Всѣхъ коней-людей крылатыихъ,
Отправлялся Соломанъ за сине море
Со своей со силушкой великоей.
Сталъ жить да быть да вѣкъ коротати.

Записана М. Н. Харузинымъ въ 1881 году въ дер. Середки, Кижской волости, Олонецкой губ. отъ крестьянина Степана Григорьевича Рябинина.

67. Т о - ж е.

Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Въ Новѣградѣ служилъ прекрасный царь Василій Окуловичъ.
Не было на силу Самсона Колыбанова,
Не было на смѣтку осударя Ильи Муромца,
На вѣжество Добрынюшки Никитича,

На ярость Олеши Поповича,
На золоту казну Дюка Степанова,
На богатство Садко купца богатаго,
На хитрость, на мудрость Соломона Окульева,
На красоту Василья царя Окульева.
Заводился у Окульева почестенъ пиръ
На многихъ пановей-улановей,
На злыхъ проклятыхъ татаровей.
Всѣ на пиру сидятъ пьяны, веселы.
Василій царь по горницѣ похаживаетъ,
Желтыми кудрями потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, панове-уланове!
Всѣ у насъ въ городѣ испоженены;
Красны дѣвицы исподаваны;
Одинъ я, Василій царь, холостъ хожу,—
Холостъ хожу,—не женатъ слыву;
Не знаетъ-ли мнѣ кто обручницы,
Обручницы, мнѣ сопротивницы,
Чтобы бѣло лице, какъ бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
Ясны-то очи будто у сокола,
У того у сокола перелетнаго,
Брови у ней какъ у соболя,
Того соболя сибирскаго;
Чтобъ возрастомъ не мала, умомъ сверстна;
Чтобъ было кому поклонитися,
Было кого чтобъ назвать царицею?“
Большой хоронится за средняго,
А средній хоронится за малаго,
А отъ малаго татарина отвѣту нѣтъ.
Говоритъ Василій царь во второй наконъ;
Говоритъ Василій во третій наконъ;
Все большой хоронится за средняго,
Средній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго татарина отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ стола изъ за окольнаго,
Со той со скамейки бѣло-дубовой,
Выходилъ удалый добрый молодецъ
По прозванью Василій Пустоволосовичъ,
Младый Василій Таракашковъ сынъ.
Подходитъ Василій къ царю близехонько,
Самъ говоритъ потихохоньку:
„Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!

Благослови мнѣ, Василій, слово молвить,
Не моги-ко меня за слово скоро сказнити,
А скорѣе того чтобы повѣсити".
Говоритъ царь Василій Окульевичъ:
„Говори, Василій, что тѣ надобно".
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Я знаю тебѣ обручницу,
Обручницу знаю, сопротивницу:
Бѣло лице будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы будто маковъ цвѣтъ;
Ясны очи будто у сокола,
Того сокола перелетнаго;
Черныя брови будто у соболя,
Того соболя сибирскаго;
Ростомъ не мала и умомъ сверстна.
Есть кому поклонитися,
Есть кого и назвать царицею.
Есть у царя Соломона,
Есть у него молода жена—
Молодая царица Соломóнида".
Говоритъ царь Василій Окульевичъ:
„Ты какъ можешь у живá мужа жену отнять?"
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Ты гой еси, Василій Окульевичъ!
Плохо у живá мужа жену отнять:
Дай-ко-се ты мнѣ три коробля, три червленыихъ,
Нагрузи ихъ товарами заморскими:
Первóй нагрузи краснымъ золотомъ,
Другой нагрузи чистымъ сéребромъ,
Третій скатнымъ жемчугомъ;
Наклади еще напитковъ забудущихъ;
Пойду я, Василій, во Святую Русь,
Привезу тебѣ царицу Соломóниду".
Эти рѣчи царю во любви пришли,
Во любви пришли, очень поглянулися.
Далъ ему три корабля, три червленыя;
Нагрузилъ ихъ товарами заморскими:
Первой нагрузилъ краснымъ золотомъ,
Второй нагрузилъ чистымъ серебромъ,
Третій нагрузилъ скатнымъ жемчугомъ,
Наклалъ напитковъ забудущіихъ;
Пошелъ тогда Василій на Святую Русь.
Приходитъ во гавань корабельную,
Въ гавань заходитъ—платитъ пошлину;

Якорь кладетъ—платитъ пошлину;
Парусъ ронитъ—платитъ пошлину;
Беретъ онъ подарочки великіе.
Что во ту пору во то время
Соломо́на дома не случилося:
Уѣхалъ во иностранныя го́роды
Собирать дани пошлины
За тѣ двѣнадцать годовъ вышедшихъ.
Взявши онъ подарочки великіе,
Идетъ онъ къ царицѣ Соломо́нидѣ.
Отворяетъ Василій двери въ пяту;
Не кститъ сво̀во лица чернаго,
Не кланяется чуднымъ о́бразамъ,
Бьетъ челомъ царицѣ Соломо́нидѣ:
„Здравствуй, царица Соломо́нида!“
Говоритъ царица Соломонида:
„Здравствуй, Василій Пустоволосовичъ!
Зачѣмъ пришелъ, что просишь ты?“
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломо́нида!
Я пришелъ къ тобѣ съ подарками великими“.
Подаетъ царицѣ Соломонидѣ
Тѣ подарочки великіе.
Принимала царица Соломо́нида
Тѣ подарочки великіе.
„Ужъ ты гой еси, царица Соломо́нида!
Добро жаловать ко мнѣ на червленъ корабль
Оцѣнить мои товары заморскіе,
Чего мои корабли будутъ стоити“.
Говорила царица Соломо́нида:
„Поди, Василій, къ себѣ на червленъ корабль,
Буду я къ тебѣ на червленъ корабль;
Посмотрю твоихъ товаровъ заморскіихъ“.
Пошелъ Василій на червленъ корабль;
Пошла царица Соломо́нида
Къ Василію на червленъ корабль.
Бьетъ челомъ Василій царицѣ Соломо̀нидѣ:
„Здравствуй, царица Соломо̀нида“!
Бьетъ челомъ въ каюту корабельную.
Заходитъ царица Соломонида
Въ ту каюту корабельну;
Напоилъ тутъ царицу Соломо̀ниду
Тѣми напитками забыдущими.
Заспала тутъ царица Соломо̀нида

Въ той каютѣ корабельныя.
Выходитъ Василій изъ каюты корабельныя
На ту палубу дубовую:
„Ужъ ты гой еси, дружинушка добрая!
Отсѣките якори булатныя,
Распущайте парусы полотняны“!
Въ ту пору дружина не ослышалась:
Отсѣкла она якори булатныя,
Развивала парусы полотняны;
Пошли изъ гавани корабельныя.
Падала повѣтерь способная;
Выходитъ Василій на сине море,
И русска земля потаилася,
А невѣрна земля возвременилася.
Пробудилась царица Соломо̀нида,
Сама говорила таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Василій Пустоволосовичъ!
Ты куда меня везешь, куда повезъ“?
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломо̀нида!
Везу тебя къ царю Василію Окульеву,
Везу тебя за него замужъ“.
Приходитъ Василій Пустоволосовичъ
Во ту во гавань корабельную.
Кладетъ Василій якори булатные,
Подвилъ парусы полотняны;
Выдернулъ флаги шелковые.
Увидѣлъ Василій, царь Окульевичъ,
Тѣ свои три корабля червленыя,
Пошелъ встрѣчать Василій, царь Окульевичъ.
Что того же Василія Пустоволосова.
Увидалъ онъ царицу Соломо̀ниду,
Беретъ онъ ее за бѣлы руки,
Цѣлуетъ въ уста сахарныя,
Повелъ въ палату бѣлокаменну.
У Василія повелся тогда почестенъ пиръ
Со того со веселья со великаго.
Во ту пору во то время
Пріѣзжаетъ Соломонъ царь Давыдовичъ,
Во тѣже палаты бѣлокаменны.
Не встрѣчаетъ его царица Соломо̀нида.
Говоритъ Соломонъ царь Давыдовичъ:
„Ужъ вы здравствуйте, князи, бояри!
Ужъ вы гой еси, князи, бояри,

Что же не встрѣчаетъ меня молода жена,
Развѣ больна она у меня находится,
Или ее въ домѣ не случилося“?
Говорили тогда князи-бояри:
„Ужъ ты гой еси, Соломонъ царь Давыдовичъ!
Приходилъ къ намъ Василій Пустоволосовичъ,
Приходилъ онъ на трехъ корабляхъ червленыхъ,
Увезъ твою царицу Соломо̀ниду
Къ тому царю Василію Окульеву,
Повезъ къ Василью за него замужъ“.
Эти ему рѣчи не въ любви пришли,
Показались за досаду за великую.
Сталъ тогда Соломонъ собиратися,
Сталъ онъ со дружиной собрунятися.
Собралъ онъ дружину хоробрую,
Собралъ тридцать безъ единаго,
Самъ былъ тридцатый.
Отправились они сухимъ путемъ,
Ѣхать надо было три года,
Переѣхали они въ три мѣсяца;
Не доѣхали они до Новгорода,
Становились они во чистомъ полѣ,
Разставили они бѣлы шатры.
Говорилъ-то имъ Соломонъ царь Давыдовичъ:
„Ужъ вы гой еси, дружина храбрая!
Я вамъ стану что наказывать,
Исполните вы мое наказанье:
Пойду я калѣкой перехожею,
Ко тому царю Василію Окульеву,
Просить я милостыни спасенья
Для-ради Царя Христа небеснаго;
Только слушайте мое наказанье:
Я заиграю во дудочку во мѣдную,
Хватайте вы тогда коней добрыхъ;
Заиграю во дудочку въ серебряну,
Сѣдлайте вы коней добрыхъ;
Заиграю во дудочку во золоту,
Тогда скачите на добрыхъ коней,
Тогда рубите стараго и малаго,
Не покидайте ни единаго на сѣмена“.
Тогда пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Тою калѣкою перехожею.
Приходитъ ко гридни княженецкія,
Кричитъ зычнымъ голосомъ,

Проситъ милостыни спасенья
Для-ради Христа Царя небеснаго.
Окульева тогда дома не случилося;
Услышала царица Соломо̂нида,
Сама говорила таковы рѣчи:
Не калѣка пришелъ со Святой Руси,
Пришелъ-то Соломонъ царь Давыдовичъ.
Добро жаловать ко мнѣ, Соломонъ,
Хлѣба-соли ѣсть, пива-меду пить“.
Пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Во ту во спальну во царевую.
Сидятъ, пьютъ, прохлажаются.
Во ту пору во то время
Пріѣхалъ Василій царь Окульевичъ.
Говоритъ царица Соломо̂нида:
„Ты Соломонъ царь Давыдовичъ!
Куда я тебя укрою?
Есть у меня да окованъ сундукъ,
Ложись-ко-се ты въ окованъ сундукъ,
Не увидитъ тебя Василій царь Окульевичъ“.
Легъ то Соломонъ во кованъ сундукъ,
Замкнула его царица Соломо̂нида.
Приходитъ Василій царь Окульевичъ;
Стали пить, ѣсть—прохлажатися;
Говоритъ царица Соломо̂нида:
„Сказали про Соломона на Святой Руси,
Что на Святой Руси Соломонъ хитеръ-мудеръ,
А теперь Соломо̂на глупѣе нѣтъ:
Лежитъ онъ въ сундукѣ кованомъ“.
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломо̂нида!
Выпущай-ко Соломона Давыдова,
Сѣку я у него буйну голову“.
Отмыкала царица Соломо̂нида окованъ сундукъ,
Скакалъ Соломонъ на рѣзвы ноги,
Беретъ Окульева за бѣлы руки,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„У насъ на Руси не сѣкутъ царей;
Сдѣлай ты реину высокую,
Повѣсь на ней три петельки великія:
Первую петельку варовую,
Вторую (петельку) липову,
А третью (петельку) шелковую“.
Говоритъ царица Соломо̂нида:

„Ты гой еси, Василій царь Окульевичъ:
Пора тебѣ на Соломона указъ чинить,
Пора ему голову сказнить:
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.
Говорилъ Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Стали дѣлать реину высокую,
Повѣсили три петельки великія:
Первую петельку варовую,
Вторую (петельку) липову,
Третью (петельку) шелковую.
Повели Соломона на реину высокую
Со той со славой со великою.
Говорилъ-то Соломонъ царь Давидовичъ:
„Ужъ вы гой еси, народы православные,
Воротитесь вы панове-уланове,
Соломонова смерть страшна будетъ“.
Мудрой-то народъ воротилися,
А глупой народъ впередъ идетъ.
Говоритъ Соломонъ во второй наконъ:
„Воротитесь, панове-уланове,
Соломонова смерть страшна будетъ“.
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупый-то впередъ идетъ.
Говоритъ Соломонъ во третей наконъ:
„Воротитесь вы, панове-уланове
Соломону [1]) смерть страшна будетъ“.
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупой-то впередъ идетъ.
Пришли ко реинѣ высокія;
Ступилъ Соломонъ на перву ступень,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Благослови, Василій царь,
Поиграть во дудочку во мѣдную,
Царя съ царицей приутѣшити,
А мнѣ край смерти возвеселитися“.
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
— Играй-ко, Соломонъ, сколько тѣ надобно.—
Говоритъ царица Соломонида:
„Пора тебѣ, Соломону, указъ чинить—
Указъ чинить, голова сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.

[1]) Соломонова.

Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
„Теперъ Соломонъ у меня въ рукахъ".
Заигралъ во дудочку во мѣдную,
Услыхала дружинушка хоробрая,
Сѣдлали нуздали коней добрыихъ.
Ступилъ Соломонъ на втору ступень.
„Благослови, Василій царь,
Сыграть во дудочку во серебряну
Тебя съ царицей приутѣшити,
А мнѣ по край смерти взвеселитися".
— Играй-ко, Соломонъ, сколько тѣ надобно".—
Говоритъ царица Соломонида:
„Пора Соломону указъ чинить—
Указъ чинить—голова сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью".
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ".
Заигралъ во дудочку серебряну:
Услыхала дружинушка хоробрая,—
Легко скачетъ на добрыхъ коней.
Вступилъ Соломонъ на третью ступень:
„Благослови, Василій царь,
Сыграть во дудочку въ золоту".
— „Играй, Соломонъ, сколько тѣ надобно".—
Говорила царица Соломонида:
„Пора Соломону указъ чинить,—
Пора ему голову сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью".
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ".
Заигралъ во дудочку во золоту:
Услыхала дружинушка хоробрая,
Сѣкутъ стараго и малаго.
Беретъ Соломонъ Василья за бѣлы руки,
Кладетъ Окульева во петельку шелковую,
А царицу Соломониду въ варовую,
А Василья [1]) во липову;
Пускай виснетъ, а не давится.
Вотъ тѣмъ дѣло окончилось.

Записана священникомъ Вл. Розоновымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотницѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныхъ П. С. Ефименкомъ." Ч. 2-я стр. 21—25.

---

[1]) Пустоволосовича.

68. Сорокъ каликъ со каликою.

Отъ моря морюшка отъ синяго,
Отъ синяго моря студенаго,
Отъ озера Маслеева,
Собиралися калики перехожіе,
Сорокъ каликъ со каликою.
Собиралися ко кресту Леванидову,
Еще клали они заповѣдь великую,
Великую заповѣдь тяжелую:
„Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходить намъ къ королямъ, королевичамъ;
Кто изъ насъ, братцы, заворуетъ,
Кто изъ насъ, братцы, заплутуетъ,
Кто изъ насъ, братцы, за блудомъ пойдетъ,
Намъ судить таковаго своимъ судомъ,
Намъ копать таковаго въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи де ясныя косицами,
Ретиво-то сердечушко плечьми“.
Пошли-то калики по чисту полю,
День идутъ и другой идутъ.
На встрѣчу каликамъ идетъ Владимиръ князь,
Не доѣхалъ до каликъ, онъ съ коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
Вы калики перехожіе,
Здравствуй-ко, Дунай сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Касьянъ сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Михайло сынъ Михайловичъ!“
Тѣхъ-то каликъ лучше краше нѣтъ:
Платье на нихъ словно маковъ цвѣтъ,
Сумочки были лита [1]) бархата,
Подсумочки были хрусчатой камки.
„Гой еси, удалы добры молодцы!
Спойти-ко мнѣ Еленинскій стихъ;
Захотѣлося мнѣ отъ васъ послушати“.
Ужъ и тутъ калики не ослушалися,
Во сыру землю копьица потыкали,
Запѣли калики Еленинскій стихъ,
Запѣли, захотали въ полъ-крикъ;

---

[1]) Рыта.

Земля-то мати потрясалася,
Во озерахъ воды всколыхалися,
Темные лѣса пошаталися,
На горахъ-де сыры дубы выгибалися.
Не можетъ Владимиръ стоючи стоять,
Не можетъ Владимиръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владимиръ лежучи лежать;
Увалился его Алешинько извощичекъ,
Увалился его Добрынюшко запятничекъ.
Говорилъ имъ Владимиръ таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, удалы добры молодцы,
Не могу я стоючи стоять,
Не могу я сидючи сидѣть,
Не могу я лежучи лежать,
Увалился мой Алешинько извощичекъ,
Увалился мой Добрынюшко запятничекъ,
Ужъ вамъ полно пѣть Еленскій стихъ“.
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Брали сумочки бархатныя,
Пошли калики во чисто поле.
Ужъ и тутъ Владимиръ возговорилъ:
„Ужъ вы гой еси, удалы добры молодцы!
Пойдете вы мимо крашенъ Кіевъ градъ,
Приворачивайте-ко къ молодой княгинюшкѣ Апраксіѣ.
Милости просимъ хлѣба-соли ѣсть,
Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить“.
Пошли тѣ калики по чистому полю;
День они идутъ и другой идутъ,
Доходятъ они до палатъ княженскіихъ,
Ко тое-ли околенки стеклянныя.
Запросили они милостинку Христа ради,
Для-ради Христа, Царя небеснаго.
Попросили они въ полъ-крику:
Земля-то мати потрясалася,
На озерахъ вода всколыхалася,
На столахъ-то кушанья всплескалися,
Муравлены печки помитусились.
Услыхала тутъ княгинюшка Апраксія,
Высовывалась она въ окошечко по поясу:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
Вы калики перехожіе,
Здравствуй-ко, Дунай сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Касьянъ сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Михайло сынъ Михайловичъ!

Просимъ милости хлѣба-соли ѣсть,
Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить
Ко младой княгинѣ ко Апраксіѣ“.
Заходили калики на красно крыльцо,—
Ступешекъ до ступешка догибается;
Заходили калики на новы сѣни,—
Новы сѣни выгибалися;
Заходили калики въ свѣтлу гридню,
Ужъ и крестъ кладутъ они по писаному,
Ужъ и поклонъ ведутъ да по ученому:
„Ужъ ты здравствуй-ко, княгинюшка Апраксія!“
Заходили они за столы за дубовые,
За тѣ скатерти за перчатныя,
За тѣ же за кушанья сахарныя.
Тутъ калики поѣли, покушали,
Бѣлыя лебедушки порушали.
Выходили изъ за столовъ дубовыхъ,
Выходили изъ за скатертей перчатныхъ,
Ужъ и крестъ кладутъ по писаному,
Ужъ и поклонъ кладутъ по ученому:
—Благодарствуй, княгинюшка Апраксія!—
„Ужъ вы гой еси, удалы добры молодцы!
Ужъ и день идетъ ко вечеру,
Ужъ и солнышко клонится къ западу,
Не пора-ли намъ, калики, опочивъ держать?
Выведу я васъ да по единому“.
Стали калики да опочивъ держать,
Развела она ихъ да по единому.
Брала къ себѣ Михайла Михайловича,
Ложила его на кроваточку тесовую,
Ложила его на периночку пуховую,
На подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
Случилося ночи во первомъ часу,
Соходила княгинюшка со печки со муравленыя,
Ложилася на кроваточку тесовую,
На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное,
Накинула на Михайлушку ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
„Ужъ ты гой еси, Михайлушка Михайловичъ!
Ты влюбись-ко ся въ меня, княгиню Апраксію,
Ты наймись-ко ся къ князю Владимиру во работники.

Ужъ мы станемъ съ тобой за едино жить,
За едино жить, да любовь творить“.
— Ты поди-ко прочь, княгинюшка Апраксія,
У насъ складена заповѣдь великая,
Великая заповѣдь тяжелая:
Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходить намъ къ королямъ, королевичамъ,
И кто изъ насъ заворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ пойдетъ,—
Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать такого въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво серчечушко плечьми.—
Ушла княгиня на ту печку па муравленую.
Случилось ночи во второмъ часу,
Сходила княгинюшка со печки со муравленыя,
Ложилася на кроваточку тесовую,
На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное,
Накинула на Михайлушка ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
„Ужъ ты гой еси, Михайлушка Михайловичъ!
Ты влюбись-ко ся въ меня княгиню Апраксію,
Ты наймись-ко ся къ князю Владиміру во работники.
Ужъ мы станемъ съ тобой за едино жить,
За едино жить, да любовь творить“.
— Ты поди-ко прочь, княгинюшка Апраксія,
У насъ складена заповѣдь великая,
Великая заповѣдь тяжелая:
Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходить намъ къ королямъ, королевичамъ,
И кто изъ насъ заворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ пойдетъ,—
Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать такого въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердечушко плечьми.
Ушла княгиня на ту печку на муравленую.
Случилось ночи во третьемъ часу,

Заспалъ тутъ Михайлушка крѣпкимъ сномъ.
Сходила княгиня со печки со муравленыя,
Брала тутъ сумку лита бархата,
Расшила, разтягала сумку бархатную,
Клала въ нее братыню серебряную,
Изъ которой братыни князь съ пріѣзда пьетъ,
Зашила, застегала сумку по старому.
Вставали калики рано по утру,
Ключевой водой умывалися,
Тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ утиралися;
Снарядилися калики перехожіе,
Пошли калики во чисто поле.
Пріѣхалъ тутъ Владимиръ князь:
— Ужъ ты гой еси, княгинюшка Апраксія!
Гдѣ моя братынюшка серебряная,
Изъ которой я съ пріѣзда пью?—
„Ужъ ты гой еси, Владимиръ князь!
Ночевали у насъ калики перехожіе,
Украли у насъ братынюшку серебряную“.
Кому была служебка надмѣчена?—
Алешинькѣ была служебка явлена:
„Поѣзжай-ко ты, Алешинька, во чисто поле,
Состыги ты каликъ да во чистомъ полѣ,
Отбери у нихъ братынюшку серебряную.
Не видали поѣздки богатырскія,
Только видѣли во чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, дымъ столбомъ валитъ,
Изъ ушей, изъ ноздрей коня пламя огненное.
Выѣхалъ Алеша на шеломя окатистое,
Посмотрѣлъ Алеша въ трубку подзорную
Да на всѣ четыре дальнія сторонки—
И завидѣлъ каликъ да на чистомъ полѣ,
Завылъ, закричалъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы гой еси, калики перехожіе!
Ночевали вы у князя Владимира,
Украли братынюшку серебряную“.
Ужъ и тутъ каликамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
Подождали Алешиньку близко-наблизко,
Хватали Алешиньку со добра коня,
Алешинькѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали Алешинькѣ ж . . . . ку сколько надобно,
Посадили Алешиньку на добра коня,
Привязали Алешиньку ко стременамъ;

Едва-едва онъ па конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Выходилъ Владимиръ на высокъ балконъ,
Смотрѣлъ Владимиръ въ трубку подзорную.
Увидалъ, что Алешинька едва на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Доѣзжаетъ Алешинька ко Владимиру:
„Ужъ ты гой еси, Владимиръ стольно-кіевскій!
Какъ догналъ я каликъ да во чистомъ полѣ,
Зазычалъ я, закричалъ громкимъ голосомъ:
—Ужъ вы гой еси, калики перехожіе!
Ночевали вы у князя Владимира,
Украли братынюшку серебряную.—
Ужъ и тутъ пождали меня близко-наблизко,
Хватали меня со добра коня;
Ужъ и мнѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали ж . . . . сколько надобно;
Посадили меня на добра коня,
Да и привязали меня ко стременамъ“.
Кому служебка была падмѣчена?
Добрынюшкѣ была служебка явлена.
Выѣхалъ Добрынюшка на шеломя окатистое,
Завидѣлъ каликъ да во чистомъ полѣ.
Объѣхалъ Добрынюшка дорожками посторонними,
Ѣдетъ онъ каликамъ на встрѣчу,
Не доѣхалъ, со коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся:
«Ужъ вы здравствуйте, калики перехожіе!
Не попалась-ли какъ къ вамъ братынюшка серебряная,
Изъ которой братыни князь съ пріѣзду пьетъ»?
Тутъ калики другъ на друга осердилися,
И стали по сумочкамъ похаживать,
Доходятъ до сумочки Михайлушки Михайловича,
Расшили сумочку лита бархата
И вымали братынюшку серебряную;
Отдали ее Добрынюшкѣ Никитичу,
И уѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
И стали они казнить Михайлушку своимъ судомъ
И копали его въ землѣ по поясу,
Рѣчистъ то языкъ тянули къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво-то сердечушко плечми.
И отъѣхали они близко-наблизко,—
Идетъ Михайлушка здоровешенекъ.

Казнили они его во второй наконъ,—
Идетъ къ нимъ Михайлушка по прежнему.
Казнили они его въ третій наконъ,—
Идетъ Михайлушка по прежнему.
Подождали тутъ Михайлушку.
«Ужъ ты гой еси, Михайлушко Михайловичъ!
Ужъ и какъ тебѣ попалася братынюшка серебряная»?
—Ночевалъ я у княгинюшки Апраксіи
И случилося ночи во первомъ часу [1]...
. . . .
И положила она мнѣ братынюшку понасередкѣ“.—
Тутъ калики распростилися.
Пошли калики во чисто поле,
День идутъ и ночь идутъ.
Дошли калики до Іерусалима града;
Тутъ они Богу помолилися,
На плакунѣ травѣ покаталися,
Во Іорданѣ рѣкѣ искупалися.
Тутъ калики всѣ представились.

Записана въ г. Мезени г. Никольскимъ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельск. губ., собранныхъ П. С. Ефименкомъ“. Ч. 2-я стр. 41—43. По словамъ г. Никольскаго, пѣвцы называютъ эту былину „Еленинскимъ стихомъ“.

*69. Наѣздъ Литовцевъ.

Жили были Левики королевичи,
Чолпана́ короля Политовскаго племянники,
Пріѣзжали оны къ своему дядюшки,
Чолпану королю Политовскому:
„Ай же ты нашъ дядюшка,
Чолпа́нъ король да Политовскіи,
Ты дай-ко намъ прощенье съ бласловеньицемъ,
Штобы съѣздить-то намъ да на святую Русь,
На святую Русь въ каменну Москву,
Къ мо́лодому князю Константину Дмитричу,
Погостить къ нему, а каменну Москву подъ себя забрать“.
Тутъ отвѣтъ держалъ Чолпанъ король да Политовскіи:
—Ай же вы Левики королевичи,
Я не дамъ вамъ прощенье съ бласловеньицемъ,
Штобы ѣхать-то вамъ на святую Русь,

[1]) Повторяется тотъ же разсказъ, который былъ приведенъ выше.

На святую Русь, въ каменну Москву;
А кто на Русь не ѣзживалъ,
Никто съ Руси счастли́въ да не выѣзживалъ;
А вамъ счастли́вымъ не выѣхать.
Поѣзжайте вы лучше въ Золоту Орду;
Въ Золотой Орды добры̀ кони по конюшнямъ застоялисе,
Призако́птѣло платье цвѣтное,
И призаржавѣла тамъ золота́ казна;
Оберите-тко вы платье цвѣтное,
И оберите-тко вы золоту́ казну;
Да того на́ вѣкъ будетъ не прожить-то вамъ.—
Какъ тутъ-ли Левики королевичи,
Чолпана́ короля Политовскаго племянники,
Пріѣзжали оны въ Золоту Орду,
И о́брали оны добры́хъ коней,
И о́брали да платье цвѣтное,
И о́брали оны да золоту казну,
И возвратились оны въ свою́ землю́.
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
Поѣхали оны да во святую Русь,
Во святую Русь да въ каменну Москву,
И не завернули больше къ своему дядюшки,
Къ Чолпану королю да Политовскому.
Пріѣзжали оны во перво́ село,—
Во первомъ селѣ было три церькви́,
Было три церькви́ собо́рныя;
Оны о́брали золоту казну,
Оны то село огнемъ сожгли.
Пріѣзжали оны во друго́ село;—
Во другомъ селѣ было шесть церквей,
Было шесть церквей соборныихъ;
Оны зо́лоту казну оны о́брали,
Оны то село огнемъ сожгли.
Пріѣзжали оны въ третье́ село;
Во третьемъ селѣ было девять церквей,
Было девять церквей да соборныихъ;
Золотую казну оны о́брали,
И то село огнемъ сожгли,
И поло́нили тутъ полоняночку,
Молоду княжну Настатью Дмитревну
Съ двумѣсяшнымъ со младенчикомъ,
И завернули они за быстру рѣку
За бы́стру рѣку за Смородину,
И раскинули шатеръ бѣлопол́отнянный.

Тутъ пріѣхалъ гонецъ въ каменну́ Москву
Къ молодому кня́зю Ко́нстантину Дмитричу,
Самъ онъ говоритъ тако́во́ слово́:
„Какъ пріѣхали Левики королевичи,
Чолпана́ короля Политовскаго племянники,
Пріѣхали оны да на святую Русь,
На всятую Русь да во перво́ село;
Во первомъ селѣ было три церьквы,
Было три церкви соборныихъ;
Золоту казну оны о́брали,
И то село огнемъ сожгли;
И пришли оны во друго́ село;
Во другомъ селѣ было шесть церквей,
Было шесть церквей соборныихъ;
Золоту казну оны о́брали,
И то село огнемъ сожгли.
И пришли оны во третье́ село;—
Во третье́мъ селѣ было девять церквей,
Было девять церквей соборныихъ;
Золотую казну оны о́брали,
И то село огнемъ сожгли,
И полонили полоняночку
Молоду княжну Настасью Митревну
Со двумѣсяшнымъ со младенчикомъ,
А самы́ завернули за быстру́ рѣку
За бы́стру рѣку за Смородину,
И раскинули шатеръ бѣлополотнянной“.
Какъ тутъ-ли моло́дый князь Ко́нстантинъ да Дмитревичъ
Онъ хватилъ ножище кинжалище,
Ударилъ ножищёмъ о дубовой столъ;
Пролетѣло ножище сквозь дубовой столъ,
Да пролетѣло ножище и сквозь кирпи́ченъ полъ.
Самъ онъ говоритъ тако́во́ слово:
„Не дойдетъ поганымъ надъ святой Русью да насмѣхатися“!
И собралъ онъ три полка три тысячныхъ,
И поѣхалъ ко рѣки да ко Смородины,
И роскинули шатры бѣлополотнянны;
Самъ онъ взговорилъ таково слово:
„Ай же вы мои да кня́зья-бо́яра,
Какъ закрычи́тъ черной воронъ на сыромъ дубу во первой разъ,
Тогда вы ко́ней сѣдлайте;
Какъ закрычитъ черной воронъ во дру́гой разъ,
Тогда переправляйтесь вы черезъ быстру рѣку Смородину;
Закрычитъ-то черной воронъ во тре́тей разъ,

Тогда берите вы Левиковъ королевичевъ,
Чолпана́ короля Политовскаго племянниковъ".
Самъ повернулся сѣры́мъ волкомъ
И побѣжалъ за рѣку за Смо́родину,
Прибѣжалъ во конюшни во стоялые
И у всѣхъ коней глотки повыхваталъ;
Повернулся се́рой волкъ добрымъ мо́лодцемъ,
И зашелъ-то онъ въ оружейныя,
И ружья-то вси онъ повыломалъ,
И пули по чисту́ полю поро́скидалъ;
Повернулся доброй мо́лодецъ горносталюшкомъ,
И забѣжалъ на шатеръ бѣлополотнянной,
И сталъ-то онъ да попрыгивать,
А бѣлополотнянной шатеръ да сталъ подрыгивать.
Тутъ прого́воритъ Настасья Дмитріевна:
„Не твой-ли дядюшка попрыгиваётъ,
Што шатеръ бѣлополотнянной подрыгиваётъ?"
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
Бросили на́ верьхъ шубу соболиную,
А горносталюшко скочилъ да на окошечко;
Повернулся горносталь да че́рнымъ ворономъ,
Садился чёрный воронъ на сы́рой дубъ,
И закрычалъ-то онъ во все́ горло во первой разъ:
Тутъ русскіе могучіе бога́тыри
Сѣдлали они да добры́хъ коней;
Тутъ закрычалъ чёрный воронъ во другой разъ:
Переправлялись войска да за быстру рѣку,
За бы́стру рѣку да Смородину.
Говорятъ тутъ Левики королевичи:
„Не крычи-тко, черной воронъ, на сыромъ дубу;
Мы сходимъ-то въ оружейную,
И подстрѣлимъ тебя че́рна во́рона,
А кровь прольемъ по сыру́ дубу".
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
Приходятъ оны въ оружейну;—
Ружья ты вси да повыломаны,
И замочки изъ ружей повыщелканы,
А пульки по чисту полю поро́скиданы;
И приходятъ оны во конюшны во стоялые;—
И у всѣхъ ко́ней глотки повыхватаны,
И кони у нихъ да повы́давлены.
Тутъ закрычалъ то чёрный воронъ во тре́тій разъ:
И наѣхала тутъ сила армія;
Повернулся чёрной воронъ до́брымъ мо́лодцемъ

Тутъ взяли оны Левиковъ королевичевъ:
Старшему глаза да повыкопали,
А младшему ноги повырубили,
И по́садили младшого на старшого,
Штобы старшому нести,
А младшому до́рога показывать,
И отпустили ихъ во свою́ землю́,
Во свою землю въ погану́ Литву.
Приходятъ оны къ сво́ему дядюшки,
Къ Чолпану королю Политовскому.
И говоритъ имъ ро̀дной дядюшка,
Чолпанъ король Политовскій:
„Ай же вы мои Левики,
Ай же вы мои королевичи!
Не послушались своего дядюшки,—
Теперь на́ вѣкъ сдѣлались вы кали́камы.
Кто на Русь не ѣзживалъ
Никто счастливъ съ Руси́ да не выѣзживалъ“.

Записана въ 1886 г. Ѳ. М. Истоминымъ въ погостѣ Космозеро, Петрозав. у., Олонецк. губ., отъ сказителя И. А. Касьянова.

70. Конецъ богатырей.

(Отрывокъ).

Собиралосе на поле Боиканово триста богатырей;
Енѣ думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу заединую:
„Кабы было кольцо кругомъ всей земли,
Кругомъ всей земли, кругомъ всей орды,
Мы всю землю святорусскую внизъ повернули,
Самого бы царя въ полонъ взяли.
Кабы была на небо лисница,—
Мы бы выстали на небо,
Всю небесную силу присѣкли,
Самого бы Христа въ полонъ взяли“.
Услышалъ Христосъ риць похвальную,
Похвальную, супротивную,—
Спустилъ съ небесъ поляницу удалую.
Прибила поляница всѣхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Оставила только три русскаго могучаго богатыря:
Перваго богатыря Добрынюшку,
Другаго Олешеньку,
Третьяго Илью Муромца.

20. Они со той со страсти, со ужасти
Уѣзжали на поле Боиканово,
И разставили шатры бѣлополотнянные.
Они спали три дня и три ночи,
Не пиваючи и не ѣдаючи...

Былинный отрывокъ записанъ въ Олонецкой губ., въ Вытегорск. уѣздѣ, учителемъ Сойдинскаго училища Константиномъ Маклiоновымъ отъ крестьянина дер. Сойды Дементiя Тимофеева, который при „сказыванiи" прикрѣпилъ его къ былинѣ, напечатанной у насъ выше подъ № 14 и записанной отъ того же сказителя.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Свѣдѣнія о крестьянинѣ пѣвцѣ былинъ Л. Г. Тупицынѣ.

(Изъ рукописной замѣтки покойнаго сибирскаго этнографа С. И. Гуляева) [1].

Большая часть былинъ, вошедшихъ въ сборникъ покойнаго Степана Ивановича Гуляева, были записаны имъ со словъ крестьянина Барнаульской волости, деревни Ересной (въ 5-ти верстахъ отъ Барнаула) Леонтія Гавриловича Тупицына, съ которымъ Степанъ Ивановичъ познакомился въ январѣ 1871 г. Желая поближе приглядѣться къ обстановкѣ жизни Тупицына, С. И. Гуляевъ въ декабрѣ 1871 года отправился изъ Барнаула въ деревню Ересную и сообщаетъ въ своей замѣткѣ слѣдующія свѣдѣнія, которыя передаемъ его же словами:

«Деревушка Ересная—небольшая и крайне бѣдная, основана прадѣдомъ Тупицына при постройкѣ Демидовымъ Барнаульскаго завода. Тупицынъ жилъ съ семьей въ маленькой кое-какъ сколоченной изъ тонкимъ бревешекъ избѣ, безъ сѣней, съ дверью прямо на улицу. Когда мы вошли въ избу, Тупицынъ «топталъ» (валялъ) сукно въ корытѣ, держась руками за жердь, укрѣпленную подлѣ стѣны. Съ печи выглядывали четверо мальчугановъ въ теплыхъ шапкахъ. Жена мыла горшки и чашки. Обстановка была самая жалкая».

По пріѣздѣ въ Барнаулъ, Тупицынъ, оставшись погостить, передалъ С. И. Гуляеву слѣдующій разсказъ:

«Прадѣдъ мой, Лазарь—говорилъ онъ—вышелъ откуда то изъ Россіи, на р. Ишимъ, а потомъ, по основаніи А. Н. Демидовымъ Барнаульскаго завода, поселился съ другими выходцами тамъ, гдѣ теперь деревня. Сначала они жили въ землянкахъ, занимались рыбною ловлей; перевозили на заводъ дрова, руду и уголь. Дѣдъ Иванъ умеръ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ. Отецъ Гаврило жилъ болѣе семидесяти. Оба знали много былинъ, пѣсенъ и преданій. Кромѣ того дѣдъ, какъ свадебный дружка, славился еще и знахарствомъ и выкидывалъ на свадьбахъ непостижимыя штуки противъ недобрыхъ знахарей и знахарокъ. Отецъ, занимаясь по вечерамъ какою либо работою, постоянно напѣвалъ былины, или разсказывалъ о стародавнихъ временахъ. Во время исправленія заводскаго «повытка», когда станутъ, бывало, «лагеремъ» на ночлегъ, тогда всѣ, собравшись къ огню, садились около старика и слушали былины, которыя любили также и господа, и казаки, охранявшіе соляныя озера (Ямышевское и Боровыя), куда старикъ ѣздилъ за солью, и всегда дозволяли ему за пѣнье нагребать безплатно воза по три соли. Слушая былины, я напѣвалъ ихъ послѣ одинъ и удержалъ въ памяти; но много и позабылъ». Тупицынъ былъ неграмотный.

---

[1]) Сообщаемыя нами свѣдѣнія о Тупицынѣ были уже напечатаны въ 1874 въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географ. Общества т. X № 6“ Л. Н. Майковымъ, заимствовавшимъ ихъ изъ письма къ нему С. И. Гуляева.

«Въ то время, къ которому относится разсказъ Леонтія Тупицына (умершаго въ 1878 г.), онъ считалъ себѣ болѣе шестидесяти лѣтъ. Овдовѣвъ передъ этимъ лѣтъ за двадцать пять, женился въ другой разъ. Отъ первой жены осталось у него три сына и три дочери. Отъ второй онъ имѣлъ четырехъ сыновей и двухъ дочерей. Сыновья отъ перваго брака всѣ женаты, а дочери замужемъ. Когда мы посѣтили Тупицына, старшему сыну отъ второй жены было 17 лѣтъ. Занимаясь рыбною ловлей, перевозкой руды и угля, умѣя дѣлать лодки, телѣги, дровни и разную посуду, вить веревки, прясть пеньку для сѣтей и вязать ихъ, онъ жилъ хорошо; но по смерти первой жены, женитьбы сыновей и выдачи дочерей замужъ, когда семья разрознилась, хозяйство стало разстраиваться, особенно послѣ двухъ постигшихъ его несчастій, которыя довели его до крайней бѣдности.

Первое, случившееся въ 1855 или 56 году, состояло въ томъ, что однажды, когда онъ поѣхалъ на дровняхъ за сѣномъ, вонзилась въ икру лѣвой ноги сосновая «зелина» («зелье», изъ котораго готовятъ «заѣзки» для вершъ). Выдергивая занозу, онъ переломилъ ее; нога въ колѣнѣ согнулась, отъ чего и отъ боли онъ девять лѣтъ ходилъ съ большимъ трудомъ на костыляхъ, но все-таки занимался домашними работами. Рана не заживала, но на девятомъ году, на другой сторонѣ ноги, противъ раны образовался нарывъ и показался конецъ занозы, которую онъ мало по малу и вытащилъ, послѣ чего рана закрылась, нога же осталась согнутою, такъ что онъ во время ходьбы ступалъ только на оконечности пальцевъ, не касаясь подошвою земли. Другое несчастье—внезапная слѣпота, поразившая Тупицына въ 1863 году. «Въ мясопустное заговѣнье, говорилъ онъ,—я былъ въ гостяхъ у двоюроднаго брата Ивана Тупицына. Возвращаясь домой часовъ въ шесть вечера, я шелъ по переулку; погода была тихая, но вдругъ пахнулъ въ лицо налетѣвшій съ косогора вѣтерокъ, отъ чего у меня затряслись вѣки и въ глазахъ потемнѣло, такъ что я добрался до избы уже ощупью». На эту странную причину внезапной слѣпоты я обратилъ вниманіе мѣстныхъ медиковъ, которые отозвались, что подобные случаи бываютъ.

Несмотря на потерю зрѣнія, Тупицынъ постоянно занимался какою-либо работою, прялъ пеньку и ленъ на сдѣланной имъ самимъ же до слѣпоты «прядеѣ» (самопрялкѣ), вязалъ сѣти и другіе рыболовные снаряды, выдалбливалъ водопойныя колоды и корыта, «сѣльницы» (сѣяльницы), «начовки» (лотки для «шанегъ» и калачей), дѣлалъ грабли и вилы, косилъ траву, когда укажутъ ему «постать» (мѣсто, гдѣ станутъ косить); шилъ даже «азямы» (армяки) изъ крестьянскаго сукна, скроенные женою, причемъ кто нибудь изъ дѣтей вдѣвалъ въ иголку нитку. Не за долго передъ моимъ знакомствомъ съ нимъ, Тупицынъ нарубилъ 12 саженъ дровъ для одного изъ сосѣдей. Послѣ, по моему заказу, сдѣлалъ двѣ водопойныя колоды, выдолбленныя изъ сосновыхъ бревенъ. Однажды, пріѣхавши ко мнѣ лѣтомъ 1871 года, приготовилъ пару головокъ для граблей, а изъ коры, содранной съ молодыхъ деревцевъ ветлы, свилъ веревку, употребляемую для «кошекъ» (якорей изъ «каракуль»— сучковатыхъ вершинокъ сосны, на подобіе мутовокъ). Многіе, видя Тупицына, работающаго подобно зрячему, не вѣрили, что онъ слѣпъ; но мнѣніе это совершенно неосновательно: зрачки глазъ у него были тусклы, и падающіе прямо на глаза солнечные лучи не производили на него никакого впечатлѣнія. Онъ замѣчалъ, однакожъ, солнечный свѣтъ и огонь свѣчки, но изъ окружающихъ предметовъ ничего различить не могъ.

Леонтій Гавриловичъ,—человѣкъ религіозно-нравственный,—представлялъ замѣчательный типъ даровитаго великорусса, обладавшаго обширною памятью и наблюдательностью. Въ простой ясной рѣчи онъ передавалъ обстоятельно все случившееся съ нимъ въ жизни,

видѣнное и слышанное отъ другихъ. Убѣжденный въ истинѣ того, о чемъ поется въ былинахъ, онъ пѣлъ ихъ съ выраженьемъ на лицѣ чувства внутренняго удовольствія и увлекаясь, при поэтической его натурѣ, въ міръ фантазіи. Музыка и пѣніе производили на него, очевидно, пріятное впечатлѣніе, какъ можно было судить по проявлявшейся на лицѣ улыбкѣ. Заслышавъ знакомый ему напѣвъ, онъ, при чуткомъ музыкальномъ слухѣ, не могъ удержаться, чтобы не подтягивать про себя мелодіи. Кромѣ былинъ, онъ зналъ довольно народныхъ пѣсенъ, обрядовыхъ, круговыхъ, сказокъ и повѣрій. Хотя голосъ у него потерялъ уже полноту и свѣжесть, однакожъ былинъ его заслушивались всѣ. Женская прислуга наша, когда онъ, бывало, начнетъ пѣть, трогалась до слезъ.

Вообще, на сколько мы можемъ судить по личнымъ наблюденіямъ, жители южной Сибири весьма сочувственно относятся къ былинамъ и стариннымъ былевымъ пѣснямъ, сложеннымъ народомъ, а не сочинителями, поддѣлывающимися подъ народный ладъ.

Знаменитый натуралистъ Брэмъ, во время проѣзда въ іюнѣ 1876 г. чрезъ Барнаулъ въ Томскъ, со своими спутниками Финшемъ и графомъ Вальдбургъ-Цейлемъ, пожелалъ видѣть Тупипына, за которымъ я и послалъ въ Ересную. Тупицынъ пропѣлъ по нѣскольку стиховъ изъ былинъ и пѣсенъ, выбранныхъ изъ сборника по особенному характеру мелодій. Знаменитый путешественникъ, сидя противъ пѣвца, не сводя глазъ съ него, внимательно слушалъ пѣніе»...

Въ заключеніе С. И. Гуляевъ замѣчаетъ: «ни одинъ изъ семи сыновей Леонтія Тупицына не имѣетъ тѣхъ дарованій и способностей, какими обладалъ отецъ, ни одинъ не перенялъ былинъ и пѣсенъ ему извѣстныхъ».

II. Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Илья Муромецъ и разбойники.

а)

Воздалеченько было, воздалеченько,
Было во темномъ лѣсу,
Пролегала тамъ дороженька,
Дороженька не широкая, она неглыбокая.
Да никто-то, никто-то по этой дороженькѣ
Не ходилъ, не ѣзживалъ; да тамъ шелъ прошелъ,
По этой дороженькѣ, старый старичокъ;
На старинушкѣ шубеночка она вся худымъ-то худа,
(Худымъ худа) она вся излатана.
Какъ и лѣвая полочка стоитъ сто рублей,
А правая полочка стоитъ тысячу;
Всей-то шубеночкѣ ей цѣны нѣтъ.
На встрѣчу старинушкѣ идутъ три разбойничка.
Да хотѣли они со старинушки шубеночку сняти;
А старинушка на ту пору пріостерожился:

Исправляетъ онъ свой тугiй лукъ,
Закладаетъ онъ стрѣлу быструю,
Ударяетъ онъ въ трехъ разбойничковъ.
Не попалъ старикъ во разбойничковъ,
А попалъ онъ во сырой дубъ,
Раскололь дубъ сверху до низу.
А съ того-то разбойнички испугалися,
И всѣ врозь они разбѣжалися.
На третiй день они собиралися,
Собиралися, думушку думали:
— «Да и что это за старинушка,
Старый старикъ?»...

Записана В. Пятирублевымъ въ станицѣ Наурской, Грозненскаго округа, Терской области. Напечатана въ XV вып. „Сборника матерiаловъ для описанiя мѣстностей и племенъ Кавказа" 1893. Отд. I, стр. 203.

б)

Пролегала во полѣ дороженька, она непробойная,
Непробойная она дороженька, она неторная.
Никто по ней не ходилъ, не ѣзживалъ;
Одинъ тамъ шелъ-прошелъ старый старикъ,
(Что старый старикъ), старикъ Илья Муромецъ;
На немъ была шубочка вся худая, излатанная:
Лѣвая полочка она была по пятьсотъ рублей,
А правая полочка во всю тысячу,
По всему хребту шубеночка—ей и смѣты нѣтъ.
Наѣзжають на этого старинушку три разбойника,
Да хотятъ они его убить али зарѣзати,
А шубочку съ него сняти, между себя подуванити.
На ту пору старинушка онъ пристороҗился:
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Онъ натягаетъ туго-на-туго,
Закладаетъ свою *гробовую* стрѣлу,
Пустилъ во разбойничковъ,
Попалъ онъ во сырокрѣпчатый дубъ
И разбилъ его на двѣнадцать частей.
И тогда разбойники перепужались
И всѣ врозь они разбѣжалися.
Всходитъ старинушка онъ во царскiй кабакъ
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Цѣловальники вы кабатчики, вставайте поскорѣе,
Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,

А любимому моему товарищу (?)
Ему вина на всю тысячу!»
Цѣловальники перепужались,
Всѣ врозь-то они разбѣжалися.
— «Что это къ намъ пришелъ за пьяница,
Что это за питухъ такой!»

Записана въ станицѣ Ищерской, Грозненск. округа. Напечатана въ томъ же изд. стр. 204.

в)

Какъ со вечера старо́й казакъ думу думалъ,
На бѣло́й зарѣ старо́й казакъ своего коня сѣдлалъ,
На восходѣ то солнца краснаго со двора съѣзжалъ.
Выѣзжалъ же старо́й казакъ на чисто́ поле.
Все на̀ чисто поле, старо́й казакъ, на Кули́ково.
Не бѣлы снѣги-снѣжочки въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлася у стараго воина головушка,
Отъ головушки посѣдѣла вся его бородушка.
Наѣзжалъ же старо́й казакъ на диковинку,
На диковинку, старо́й казакъ,—на три дороженьки.
На дороженькахъ лежитъ, братцы, бѣлъ-горючъ камень,
А на камешкѣ всѣ дороженьки порасписаны:
Какъ по первой по дороженькѣ ѣхать—быть богатому,
По другой же по дороженькѣ ѣхать—быть женатому,
Какъ по третьей по дороженькѣ ѣхать—быть убитому.
Становился же старо́й казакъ, сталъ думу думати:
«По которой по дороженькѣ мнѣ будетъ ѣхати?
Мнѣ богатство, старому, братцы, не надобно,
Мнѣ женитьба, казаку старому, все на умъ нейдетъ,
Дай, поѣду по дороженькѣ, гдѣ мнѣ быть убитому.
Поѣхалъ я, старый, по дороженькѣ,
Наѣхалъ я, старый, на охотниковъ,
На русскихъ удалыхъ разбойниковъ.
Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:
«Примите меня, братцы, во товарищи».
Увидѣлъ онъ, старый, ихъ злой помыселъ,
Что хотятъ они у стараго коня отнять.
Возговорилъ старо́й казакъ таковы слова:
«Убить вамъ, братцы, меня нѐ за что,
И снять съ меня вамъ, братцы, нѐчего:
Одна у меня сермяга и та—сѣрая,
Одна пола—во пятьсотъ рублей,
А другая—во всю тысячу,
А всей сермягѣ и цѣны нѣту».

Вынулъ же онъ изъ налучня тугой свой лукъ,
Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру землю....
Тутъ же ему покорились тѣ охотники.

Эта былина, хотя Илья Муромецъ въ ней не названъ, представляетъ близкій варіантъ къ № 4 и записана Н. Ф. Савичевымъ въ тѣхъ же мѣстахъ т. е. у Уральскихъ казаковъ. Напечатана Н. Г. Мякушинымъ въ его „Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ". Спб., 1890 г., стр. 8—9.

г)

Илья Муромецъ и царище Кудріянище.

(Отрывокъ).

Какъ ѣхалъ то дороденъ добрый молодецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Копали окопы глыбокіи,
А гдѣ поймать дородня добра молодца.
Первыи окопы десять саженъ печатныихъ,
А другіи окопы двадцат саженъ печатныихъ,
Третьи окопы трицать саженъ печатныихъ,
Четверты окопы сорокъ саженъ печатныихъ.
Съ десяти саженъ печатныихъ повыскочилъ,
Съ двадцати саженъ повыскочилъ,
Съ тридцати саженъ онъ повыскочилъ,
Съ сорока саженъ не могъ выскочить,
И хотя зарыть дородня добра молодца
Въ томъ окопѣ глубокоёмъ.
Говоритъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы поганыи татаревья!
Не честь-хвала ваша великая,
Что зарыть дородня добра молодца;
А то честь-хвала великая,
Свяжите мнѣ бѣлы рученки,
Скуйте мнѣ скоры ноженки,
А ведите къ царищу Кудріянищу».
Привели его къ поганому татарищу;
Какъ зачалъ татаринъ его спрашивать:
— Станешь-ли мнѣ служить вѣрой-правдою?—
«Не сладилось у мня сабли вострыи,
Не сладилось у мня палочки боевыи,
Послужилъ бы тебѣ вѣрой-правдою,
Сейчасъ отсикъ бы буйну голову»!
Тутъ татарище разсердился,

На дородня добра молодца:
— Ай вы поганыи татаревя!
Ведите вы дородня добра молодца
На то на болото Кули́ково,
Ко той ко плашкѣ ко липовой,
Отсиките ему да буйну голову!—
Повели дородня добра молодца
Къ тому болотцу Куликову,
Ко той ко плашкѣ ко липовой
Отсѣчь ему буйну голову.
Выѣзжаютъ поганыи татаревя,
Выѣзжаютъ да на чисто̀ поле.
Говорилъ дороднiй добрый молодецъ:
«Ай же вы поганыи татаревя!
У котораго есть отецъ да мать?
У котораго есть да молода жена?
У котораго есть да малы дѣтушки?»
Отступились отъ дородня добра молодца.
Не сладилось палицы боёвыи,
Не сладилось сабли острыи,
Ухватилъ одного татарина за ноги.
«Исполать ти, поганое татарище!
Вдоль погибаешьси, а самъ не ломаишьси».
Перебилъ поганыихъ татаревей всихъ дочиста,
Не оставилъ на симена.
Только одному отсѣкъ да буйну голову,
Пото́рнулъ эту голову на рогатыню
И несетъ къ идолищу поганому.
Увидалъ идолище поганое,
Увидалъ въ косивчато окошечко,
Такъ испугался поганое татарище:
— Ай же ты дороденъ добрый молодецъ,
Оставь ты меня во живности,
Вотъ ти государство здись.—
«Не надо твоего государства мнѣ,
Выходи-ко ты на улицу,
Я теперь съ тобой да попытаюси».
Не выхо́ди поганое татарище.
Ухватилъ дороденъ добрый молодецъ
Въ томъ косивчатомъ окошечкѣ,
Бралъ его да за желты́ кудри,
Вытащилъ его да во чисто́ поле,
Разсѣкъ его да на мелки́ части,
Раскидалъ его онъ по чисту полю

Воронáмъ да на съѣденьице,
Дорожнымъ—нá поршни [1]).

Былинный отрывокъ записанъ покойнымъ А. Гильфердингомъ въ сентябрѣ 1871 года въ Петербургѣ отъ крестьянина Ивана Яковлевича Гусева изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Напечатанъ въ „Русской старинѣ“ т. IV. (1871 г., стр. 453—455). Въ своей замѣткѣ „Пѣвецъ былинъ въ Петербургской губерніи“, („Русская старина“ 1871 г., т. IV, стр. 451—452), А. Ѳ. Гильфердингъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о сказителѣ, который по его приглашенію пріѣзжалъ къ нему въ Петербургъ изъ деревни: „Я увидѣлъ передъ собою старика, на видъ еще довольно бодраго, хотя нѣсколько сгорбленнаго, небольшого роста, худого, съ густыми сѣдыми волосами и бородой, съ огромнымъ носомъ и маленькими голубыми глазами. Онъ сказалъ мнѣ, что ему „девяносто лѣтъ безъ двухъ годовъ“. Отецъ его умеръ, когда ему было только 12 лѣтъ, но онъ помнитъ, что отецъ пѣвалъ старины и онъ отъ него научился имъ. Я подумалъ, не переселенецъ ли онъ изъ какой-нибудь болѣе поэтической мѣстности, чѣмъ Петербургская губернія; но нѣтъ, старикъ увѣрялъ, что и отецъ и дѣдъ жили въ той же деревнѣ, гдѣ онъ. Впрочемъ, странствующая жизнь помогла Ивану Яковлеву обогатить свою память былинами, къ пѣнью которыхъ онъ, судя по его словамъ, наслѣдовалъ склонность отъ родителя. Выучившись коновальному дѣлу, онъ, 70 лѣтъ тому назадъ, пошелъ въ Сибирь, гдѣ обиліе лошадей у крестьянъ обѣщало ему хорошіе заработки. Онъ помнитъ, что въ то время четверикъ овса стоилъ въ Сибири семь коп. ассигнаціями. Вернувшись изъ Сибири и побывавъ дома, онъ отправился въ Вологду, побывалъ въ Соловкахъ, ходилъ потомъ на Волгу и въ Оренбургъ; былъ и другой разъ въ Сибири. Потомъ промышлялъ болѣе въ окрестностяхъ Петербурга и, наконецъ, въ послѣдніе годы сталъ жить постоянно дома. Къ сожалѣнію, слишкомъ преклонная старость Ивана Яковлевича ослабила его память. Голосъ отказывается служить ему, такъ что онъ уже нѣсколько лѣтъ пересталъ пѣть былины; онъ перезабылъ большую часть того, что зналъ, съ трудомъ могъ пропѣть нѣкоторые отрывки, безпрестанно сбивался съ пѣсеннаго склада въ простую передачу содержанія былины. По его словамъ, онъ въ прежніе годы пѣвалъ много про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленковича, про какого то Мирошку богатыря, который побѣдилъ Бабу-Ягу, про Аника воина и т. д. Теперь удалось, и то съ трудомъ, записать съ его голоса четыре отрывка“.

д)

Илья Муромецъ на Соколъ-кораблѣ.

Дотолева, братцы, про Кіянъ-море не слыхано,
А нониче нá Кіянъ-море собираются,
Собираются Сацкой, Пруцкой, Новоторженецъ.
Собираетъ онъ тридцать кораблей безъ единаго,
Для себя убираетъ онъ Соколъ-корабль,
Деревцá ставитъ кипарисовы,
Двѣнадцать парусовъ канифасовыхъ.
На корму сажалъ Илью Муромца,
А на носъ—Добрыню Никитьича.
Отваливаетъ Сацкой отъ бережка,
Отъ того-ль бережка крутова,
Отъ камешка горючаго.

---

[1]) Т. е. что дорожные могли сдѣлать себѣ обувь изъ его кожи. Примѣч. А. Гильфердинга.

Какъ сильная буря поднималася,
Налетѣлъ на Соколъ-корабль сизой орелъ;
Онъ всѣ снасточки, бичевочки пооборвалъ,
Двѣнадцать парусовъ всѣ поопустилъ.
Возговоритъ Добрыня Никитьевичъ:
«Ты, названный братъ, Илья Муромецъ,
Вынь изъ налучня свой тугой лукъ,
Наложи-ка свою калену стрѣлу,
Убей сиза́ орла во бѣлу грудь».

Былина, представляющая близкій варіантъ къ № 17, записана, какъ и послѣдняя, у Уральскихъ казаковъ. Напечатана въ „Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ Н. Г. Мякушина стр. 6—7.

е)

Устное преданіе старожиловъ села Карачарова объ Ильѣ Муромцѣ [1].

«Понынѣ жители села Карачарова съ большимъ жаромъ защищаютъ и за непреложную истину выдаютъ въ обыкновенныхъ своихъ разговорахъ, что Илья Муромецъ рожденъ въ ихъ селѣ Карачаровѣ, былъ чрезвычайно величественнаго вида и имѣлъ необыкновенную силу. Въ доказательство сего приводятъ слѣдующую повѣсть:

Въ тогдашнія времена, на берегу рѣки Оки лежали три черные дуба, вытащенные изъ воды рыболовами, изъ коихъ каждой (дубъ) былъ такой тяжести, что крестьянская лошадь безъ отдохновенія въ гору не могла вывезти. А онъ (Илья) ихъ на своихъ плечахъ переносилъ на гору, на которой нынѣ устроена церковь, гдѣ они находились долгое время и послѣ поступили въ основаніе при постройкѣ Троицкой деревянной церкви, сгорѣвшей около 1790 года, отъ коего пожара тогда пострадала большая часть села Карачарова. О родословіи же его (Ильи) въ разсказахъ жителей настоящаго времени ничего слышать не удается». 1847 года августа 10 дня. Село Карачарово, что близъ Мурома.

ж)

Илья Муровецъ.

«Отъ града Мурома въ ростояніи три верьсты деревъня Корочарова, построина похоже много на городъ; церьковь высокая большая, близъко около церькви полаты построины трохтажныя на горѣ высокой, далече видно, надъ самой рѣкой, Ока, гдѣ родился богатырь Илья *Моровецъ*. И по сие время значительно, гдѣ онъ розчищалъ мѣсто для синокосу и хлѣбопашества. Росъли тамо дубы толъстыя, два охвата или три толъщины, — онъ ихъ повыдергалъ, какъ конопли, и бросилъ въ Оку рѣку; на двадцать верстъ длинъку и на десять верстъ ширъку выполалъ лѣсу, и такъ зоволилъ эту рѣку лѣсомъ, (что) другимъ мѣстомъ пошла тая рѣка. Шолъ я этомъ лугомъ двѣнадцать верстъ, гдѣ угодникъ божій

[1] Эта замѣтка мѣстнаго жителя села Карачарова, написанная въ 1847 г., была намъ доставлена графиней П. С. Уваровой.

розчищалъ мѣсто Илия *Моровецъ*; теперь опочиваютъ ево мощи неоткрытии въ Кеѣвѣ. Случай мнѣ позволилъ (узнать слѣдующее). На этимъ лугѣ построина церьковъ Илеи *Моровъца*, называется *Сѣкочекъ*. Я сталъ спрашевать тамошъпихъ жителей, и они розказали мнѣ все подробну. Въ прежнія времена ѣхолъ Илия *Муровецъ* въ Кѣевъ Богу молиться на богатырскомъ конѣ—десять верстъ скочекъ—(и) за одни сутки долетѣлъ въ Киевъ. Съ Мурома и до самаго Киева теперь поставлены церькви на всякомъ скочькѣ. Когда вы не вѣрите,—то теперь *печатовоютъ книжъки въ лицахъ*, и такъ точно скрозь слухъ по этой губернии одинаковъ. Вотъ какую пользу угодникъ божій созиздилъ Илия Муровецъ христіаномъ. Это притъча большая, какъ онъ купилъ у священника маленького *лошенъка*,—никто гроша не даетъ и не нашто дивиться, (а) потомъ черезъ три года выросъ богатырской конь, божия сила и мудрость. Дневка. Симъ лугомъ, который богатырь розчищалъ Илія Муровецъ, шелъ въ двѣнадцать верстъ».

Изъ рукописнаго дневника (1848—1858) странника, бывшаго іеромонаха Корсунскаго единовѣрческаго монастыря, Герасима, а по лишеніи сана—Григорія Панкѣева. (Стр. 906, 907). Рукопись хранится въ библіотекѣ Императорскаго Историческаго Музея (№ 1023 inf°).

III. Къ былинамъ о Добрынѣ Никитичѣ.

а)

Устиманъ-звѣрь.

Какъ не пыль-то во чистомъ полѣ запылилася,
Не туманушки со синя-моря подымалися,—
Появлялися со дикой степи таки звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со куницею,
Напередъ у нихъ бѣжитъ старъ Устиманъ-звѣрь;
На немъ шерсточка, на Устиманѣ, бумажная,
А щетинушки на Устиманѣ все булатныя;
Какъ на кажинной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ,
Посередь спины у него, Устина, золото блюдо;
Не чистой-то жемчугъ по блюду разсыпается,—
Всѣ-то звѣри лютые разбѣгаются,
Подбѣгали звѣри дивные къ Яику-рѣкѣ.
Вскричалъ, взгаркнулъ тутъ Устиманъ-звѣрь
Своимъ громкимъ голосомъ:
Всѣ сыры дубы съ кореньевъ посломалися,
А быстра рѣка Яикушка возмутилася;
Устоялъ только одинъ сыръ матёрый дубъ.
На дубу на томъ сидѣлъ не сизой орелъ,
Не сизой орелъ, удалый добрый молодецъ.
Ужъ онъ мѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ,
Попадалъ-же онъ Устину-звѣрю въ ретиво сердце;
И падалъ тутъ Устиманъ-звѣрь на мать сыру землю:

Застонала мать сыра земля и разступилася,
Пожрала она звѣря лютаго,
Самого Устимана разбойника.

Былина, представляющая варіантъ къ № 19 съ нѣкоторыми дальнѣйшими искаженіями (Устиманъ изъ Скименъ), помѣщена I. И. Желѣзновымъ въ его „Очеркѣ быта Уральскихъ казаковъ“ въ *изданіи* 1858 года, ч. I, стр. 221—222.

б)

Добрыня въ отъѣздѣ.

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Передъ матерью родной сынъ въ ноги кланяется:
„Ужъ ты, родима матушка Амирфа Александровна!
Еще дай-ка ты мнѣ благословленьице“.
— Ты дитя-ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь малыхъ дѣтушекъ?—
„Малыхъ дѣтушекъ оставляю на твои руки“.
— Ты дитя-ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь молоду жену?—
„Молоду жену на свою волюшку“...

Былинный отрывокъ, записанный Г. Н. Потанинымъ въ Бухтармѣ, Томской губерніи, напечатанъ въ его статьѣ „Югозападная часть Томской губерніи“, въ Этнограф. Сборникѣ, издав. И. Р. Геогр. Обществомъ, вып. VI, стр. 97. По словамъ Г. Н. Потанина этотъ отрывокъ поется какъ продолженіе былины о Смимонѣ-звѣрѣ.

в)

Добрыня и Марина.

Вотъ еще три года Добрынюшка стольничалъ,
Еще три года Никитичъ приворотничалъ,
Стольничалъ, ложничалъ девять лѣтъ,—
На десятомъ году погулять захотѣлъ,
Какъ по славному по городу по Кіеву,
По проѣзжей большой улицѣ Маринкиной.
Увидалъ онъ у Маринки въ высокомъ теремѣ,
Въ высокомъ теремѣ на косящатомъ окнѣ,
Два жужличка, два голубчика,
Два сизенькихъ, сизокрыленькихъ,
Цѣлуются, милуются.
Заглядѣлся Добрыня на жужличковъ,
На жужличковъ, двухъ голубчиковъ,
На двухъ сизенькихъ, сизокрыленькихъ:
Его лѣвая нога поскользнулася,
Его правая рука колыхнулася,

И за досаду Добрынѣ показалося,
За великую грубу становилося.
Вынималъ онъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
Онъ натягивалъ тетивочку шелковую,
И накладывалъ стрѣлочку кленовую,
И стрѣлялъ во голубчика сизенькова.
Вспѣла тетивочка шелковая,
Завындзяла стрѣлочка кленовая;
Не убилъ-то Добрыня голубчика сизенькова,
А убилъ у Маринки друга миленькова—
Друга милова змія Тугарина.
На ту пору Маринки тутъ не было,
Тутъ не было, не случилося:
Бѣлилась она, румянилась въ особой горенкѣ,
И чесала Маринка буйную голову,
И заплетала Маринка косу русую.
Убрамшись, выходила Маринка на красенъ крылецъ,
Увидала она дружка свово обранена,
Обранена змія Тугарина.
И возговоритъ Маринка таковы слова:
„Чья это шуточка зашучена?
Эта шуточка зашучена не маленькая,
Не маленькая шуточка Добрынюшки,
Добрынюшки сына Никитьевича,
Что ни худшаго моего полюбовника“...
Да возговоритъ Добрыня таковы словеса:
„Ты, Маринка. . . . . .
Не тебѣ-же, Маринка, насмѣхатися,
Мною молодцемъ похвалятися.
Я возьму тебя, Маринка, возьму обморочу:
И сорокою бѣлобокою, кобылицею водовозною“.

Былина, повидимому, невполнѣ точно записанная отъ Уральскихъ казаковъ. Напечатана въ „Библіотекѣ для чтенія“, 1861 г., I, стр. 30—31 и затѣмъ перепечатана въ „Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ Н. Г. Мякушина, стр. 3—4.

IV. Къ былинамъ объ Алешѣ Поповичѣ.

а)

Алеша и Тугаринъ.

Солнце было, братцы, на̀-вечеръ,
А князья-бояре на̀весель;
Они пили, гуляли, прохлажалися,
Между собой сами выхвалялися.

Сильные хвалятся силою,
Богатые хвалятся богатствомъ,
А убогіе хвалятся убожествомъ.
Алешенька Догрубникъ онъ за дверью стоитъ.
Одна княгинюшка не пьетъ и не ѣстъ,
По полатушкѣ она похаживала,
Крутыми бедрами скоро поворачивала,
Часто въ окошечко сама поглядывала.
Не темная туча изъ горъ восходила,
Не частыя молньи онѣ просіяли,
Не страшные громы съ трескомъ ударили—
Летитъ собака змѣй Угаринъ
Въ княженецкій дворъ,
И ударился онъ о дубовъ крылецъ;
Восходитъ онъ въ комнатушку—Богу не молится,
А князьямъ-боярамъ не кланяется,
Княгинямъ, графинямъ онъ имъ чести не отдалъ;
Садится онъ не въ свое мѣсто, не въ показанное,
Между князей-бояръ со княгинею;
Онъ пилъ пойло въ полъ-осьмую ведра,
А закусывалъ въ полъ-пята быка.
Всѣ князья-бояре съ ужасомъ они глядятъ на него,
Одинъ Алеша Догрубникъ рѣчь возговорилъ:
—«У моего батюшки была коровушка она все прожорливая,
Поѣдала скирдъ соломы со мякиною,
А воды выпивала она три бочки».
Показалось, собакѣ, ему во досадушку;
Вынимаетъ онъ свой острый кинжалъ,
Пустилъ онъ въ Алешеньку.
Алеша Догрубникъ онъ на лету поймалъ,
И тогда князьямъ рѣчь онъ возговорилъ:
—«Что этотъ кинжалъ у себя придержать,
Или назадъ пустить?
Кинжалъ я себѣ возьму,
А его свяжу, собаку, въ кабакѣ пропью».

Эта сильно подправленная былина записана Е. Бутовой въ станицѣ Ищерской, Грозненскаго округа, Терской области. Напечатана въ XV Вып. Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Отд. I, стр. 274.

б)

Алеша Поповичъ и Ярюкъ Ивановичъ.

Говорилъ Алеша Поповичевъ:
«Молодой Ярюкъ сынъ Ивановичъ,
Отсѣку тебѣ да буйну голову,

Твою молоду жену да себѣ замужъ возьму».
Говорилъ молодой Ярюкъ да сынъ Ивановичъ:
«Не хвались, Алеша Поповичевъ,
Отъ двора ли идучи,
Похвались, Алеша Поповичевъ,
Ко двору пріѣзжаючи.
Разъѣзжались добры молодцы на три поприща,
Ударились саблямъ вострыимъ;
Молодой Ярюкъ ударилъ Алешу Поповича,
Какъ убилъ Алешу Поповича.
«То-то Алеша на моей женѣ женатъ бывалъ!»...

Былинный отрывокъ записанъ А. Ѳ. Гильфердингомъ въ сентябрѣ 1871 года, въ Петербургѣ, отъ крестьянина Ивана Яковлевича Гусева, изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губ. Напечатанъ въ „Русской Старинѣ", т. IV (1871 г.) стр. 453.

в)

Былина объ Алешѣ Поповичѣ, пропѣтая казакомъ Дьяковымъ въ Бухтармѣ.

(Въ изложеніи Г. Н. Потанина).

«Ѣдутъ два богатыря, Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ; кони подъ ними такіе-то, шапки такія-то, сапоги такіе-то (одинаковые). Подъѣзжаютъ къ розстанямъ: одна дорога ведетъ въ Кіевъ-градъ, другая въ Путиловъ-градъ; Алеша-Поповичъ хочетъ ѣхать въ Путиловъ, но Екимъ Ивановичъ отговариваетъ: въ Путиловѣ-градѣ только бабьей вони нанюхаешься, дѣвичьей вони нанюхаешься, а въ Кіевѣ живетъ Владиміръ князь, есть могучіе богатыри, есть съ кѣмъ поиграть и помѣряться. Ѣдутъ дальше, опять розстани: одна дорога въ Кіевъ-градъ, другая въ Черниговъ-градъ. Алеша-Поповичъ хочетъ ѣхать въ Черниговъ, но Екимъ Ивановичъ въ тѣхъ же выраженіяхъ отговариваетъ его. Ѣдутъ въ Кіевъ; возлѣ дороги дерево, на деревѣ черной воронъ съ вѣтки на вѣтку перелетываетъ, точно надъ богатырями насмѣхается.

Это показалось обиднымъ Алешѣ-Поповичу; онъ натягиваетъ лукъ, чтобы убить ворона, но воронъ говоритъ: «Не трать, Алеша, стрѣлу по напрасному, поѣзжай лучше въ Кіевъ, тамъ ты найдешь дѣло почестнѣе: у князя Владиміра живетъ въ гостяхъ Тугаринъ Змѣевичъ, не годъ живетъ, не два, а ровно три года, и самъ князь ужъ не радъ ему». Пріѣзжаютъ богатыри въ Кіевъ; Алеша-Поповичъ не садится на мѣсто богатырское, а на печной столбъ; приказываетъ Екиму Ивановичу принести коверъ и показываетъ его князю; всѣ удивляются ковру. Потомъ Алеша-Поповичъ приказываетъ Екиму Ивановичу принести ведро вина и спрашиваетъ у Тугарина Змѣевича, пивалъ ли онъ по такому. Тугаринъ Змѣевичъ взялъ ведро и выпилъ. «Была у моего отца корова, та тоже выпивала по такому ведру гущи», замѣтилъ Алеша. И то Тугарину Змѣевичу за бѣду стало, за злую досаду показалося. Алеша-Поповичъ приказываетъ Екиму Ивановичу принести ковригу и спрашиваетъ у Тугарина Змѣевича, ѣдалъ ли онъ по такой заразъ. Тугаринъ Змѣевичъ кинулъ ковригу за щеку. Алеша-Поповичъ опять сказалъ какую-то колкость. И то Тугарину Змѣевичу за бѣду стало, за злую досаду показалося. Выходятъ они на поединокъ. Тугаринъ

Змѣевичъ поднялся на бумажныхъ крылышкахъ, но Алеша-Поповичъ взмолился Богородицѣ: «Матерь Божія, создай тучу грозную, подмочи у Тугарина бумажныя крылышки». И все сдѣлалось по божецки. Сдѣлалась гроза, бумажныя крылышки подмокли, Тугаринъ Змѣевичъ упалъ на землю; тутъ Алеша-Поповичъ набѣжалъ на него, сразу отрубилъ голову и сталъ звать къ себѣ Екима Ивановича. Екимъ Ивановичъ разбѣжался, не разглядѣлъ хорошенько и схватилъ самого Алешу, повалилъ и началъ бить; только когда тотъ началъ кричать, онъ увидѣлъ, что въ запальчивости не понялъ въ чемъ дѣло, и извинился передъ Алешой. Возвращаются они вдвоемъ въ Кіевъ; Алеша говоритъ: «Всѣ богатыри будутъ рады мнѣ, только одна Апраксѣевна упрекнетъ меня». Подъѣхавъ ко двору князя, Алеша бросилъ на середину двора голову Тугарина Змѣевича и сказалъ: «Вотъ вамъ, могучіе богатыри, мячикъ потѣшатися». Апраксѣевна вышла на крыльцо и сказала: «стыдно доброму молодцу смѣяться надъ буйной головой добраго молодца».

См. „Этногр. Сборникъ“ издан. Императорскимъ Русс. Геогр. Обществомъ, вып. VI, 1864 г. стр. 102—104 изъ статьи Г. Н. Потанина—„Юго-западная часть Томской губ.“.

V. Къ былинамъ объ Иванѣ Годеновичѣ.

№ 44.

Заводился у Владимира почестенъ пиръ,
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Новой хвастаетъ добрымъ конемъ,
Новой хвастаетъ сбруей лошадиною.
Владимиръ ходитъ по гриднѣ княженецкія,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ что же ты, Иванушко, не пьешь, не ѣшь
Не пьешь ты, не ѣшь, не кушаешь“?
Выходитъ Иванушко Годеновичъ
Изъ того изъ за стола дубоваго,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Благослови-тко-се мнѣ, Владимиръ, женитися“'
Говоритъ Владимиръ стольно-кіевскій:
„Тебя Богъ благословитъ, Иванъ, женитися,
Хошь ты въ Кіевѣ женись, хошь въ Черниговѣ,
Хошь у князя женись, хошь у бояриша“.
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
„Не хочу я женитися во Кіевѣ,
Не хочу я женитися во Черниговѣ,
Только дай мнѣ-ка благословеньице великое.

Есть у короля Ляховинскаго,
Есть Овдотья—лебедь бѣлая.
Сидитъ-то Овдотья въ новой горницѣ,
Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
Чтобы лишни-то люди не зазрили,
Благослови мнѣ-ка туда ѣхати“.
—Богъ благословитъ, Иванушко, женитися,
Бери ты силы, сколько надобно,
Бери ты золотой казны, сколько надобно.—
Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
„Ужъ я съ силой пойду, не воевать стану,
Съ золотой казной,—не торговать стану;
Ужъ я силой своей возьму богатырскою,
А грозой возьму княженецкою“.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ-то Иванъ на широкой дворъ.
Онъ беретъ коня, лошадь добрую.
Поѣхалъ Иванушко изъ Кіева,
Провожаютъ Ивана съ чести, съ радости.
Поѣхалъ Иванушко по чисту полю.
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю,
Пріѣзжаетъ къ царству Ляховинскому,
Ко тому королю Ляховинскому.
Заѣзжаетъ Иванъ на широкій дворъ,
Онъ мечетъ коня на широкомъ дворѣ,
Не приказана мечетъ, не привязана,
Не разнуздана мечетъ, не разсѣдлана.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Зашелъ Иванъ во гридню княженицкую,
Крестъ-отъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Бьетъ челомъ королю Ляховинскому:
„Ужъ ты здравствуй, король земли Ляховинскія!“
Отвѣчаетъ король земли Ляховинскія:
„Ужъ ты здравствуй, Иванушко Годеновичъ!
За чѣмъ Иванушко пріѣхалъ,
Или пріѣхалъ съданью съ пошлиной,
Или пріѣхалъ посломъ пословать?“
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
„Я пріѣхалъ къ тебѣ не посломъ пословать,
А пріѣхалъ сватомъ свататься,
Что на душечкѣ Овдотьѣ лебедь-бѣлыя“.
Говоритъ король земли Ляховинскія:

„У меня, право, Овдотьюшка засватана,
У меня, право, запоручена
За того короля Вахромеища“.
Говоритъ-то Иванъ во второй наконъ:
„Отдай дочку за меня замужъ“.
Говоритъ король земли Ляховинскія:
„У меня дочка просватана,
Просватана, запоручена,
Бѣлыя ручьки исподаваны,
Злачеными перстнями не помѣнянось“.
Говоритъ Иванъ во третей наконъ.
Говоритъ король земли Ляховинскія:
„У меня нельзя тебѣ Овдотьи взять:
Сидитъ Овдотья въ новомъ теремѣ
За тридевять замочками висучими,
За тридевять сторожами крѣпкими“.
Горяча кровь въ Иванѣ раскипѣлася,
Лѣпота въ лицѣ перемѣнилася;
Хватилъ онъ поганаго татарина,—
Татарина хватилъ за ноги.
Сталъ татариномъ помахивать:
Куда махнетъ, тамъ и улица,
Отмахнетъ назадъ,—переулочки;
Прибилъ то всѣхъ пановей-улановей.
Пошелъ Иванъ на новы сѣни,
Сдернулъ Иванъ двѣнадцать замочиковъ,
Прибилъ-то двѣнадцать крѣпкихъ сторожевъ.
Зашелъ-то во высокъ теремъ
Ко той къ Овдотьѣ лебедь-бѣлыя.
Сидитъ Овдотья въ новомъ теремѣ,
Вышиваетъ Овдотья ширинку красна золота
Тому-то царищу Вахрамеищу.
Скакала Овдотья на рѣзвы ноги,
Говорила Овдотья таковы рѣчи:
„Ужъ мнѣ ждать-то гостя,—не дождатися,
Звать-то мнѣ гостя, не дозватися,
Теперь ко мнѣ гость самъ пришелъ“.
Беретъ-то Овдотью Иванушко за бѣлы руки,
Цѣловалъ Овдотью во уста сахарные,
Повелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Повелъ онъ изъ того терема высокаго;
Вывелъ Иванъ на новы сѣни;
На новыхъ-то сѣняхъ всѣ мертвы лежатъ.
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:

„Охти-хти мнѣ тошнешенько!
Ты умѣлъ меня, батюшко, вспоить, вскормить,
Не умѣлъ меня, батюшко, замужъ отдать“.
Повелъ Иванъ на широкій дворъ.
Выходитъ король земли Ляховинскія:
„Добро жаловать, Иванъ, хлѣба-соли ѣсть,
Хлѣба-соли ѣсть, чару съ медомъ пить!“
Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
„На пріѣздѣ гостя не учествовалъ,
На отъѣздѣ гостя не учествовать.
Садился Иванушко Годеновичъ,
Садился Иванъ на добра коня,
Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ изъ царства Ляховинскаго.
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю;
Сустигала Ивана темная ночь.
Онъ разставилъ бѣлой шатеръ полотняный,
Съ Овдотьюшкой легъ подъ бѣлой шатеръ.
Тотъ король земли Ляховинскія
Посылаетъ гонца скоро на скорѣ
Къ королю Вахрамею земли поганыя,
Что былъ-то Иванушко Годеновичъ,
Увезъ-то Овдотью, лебедь-бѣлую.
Господь ночь-то проноситъ, Господь день даетъ:
Спитъ-то Иванъ во бѣломъ шатрѣ.
Немного тому времени миновалося,
Наѣхалъ поганое идолище,
Кричитъ-то, рычитъ зычнымъ голосомъ:
„Тебѣ полно, богатырь, спать, проклажатися,
Пора намъ съ тобой поборотися!“
Встаетъ-то Иванушко Годеновичъ,
Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра,
Умывается Иванушко свѣжой водой,
Утирается тонкимъ полотенышкомъ,
Онъ молится Спасу пречистому,
Матери Божьей Богородицѣ.
Садился Иванъ на добра коня.
Разъѣхались богатыри по чисту полю;
Ударились палицами тяжелыми;
У нихъ палицы поломалися,
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во второй наконъ,
Ударились сабельками вострыми;
У нихъ сабельки пощербалися,

Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во третей наконъ,
Ударились копьицами вострыми;
У нихъ копьица по яблокамъ ломалися,
Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ременье, за подбрудное,
По колѣнъ въ сыру землю втопталися.
По Иванушкову было по счастьицу,
По Иванушковой по участи:
Какъ у татарина ножка подвернулася,
Права ручка окользнулася.
Спибъ какъ Иванушко Годеновичъ,
Сшибъ татарина поганаго,
Сшибъ царища на сыру землю,
Сѣлъ-то царищу на черны груди.
Забылъ-то Иванушко Годеновичъ свой булатенъ ножъ,
Забылъ свой булатенъ ножъ во бѣломъ шатрѣ.
Кричитъ-то, зычитъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая,
Неси-тко ты мой булатенъ ножъ,
Забылъ-то я свой булатенъ ножъ,
Забылъ во бѣломъ шатрѣ“!
Бѣжитъ-то Овдотья лебедь бѣлая
Несетъ Овдотья булатенъ ножъ,
Подошла Овдотья, лебедь бѣлая, близехонько.
Говоритъ царище Вахромеище:
„Ужъ ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая,
Спехни-тко Ивана со моихъ грудей.
За Иванушкомъ ты будешь жить служаночкой,
За мной будешь царицею;
Будутъ тѣ люди поклонятися“.
Тутъ Овдотья призадумалась;
У бабы волосы долги, а умъ коротенькой:
Спехнула Иванушка Годенова.
Скакалъ-то царище Вахрамеище,
Хочетъ у Иванушка спороть груди бѣлые.
Говоритъ Овдотья-лебедь бѣлая:
„Ужъ ты гой-еси, царище Вахрамеище,
Ты опутай его въ опутыни шелковыя,
Броси ты его подъ сырой дубъ“.
Опуталъ Иванушка опутами шелковыми,
Бросилъ его подъ сырой дубъ.
Самъ легъ опочивъ держать

Со того со устатку со великаго.
Лишь тутъ-то спитъ царище Вахромеище
Темну ночиньку осеннюю.
Господь ночь проноситъ, Господь день даетъ.
Выходитъ Овдотья-лебедь бѣлая
По утру ранымъ ранешенько,
Увидала Овдотья: два голубя
Сидитъ надъ Иваномъ Годеновымъ,
Не два голубя сидитъ—два Ангела.
Говоритъ-то Овдотья-лебедь бѣлая:
„Ужъ ты гой еси, царище Вахромеище!
Ужъ ты выди-тко, царище, изъ бѣла шатра,
Затяни-тко свой лукъ разрывистой,
Подстрѣлико-се мнѣ-ка голубятинку.
Захотѣлось мнѣ-ка голубятинки“.
Выходитъ поганое царище Вахромеище,
Выходитъ изъ бѣла шатра.
Затягиваетъ свой лукъ разрывистой,
Кладетъ стрѣлочку каленую.
Спустилъ какъ свой лукъ разрывистой,
Полетѣла стрѣлочка каленая,
Падала царищу въ груди черные,
Порола царищу груди черные.
Стоитъ-то Овдотьюшка-лебедь бѣлая,
Стоитъ Овдотья приразлумалась,
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
„Охти мнѣ, ахти мнѣ тошнехонько!
Отъ того бережку откачнулася,
Ко другому бережку не прикачнулася.
Еще слышитъ Иванушко Годеновичъ,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты душечка, Овдотья-лебедь бѣлая,
Ты распутай путни шелковыя,
А не положу на тебя таковой вины,
Только дамъ поученьице по женскому“.
Лише хватила Овдотья саблю вострую,
Хочетъ у Ивана отсѣчь буйну голову.
Какъ тюкнула Овдотья, лебедь бѣлая,
Пересѣкла Овдотья путыни шелковыя.
Скакалъ Иванушко на рѣзвы ноги,
Пошелъ Иванъ ко добру коню,
Ко добру коню, ко бѣлу шатру,
Онъ Овдотьюшку ведетъ позади себя.
Садился Иванъ на добра коня,

Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ по чисту полю;
Не доѣхавши Иванъ до города Кіева,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая!
Сойди-ко, Овдотья, со добра коня,
Разуй-ко у меня сафьянъ сапогъ,
Захотѣлось мнѣ напитися“.
Ужъ тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
„Не пить-то ты хочешь,—кровь пролить“.
Сошла то Овдотья со добра коня;
Сходитъ и Иванушко Годеновичъ.
Махнулъ-то Иванушко саблей вострой по бѣлой шеѣ,
Онъ отсѣкъ у Овдотьи буйну голову,
Разметалъ онъ Овдотью по чисту полю.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ Иванъ на Пучай-рѣку,
Омывать саблю вострую.
Садился Иванъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ,
Встрѣчаютъ его русскіе богатыри.
Во глаза Олеша насмѣхается:
„Здорово женился,—тебѣ не съ кѣмъ жить“!
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
„Я женилъ-то свою саблю вострую“.

Записана свящ. Вл. Розоновымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по Этнографіи русскаго населенія Арханг. губер.“, собран. П. С. Ефименкомъ“. Ч. 2-я, стр. 14—17.

VI. Къ былинамъ о Василіи Буслаевѣ.

Къ № 69.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Завелъ пиръ про князей, про бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую.
Тутъ на пиру да напивалися,
Тутъ на пиру да наѣдалися,
Тутъ на пиру да порасхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей вострою,
Еще кто-то хвалится палицей боевою,

Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой.
Какъ возго́ворилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Еще кто-то изъ васъ идетъ на мою силу на войскую?»
Какъ тутъ князья-бояре,
Сильніи могучіи богатыри
Еще большей за ме́ньшово хоронится,
А меньшей за бо́льшово хоронится,
А середней-то не знае отвѣту дать.
Какъ зъ-за тѣхъ столовъ да зъ-за дубовыихъ
Становился тутъ дороденъ добрый молодецъ
Василій Богуслаевичъ;
Ему отъ роду семнадцать лѣтъ.
— Ужъ какъ, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Ужъ какъ я иду на всю силу на войскую,
Только прикажите мнѣ со пиру, со кумпаньицы
Себѣ выбрать двухъ товарищей.—
Говорилъ Василій Богуслаевичъ:
— Еще кто со пиру да со кумпаньицы
А ко мни во товарищи?—
Какъ выскакивалъ Поташенька сутулъ-горбатъ,
На одну ноженьку припадывалъ.
— Еще кто второй да во товарищи?—
Еще выскакивалъ Васька Бѣлозе́рянинъ:
«Какъ Василью Богуслаевичу
Я иду да во товарищи».
— Ступай же ко мни въ полаты бѣлокаменны,
Ступайте же къ моей матушки
Къ Мамельфы Тимофеевны,
Садитесь за столы дубовыи,
За скатерти за браныи,
За ѣствы за сахарныи,
А за питья за медвяныи.—
Тутъ Василій Богуслаевичъ
Съ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ
Сдѣлали они за́говоръ [1]) великіи,
Ужъ какъ записи они записывали,
Ужъ какъ заклики закликивали:
Ежели побьетъ да силу войскую,
Чтобы владѣть да всимъ Новымъ-градомъ;
Ежели побьетъ да сила войская,
Такъ нѣтъ ни сыску, ни отыску.

---

[1]) Т. е. условіе. А. Г.

Какъ пошелъ Василій Богуслаевичъ къ своей матушкѣ,
Садился за столы за дубовыи,
За скатерти за браныи,
А за ѣствы за сахарныи,
А за питья за медвяныи,
Сидитъ буйну голову повѣсивши,
Очи ясныя въ зень потупивши.
Говоритъ его матушка:
«Что сидишь, мило мое дитятко,
Что сидишь буйну голову повѣсивши,
Очи ясныя въ зень потупивши?
Аль тебя обезчестилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Чарой зелена вина?»
— Не обезчестилъ меня грозный царь Иванъ Васильевичъ
Чарой зелена вина;
А только я похвалился итти на силу войскую.
Ежели побью силу войскую,
Дакъ чтобъ мнѣ владѣть да всѣмъ Новы́мъ-градомъ;
Если побьетъ сила войская,
Такъ нѣтъ ни сыску ни отыску.—
Его матушка ро́дная
Напоила напиткомъ пьянымъ,
Двѣнадцати дверямъ затворила,
Двѣнадцати замкамъ замнула все личинныимъ.
Какъ спитъ ёнъ не про́снется,
Народу къ нему вало́мъ вали,
А палокъ къ нему на дворъ возамъ везу.
Дакъ выскакивалъ Поташенька сутулъ-горбатъ,
На одну ноженьку припадывалъ,
То сразу семьсотъ убилъ.
Дакъ народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу.
Какъ выскакивалъ Васька Бѣлозе́рянинъ,
А то сразу восемьсотъ убилъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу.
Выходила дивка служаночка,
Брала коромыселёкъ желизненькой,
Ведёрочка дубовыи,
Видитъ, что его товарищамъ
Головушки да переломаны,
А платочикамъ да перевязаны.

Какъ брала коромыселёкъ,
Стала коромыселькомъ помахивать.
Куды махнетъ—туды улица,
А розмахнетъ—переулочекъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу.
Какъ тутъ дивка уполо́халась,
Бросилась да на широкій дворъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
«Что же ты, Василій Богуслаевичъ,
Что ты спишь, не про́снешься,
А твоимъ товарищамъ
Головушки да переломаны,
Платочкамъ да перевязаны!»
Какъ услыхалъ Василій Богуслаевичъ
Голосъ да богатырскіи,
Безъ людей двери отворялисе,
Безъ ключей замки да отмыкалисе.
Какъ выскакивалъ Василій Богуславичъ,
Какъ выскакивалъ на широкій дворъ,—
Не сладилось палочки боёвыи,
Не сладилось да сабли острыи,
Ухватилъ да ось телѣжную,
Телѣжную да желизную.
Да куды розмахнетъ, лежитъ сила войская.
Народу то убавляется,
Не оставляе народу на симена.
Его дядюшка родныи
Жилъ въ намастыри въ Юрьевѣ,
И пришолъ ево да уговаривать:
«Ой же ты, племянничекъ,
Не оставляешь себѣ народу на симена.
Я тебя досюль на борьбѣ побаривалъ,
Я тебя на кулачки поколачивалъ».
— Это дѣло было, дядюшка, да за робячества,
Это тебѣ спущается, что ты дядюшка родныи.—
Да ужъ какъ сталъ Василій Богуслаевичъ
Владѣть да всѣмъ Новымъ-градомъ.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ сентябрѣ 1871 года въ Петербургѣ отъ крестьянина Ивана Яковлевича Гусева, изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Напечатана въ „Русской старинѣ“, т. IV, (1871 г.) стр. 455—458.

I.

Указатель предметовъ *).

Атаманъ: Атаманищемъ называется Василій Буслаевъ, II, 61: 190, 323, 393.
Бабенка ярыжная, турыжная, II, 60: 106.
Бабки (игра), II, 28: 108.
Бабушка задворенка идетъ за стрѣлой Добрыни въ теремъ Марины, II, 27: 63.
Балконъ высокъ у палатъ кн. Владимира, II, 68: 218.
Баня: банюшка парушка II, 56: 118, 120, 123, 131, 134; 59: 151, 160, 167.
Барда, II, 28: 119.
Бархатъ красный, II, 8: 113.
Башмаки, II, 47: 28, 30.
Башни наугольныя, II, 31: 220; 38: 7; 51: 27.
Бедра тучныя, II, 28: 46.
Берегъ: круты бережки у Днѣпра, II, 54: 7; у синя моря, II, 66: 153.
Береза кудрявая, II, 31: 144, 288; кудрявата́я, II, 38: 1; 40: 1; бѣленькая, II, 49: 40.
Било колокольное, II, 10: 31.
Бобры сѣдые: ими обита свѣтлица Ставра, II, 57: 47.
Богатырь могучій, II, 5: 127; 6: 4, 7, 108; 10: 5; 18: 37 и др. Сильный 6: 92, 108. Тридцать два богатыря живутъ у кн. Владимира въ Кіевѣ, I, 49: 30; тридцать богатырей собираются на свадьбу Ивана Годеновича, II, 42: 10; богатыри русскіе, II, 49: 45; богатырка дочь Соловья разбойника, I, 16: 3; сильный богатырь земли русской наз. Илья, II, 5: 39, 41; богатырями называются Добрыня и Дунай, II, 36: 69.
Болото зыбучее, II, 54: 43.
Бочки зелена вина въ 40 ведеръ, II, 61: 57, 58.
Бояре на пиру у Владимира, I, 32: 4; злые, подмолчивые, II, 1: 161; бояре—свадебный чинъ: Добрыня былъ бояриномъ на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 14; бояре черниговскіе, II, 44: 19.
Братина (чаша): братыня серебряная, II, 68: 176, 186, 190, 195, 207, 228.
Брови черныя, какъ у соболя (часто).
Бумага, II, 49: 141, 172, 184; Василій Буслаевъ беретъ бумагу и чернила, II, 61: 49.
Бурушко косматый—конь Дюка Степановича, II, 50: 5.
Бѣлила, II, 48: 69.
Вдова честная, II, 27: 5, 182.
Вепрь: веприще-кабанище, II, 42: 115.
Верста пятисотная, II, 37, 247.
Визирь, II, 8: 12.
Вино горькое, II, 60: 79; зеленое (часто); заборчивое, II, 31: 78, заморское II, 31: 77.
Вода живая: ее приноситъ змѣя Потоку Ивановичу, I, 37: 3—7; 44: 27—31.
Волкъ сѣрый, II, 10: 162; 31: 36, 523; 39: 34.
Воронъ черный, II, 10: 163; 31: 524.
Ворота рѣшетчаты, II, 1: 142; широкія, II, 48: 48; заднія челядинныя, II, 48: 59.
Выжлыки черные упоминаются въ числѣ предметовъ, посылаемыхъ въ дань Владимиромъ царю Батуру Батвѣсову, II, 37: 31.
Вѣники въ банѣ, II, 56: 124.
Вѣнчики красна золота на оградѣ у двора Дюкова. II, 49: 10.
Вѣтры буйные (часто).
Вязъ червленый, II, 63: 64; червяный, II, 61, 76, 248; черняный, II, 61: 71.
Гавань корабельная, II, 67, 147, 161.
Гвозди золоченые у сапогъ, II, 37: 41.
Гнѣздо Соловья Разбойника на 12 дубахъ, I, 14: 5.
Голова буйная (часто).
Голуби сизые, II, 42: 174; цѣлуются на теремѣ Маришки, II, 23: 38—40 или на ея красномъ окнѣ, II, 24: 45, 46, или на ея каменной стѣнѣ, II, 25: 16.
Гонецъ скорый, I, 56: 31.
Горница высокая, II, 32: 188; отхожая, I, 36: 12: 43; 34.
Горностай, II, 45: 3; 46: 4.
Горы, II, 35: 30.
Градъ подсолнечный, II, 7: 202.
Грамота: грамотѣ училась жена Ставра, II, 59: 262; Василій Буслаевичъ, II, 64: 6.
Гридня, гридница, II, 37: 11; свѣтлая, II, 8: 65, 74; 31: 165; княженецкая, II, 32: 69, 70; 44: 8; столовая, II, 13: 80, 155; 31: 246.

*) Римскія цыфры I и II обозначаютъ 1-й и 2-ой отдѣлы книги; арабск. цыфры послѣ I обозначаютъ *страницу* и *строку*; арабск. цыфры послѣ II обозначаютъ № былины и *стихъ*.

Гробница каменная для Потока и его жены, I, 36: 17; 44: 22; Христова въ Іерусалимѣ, II, 61: 321, 333, 361.
Гроши: въ грошикъ стрѣляютъ, какъ въ цѣль, II, 59: 191.
Груди бѣлыя (часто); черныя — у Кощея безсмертнаго, II, 42: 152; у царища Вахрамеища, II, 44: 172.
Грядки: грядочки золоченыя на насадахъ Василія Окульева, II, 66: 61.
Грязи топучія, I, 14: 20; 20: 4, 17.
Гуня въ 500 пудовъ на калѣчищѣ, кот. встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22: 34; гуня сорочинская, II, 13: 36, 43.
Гусельщики, II, 59: 246, 248.
Гуси-лебеди: ихъ стрѣляетъ Сурога богатырь, II, 65: 8, 9.
Гусли яровчаты: на нихъ играетъ Ставръ, II, 57: 271, 280—283; 58: 22.
Двери дубовыя, II, 25: 29; 48: 33.
Дворецъ (=дворъ) широкъ, II, 12: 62.
Дворъ бѣлый, II, 7: 98, 184; 33: 55—6; богатырскій, I, 34: 1; 41: 32; посольскій въ Кіевѣ, I, 57: 12; княженецкій, I, 3: 17; широкій, II, 1, 91; 32: 6, 140.
Деньги свѣтлы, II, 45: 20; малы денежки, II, 58: 66.
Дитятко родимое, II, 27: 13.
Домъ на одной верстѣ у Ставра, II, 56: 27; на 7 верстахъ 51: 2; домишко питейное, II, 60: 105, 120, 126.
Дорога прямоѣзжая, II, 1: 160; святогорская, I, 40: 24; святорусская, I, 33: 2; ставровая, (?) I, 33: 1; 40: 24.
Доспѣхи крѣпкіе, I, 48: 10; доспѣха богатырская, II, 54: 13.
Дружина хоробрая (часто); добрая, II, 31: 70; на кораблѣ, II, 67: 146; хорошая, II, 31: 22, 277.
Дружко: легкій друженько на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 11.
Дубинка подорожная у каликъ, II, 13: 57.
Дудка мѣдная, серебряная, золотая; на ней играетъ Соломонъ, II, 67: 214, 216, 218.
Дубъ сырой (часто), кряковистый, II, 1: 60.
Дьякъ думный, выдумщикъ, воръ сопровождаетъ Батыгу, II, 38: 25, 93, 112.
Елбанъ раскатистый, II, 28: 139, 146.
Жаба подземельная, II, 26: 79, 119.
Желѣза нѣмецкія, II, 12: 146.
Жемчугъ скатній, II, 6: 50; 8: 42, 108; бурмицкій, II, 57: 53.
Жеребцы латынскіе у Ставра, I, 54: 8; 55: 29; у жены Ставра, I, 56: 11; сивые въ числѣ дани Владимира Батуру, II, 37: 32; неѣзжалые, II, 49: 19; жеребцы кн. Владимира: синегривый, половогривый, полоненый воронко, II, 55: 29 — 31; жеребецъ Ивана Гостинаго бурый, косматый, троелѣточекъ, II, 55: 53—54.
Жесть бѣлая на крышѣ полаты, II, 30: 3.
Жуковинья (перстни), II, 59: 122.
Заводи тихія, II, 31: 14, 297; вешнія, II, 31: 68.
Замки висячіе, II, 32: 186; 44: 83.
Заслоны желѣзные, II, 56: 55.
Застава великая, II, 5: 51, 66, 69, 73; три заставы на пути Дюка Степановича въ Кіевъ, II, 50: 12 слѣд.
Зайцы, II, 45: 3; 46: 3.
Звѣзды частыя, II, 33: 220.
Звѣрь пушной, II, 57: 264.
Змѣя лютая—вползаетъ въ гробницу Авдотьи Михайловны, I, 30: 3; 44: 22.
Золото, II, 1:112; 5:44; аравитское, I, 56, 23.
Зубъ дорогъ рыбій: изъ него сдѣлана подворотня у Дюка, II, 49: 31.
Игрецъ на гусляхъ, I, 58: 11, 13.
Изба поваренная, задняя челядинная, II, 45: 6, 7, 29, 30, 35, 36, 50, 51.
Истопщики, II, 59: 152, 156.
Кабакъ государевъ, II, 16: 27; царевъ, II, 1: 114, 191; 38: 59; 60: 178.
Каблуки серебряные у сапогъ Ставра, II, 37: 40; 56: 19.
Казаки, II, 22: 13; донскіе, II, 16: 43.
Казна золотая, II, 5: 46; 27: 36; 32: 7 (часто).
Калачи круписчатые, II, 47: 13; 49: 121, 124, 126; 51: 66, 73; бѣлые, II, 28: 17, 28, 95.
Калики перехожіе, II, 13: 88, 110; 27: 101; калѣчище прохожій встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22: 33; калика подымаетъ камень, въ который былъ превращенъ Михаилъ Потокъ, I, 38, 35; сорокъ каликъ № 68.
Камни: бѣлый, I, 38: 20; самоцвѣтный, II, 28, 80; латырь, II, 10: 24, 49, 157; бѣлъ-горючъ, II, 4: 4; 28: 4; 61: 120; на Фаворъ-горѣ, II, 61: 366, 375, 377; сѣрый, II, 31: 66, 439.
Камка бѣлая покрываетъ тѣло Авдотьи Лиховидовны, I, 29: 14; 36: 12; крущатая на царицѣ Соломанеи, II, 66: 66.
Карманъ шелковый, II, 37: 209.
Карты игральныя, II, 56: 107—109, 135.
Кипарисъ на Соколѣ кораблѣ, II, 17: 6; изъ кипариса строганы стрѣлы Михаила Казарятина, II, 41: 15; кипарисъ-древо водится, плодится на Ефратъ-рѣкѣ, II, 41: 16—18.
Китъ-рыба; ею клеены стрѣлочки Михаила Казарятина, II, 41: 24; китъ плодится на Ефратъ-рѣкѣ, 41: 26.
Ключи золотые, II, 12: 94; 27: 34; на коромыслѣ желѣзномъ, II, 52: 134.
Ключникъ вѣрный, II, 1: 194, 200; у короля Литовскаго, II, 60: 91.
Книги божьи, II, 48: 93.
Княгиня душечка, II, 1: 151, 215; 9: 75; 21; 35; молодая, II, 1: 246.
Князь=молодой мужъ, II, 27: 233; князья-бояре, II, 1: 152, 216; 6: 3; 24: 6; 63: 1; 66: 3.
Кобыла сѣропѣгая; ея слѣды на охотѣ, II, 42: 124; кобылица златылица у Ставра даетъ дорогихъ жеребчиковъ, II, 58: 73—81.
Ковры волокитные, II, 28: 75—77; сорочинскіе, II, 21: 8; 39: 63.
Ковыль трава, II, 26: 99.
Колоколъ въ 100 пудовъ; его несетъ старецъ Приугрюмище, II, 61: 263, крестный отецъ Василія Буслаева, II, 62: 95—99; старичище Угрюмище II, 63: 48: 50; колоколъ въ 300 пудовъ на плечахъ старца Пилигримища, 64: 23.

Колпакъ на Иванищѣ сильномъ, II, 61: 79; на Потанюшкѣхромомъ,61:94; на Васенькѣ Маломъ, 61: 116; золотые колпаки на молодцахъ Ставра, I, 55: 1.
Колчанъ въ 700 стрѣлъ у Ильи, II, 3: 16; хлѣбъ въ колчанѣ, II, 7: 126.
Кольцо золотое, II, 27: 193; 28: 54; 29: 22; мѣдное, II, 29: 23; витое, 31: 157: серебряное, 46: 31.
Кольчуга: кольчужные подорожники, II, 6: 36, 69.
Конюхи у короля Литовскаго, II, 60: 83, 142.
Кони добрые (часто); волчья сыть травяной мѣшокъ, II, 1: 69.
Копье булатное, II, 14: 76, 103; 24: 24; бурсоменское 5: 12; бурзуменное, 29: 2; мурзалецкое, 1: 7; 9: 156; 28: 147; долгомѣрное, 31: 48, 491.
Корабли червленые, II: 67, 75.
Кости (игральныя), II, 56: 107—9, 135.
Кресла, I, 7: 2; 9: 30; 18: 31.
Крестъ златой, II, 48: 127; чуденъ, 13: 70; 31: 576.
Крестьяне—мужички на пиру Владимира, II, 58: 28 хвастаютъ богатые—конями, небогатые—дѣтушками, 58: 30—31.
Кречеты бѣлые, II, 1: 13; 21: 14; 31: 304; заморскіе 8: 111.
Кровать, II, 48: 58; тесовая, 66: 57; передняя, 29: 27, 36.
Кровь горячая, II, 32: 177; черная 46: 52.
Кружала государевы, II, 38: 58.
Крючья дверные,булатные,золоченые, II, 57: 50.
Крыльцо красное, II, 1: 184; 8: 64; 9: 117; 12: 89 (часто); дубовое, II, 27: 169; крутое 33: 78; переное 62: 90; 63: 58; тесовое 57: 159; хрустальное у Дюка Степановича, 49: 27.
Крѣпость высокая, II, 49: 138.
Кубецъ въ полведра подноситъ Владиміръ Ильѣ М., I, 18: 10.
Кудри русыя (часто); желтыя у Чурилы, II, 48: 15.
Кузня: въ ней набиваютъ обручи желѣзные, II, 65: 77.
Куница заморская, II, 58: 17; мамурская 16: 19.
Купчина золотой орды, I, 27: 21; 34: 10; 41: 31.
Кусты ракитовы, II, 31: 126.
Лавка: лавочка булавая (?), II, 1: 220; лавицы-булавицы золотыя въ теремахъ Ставра 56: 35; брусовыя 62: 33.
Лань быстра, II, 66: 24; бѣлая 66: 25; златорогая напольская 66: 40; 42: 119.
Лапти: лапотки семи шелковъ, II, 13: 33, 47.
Ларцы кованые, II, 27: 223; 48: 102, 135—139; 57: 52; 66: 196; золотые, II, 12: 95; 27: 35.
Латы: латные подорожники, II, 6: 36, 68; латы кольчужныя 31: 44, 398, 513.
Лебедь бѣлая, II, 5: 129; 28: 18; 29: 44; 31: 251.
Лисица заморская; ея мѣхомъ обиты стѣны въ теремахъ Ставра, II, 56: 37.
Лицо бѣлое (часто); черное у Василія Пустоволосовича, II, 67: 106.
Лошади водовозныя, II, 49: 109.
Лукъ тугой (часто), крѣпкій, I, 1: 4; 5: 3; 27: 7; разрывистый, II, 5: 85; 44: 213; разрывчатый 57: 99; зеленый 9: 23 (по смѣшенію съ лугъ); лукъ Батура несутъ 9 человѣкъ, 37: 258.
Лѣсъ стоячій, II, 1: 74; 31: 306; ветловый 54: 9; крековый 54: 10.
Лютый звѣрь, II, 9: 45.
Макъ: лицомъ какъ маковъ цвѣтъ, II, 43: 40.
Медъ: сладкій, I, 41: 11; II, 27: 246, 252; 31: 184.
Мечъ вострый, I, 10: 6; II, 31: 468.
Министры у кн. Владимира: Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, I, 16: 28.
Мисы краснаго золота, II, 12: 97; скатнаго жемчуга 12: 98; злата-серебра, 62:48; 63: 34—35.
Молодецъ добрый (часто); дородній, II, 32: 32.
Монастыри честные II, 31: 93, 129, 505.
Море синее (часто); студеное, II, 68: 2.
Мосты калиновы (часто), I, 2: 13; 4: 9; 5: 23, 27; 6: 32 и т. д.
Мужики торговые на пиру у кн. Владимира, I, 54: 10; засельщина, II, 49: 133; деревенщина, II, 1: 163; мужики Новгородскіе 61: 62; 64: 27.
Мѣдь красная изукрашаетъ палату, II, 30: 4; зеленою мѣдью крыть дворъ Дюка 49: 9; козарская 49: 50; 51: 4.
Мѣщане: мѣщанскій родъ, II, 41: 103.
Мыло въ банѣ, II, 56: 125.
Нагрудникъ булатный, II, 31: 46.
Налучникъ (налучно, налучіе), I, 27: 7; 33: 4; II, 4: 29; 31: 51.
Насады (судна) червленные, II, 66: 56, 95, 107, 120, 128—130.
Ноги рѣзвыя (часто).
Ножи булатные, II, 13: 141, 145; 26: 42; 29: 74; ножъ чинжалище, II, 28: 125; стрѣлянье въ ножъ 33: 192.
Облако поплавучее, II, 28: 152; 54: 47.
Образа чудные, II, 12: 69; 32: 158; 44: 56.
Ограда булатная вокругъ Дюкова двора, II, 49: 13.
Одѣяло соболиное, II, 59: 136, 140; 61: 198.
Окно красное, II, 24: 43; косящатое, 25: 24; 27: 59; стеклянное 1: 171; хрустальное, I, 4: 16; стекольчатое, II, 1: 138; 29: 135.
Орда великая, II, 8: 232; 31: 98; матушка 8: 17; золотая 57: 101, 69: 20.
Орелъ сизый садится на Соколъ-корабль, II, 17: 14; орлы турскіе, заморскіе, 53: 12.
Оружье, I, 38: 18; богатырское 3: 9; 8: 32.
Ось телѣжная въ 90 пудовъ; ею избиваетъ Василій Буслаевичъ Новогородскихъ мужиковъ, II, 61: 249—255; 62: 74—78; ею избиваетъ татаръ Сурога богатырь, 65: 95.
Очи ясныя (часто)—какъ у сокола, II, 32: 42.
Пава: павлиная походка у Настасьи Дмитріевны, II, 43: 41.
Палата бѣлокаменная, II, 27: 229; 28: 131; 31: 440; грановитая 13: 71; столовая, I, 3: 19; 9: 5; бѣлодубовая, II, 60: 237; богатырская 10: 18; княженецкая 10: 12; новая 1: 254.
Палачи немилостивые, II, 33: 83.
Палица боевая, II, 1: 5; 9: 154; 28: 172; 31: 50; военная, 33: 142; булатная, 7: 9, 35, 50; 10: 168; желѣзная, 14: 95; I, 38: 19; въ 100 пудовъ, II, 14: 75; тяжелая у пояса, II, 57: 97.

Панцырь, II, 21: 39.
Панъ турецкій, II, 16: 38; панове-уланове 67: 12 (пируютъ у Василія Окульева).
Парильщики въ банѣ, II, 59: 152—175.
Паруса полотняные, II, 67: 143, 163; тонкіе, 16: 47.
Переулки частые, II, 23: 19.
Перины пуховыя, II, 59: 127, 134; 66: 58.
Перстни злаченые, II, 27: 253; 31: 425 (часто); именные, 31: 503; однозолотные, 42: 76.
Песокъ желтый (часто); скатный, II, 54: 8.
Печка муравленная, II, 6: 97, 100; 49: 33; 68: 170.
Пещеры Кіевскія, II, 8: 318.
Пиво пьяное, II, 31: 256; 39: 95.
Пиръ почестный, почетный, II, 1: 197, 204; 26: 102; 27: 225 (часто).
Письмо скорописчатое пишетъ Василій Буслаевичъ, II, 61: 50.
Питья медвяныя, II, 48: 41 (часто).
Платки шелковые, II, 59: 17, 35.
Платье цвѣтное, II, 48: 12; перемѣнное у Дюка, 49: 136.
Плетка шелковая, II, 7: 7 (часто); богатырская 7: 31, 40.
Плеча могучія, II, 31: 583 (часто).
Повара, II, 60: 88.
Поварни, II, 28: 118.
Поводья шелковые, II, 37: 180.
Погреба темные, II, 32: 55—66; пива пьяного, зелена вина, сыты медвяной, 39: 94—96.
Подпруги шелковыя, II, 21: 10, 103; 31: 30; 39: 66 (часто).
Поддружье: Алеша Поповичъ поддружье на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 13.
Подсумки рыта (лита) бархата, II, 13: 34.
Покои бѣлодубовые, II, 60: 262, 284; королевскіе, 60: 61, 207.
Поле чистое (часто); Куликово, II, 60: 158 (гдѣ совершаются казни); поле—поединокъ, I, 3: 10; 8: 32.
Поленица: поляница удалая, II, 56: 4; 58: 7; поленина, 57: 7; преудалая 31: 533; сильная, 31: 38; поленица—дружина, 37: 16.
Полонянка, II, 41: 50.
Полотенце тонкое, II, 44: 146; бѣлое 68: 181.
Полъ кирпищатъ, II, 1: 249; 28: 59; 37: 63; 39: 38 (часто); полъ-середа чиста серебра у Ставра, 57: 49.
Помело сосновое у кн. Владимира, II, 51: 74; шелковое у Дюка 51: 80; 52: 56, 58; самошелковое 49: 35.
Поприще (мѣра пространства): поскаки за 5 поприщевъ II, 33: 124; стрѣляньеза 5 поприщевъ, 33: 191.
Попы церковные, II, 49: 92.
Портки тонкіе, II, 42: 146; 61: 43.
Портные мастера у Ставра, II, 58: 39.
Портомойницы Дюковы, II, 49: 155, 158; 51: 101; 52: 95.
Посолъ грозенъ, I, 56: 26; 57: 1, 10; посольское мѣсто 57: 19.
Постельницы у Дюка, II, 52: 100.
Потники бумажные, II, 1: 3; 21: 7; 42: 18.
Поторчи вострые въ копяхъ, II, 65: 40.
Пошлины великія требуетъ посолъ Крымскаго хана отъ кн. Владимира (собств. переодѣтая жена Ставра), II, 57: 127—130; отъ пошлины освобождаетъ Ивашку поваренпаго царица Соломанея, 66: 101—104, 111, 116; пошлину платитъ на Руси пріѣхавшій на корабляхъ Василій Пустоволосовичъ, 67: 93.
Поѣзжанинъ (свадебный чинъ), II, 42: 15.
Поясъ шелковый на царицѣ Соломенеѣ, II, 66: 230.
Приворотники, II, 1: 143; 9: 67; 12: 26; 21: 28; 60: 76.
Приданое, II, 60: 11.
Придверники, II, 1: 144; 9: 68; 12: 27.
Приселки, II, 31: 241.
Притеремки, II, 39: 92.
Пробои злаченые по булату, II, 57: 50.
Птицы райскія, II, 66: 62.
Пуговицы золоченыя у Дюка, II, 52: 165; вальянскія, 31: 397; жемчужныя 31: 45, 497.
Путни, путыни, опутни, опуты—шелковыя, II, 44: 196, 198, 233.
Пшено бѣлоярово, II, 10: 96; 55: 82; сытное 48: 51.

Разбойники нападаютъ на Илью, II, 3: 9; 6: 35.
Ракитовъ кустъ частый, II, 41: 32.
Рогъ турій, II, 8: 195 (у Ильи); 66: 172—176, 244, 272 (у Соломана).
Рукавицы, II, 61: 128; шелковыя, 45: 44, 64.
Руки бѣлыя (часто), II, 31: 584; 32: 12; 44: 9 и проч.
Румяна, II, 48: 70.
Рына (-рюмка), II, 38: 79; 63: 24.

Сабля острая, II, 1: 6; 5: 8; 9: 155; 15: 75 (часто).
Садъ зеленый, II, 16: 69.
Сани, II, 47: 15 (у Чурилы).
Сапоги зеленъ-сафьянъ, II, 25: 33; 37: 39; 44: 252; 48: 4, турецкаго сафьяна 48: 5.
Сарафанъ, II, 47: 23; костычъ-сарафанъ, 48: 71.
Сахаръ бѣлый, II, 43: 15, 21; 60: 80, 85, 90.
Сбруя богатырская, I, 6: 10; II, 31: 47; ратная, 24: 23—29; лошадиная, 44: 7.
Свайка (для игры) серебряная, I, 58: 25; II, 56: 158; 59: 273.
Сваха на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 16.
Свѣтлица свѣтлая, II, 9: 71; 21: 79.
Свѣтъ бѣлый, II, 28: 169 (обычно).
Свѣча воска ярова, II, 9: 105.
Сердце ретивое, II, 31: 501 (обычно); богатырское, 33: 86 (обычно).
Серебро, II, 1: 112; 2: 8.
Сермяга, II, 45: 37—41(хитра, мудра, покроя нѣмецкаго, наметку турецкаго, шитья ярославскаго), II, 3: 15; сѣрая въ 50 рублей; 4: 25— 28 одна пола въ 500 руб., другая въ 1000.
Скамья бѣлодубовая, II, 32: 31; 37: 36; дубовая, 28: 71; 55: 43.
Скатерти браныя, I, 11: 22; II, 28: 93; перчатныя, 31: 248; 68: 96; шелковыя, 30: 6; 57: 27.
Скоба (у дверей), II, 45: 52.
Скоморохи: гудки скоморошьи, II, 27: 220, 236; платье скоморохово на Добрынѣ, 27: 219.

Скорлатъ: скорлятъ бѣлый, I, 48: 21; скорлять сукно, 55: 1 (на однорядкахъ у Ставровыхъ молодцовъ).
Скуфья въ 500 р. на Ильѣ М., II, 6: 64, 75.
Снѣгъ бѣлый, II, 43: 39; пороша бѣлаго снѣга, 45: 1.
Соболь сибирскій, II, 6: 63; 8: 110: 67, 29; борзой 16: 16; черный, 57: 48; заморскій, 58:16.
Соколъ ясный, II, 1: 12; 8: 134; 14: 11; 15: 67 (часто); перелетный, 67: 28.
Солнце красное, II, 28: 170 (часто).
Сорока бѣлохвостая, II, 27: 126.
Сорочка тоненькая, II, 47: 9.
Староста Новгородскій, II, 62: 26, 79—80; 63: 16, 36—41.
Стекло заморское, II, 27: 60.
Столбъ дубовый, II, 12: 64; печной, 28: 104; мѣдный, желѣзный, 49: 25; 51: 9; золоченый, 49: 24; 51: 8; серебряные въ оградѣ у Дюка, 49: 23; 51: 7; точеный, 31: 156; 46: 14.
Столъ дубовый, II, 8: 66; 10: 13; 12: 32; 23: 40 (часто); бѣлый, 29: 81; печной, 28: 84; широкій, 27: 231; почестный, 24: 5; золотой, 16: 71.
Стольница Дюкова, II, 52: 106.
Сторожи крѣпкіе, II, 32: 187.
Стремя булатное, I, 3: 3, II, 5: 6; вальяжное, 41: 84; гольяшное, 1: 240; 21: 106; 37: 181.
Струги легкіе, II, 16: 49; стружечки ветляночки строитъ Василій Буслаевичъ съ дружиною, 61: 317.
Стрѣлы каленыя, I, 2: 25; II, 1: 77; 7: 86 (часто); цѣной въ 5 рублей, 3: 17; кленовыя, 4: 30; 24: 48; 57: 224.
Стрѣлище (мѣра пространства), II, 35: 46.
Стулъ ременчатый, II, 8: 36; 9: 15; 12: 20; 16: 72 (часто); дубовый, 58: 123; кленовый, 48:38.
Ступени крутыя, II, 60: 274.
Ступь (конская) бродовая, II, 51: 57.
Стѣны каменныя, II, 25: 15; бѣлокаменныя, 28: 52, 183.
Сумки рыта бархата, II, 68: 174, 249. См. подсумки.
Сундуки кованые, II, 67: 244—246.
Сыта медвяная; ею угощаетъ Владимиръ коня Ильи Муромца, I, 19: 7; медовая, сладкая, II, 55: 82—(ея проситъ конь Ивана Гостинаго).
Сѣдла черкасскія, I, 1: 14; II, 1: 4; 27: 24; 28: 179 (часто); сѣдло въ 500 р. у Ильи М.; 6: 44.
Сѣни новыя, II, 31: 164; 44: 110; 51: 31.
Тавлеи кленовыя, вальящатыя, II, 57: 246.
Тарелки золотыя, II, 30: 7.
Тати разбойники: сзываются Василіемъ Буслаевичемъ, II, 61: 51.
Телѣги златокованныя, II, 1: 111; 37: 344.
Терема высокіе, II, 1: 84, 137, 208; 21: 23; 26: 30 (часто); златоверховатые, I, 14: 22; II, 61 (часто).
Тетива шелковая, II, 1: 78 (часто).
Торговище нѣмецкое, II, 16: 25.
Тороки шелковыя, II, 41: 82, 140.
Трава шелковая, II, 23: 32; 49: 20.
Трактиры, II, 31: 276.
Трубки подзорныя, II, 10: 159; 31: 295; 68: 201; зрительная трубка—въ нее смотритъ Илья Муромецъ изъ окошка въ палатахъ кн. Владимира I, 22: 17.
Тысяцкій (свадебный чинъ), II, 42: 12.
Туръ гнѣдой, II, 26: 94 (съ золотой и серебряной щетиной); туръ золоты рога, 27: 94; 38: 4; 39: 2; турица, 39: 5; 40: 3.
Тынъ желѣзный, II, 23: 33; 26: 35; окружаетъ дворъ Ставра, 56: 29.
Узда тесьмяная, II, 24: 26; 27: 25; 31: 39; 32: 130.
Улица широкая, II, 1: 135, 172, 207, 237; 21: 24; 28: 186 (часто); стрѣлецкая, 10: 19, 46.
Уста сахарныя, II, 23: 25; 48: 36 (часто).
Утки сѣрыя, пушистыя, перелетныя, II, 21: 95; перистыя 31: 16; сѣроплавныя, 60: 6.
Холопы, I, 4: 19; 9: 27; 52: 11.
Хоромы, I, 7: 3; опришенные, 56: 8.
Царевичи заморскіе, I, 1: 10; 4: 7; 5: 6; 6: 28; 7: 13; 9: 19.
Царица, II, 6: 91, 103.
Царь, II, 5: 42; сорокъ царей, 6: 106; 8: 12; 9:2; 10: 27.
Церкви божьи, II, 12: 70; 27: 166; 29: 94; 31: 505; святыя, 31: 103; священныя, 48: 94; ц. Вознесенская, 49:81; Спаса Пречистаго, 51: 11—12.
Цырульная, II, 59: 61; въ ней жена Ставра остригаетъ себѣ волосы помужски.
Цѣпи золотыя даетъ кн. Владимиръ богатырямъ, I, 52: 23.
Чара зелена вина, II, 1: 183 (часто).
Чаша красна золота, II, 5: 35 (часто).
Чернила, II, 49: 141, 172, 184; 61: 49.
Чернильница серебряная, II, 59: 263.
Чинжалище булатное, II, 8: 252; 15: 77; 31: 53.
Чоботы, II, 42: 146; 46: 37; по турецкому: шиломъ пята, носки острые, I, 54: 19; чоботные мастера у Ставра, II, 58: 47.
Чулки бумажные, II, 45: 45; тонкіе, 46: 37.
Чумбуры, ченбуры шелковые, II, 12: 145; богатырскіе, 42: 210.
Шалыга (шелыга) подорожная, II, 1: 66; 62: 73 (обычно).
Шапка пуховая у Чурилы, II, 45: 43; въ 500 рублей, 48: 13.
Шатеръ бѣлополотняной, II, 6: 89; 8: 31, 55, 161, 205; 9: 9 (часто); бѣлый, 8: 203; 14: 13; 16: 70 (часто); бѣлобѣльчатый, I, 56: 21; тонкій, II, 33: 119.
Шахматы, II, 57: 245; Владимиръ играетъ съ грознымъ посломъ (женой Ставра).
Шашки, II, 48: 54.
Шелкъ шемахинскій, II, 27: 26.
Шеломя окатистое, II, 15: 55; 31: 143; 68: 200.
Ширинка шитая краснымъ золотомъ, II, 32: 191; 44: 99.
Щитъ: въ выраженіи: за щитомъ взять городъ, I, 4: 5; 5: 8; 6: 30; 7:15; 9:20.
Шляпа черная, II, 1: 181, 206; 9: 79; 37: 64; земли грецкія, 13: 35, 42; пуховая, 37: 80.
Шуба соболиная въ 1000 р. у Ильи М., II, 6: 60; у кн. Владимира, I, 21: 30.
Ѣства сахарныя, II, 28: 94; 48: 40; I, 3: 13.
Эпистолія: ее пишетъ кн. Владимиру жена Ставра, II, 58: 148.
Яблоко у копья, II, 44: 160.
Яндова, II, 7: 69, 83.
Ярлыкъ, II, 8: 48; 37: 56; скорописчатый 8: 37, 69, 80; 12. 2.

II.

Указатель именъ.

Алевицкая земля: съ нея кн. Владиміръ беретъ дань, I 25 : 11; 32 : 11; 40 : 1, 11.

Авдотья—лебядь бѣлая—жена богатыря Михаила Потока Ивановича, I 27:16; 34:5; 41:26, 42—45; Овдотья—лебедь бѣлая — дочь Ляховинскаго короля, за которую сватается Иванъ Годеновичъ, II 44 : 26, 67, 69.

Алеша (Олеша) Поповичъ упоминается въ числѣ 7 богатырей Владиміра, I 47 : 15; названъ министромъ Владиміра, 16 : 34; надъ Алешей издѣвается Соловей разбойникъ, 20 : 36; Алеша наз. племянникомъ кн. Владиміра, 29 : 143; вызывается ѣхать за данью въ землю Алевицкую, 26 : 4; 40 : 11; поднимаетъ до пояса камень, въ который превращенъ Михаилъ Потокъ Ивановичъ, 38 : 34; 46 : 11; проситъ у каликъ перехожихъ платье калическое, 48 : 18; умѣетъ говорить татарскимъ языкомъ, 49 : 11; бранится съ цареградскимъ богатыремъ Идоломъ, 50 : 10—14; остается одинъ въ Цареградѣ, когда уѣхали прочіе богатыри, 50 : 54; затѣмъ объясняетъ причину ихъ отъѣзда и отъѣзжаетъ самъ, 51 : 4: издѣвается надъ Тугариномъ, 59 : 1—10. Услужливо подхватываетъ кн. Владиміра подъ лѣву руку, II 5 : 164; упоминается въ дружинѣ Ильи, 8 : 128; упоминается при кн. Владимірѣ, 12 : 55; выручаетъ вмѣстѣ съ Добрыней Илью Муромца, 12 : 163—170; бьется со Скимомъ-звѣремъ, 20 : 24—29; за Алешу П. запрещаетъ Добрыня своей женѣ выходить замужъ, такъ какъ онъ ему названный братъ, 22 : 51—52; 23 : 15; 27 : 164; называется младымъ, 28 : 1; 31 : 5; тучнымъ, 28 : 7; бьется съ Тугаретиномъ, 28 : 140 и слѣд.; названъ сыномъ попа Ростовскаго, 31 : 3; прогоняетъ рать Василія Прекраснаго, 31 : 3 слѣд.; Илья М. посылаетъ Алешу П. противъ паляницы, 31 : 315 и слѣд.; Алешу выпрашиваетъ у кн. Владиміра Дунай себѣ третьимъ товарищемъ, чтобы ѣхать къ королю Задонскому за Опраксою, 32:124, 33 : 45; у Алеши тросточка въ 40 пудовъ, 33 : 95; А. подхватываетъ стрѣлу Кощея и подаетъ Ильѣ Муромцу, 42 : 188—189; смѣется надъ Иваномъ Годеновымъ послѣ неудачной женитьбы послѣдняго, 44 : 268; упоминается ярость Алеши, 49 : 5 (срав. I 67 : 1); А. ѣдетъ вмѣстѣ съ Ильей М. по приказу Владиміра отнять имѣнье Дюково, 51 : 94; дерзко говоритъ о Дюкѣ, 52 : 60—61; Алешу вмѣстѣ съ Добрыней посылаетъ кн. Владиміръ привезти Ставрову молоду жену въ Кіевъ, 56 : 59—60; Алеша выходитъ бороться съ Васильемъ Васильевичемъ, переодѣтой женой Ставра, 56 : 140—144; упоминается въ числѣ богатырей Владиміра, 57:182; хвастаетъ золотой казной, 58 : 20; Алешенька извозчичекъ у кн. Владиміра, 68 : 67; А. остался непобитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70 : 18.

Алтай гора, II 12 : 149.

Амельфа Тимофеевна молода вдова Никиты Романовича, мать Добрыни, II 21:66, 82; провожаетъ сына, 21:109.

Апраксія. Апраксаина королевична, жена кн. Владиміра, I 16:24; иначе Апраксина, 17:32; 21 : 33; 22:5; ее цѣлуетъ Идолище, 24:5; Апраксея королевична угадываетъ жену Ставра, 57:21; княгиня, II 8 : 93; 21 : 189, 194; описывается ея нарядъ, 31 : 230—232. Опраксея дочь короля Задонскаго, 32 : 106 и слѣд.; упоминается, 51 : 34; 52:40; 56:110; 57:152; высовывается попоясъ изъ окошка, чтобы послушать каликъ, 68:77—78; угощаетъ ихъ и приглашаетъ опочивъ держать, 68:84—110; соблазняетъ калику Михайла Михайловича, 68:110—170; зашиваетъ братину серебряную въ сумку Михаила, 68:173—178.

Аравитское золото: изъ него сдѣланы маковки на шатрѣ Василисы Никуличны, жены Ставра, I 56:23.

Араховъ (Орѣховъ?) городъ, II 39:9.

Афимья Александровна—мать Добрыни, II 22:5 стара вдова; срав. стихи, 7, 18, 29, 36, 45; 27:5 (честна вдова).

Ахта (Охта?) городъ, II 39:9.

Батуръ Батвѣсовъ царь получаетъ дани отъ кн. Владиміра, II 37:22; называется собака (обычно); его лукъ несутъ девять татариновъ, 37:258.

Батыга Сергѣевичъ съ сыномъ Батыгой Батыговичемъ обступаетъ Кіевъ, II 38:22, и требуетъ поединщика, ст. 40; называется также Богатушко Богатовичъ, 40 : 11, и Батыгушка Батыговичъ, 40:36.

Бахматъ конь любимый богатыря Суроги, II 65:44, 52; бурой конь, 53:4.

Берметя Васильевичъ мужъ Катерины, любовницы Чурилы, II 45:5, 21, 23, 25, 50, 57; иначе наз. Бермасъ Васильевичъ въ № 48.
Бойканово поле, II 14:83; 70:21.
Борисъ королевичъ младъ, II 1:38.
Брынскіе лѣса, I 2:12; 10:25; иначе Бранскіе, 8:2; 9:22; 56:17; иначе Брянскіе, 12:18; 13:7; 14:19.
Буславъ: Буславеюшко—отецъ Василія, II 61 : 1, 5; иначе Буслаюшко, 62 : 1, 2.
Бѣлая палица—дворянинъ, шестой богатырь при Владимирѣ, I 47 : 17.
Бѣлозерово—озеро, II 22 : 32, 64.
Васенька Маленькой въ дружинѣ Василія Буслаевича, 61 : 102, 107, 113—124; обскакиваетъ дворъ, гдѣ пируютъ мужики новгородчане и впускаетъ туда Василія Буслаева, ст. 160—174.
Василиса Васильевна жена Ставра, II 57 : 55, 81, 85, 121, 138, 222.
Василиса Никулична (Микулична): а) жена Бермяты, II 45 : 8, 31; называется честная королевична 45 : 9, 32, 56; б) жена Ставра, I 54 : 3; 55 : 30; 56 : 1—7; II 56 : 42.
Василій Боголюблевъ царь въ Царе-градѣ, II 13 : 19.
Василій Буслаевичъ новгородскій удалецъ. Оставшись мальчикомъ по смерти отца, уродуетъ новгородцевъ на улицѣ, II 61 : 5—15; 62 : 7 : 11; 64 : 16—18; по совѣту матери собираетъ себѣ дружину, испытывая поступающихъ въ нее ударомъ червянымъ вязомъ по головѣ, 61:43—125; идетъ незваный съ своей дружиной на пиръ новгородскихъ мужиковъ у Викулы Окульева, 61 : 150—177; бьется о закладъ драться со всѣмъ Новгородомъ, ст. 180—183; мать сажаетъ его въ погребъ, ст. 196—201, идетъ къ полицейскимъ начальникамъ съ дарами просить о помилованіи ея сына, 202—218; когда дружинѣ Василія приходится плохо отъ новгородцевъ, нянька выпускаетъ его изъ погреба, ст. 235—245; Василій, схвативъ ось въ 90 пудовъ, избиваетъ новгородцевъ, которые вызываютъ противъ него старца Пригугрюмища, ст. 246—266; Василій щадитъ старца и продолжаетъ избивать новгородцевъ, 267—285; полицейскіе начальники приходятъ съ дарами къ Маяфѣ Тимофеевнѣ и просятъ укротить ея сына, что она и дѣлаетъ, ст. 286—313. Вас. ѣдетъ въ Іерусалимъ, купается нагимъ тѣломъ къ Іорданѣ, 314—357; встрѣчаетъ на Фаворѣ-горѣ камень съ надписью и скочивъ чрезъ него разбиваетъ себѣ голову, ст. 365—385. Ср. №№ 62, 63, 64. Въ № 60 Василію Буслаеву приписаны похожденія въ Литвѣ съ королевной.
Василій Васильевичъ—переодѣтая жена Ставра, Василиса Никулична, II 56.
Василій Ивановичъ—переодѣтая въ мужское платье жена Ставра, I, 56 : 13; называетъ себя грознымъ посломъ, 67: 2.
Василій Игнатьевичъ—богатырь, дѣйствующее лицо въ былинѣ № 38. При приступѣ Батыги къ Кіеву о Василіи разсказываютъ князю Владимиру голи кабацкіе (ст. 49—56). У Василія трещитъ голова съ похмелья (68); онъ проситъ опохмелиться (75), пьетъ полпята ведра зелена вина (83), затѣмъ стрѣлой убиваетъ сына, зятя Батыги и дьячка выдумщика (90—93); выбираетъ себѣ коня, ѣдетъ къ Батыгѣ, винится, выпрашиваетъ у Батыги 40000 татаръ для взятія Кіева, но всѣхъ ихъ избиваетъ.
Василій Касимеровъ — упоминается какъ богатырь, II, 8: 124, 184—186; въ дружинѣ кн. Владимира, 31: 211; Василій Казимерской вызывается отвезти дань отъ Владимира Батуру въ землю Поленецкую, II, 37: 48—60; встрѣчаетъ Добрыню, который хочетъ ѣхать съ нимъ (224—128); ѣдетъ съ ярлыками кн. Владимира къ Батуру. Б. угрожаетъ ему смертью (217); Василій избиваетъ татаръ осью телѣжною (315).
Василій Окульевичъ—наз. прекрасный царь, II, 66: 1, 10; (ср. 67: 10); по совѣту коварнаго Ивашки повареннаго хочетъ увезти жену Соломана, царицу Соломанею (55 — 65); Ивашка, напоивъ царицу питьемъ забудущимъ, привозитъ ее Василію (138—165); Соломанъ, явившись отнять жену, посаженъ ею въ сундукъ и долженъ быть преданъ казни (190—240), но, прибывшая на звукъ турья рога, дружина выручаетъ Соломана (241—275), который велитъ повѣсить Василія Окульевича и Соломанею (276—297). Въ № 67 отчество Василія Окуловичъ и онъ служитъ царемъ въ Новѣгородѣ (ст. 2).
Василій Прекрасный—любимый зять Мамая, II, 8: 14, 35, 57, 93, 103, 114; осаждаетъ Кіевъ, 31: 99 и слѣд.
Василій Пустоволосовичъ—младой Таракашковъ сынъ даетъ царю Василію Окулевичу совѣтъ увезти жену Соломонову и приводитъ его въ исполненіе, II, 67: 45—55.
Василій-пьяница (см. также Вас. Игнатьевичъ) — дѣйствующее лицо въ былинахъ №№ 39 и 40; освобождаетъ Кіевъ отъ царя Подольскаго или Батыги.
Вахрамей (Вахрамеище)—король, за котораго просватана Авдотья лебедь-бѣлая, дочь короля Ляховинскаго, II, 44: 71, 100; называется королемъ земли поганой (133), поганымъ идолищемъ (139), царищемъ (183); его убиваетъ Иванъ Годеновичъ.
Викула Окуловъ: у него пируютъ мужики Новгородскіе, II, 61: 144, 151, 173.
Владимиръ—князь безсмѣнный кіевскій; Всеславьевичъ, I, 7: 11; Всеславичъ, I, 32: 4; II, 1: 3; 32: 4; чаще: Сеславьевичъ, II, 1: 9, 43; 9: 27; 21: 22; 28: 185; 37: 347 и т. д. Эпитеты: стольнокіевскій (часто); ласковый (часто); батюшка, II, 1: 188; 12: 71; славный, I, 5: 1; II, 33: 117; красное солнышко, II, 9: 27; 10: 10; 13: 72 (часто); бѣлый царь II, 12: 129; великій князь, I, 27: 10; 21: 29, упоминается въ каменной Москвѣ, II, 24: 3; при нападеніи враговъ на Кіевъ выказываетъ трусливость, II, 9: 39—42; печалится и кручинится, 12: 48—50; недовѣряетъ разсказу Ильи Муромца, I, 3; 9; 17; выслушиваетъ грубости отъ Соловья разбойника, I, 21: 25; отъ Михаила Потока, 36: 28; Вл. проситъ Потока Ивановича уступить ему привезенную имъ дѣвицу Авдотью Лиховидовну, I, 27: 11; 34: 2; 41: 23. Запрещаетъ богатырямъ оставлять Кіевъ, его вотчину, 47: 10—11., но они не исполняютъ его приказанія; жалуетъ богатырей шубами соболиными и золотыми цѣпями, 52: 22—24; засаживаетъ за похвальбу Ставра въ погребъ и по-

сылаетъ переписать его золоту казну, 56: 35; отношенія Владимира къ Ильѣ Муромцу, см. II, №№ 1 (170—245); 5; 7; 9 (90—100); 10 (89—93); 11 (72—115); 12 (60—79); къ Никитѣ Романовичу, 21: 34—55; къ Добрынѣ Никитичу, 21: 389—396; къ Алешѣ Поповичу, 28: 185—191; 29: 86—145; 31; 130—134; 253—257; къ Дунаю, 32: 47—53; 75—79; 87—115; къ Василію Касимерскому, 37: 359—374; къ Василію Игнатьевичу 38: 76 и слѣд.; къ Ивану Гординовичу, 43: 16 и слѣд.; къ Дюку Степановичу, 49: 138 и слѣд. 51: 46 и слѣд. 52: 32; къ Суханьшѣ Замантьеву, 54: 50—65: къ Ивану Гостинному сыну, 55; къ Ставру №№ 56, 57, 58, 59.

Волховъ—рѣка: по Волхову поплыли глаза Идолища убитаго Ильей, II, 13: 159. Волховъ мостъ: на него бросаетъ Василій Буслаевичъ письмо. II, 61: 56, 63; на мосту рѣшено биться Василію Б. съ Новгородомъ, 62: 30; здѣсь же встрѣчаетъ Василія Б. его крестный батюшка, 62: 95; срав. 63: 46.

Волынецъ—крѣпкій городъ; изъ него пріѣзжаетъ Михаилъ Козарятинъ, II, 41: 1, 122, 130, 148; изъ него же Дюкъ, 52: 1, 45, 87. (Волынецъ-Галичъ).

Вуяндина—мѣстность, II, 29; 14.

Галацкая земля; изъ нея пріѣзжаетъ Василій Ивановичъ, т. е. переодѣтая жена Ставра, I, 56: 14; 57: 7.

Галичъ—славенъ городъ, гдѣ живетъ Дюкъ Степановичъ, II, 50: 1, 131 (см. Волынецъ).

Гана—дочь Кощея, которую беретъ за себя замужъ Михайло Потокъ Ивановичъ, I, 46: 18 срав. *Ранка*.

Германъ (Ерманъ) Святой, II, 10: 112.

Глапитъ—4-й богатырь въ числѣ семи при кн. Владимирѣ, I, 47: 16.

Горынычъ—змѣй (Горынище), съ которымъ бьется Добрыня, II, 21: 127—199.

Дмитрій Дмитріевичъ (Митрій Митріевичъ)—купецъ, отецъ Настасьи, невѣсты Ивана Годиновича, II, 42: 7; 43, 47; гость торговый въ Черниговѣ, 43: 36.

Днѣпръ—рѣка широкая; черезъ нее скачутъ Дюкъ съ Чурилой, II, 52: 177—199; на Днѣпръ выѣзжаетъ Суханьша, 54: 4, 5; Д. называется быстрымъ, 42: 26, 110; 54: 14; батюшкой, II, 1: 52; 9; 7; 21: 116; Нѣпречка II, 19: 16; на Днѣпръ выбѣгаетъ Скименъ звѣрь, 18: 17 или Индрикъ-звѣрь, 19: 13.

Добрыня Никитичъ—упоминается какъ 7-й богатырь при кн. Владимирѣ, I, 47: 18;подхватываетъ Владимира подъ праву руку, II, 5: 163; состоитъ въ дружинѣ Ильи, 8: 127, 182; въ дружинѣ у кн. Владимира, 12: 56; встрѣча Д-ни съ Кузьмой Семерцяниновымъ № 14; зоветъ Илью дядюшкой, 14: 36; Д. сынъ торговаго гостя Никиты Романовича, 15: 7; братается съ Ильей, 15: 118 и слѣд. (срав. 31: 264); уѣзжаетъ отъ матери стрѣлять гусей и утокъ, 15: 50—53; бьется съ Ильей, не узнавъ его, 15: 67—109; Д. вѣрный слуга Ильи на Соколѣ-кораблѣ, 16: 34; 17: 9. Рожденье Добрыни сопровождается знаменіями, 18; дѣтство его по смерти Никиты Романовича, 21: 69—79; бьетъ челомъ передъ матерью, 22: 3; 23: 3; Илья названный братъ Добрыни, 23: 7. Д. жилъ въ разныхъ должностяхъ 9 лѣтъ у Владимира, 24: 17—21; Добрыню посылаетъ Владимиръ звать отъѣхавшаго Алешу, 31:195 и слѣд.; его посылаетъ Илья М. противъ Поляницы, 31: 350 и слѣд.; Д. сватаетъ кн. Владимиру Опраксу, 32: 33; ѣдетъ вмѣстѣ съ Дунаемъ и Алешей къ королю Задонскому сватать Опраксу, помогаетъ Дунаю ее добыть и отвозитъ въ Кіевъ, 32: 151—219 (срав. 35: 37 и 36: 25); вызывается самъ сопровождать Василія Казимерскаго къ царю Батуру въ Поленецкую землю, 37: 124—128; играетъ въ кости съ Батуромъ, 37: 228—230; стрѣляетъ и ломаетъ лукъ Батура, 37: 274; побораетъ борцовъ Батура, 37: 300—310; вѣжество Д-ни упоминается 49: 4 (ср. 67: 5); Д. ѣдетъ описывать имѣнье Дюка Степановича, 52: 80; выходитъ бороться съ Василіемъ Васильевичемъ, переодѣтой женой Ставра, 56: 144; хвастаетъ добрымъ конемъ на пиру Владимира, 58: 18 (ср. 63: 11 на пиру въ Новгородѣ); Д. запятничекъ у кн. Владимира, 68: 48; ѣдетъ за каликами, чтобъ вернуть братину, зашитую Евпраксіей въ сумку предводителя каликъ, 68: 235 и слѣд.; Д. остается непобитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70: 17.

Дунай Ивановичъ—богатырь; называется задорливымъ, II, 8: 175; Д. названный братъ Добрыни, 32; 45; сидитъ три года въ погребѣ у Владимира, 32: 48; выпущенный изъ погреба указываетъ Владимиру на Опраксу, дочь короля Задонскаго, какъ на достойную невѣсту, 32: 106 слѣд.; ѣдетъ съ Добрыней и Алешей добывать ее, 32: 123 слѣд., смиряетъ короля Задонскаго (ст. 176—184), выводитъ Опраксею и ѣдетъ съ нею въ Кіевъ (210 и слѣд.); на пути, замѣтивъ ископыть, поручаетъ Опраксею Добрынѣ, самъ встрѣчаетъ паляницу Настасью королевичну, побѣждаетъ ее и привозитъ въ Кіевъ себѣ невѣстой (215—247); тѣже похожденія въ былинахъ №№ 33—36; смерть Настасьи, 33: 215 и слѣд.; самоубійство Дуная (ст. 221—225); изъ крови Дуная протекла Дунай рѣка (ст. 228). Имя Дунай въ припѣвкѣ, 60: 25.

Дюкъ Степановичъ: описаніе его двора и палатъ, II, 49: 8—40; проситъ благословенья у матери ѣхать въ Кіевъ (40—66); пріѣздъ въ Кіевъ (76—80); хвастовство Дюка на пиру у Владимира (115—139); посольство Владимира къ матушкѣ Дюка (144—189); три заставы встрѣченныя Дюкомъ на пути въ Кіевъ, II, 50: 10—30; встрѣча Д. съ Ильей Муромцемъ (33—40); хвастанье Д. на пиру у Владимира (66—73); споръ съ Чурилой Пленковичемъ (76—78); Д. перещапилъ Чурилу (112—130); № 51=49, но съ нѣкоторыми подробностями; въ 52: 4 Д. называется молодымъ бояриномъ, боярскимъ сыномъ; состязанье Д. съ Чурилой въ франтовствѣ (66 слѣд.); Добрыня Никитичъ въ палатахъ Дюка (89 слѣд.); Д. перещапилъ Чурилу (158—173); скачка Д. и Чурилы черезъ Днѣпръ (177—206); № 53 (начало былины о Дюкѣ); 67: 2 Дюкъ упоминается по золотой казнѣ.

Екимъ Ивановичъ—богатырь спутникъ Алеши Поповича, II, 28 (часто), выручающій его въ битвѣ съ Тугариномъ; иначе Екимша II, 29: 65; хватаетъ ножъ пущенный Тугариномъ, 29: 75.

Е л е н а—царица, благовѣрная, жена Константина; проситъ русскихъ богатырей—Илью М. съ товарищами отпустить Тугарина Змѣевича, взятаго ими въ плѣнъ, I, 51: 30—33.

Е л е н и н с к і й стихъ, II, 68: 34, 38; иначе Еленскій, 68: 56.

Е р д а н ь—рѣка: въ ней купается Василій Буслаевичъ съ дружиной, II, 61: 343; 62: 107; также Іорданъ: въ немъ купаются калики, 68: 276.

Е р м а к ъ Т и м о ф е е в ъ—молодой богатырь; вызывается ѣхать противъ татаръ, II, 10: 105; избиваетъ ихъ, причемъ ему помогаетъ Илья Муромецъ (172—186).

Е ф и м ъ—слуга паробокъ; его проситъ Иванъ Гординовичъ у Владимира себѣ въ спутники, чтобы ѣхать въ Черниговъ сватать Настасью Дмитріевну, II, 43: 52, 54.

Е ф р а т ъ—рѣка II, 41: 18, 23, 26.

З а д о н с к і й король — отецъ Опраксы и Настасьи, II, 32: 100, 138, 161; задонское царство, 32: 137, или королевство, 32: 139; задонская земля; съ нея Владимиръ беретъ дань, I, 25: 10; 32: 10.

З а л ѣ ш е н и н ъ—дворянинъ, 2-й богатырь въ числѣ семи богатырей кн. Владимира, I, 47: 15; 49: 10; извиняетъ Алешу предъ царемъ Константиномъ, 50: 14; разговариваетъ съ царемъ, 50: 27; русскіе богатыри посылаютъ Залѣшенина напередъ въ Кіевъ къ Владимиру съ извѣстіемъ о ихъ побѣдѣ надъ цареградскими богатырями 52: 6—9.

З л а т ы г о р к а—сильная, II, 31: 534 (ея сынъ Подсокольничекъ); лютая, 31: 544, 559.

И в а н и щ е—сильный Игнатьевъ сынъ II 13: 4—14, 22, 31; И. въ дружинѣ Василія Буслаевича, II, 61: 73.

И в а н ъ Г о д е н о в и ч ъ, иначе Гординовичъ; его женитьба на Настасьѣ Дмитріевнѣ, измѣна жены и убіеніе ея Иваномъ, см. №№ 42, 43 и 44.

И в а н ъ Г о с т и н н ы й с ы н ъ—вызывается на своемъ бурушкѣ скакать изъ Кіева до Чернигова въ состязаніи съ тремя жеребцами кн. Владимира, II, 55.

И в а н ъ Т и м о ф е е в и ч ъ — крестьянинъ, отецъ Ильи Муромца, I, 11: 29.

И в а н ы—два брата, II, 8: 129.

И в а ш к а П о в а р е н н ы й—за столомъ у Василія Окульевича сватаетъ ему Соломанею, жену Соломана, II, 66: 30—47; называется воромъ, 66: 79.

И д о л и щ е—нечестивое: его описаніе, I, 23: 15—20; проклятое, II, 13: 17; его внѣшній видъ, 13: 26—29; милой дружокъ Маринки, 26: 22; Идолище Жидовское—богатырь у царя Константина въ Цареградѣ, I, 49: 26, 35; 50: 3—22; его лошадь ведутъ 20 человѣкъ, 50: 24; называется С к о р о п и т ъ, 51: 17; тридцать идолищевъ будутъ кланяться Настасьѣ Дмитріевнѣ, если она выйдетъ за Кощея, II, 42: 164; идолищемъ поганымъ названъ король Вахрамей, 44: 133.

И л ь я М у р о м е ц ъ—Ивановъ сынъ, I, 2: 4; 3: 25; 5: 20; 6: 23 (часто); свѣтъ государь, I, 10: 13; 16; 11: 13; 12: 15; 17: 21; осударь, 49: 3; II, 5: 19 и др. 15: 26 (часто); святорусскій богатырь, I, 14: 9; старый казакъ, II, 1: 15; 6: 19; 7: 1; 9: 47; 10: 57, 12: 61; 15: 15 (часто); воинъ, II, 7: 194; дѣдушка, 6: 39; батюшко, 13: 3; старъ-матеръ человѣкъ, 23: 21; Илюшко, I, 2: 4; 3: 24; 7: 20; 9: 9; Илюшенька, II, 12: 141; Юльюша, 13: 59; Юльюшенька, 13: 65, 149; Илья вызывается ѣхать за данью въ землю турскую, I, 40: 6; ѣдетъ на р. Смородину, 40: 21; ѣдетъ искать Потока, 46: 9; бросаетъ черезъ себя камень, въ которомъ былъ заключенъ Потокъ, 46: 12; упоминается въ числѣ семи кіевскихъ богатырей, 47: 14; получаетъ платье каличье отъ каликъ, 48: 29; проситъ кн. Владимира отпустить въ Царьградъ плѣннаго Тугарина, 52: 31—35; ѣдетъ изъ дому въ Кіевъ, II, 1; 14; по дорогѣ туда освобождаетъ городъ Кидошъ (1: 19); называетъ себя въ Кидошѣ Юришъ-Маришъ-Шишмаретиномъ, 1: 37; рветъ дубье и мостъ моститъ черезъ Днѣпръ 1: 54; встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ, 1: 57 и слѣд.; пріѣздъ въ Кіевъ, знакомство съ кн. Владимиромъ, 1: 145 и слѣд.; ссора Ильи съ Владимиромъ 1: 178 и слѣд.; убіеніе Соловья разбойника (ст. 255 слѣд.). Выѣздъ Ильи изъ дому, см. № 2 и 5; встрѣча съ разбойниками №№ 3, 4 и приложеніе, стр. 271—274; встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ №№ 5 и 7; три поѣздки № 6; встрѣча съ Идолищемъ, 7: 56 и слѣд.; Илья и Мамай № 8; наружный видъ Ильи, 8: 223—228; Илья М. и Калинъ (Каинъ) №№ 9, 10, 11, и 12; Илья въ Царьградѣ у царя Василія Боголюблева № 13. Встрѣча Ильи съ племянникомъ—Кузьмой Семерцяниновымъ № 14; Илья ѣдетъ къ Добрынѣ 15: 15 и слѣд., не заставъ его дома, находитъ въ полѣ и вступаетъ съ нимъ въ бой, 15: 66—90; Добрыня повалилъ Илью Муромца, хотѣлъ зарѣзать, но, узнавъ его, проситъ у него прощенья (ст. 114 слѣд.); Илья съ Добрынею на Соколѣ кораблѣ №№ 16, 17 и Приложеніе стр. 276—277; И. бьется съ богатыркой, 31: 375 слѣд; И. убиваетъ стрѣлою Кощея безсмертнаго, 42: 190—193; говорится, что нѣтъ выше Ильи счастьемъ, 49: 3; И. поручается за Дюка Степановича, 49: 147, 52: 75; ѣдетъ съ Алешей отнять Дюково имѣніе, 51: 92; говорится, что не было выше его на смѣтку, 67: 4; Илья остался не побитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70: 19; И. наѣзжаетъ на 3 дороги: Приложен. стр. 273, Илья и царище Кудріянище—тамъ-же стр. 274—276; мѣстное преданіе объ Ильѣ въ Карачаровѣ, стр. 277; Илья Муровецъ (Моровецъ), 277—278.

И н д р и к ъ—звѣрь (Скименъ), II, 19: 5; описаніе его вида, 19: 6—11.

І е р о с о л и м ъ г р а д ъ. II, 13: 10; смѣшивается съ Цареградомъ, 13: 16, 63; въ Еросолимъ ѣдетъ Василій Буслаевичъ, 61: 318—363; туда-же идутъ калики, 68: 273.

К а з а р а—попъ церкви соборныя въ Волынцѣ, II, 41: 5, 125, 132, 150.

К а и н ъ (иначе Калинъ) поганый царь, II, 10: 20, 47.

К а л и н ъ—царь, собака, злой, II, 9: 1, 54, 97—144; 12: 118; сынъ Смородьевичъ, 9: 55; у него сынъ Калиненочекъ, 9: 145; Калинъ-царь Тугаринъ, 12: 6.

К а л и ч и щ е прохожій — встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22; онъ учился съ Ильей

въ одной школѣ грамотѣ, 23: 5; обѣщается высѣчь Илью 23: 10.
Карачарово село, I, 11: 28; II, 2: 2; Прилож. стр. 277—278. (Родина Ильи Муромца).
Касьянъ Ивановичъ въ числѣ каликъ, II, 68: 27, 28.
Катерина Никитична —сестра Добрыни II, 26: 114.
Катерина Никулична (Микулична) жена Берметы (Обемела)—любовница Чурилы, II 46: 10; 47: 24; 48: 28—63.
Киберскій князь, I, 11: 18; 12: 3; 12: 4. (=Себежскій).
Кидошъ—городъ, II, 1: 16, 23, 30.
Кіевъ стольный городъ, I, 47: 9. II, 1: 8, 41, 47, 113, 134; 2: 12; 9: 6; 10: 1 (часто); славный, II, 5: 5; 6: 1 (часто); красенъ, II, 5: 48; 8: 7; 31: 112 (часто); на горѣ стоитъ, 52: 9. Кіяновъ городъ—Кіевъ, 60: 104 (примѣч.).
Кіянъ—море, II, 53: 13; Кіянь, 17: 1, 2.
Казарская мѣдь; ею покрытъ дворъ Дюка Степановича, II, 49: 10.
Константинъ царь въ Цареградѣ, I, 49: 17; называется вольный царь, 49: 27; разспрашиваетъ объ Ильѣ Муромцѣ, 49: 32; 50: 4.
Константинъ Дмитричъ — молодой князь въ Москвѣ, II, 69: 10; къ нему пріѣзжаетъ гонецъ съ извѣстіемъ о взятіи Левиками въ плѣнъ княгини Настасьи Дмитревны, 69: 61 и слѣд.; ѣдетъ на р. Смородину, гдѣ стоятъ Левики, 69: 95; оборачивается сѣрымъ волкомъ и перегрызаетъ глотки конямъ (ст. 99); обертывается горностаемъ (ст. 134) и чернымъ ворономъ (ст. 124).
Корела—богатая; оттуда Михаилъ Казарятинъ, II, 41: 2, 123, 131, 149; оттуда Дюкъ Степановичъ, II, 52: 2.
Кощей—царь Золотой орды, I, 27; узнавъ о красотѣ жены Михаила Потока, сбираетъ 40,000 войска и обступаетъ Кіевъ; его силу избиваетъ Михаилъ, 28: 14; называется невѣрнымъ 31: 11; 34: 17; 37: 16; 41: 4; пріѣзжаетъ подъ Кіевъ съ 100,000 рати, 45: 6; Кощеище безсмертный—женихъ Настасьи Дмитревны, II, 42: 74 слѣд.; Трапетовичъ 43: 59.
Крымскій ханъ, наз. грознымъ царемъ, II, 57: 123.
Кузьма Семерцяниновъ богатырь—племянникъ Ильи Муромца, II, 14: 124 слѣд.
Куликово поле; II, 4; 2; Добрыня ѣдетъ туда, 22: 26; Алеша ѣдетъ туда перевѣдаться съ змѣемъ Тугаретиномъ 28: 133; Илья Муромецъ выѣзжаетъ на Куликово поле: Прилож., стр. 273. Илью ведутъ казнить на поле Куликово, стр. 275.
Кунгуръ Самородовичъ богатырь въ числѣ богатырей кн. Владимира къ Кіевѣ, II, 57: 183.
Курганъ — царь невѣрный; поднимается и ѣдетъ въ горы Трепетовы II 65: 2, 30; спрашиваетъ попавшаго въ плѣнъ Сурогу, будетъ ли онъ ему служить, 65: 64; велитъ казнить Сурогу (ст. 74); названъ Смородовичемъ (ст. 100).
Кутузовы села, I, 2: 35; 3: 4; 6: 8; 8: 22.
Леванидовъ крестъ, II, 40 : 2; 68 : 6; иначе Евандіевъ 8 : 22.
Левики королевичи, племянники Чолпана, короля Политовскаго, II, 69 : 1; собираются ѣхать на святую Русь 69: 8; ѣдутъ въ Золоту орду 69: 29; въ каменну Москву 69 : 35.
Левонтій попъ Ростовскій, отецъ Алеши Поповича, II, 29 : 67.
Леховицкая земля; изъ нея Ставръ II 59 : 42, 45; Леховицкій посолъ (жена Ставра) 59 : 86, 91, 101.
Литва—земля; хоробрая, II, 35 : 27, 48, 59; 55: 32 (часто); матушка 35 : 48; смѣшивается съ татарскимъ царствомъ 35 : 55; (стр. №№ 36 и 60); поганая 69 : 155; въ Литвѣ король, у котораго служилъ добрый молодецъ 60 : 36.
Литовскій князь—отецъ Настасьи и Опраксы, II, 35 : 28 и слѣд.; онъ же называется королемъ 36 : 45; причемъ при немъ татары 36 : 57. Литовская королевична 60 : 95—204.
Литовцы—ихъ наѣздъ см. № 69.
Личарда слуга вѣрная, II, 8 : 209.
Ляховинскій король—отецъ Овдотьи лебеди-бѣлой, II, 44 : 25; Ляховинское царство 44: 46, 126.
Мальфа Тимофеевна мать Василія Буслаевича, II, 61; иначе Омельфа № 62.
Мамай—татарскій царь, II, 8 : 6, 22, 34 и проч.; богатый 8: 168; грозный 8: 233; безумный 8 : 241; сильный 31: 368; безбожный 54 : 17.
Мамельфа Тимофеевна честна вдова, мать Дюка Степановича, II, 50 : 7.
Марина (Маринушка, Маринка, Маришка) любовница Змѣя Горынича, II, 25: 22—35; 26 : 5; (Игнатьевна); зеленщица и отравщица 26 : 7; вѣдьма 26: 117; обертывается сорокою 26: 121; 27: 84; курва 24 : 42; прекрасная 25: 13; безбожница 25 : 13; злая еретица 25: 14; красна дѣвушка 27: 57; сова заморская 27: 94; змѣя семиглавая (тамъ-же).
Маслеево—озеро, II, 68 : 3; отъ него идутъ калики перехожіе.
Матвѣй Петровичъ чашникъ фрязинъ при дворѣ кн. Владимира, I, 59 : 6, 10, 17.
Михайло (Михайлушка) Игнатьевъ, II, 8 : 125; въ дружинѣ кн. Владимира 31 : 213.
Михайло Михайловичъ въ числѣ сорока каликъ, II, 68 : 28, 83; его зазываетъ Апраксія, кладетъ спать (ст. 112—116) и ночью приходитъ къ нему (ст. 117—124)
Михайло Петровичъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Алешей Поповичемъ описывать имѣнье Дюково, II, 49 : 144.
Михайло Потокъ Ивановичъ—богатырь; вызывается ѣхать въ землю Задонскую за данью, I, 25 : 20; 32 : 19; 40 : 8; у синя моря хочетъ устрѣлить лебедь (26 : 17), которая обертывается дѣвицей 33 : 3; 34; избиваетъ 500 кіевлянъ 39 : 16; похожденія Потока см. I стр. 25—46.
Михаилъ Архангелъ, воевода небесныхъ силъ; освобождаетъ Потока Ивановича изъ камня, I, 39 : 2, 4.
Михаилъ Казарятинъ — богатырь. См. № 41. Выѣзжаетъ изъ Волынца, Корелы богатыя; роскошно вооруженъ; хочетъ застрѣлить чернаго ворона на ракитовомъ кусту; воронъ сообщаетъ ему о трехъ татарахъ, держащихъ въ плѣну русскую дѣвицу. Подслушавъ рѣчи татаръ, М. сдергиваетъ шатеръ, убиваетъ татаръ

и освобождаетъ дѣвицу, которая оказывается его сестрою.

Москва—каменная, II, 24:2; 53 : 16; 61 : 3; на святую Русь въ каменну Москву ѣдутъ Левики 69: 9.

Муровецъ (Муравѣцъ) наз. Илья, I, 1:1; 2:19; 3:2; 4:20 и проч.; Прилож. стр. 277—278.

Моровъ градъ (=Муромъ), I, 1:1; 2 : 5. Муровъ 3:25, 27.

Муромъ—городъ; славный I 4:29; 7 :8; 10 : 1; изъ него Илья М., II, 1 : 157; 2 : 1; 5 : 2; 15 : 14 и проч.

Настасья Дмитріевна (Митріевична)—дочь купца Черниговскаго Дмитрія Дмитріевича, II, 42 : 8; за нее сватается Иванъ Годеновичъ (тамъ же); ср. 43:37; Настасья Дмитріевна молода княжна съ младенчикомъ; ее полонили Левики 69:54.

Настасья Казарична сестра Михайлы Казарятина, выручённая имъ изъ плѣна татарскаго, II, 41 : 138.

Настасья Королевична—дочь короля Задонскаго, сестра Опраксы, II, 32 : 103; полякуетъ въ полѣ, сражается съ Дунаемъ, выходитъ за него замужъ, хвастается мѣткостью стрѣльбы и гибнетъ отъ стрѣлы мужа. Изъ ея крови Настасья рѣка, 33 : 226; Настасью Дунай убиваетъ въ Литвѣ № 36.

Настасья Никулична (Микулишна) жена Добрыни, II, 23 : 10; 27 : 41; жена Ставра, II, 58 : 85, 103, 109; 59 : 36.

Никита Карачевецъ— атаманъ каликъ, I, 4: 24.

Никита (Микитушка) Романовичъ—торговый гость, отецъ Добрыни, II, 15 : 1—7; богатый гость въ Рязани 21 : 3; ѣдетъ въ Кіевъ ко Владиміру 21 : 25—35; идетъ въ монастырь (тамъ же); Микитушка 25:1—3.

Новгородское шитье щегольское II 48 : 7.

Новгородъ: наз. Новы-городы, II, 25 : 7; съ Новымъ городомъ не спорилъ старикъ Буславъ 61:4; стольный 64 : 1, 31. Упоминается въ №№ 62, 63, 64; Прилож. стр. 292; въ Новѣ-городѣ служилъ Василій Окуловичъ 67 : 2, 202.

Новоторженской, II, 17 : 3.

Нѣмецкій покрой сермяги у Чурилы, II, 45:39.

Обемялъ Васильевичъ (=Берметя) — мужъ Катерины Никуличны, любовницы Чурилы, II, № 46.

Одолище (=Идолище) поганое, II, 7 : 56 и слѣд.

Омельфа Тимофеевна, иначе Мамельфа, Амельфа, Мальфа—матера вдова, мать Василія Буслаевича, II, 62; 63; 64.

Пилигримище старецъ, II, 64 : 22; иначе Пріугрюмище 61 : 260—265; Угрюмище 63 : 44, 50, 55.

Подольскій царь съ силой невѣрною подступаетъ подъ Кіевъ, II, 39:29.

Подсокольничекъ сынъ Ильи Муромца, II, 31 : 479—585.

Подсолнечный градъ, II, 5 : 202.

Политовскій король, II, 69 : 1.

Польскій король, I, 56 : 14.

Поленецкая земля, II, 37 : 21; въ ней живетъ Батуръ Батвѣсовъ (ст. 49); наз. дальняя (ст. 190).

Потанюшка хроменькій, II, 8 : 119, 131; въ дружинѣ кн. Владиміра, 31 : 212; въ дружинѣ Василія Буслаевича 61 : 87 и слѣд.

Потокъ Ивановичъ—богатырь, см. Михайло Потокъ Ивановичъ.

Пруцкой, II, 17 : 3.

Путерема городъ, II, 28 : 13, 26.

Пучай — рѣка; къ ней ѣдетъ Иванъ Годеновъ, чтобы обмыть саблю, которою онъ отсѣкъ голову Овдотьи Лебеди-бѣлой, II, 44 : 262; въ Пучай загоняютъ мужики Новгородчана дружину Василія Буслаевича, 61 : 225.

Ранка—дѣвка, дочь Кощея; ее беретъ Потокъ Ивановичъ за себя замужъ, I, 39 : 13—15.

Рославней Рославнеевичъ, II, 8:235.

Ростовъ — славный городъ, родина Алеши Поповича, II, 31 : 1; городъ Ростовскій, 31 : 88, 137, 140.

Русь — святая, матушка, II, 13 : 113; 24 : 1; 67 : 231; 69 : 8 (часто).

Рязань—славенъ городъ, II, 15 : 18 (родина Добрыни); въ Рязани его широкій дворъ 15 : 28, гдѣ живетъ его матушка, вдова благочестивая (см. 35, 41, 122); село, а затѣмъ городъ 21 : 1, 2.

Садко — упоминается какъ богатый купецъ II, 49 : 67 : 3.

Салтанъ Салтановичъ турецкій панъ II, 16 : 40, 73, 76.

Самсонъ Колуванъ II, 8 : 122, 173; въ числѣ Кіевскихъ богатырей 38 : 47; С. Колыбановъ 49 : 1—2; 67 : 3; Колывановичъ 57 : 185.

Саратовы степи II, 6 : 9; 38 : 130; тамъ Василій Игнатьевичъ избиваетъ 40,000 татаръ Батыги.

Святорусская земля I, 11 : 6.

Себежъ градъ I, 1 : 7; 4 : 5; 5 : 6; 6 : 28; 7 : 15; 9 : 20; иначе Себежинъ 7 : 13; 9 : 18; Себежинскій царь 5 : 9; 6 : 30; 10 : 7 и пр.

Сергіевъ монастырь; въ немъ живетъ старецъ Приугрюмище II, 61 : 260.

Сибирскій царь (=Себежскій) I, 1 : 12; 2 : 11; 4 : 6; 7 : 18.

Сергій—святой II, 10 : 112.

Скименъ—звѣрь; лютый II, 18 : 7; описаніе его вида 18 : 8—16; иначе Скимъ - звѣрь 20:8—18; иначе Устиманъ - звѣрь - Прилож. стр. 278.

Смородина—рѣка I, 2 : 13; 4 : 9; 8: 2; 9:23; 10 : 26; 11 : 2 и т. д. На Смородину ѣдетъ, направляясь къ Кіеву, Василиса Никулична, жена Ставра I, 56 : 17; на Смородинѣ останавливаются Левики II, 69 : 58.

Смугра — рѣка; ее переѣзжаютъ семь русскихъ богатырей по пути изъ Кіева въ Царьградъ I, 48 : 16; у нея оставляютъ своихъ коней 49 : 6; 51 : 2.

Соколъ—корабль II, 16 : 3: 17 : 5 и пр.

Соловей разбойникъ: Мировичъ (т. е. Будимировичъ) I, 40 : 23; Будимировичъ 10 : 28, 11 : 3; Рахмановичъ, II, 5 : 150—182; Рахмановъ 5 : 139; 7 : 131—201; сильный богатырь I, 12 : 22; сидитъ на 7 или 9, или 12 дубахъ I, 2 : 27; II, 5 : 60; 7 : 131; встрѣча съ Ильей Муромцемъ см. подъ именемъ Илья М.; грозится ударить Алешу Поповича гнилымъ крыломъ I, 21 : 2; у него 12 сыновей I, 3 : 5; 8 : 27; три дочери 14 : 28; 27 сыновъ II, 1 : 113—133.

Соломанея—царица жена Соломана II, 66; иначе Соломонида 67.

Соломанъ—царь; Окульевъ II, 67 : 9: Давыдовичъ 67 : 176. Его похожденія см. №№ 66 и 67.

Ставеръ Гаденовичъ I, 54; Годеновичъ II, 56; Гудимовичъ № 57; Астоверстъ сынъ Гординовичъ № 59; наз. бояриномъ I, 54 : 1 II, 57 : 15; похожденія его въ Кіевѣ см. I, стр. 54—58; II №№ 56, 57, 58, 59; даетъ деньги въ ростъ и этимъ богатѣетъ I, 54 : 14; ѣздитъ на перемѣнныхъ жеребцахъ 55 : 4—7; пріѣзжаетъ въ Кіевъ изъ стольнаго града Чернигова 55 : 12; Владиміръ жалуетъ ему Черниговъ 58 : 30.

Столъ—городъ (испорчено изъ стольній); оттуда пріѣзжаетъ Ставеръ II, 56 : 25.

Суздальцы—два брата богатыри II 8:130, 280—309.

Сурога—богатырь: Сурова Сурога Суравѣсть II, 65 (обычно); наз. бѣлымъ царемъ 65:3.

Суханъ Домантьевичъ—пятый богатырь въ числѣ семи богатырей кн. Владимира I, 47 : 16; иначе Суханъ Дементьевичъ II, 57 : 184.

Суханьша Замантьевъ — богатырь; ѣдетъ на Днѣпръ, видитъ что онъ несетъ трупы коней, узнаетъ отъ Днѣпра, что надъ нимъ стоитъ сила Мамая и нападаетъ на послѣднюю II, 54 : 1 —35; перебивъ силу, самъ умираетъ отъ полученныхъ ранъ (ст. 35—60), причемъ при его смерти присутствуетъ князь Владиміръ, случайно его нашедшій (ст. 50—65).

Суцкой II, 17 : 3.

Тагула—птица; ея перомъ оперены стрѣлы Михаила Казарятина II, 41 : 20; водится и плодится на Ефратъ-рѣкѣ (ст. 21—23).

Татары: поганые II, 9 : 80; 10 : 8 (часто); злые 9 : 133; бусурманы 41 : 47; татары улановые 65 : 33—83.

Татьяна Александровна старая дѣвица, родная тетка Добрыни Никитича II, 27:104.

Тиляицна — дѣвка служанка у Ярмы Васильевича II, 47 : 18—75.

Тороканникъ Каранниковъ — зять Батыги II, 38 : 24—111; иначе Тараканьскій Корабликовъ 40 : 3, 36.

Торопъ—паробокъ, слуга Алеши Поповича, I, 60 : 4.

Трепетовы горы II 65 : 28; туда посылаетъ пташка вѣщая богатыря Сурогу (ст. 31 слѣд.)

Тугаринъ Зміевичъ — богатырь царя Константина Царьградскаго I, 49 : 19; его лошадь богатырскую ведутъ 10 человѣкъ 50 : 26; его берутъ въ плѣнъ русскіе богатыри 51 : 17, мать Тугарина плачетъ и проситъ царицу Елену ходатайствовать за ея сына предъ русскими богатырями, что та и исполняетъ 51 : 27—20; его везутъ въ Кіевъ 52 : 3, представляютъ кн. Владимиру 52 : 21, который отпускаетъ его обратно въ Царьградъ 52 : 37; Т. Змѣевичъ насильникъ въ Кіевѣ при кн. Владимирѣ 59 : 2; Владиміръ подноситъ ему чару 60 : 2; Тугаретинъ змѣй завладѣлъ дочерью кн. Владимира II, 28 : 43; бой съ нимъ Алеши и Екима Ивановича 28:86—153; Тугаринъ въ Кіевѣ № 29; Тугаринъ Измѣевичъ татаринъ; у него Илья М. полонилъ воронка 55 : 33.

Турецкая земля: Настасья Никулична, жена Ставра, выдаетъ себя за посла земли Турецкой II, 58 : 120.

Турская земля, I, 25 : 9; 32 : 8; 39 : 28.

Фаворъ—гора; туда пріѣзжаетъ Василій Буслаевичъ съ дружиной, возвращаясь изъ Іерусалима II, 61 : 364—396; наз. славная 61 : 384; иначе Фараонъ-гора 62 : 109—114.

Федоръ, попъ соборный, отецъ Алеши Поповича, I, 60 : 10.

Фома Родіоновичъ, новгородскій городничій II, 61 : 204, 213; идетъ съ полицейскими начальниками просить Мальфу Тимофеевну удержать ея расходившагося сына Василія Буслаевича 61 : 287.

Хапиловы ребята, упоминаются въ числѣ богатырей кн. Владимира II, 57 : 186.

Хвалунское (т. е. Хвалынское) море, II, 16 : 2.

Царьградъ, оттуда царь Константинъ отпускаетъ богатырей на Кіевъ I 47 : 7; упоминается II, 2 : 13; 13 : 9—77; въ Царьградѣ служитъ Соломонъ-царь 67 : 1.

Чернававушка дѣвушка въ услуженьи у Бермяты, II, 45 : 12—24; 46 : 16; Чернавушка освобождаетъ Василя Буслаевича изъ погреба, куда его засадила мать 62 : 66—71.

Черниговка—рѣка II 31 : 285, 507.

Черниговскій воевода, I, 11 : 22; беретъ Илью М. подъ лѣвую руку; Черниговскій владыка въ Кіевѣ; его Михаилъ Потокъ зоветъ на погребенье Авдотьи Лиховидовны 29 : 21; 36 : 19; онъ же вѣнчаетъ Потока съ Авдотьей 27 : 15; 41 : 27; гора Черниговска II 31 : 142.

Черниговъ—городъ, I, 13 : 1; стольный градъ Ставра 55 : 12; въ Черниговъ ѣдетъ гонецъ отъ Владимира 56 : 35; упоминается: II 8 : 212; 28 : 12; 31 : 64; въ Черниговѣ живетъ Митрій Митріевичъ купецъ II 42 : 6, 23; 43 : 35; 44 : 19; въ Черниговъ ѣдутъ за женою Ставра Алеша и Добрыня по приказанію кн. Владимира 56 : 78—80; кн. Владиміръ вызываетъ желающихъ скакать отъ Кіева до Чернигова 55 : 27.

Чиженецъ—городъ, II, 5 : 20—49.

Чолпанъ, король Политовскій, дядя Левиковъ, II, 69 : 2—159.

Чурило Пленковичъ, иначе Цюрилушко Щипленковиць, II 47; Щапопленковичъ № 52. Его похожденія съ женой Бермяты (Обемяла, Ярмы, Бермаса) см. II №№ 45—48; его состязанье съ Дюкомъ въ франтовствѣ и въ скаканіи черезъ Днѣпръ см. № 50 и 52.

Шемахинскій—шелкъ, II, 48 : 22.
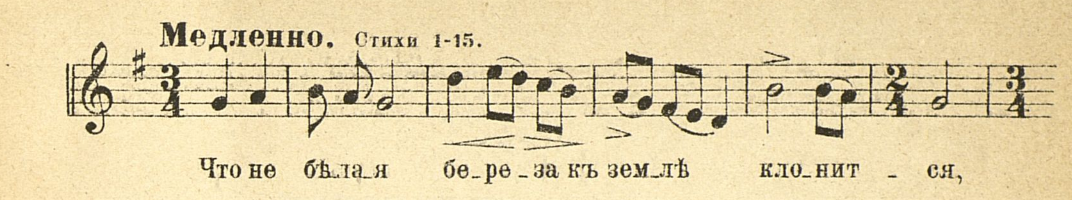
Юришъ-Маришъ-Шишмаретинъ: такъ называетъ самъ себя Илья Муромецъ II, 1 : 37.
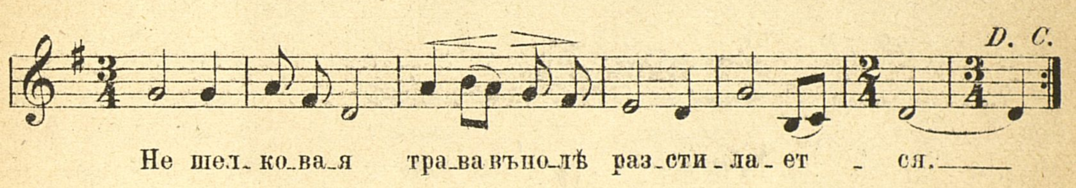
Ярма Васильевичъ, мужъ Катерины, любовницы Чуриловой, II, 47.
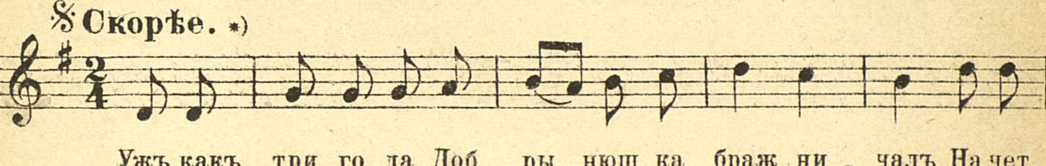
Ярославское шитье сермяги Чуриловой, II, 45 : 41.
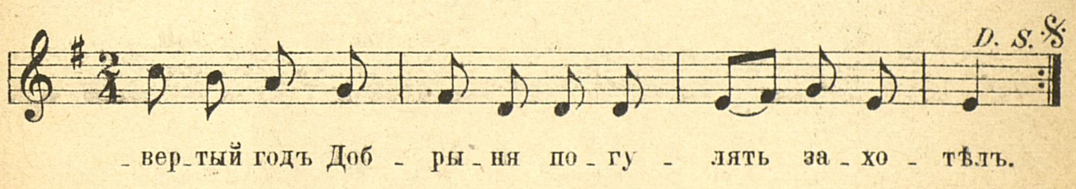
ДОБРЫНЯ И МАРИНА.

Къ №23.

Записано С. И. Лапшинымъ, въ Москвѣ 1893 г.

*) Начиная съ 16-го стиха до конца.

Замѣченныя опечатки.

					Напечатано.	*Слѣдуетъ.*
I.	стр.	14	строка	4	Соловьйное	Соловьиное
	„	17	„	10	п посла л	и посла л
	„	37	„	16	нришелъ	пришелъ
	„	44	„	35	сесѣды	сосѣды
II.	„	101	„	1 сн.	сказятеля	сказителя
	„	108	„	9 св.	токово	таково
	„	159	„	5 св.	43	*43
	„	178	„	13 св.	шековыи	шелковый

Складъ изданія: Въ Типографіи Высочайше утвержд. Товарищества А. А. Левенсонъ. Москва, Петровка, д. Левенсонъ.

„Этнографическое Обозрѣніе".

Изданіе посвящено изученію преимущественно народностей Россіи и, главнымъ образомъ, ихъ духовнаго быта: обрядовъ, вѣрованій, обычнаго права, народной словесности и пр.

„Этнографическое Обозрѣніе" выходитъ 4-мя книжками въ годъ (каждая около 12—15 листовъ): въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ.

Цѣна годовому изданію безъ пересылки **4** р. **50** к., съ пересылкою **5** р., за границу **6** р.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва*, *Политехническій Музей*, на Лубянской площади) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина, Н. П. Карбасникова, Н. И. Мамонтова, А. Ланга и друг.

Вышедшія съ 1889 г. по настоящее время книги „Этнографическаго Обозрѣнія", кромѣ кн. I (которая распродана), продаются отдѣльно въ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ при канцеляріи Общества по 1 р. 50 к. каждая; кн. XIII—XIV въ одной книжкѣ 2 р. 50 к.

Статьи и матеріалы слѣдуетъ адресовать: *въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія", Москва, Политехническій Музей.*

При кн. XVIII гг. подписчикамъ разосланъ **„Указатель къ Этнографическому Обозрѣнію** (кн. I—XV)". Цѣна Указателя въ отдѣльной продажѣ **15** к.

